

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2023. Том 73

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
заграницей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2023. № 73

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2023. Nr. 73

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
История	
<i>Чореф М.М.</i>	
Подражание статеру Рескупорида IV чекана 560 г. б.э. как источник исторической информации	13
<i>Василик В.В.</i>	
Сведения о хане Кубрате в хронике Иоанна Никиусского в контексте миссионерской политики Византийской империи	28
<i>Селезнев Ю.В.</i>	
К вопросу о датировке штурма Луцка войсками Куремсы	58
<i>Чупрына Ю.А.</i>	
Великое княжество Литовское в исторической памяти русских земель первой половины XVII века	67
<i>Карнаухов Д.В. , Спесивцева В.А.</i>	
Идея Руси в польской историографии: преемственность нарративов от Длугоша до Нарушевича	85
<i>Есипова В.А. , Балаганова Д.Ю.</i>	
«Маргарит» Иоанна Златоуста в рукописях старообрядцев Томской губернии XIX в.	101
<i>Суляк С.Г.</i>	
А.Ф. Гильфердинг о русинах	114
<i>Степнов А.О., Некрылов С.А.</i>	
Профессура, областники и национальные отношения в позднеимперской Сибири	150
<i>Ивановская Е.В.</i>	
Книжное собрание историка и филолога-слависта П.А. Кулаковского в Научной библиотеке Томского государственного университета	171

<i>Ковалева Е.О.</i> Архимандрит Виталий (Максименко) о славянском единстве и украинском вопросе	181
<i>Шиловский М.В.</i> Сибирские корни славянского единства	194
<i>Стогов Д.И.</i> Украинский вопрос на страницах русской правой периодической печати (1914 – февраль 1917 г.)	206
<i>Чемакин А.А.</i> Ф.Т. Бредихин (Грозный): путь от черносотенца до украинского атамана	222
<i>Зиновьев В.П., Суляк С.Г.</i> Тифозная эпидемия в Сибири в период Гражданской войны	239
<i>Федосов Е.А.</i> Визуализация национальной идентичности в плакатах Советской Белоруссии 1950–1980-х гг.	253

Социология и политология

<i>Дунбинский И.А., Кашпур В.В., Ливенцова Е.Ю.</i> Понятие «ценности» в славянском и западном мире: особенности содержания и динамики	266
<i>Раитина М.Ю., Зиновьева В.И., Покровская Е.М.</i> Характеристика типов этнической идентичности в студенческом сообществе (по материалам опроса в Томском университете систем управления и радиоэлектроники)	283
<i>Трубникова Н.В., Рогаяева И.Е., Саркисова А.Ю.</i> Память о военных конфликтах России в сетевом дискурсе «ВКонтакте»: структура и событийная иерархия	298

CONTENTS

Editorial	9
------------------------	----------

History

Choref M.M.

Imitation of the Rhescuporis IV stater minted in 560 BE as a source of historical information	13
--	-----------

Vladimir V.V.

Information about Khan Kubrat in the Chronicle of John of Nikiu in the context of missionary politics of the Byzantine Empire	28
--	-----------

Seleznev Y.V.

On dating the assault on Lutsk by Kuremsa	58
--	-----------

Chupryna Y.A.

The Grand Duchy of Lithuania in the historical memory of the Ruthenian lands in the first half of the 17th century	67
---	-----------

Karnaukhov D., Spesivtceva V.

The idea of Rus' in Polish historiography: The succession of narratives from Długosz to Naruszewicz	85
--	-----------

Esipova V.A., Balaganova D.Yu.

“Margarit” by John Chrysostom in the manuscripts of the Old Believers of Tomsk province in the 19th century	10
--	-----------

Sulyak S.G.

Alexander Hilferding on Rusins	114
---	------------

Stepnov A.O., Nekrylov S.A.

Professors, Oblastniki, and national relations in the late Imperial Siberia	150
--	------------

Ivanoskaya E.V.

The book collection of the historian and philologist-Slavist Platon Kulakovsky in the Tomsk State University Research Library	171
--	------------

<i>Kovaleva E.O.</i> Archimandrite Vitaly (Maksimenko) about Slavic unity and the Ukrainian question	181
<i>Shilovskiy M.V.</i> Siberian Roots of Slavic Unity	194
<i>Stogov D.I.</i> The Ukrainian question in the Russian right-wing periodicals (1914 – February 1917)	206
<i>Chemakin A.A.</i> Fyodor Bredikhin (Grozny): The path from a Blackhundredist to a Ukrainian ataman	222
<i>Zinoviev V.P., Sulyak S.G.</i> The typhoid epidemic in Siberia during the Civil War	239
<i>Fedosov E.A.</i> National identity visualized in posters of the Soviet Belarus in 1950– 1980s	253

Sociology and political science

<i>Dunbinsky I.A., Kashpur V.V., Liventsova E.Yu.</i> The concept of value in the Slavic and Western world: The specificity of content and dynamics	266
<i>Raitina M.Y., Zinoviyeva V.I., Pokrovskaya E.M.</i> Types of ethnic identity in the student community (based on a survey at Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics)	283
<i>Trubnikova N.V., Rogaeva I.E., Sarkisova A.Yu.</i> The memory of Russian military conflicts in the “VKontakte” network discourse: The structure and event hierarchy	298

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

5–6 октября 2023 г. в Томском государственном университете состоялась седьмая конференция с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов». Она организуется редакцией международного исторического журнала «Русин» и факультетом исторических и политических наук Томского государственного университета. Результаты работы конференции в виде статей публикуются в журналах «Русин» и «Вестник Томского государственного университета. История».

В конференции участвовали ученые из Национального исследовательского Томского государственного университета, Томского университета систем управления и радиоэлектроники, Института истории СО РАН, Новосибирского педагогического университета, Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, ГПНТБ (Новосибирск), Тараклийского государственного университета (Молдавия). Широкая география участников обеспечивалась надежной электронной связью информационной системы университета.

Среди 36 участников конференции – 5 докторов, 10 кандидатов исторических наук, научные сотрудники, преподаватели, аспиранты и магистрант. Собравшихся приветствовала декан факультета исторических и политических наук Ж.А. Рожнева, отметившая важность обсуждаемой проблематики для понимания задач, стоящих перед отечественными гуманитарными науками. Заслушаны и обсуждены 23 доклада на актуальные темы истории и политологии, реакции современного славянского мира на вызовы внутристрановой ситуации и международной политики.

В пленарном докладе профессора М.В. Шиловского (Институт истории СО РАН) был поставлен вопрос об объединяющей роли Сибири в истории славян. В докладе профессора В.П. Зиновьева сообщалось о борьбе с эпидемиями в Сибири в период Гражданской войны, которая являлась наиболее крупным в истории внутриславянским конфликтом.

Ряд докладов был посвящен истории межславянских связей и анализу их отражения в исторической литературе (профессор Д.В. Карнаухов и доцент В.А. Спесивцева из НГПУ, аспирант Ю.А. Чупрына из СПбГУ). Другой ряд докладов рассматривал вопросы рукописного и книжного наследия старообрядчества и Русской

православной церкви (сотрудники Научной библиотеки ТГУ профессор В.А. Есипова, Д.Ю. Балаганова, Е.А. Юдина, сотрудники ГПНТБ А.Н. Коваленко, В.В. Подопрigor, И.А. Шилова, А.А. Юдин).

Существенная часть докладов была посвящена истории и политике Украины и украинского народа (лаборант-исследователь Е.О. Ковалева, преподаватель А.А. Чемакин из СПбГУ, доцент Д.И. Стогов из СПбГУ, доцент Н.И. Наумова, профессор Е.В. Хахалкина из ТГУ).

Русинской тематике посвятили свои доклады канд. ист. наук Е.В. Ивановская (Научная библиотека ТГУ), профессор ТГУ Д.Н. Шевелев, доцент СПбГУ С.Г. Суляк.

Проблемы общественного движения и национальных отношений в России рассмотрели ст. преподаватель А.О. Степнов и профессор С.А. Некрылов (ТГУ), доцент А.Л. Афанасьев (ТУСУР), визуальные свидетельства славянской истории анализировали ст. преподаватель Е.А. Федосов и магистрант М.К. Карпачев (ТГУ).

Значительная часть докладов посвящена анализу современных средств информации как источников по изучению проблем национальной идентичности, исторической памяти, трансформации системы ценностей. Таковы доклады профессоров Л.В. Дериглазовой и Н.В. Трубниковой, доцентов А.М. Погорельской, В.В. Кашпура и Е.Ю. Ливенцовой, ст. преподавателей И.Е. Рогаевой и И.А. Дунбинского (ТГУ), профессоров М.Ю. Раитиной, В.И. Зиновьевой и доцента Е.М. Покровской (ТУСУР). Укажем только на один важный результат работы ученых ТУСУРа – они путем опроса студентов своего вуза выяснили кардинальную смену их настроений: если 12 лет назад большая часть студентов высказывала желание переехать в другие страны после окончания учебы, то сейчас 64 % респондентов выразили стремление остаться в России.

Участники конференции отметили значительную научную роль конференции и высказались за продолжение и расширение проблематики форума.

В 73-м и 74-м номерах журнала «Русин» наряду с другими материалами, публикуются прошедшие рецензирование статьи, подготовленные на основе докладов, прозвучавших на данной конференции.

*В.П. Зиновьев,
доктор исторических наук,
профессор кафедры российской истории
факультета исторических и политических наук
Томского государственного университета;
С.Г. Суляк,
главный редактор*

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

On October 5–6, 2023, the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University and the Editorial Board of the *Rusin International Historical Journal* held the Seventh International Conference “The Slavic World: Responding to New Challenges.” The articles based on the conference reports are published in *Rusin* and *Tomsk State University Journal of History*.

The conference attendees were from 9 universities and research institutes: National Research Tomsk State University, Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics, Institute of History SB RAS, Novosibirsk Pedagogical University, St. Petersburg University, St. Petersburg State Electrotechnical University, GPNTB (Novosibirsk), and Taraclia State University (Moldova). The wide geography of participation was ensured by reliable electronic communication of the university information system. Totally there were 36 presenters, including 5 doctors, 10 candidates of historical sciences, researchers, educators, graduate and undergraduate students.

In her keynote address, Zhanna Rozhneva, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, emphasized the significance of the issues under discussion for understanding the challenges faced by Russian Humanities. The participants discussed most urgent problems in history and political science and the reactions of the contemporary Slavic world to the challenges of the domestic and international politics.

The plenary speakers were Professor Mikhail Shilovsky (Institute of History SB RAS), who raised the question about the unifying role of Siberia in the history of the Slavs, and Professor Vasily Zinoviev (Tomsk State University), who reported on the fight against epidemics in Siberia during the Civil War, which was the largest intra-Slavic conflict in history.

A number of reports focused on the history of inter-Slavic connections and their representations in historical literature (Dmitry Karnaukhov and Vera Spesivtceva from NSPU, Yulia Chupryna from St. Petersburg State University). Another series of reports examined the manuscript and book heritage of the Old Believers and the Russian Orthodox Church (Valeria Esipova, Daria Balaganova, E.A. Yudina from Tomsk State University Research Library; Anton Kovalenko, Vasily Podoprigora, Inna Shilova, Aleksey Yudin from the State Public Scientific Library).

Many reports discussed the history and politics of Ukraine and the Ukrainian people (Elizaveta Kovaleva and Anton Chemakin from St. Petersburg State University, Dmitrii Stogov from St. Petersburg State

Economic University, Natalia Naumova and Elena Khakhalkina from Tomsk State University).

Ekaterina Ivanovskaya (Tomsk State University Research Library), Dmitry Shevelev, and Sergey Sulyak presented their reports on the Rusin topics.

Problems of social movements and national relations in Russia were raised in the presentations by Alexei Stepnov and Sergei Nekrylov (Tomsk State University), and Aleksandr Afanasiev (Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics). Egor Fedosov and Maksim Karpachev from Tomsk State University analyzed the visual representations of Slavic history (TSU).

Some reports analyzed modern media as sources for studying the problems of national identity, historical memory, and transformation of the value system: Larissa Deriglazova and Anastasiia Pogorelskaya; Natalia Trubnikova and Irina Rogaeva; Ilya Dunbinsky, Vitaliy Kashpur and Evgeniya Liventsova. Special attention should be drawn to the research by the team from Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics – Margarita Raitina, Valentina Zinovieva and Elena Pokrovskaya, who conducted a survey among the students of their university to find out a radical change in their mood: if 12 years ago, most students expressed a desire to move to other countries after graduation, now most of them (64%) want to stay in Russia.

The conference attendees acknowledged the significant role of the conference and spoke in favor of its thematic expansion. Some peer-reviewed articles based on the conference reports are published *Rusin* nos. 73 and 74.

*Vasily Zinoviev,
Doctor of History,
professor of the Department of Russian History,
Faculty of Historical and Political Sciences
Tomsk State University;
Sergey Sulyak,
Chief Editor*

УДК 94(395)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/2

Подражание статеру Рескупорида IV чекана 560 г. б.э. как источник исторической информации

М.М. Чореф

Независимый исследователь

Израиль, 1752607, г. Ноф ха-Галиль, ул. ха-Гефен, 7-27

E-mail: choref@yandex.ru

Авторское резюме

Объектом изучения является неординарно тяжеловесное (8,92 г) подражание статеру Рескупорида IV, обнаруженное в Краснодарском крае. Оно интересно также тем, что изготовлено по технологии, не характерной для монетного дела Боспорского государства. Чеканы для этой монеты были оформлены по технологии брокажа. Причём наблюдается рокировка аверса и реверса. Очевидно, что для создания чеканов использовали монеты разных диаметров. В результате подражание получилось конической формы. Мы исследуем не вотив, а ходячую монету. Ведь артефакт не был изготовлен методом литья и не несёт на себе следы подрезки. Заметно и то, что чеканы подправляли, что говорит об их длительном использовании. На подражании сохранились безупречно исполненные надписи, явно оттиснутые на чеканах подлинными монетами. Однако изображения правителей не канонические. Так, на штемпеле аверса были вырезаны два рельефных бюста длинноволосых мужчин, а в центральной части штемполя реверса сохранилось выполненное в низком рельефе и развёрнутое влево изображение боспорского государя, очерченное жирными линиями. Причём рабочая поверхность штемпелей перед их размещением подчищалась крайне небрежно и неумело. Примечательно и то, что на подражании различимы дифференты, ординарные для статеров Рескупорида IV, причём эмиссионное обозначение на реверсе было восстановлено. Однако на реплике отсутствуют какие-либо обозначения, которые можно было бы приписать организаторам её эмиссии. Полагаем, что подражания этой разновидности могли участвовать в региональном денежном обращении. Чеканить такие монеты могли в конце III – первой половине IV в. Сам же факт обнаружения изучаемого подражания убедительно свидетельствует о существовании в тот период ощутимых межэтнических взаимодействий между

жителями региона и Боспорского государства. Территорию, на которой находился эмиссионный центр, выпускавший такого рода подражания, следует считать этно-контактной зоной античного и варварского миров.

Ключевые слова: история, археология, нумизматика, Боспор, подражание, межэтнические связи

Imitation of the Rhescuporis IV stater minted in 560 BE as a source of historical information

Mikhail M. Choref

Independent Researcher

7 ha-Gefen St., app. 27, Nof HaGalil, 1752607, Israel

E-mail: choref@yandex.ru

Abstract

The article studies an unusually heavy (8.92 g) imitation of the Rhescuporis IV stater, discovered in Krasnodar region. The imitation was made with the use of a coinage technology, non-typical in the Bosporan state. The mintage was made using the broccage technology, with the obverse and the reverse swapped. It is obvious that different diameters of coins were used for the mints, which resulted in the conical imitation. We examine a current coin, not a votive, since the artifact was not made by casting and does not bear any traces of trimming. It is also noticeable that the mints were corrected, which indicates their long-term use. The imitation has preserved impeccably executed inscriptions clearly imprinted on the mints of genuine coins. However, the images of the rulers are not canonical. The obverse stamp has two relief busts of long-haired men, while the central part of the reverse stamp has an image of the Bosporan sovereign in low relief, turned to the left, and outlined in bold lines. Moreover, the working surface of the stamps was cleaned extremely carelessly and ineptly before placing. It is also noteworthy that the imitation shows the ordinary trims for the Rhescuporis IV staters, and the emission designation on the reverse has been restored. However, the replica does not have any markings that could be attributed to the issuing body. We believe that imitations of the kind could participate in regional monetary circulation. Such coins could have been minted in the late 3rd – the first half of the 4th century. Its discovery convincingly that serious interethnic interactions between the residents of the region and the Bosporan state of that period. The territory of the emission center should be considered an ethno-contact zone between the ancient and barbarian worlds.

Keywords: history, archeology, numismatics, Bosphorus, imitation, interethnic connections

Уже не первое поколение учёных-античников изучает монетное дело Боспорского государства. Основные результаты проведенных ими исследований приведены в фундаментальных монографиях В.А. Анохина [5; 6] и Н.А. Фроловой [9; 10; 26–29]. Однако процесс выявления памятников боспорской нумизматики всё ещё не завершен. Регулярно в научный оборот вводятся сведения о ранее неизвестных видах монет.

Интерес к нумизматическим артефактам такого рода отнюдь не случаен. Дело в том, что их публикация позволяет уточнить устоявшиеся на данный момент, но в то же время недостаточно объективные представления об истории этого династического государства. Подчеркнём, что подчас монеты являются единственными источниками информации, позволяющими заполнить «белые страницы» истории Боспорского государства [12; 17].

Не менее интересны и информативны многочисленные и разнообразные подражания¹. Они являются важными и, как правило, единственными свидетельствами контактов жителей Боспора с варварскими кланами, обитавшими как на периферии, так и в регионах, значительно удаленных от границ этого государства [2; 3; 18]. Есть все основания полагать, что наличие такого рода подражания свидетельствует о существовании устойчивых и ощутимых межэтнических взаимодействий, а саму варварскую периферию Боспорского государства, на территории которой выпускали такого рода реплики, трактовать как единую этноконтактную зону.

Рис. 1. Изучаемая реплика боспорского статера Рескупорида IV чекана 560 г. б.э. [24]

Однако выделение, ввод в научный оборот и атрибуция этой группы реплик – довольно сложный процесс. Дело в том, что подражания, как правило, оформляли в том же стиле, что и оригиналы [14].

Нам представилась возможность внести вклад в разрешение этой проблемы. В поле нашего зрения оказалась уникальная, не изученная в полной мере, причём, на наш взгляд, очевидная варварская реплика боспорской монеты. Речь пойдёт о подражании статеру Рескупорида IV 560 г. б.э. (рис. 1).

Начнём с краткой справки по истории изучения этого артефакта. Сравнительно недавно на сайте «Монеты Боспора» появилась информация о билонном статере Рескупорида IV с развернутым влево бюстом правителя на аверсе, найденном в Краснодарском крае [24]. Монету датировали 560 г. б.э. В 2018 г. на неё обратил внимание Г.Г. Векслер – нумизмат из г. Обнинска [7]. Он поддержал точку зрения, представленную на сайте «Монеты Боспора». В свою очередь исследователь справедливо заметил, что написание легенды ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΡΙΔΟ, обрамляющее изображение государя на одной из сторон изученного им артефакта, хотя и не ординарно, но всё же свойственно монетному делу Боспора [7: 8]. Действительно, оно известно на статерах Рескупорида IV выпуска 541, 545, 551, 558, 560, 563 и 564 гг. б.э. [10: 261–264, 265–266, 273–275, 277–279; 29: 6, 9–12]. Основываясь на этом обстоятельстве, Г.Г. Векслер заключил, что речь должна идти о подлинной монете, выпущенной в 560 г. б.э. Исследователь допустил, что её отчеканили на периферийном монетном дворе, использовавшим в процессе производства чеканы, изготовленные в основном боспорском эмиссионном центре², эмблемой которого был дифферент – [7: 8–9].

Сразу же заметим, что мы эту точку зрения принять не можем. Полагаем, что монета, опубликованная на сайте «Монеты Боспора» и изученная Г.Г. Векслером, является подражанием. Ставим перед собой цель обосновать это предположение, а также датировать изучаемый артефакт и установить обстоятельства, обусловившие его появление в обращении.

Начнем с констатации того факта, что технология, использовавшаяся при изготовлении объекта нашего изучения, не была свойственна монетному делу Боспорского государства. Как хорошо видно на рис. 1, монета не плоская, а конической формы – её стороны разного диаметра. Есть все основания полагать, что одна из них, меньшей площади, заметно выгнутая, была отчеканена с помощью штампа аверса, а другая, куда более широкая и вогнутая, несёт на себе след оттиска чекана реверса. Но если это так, то на монете наблюдается рокировка изображений: бюст боспорского государя, обрамлённый

соответствующей надписью ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟ, размещён на оборотной стороне, а фигуры римских императоров вынесены на аверс. Что также не было свойственно монетному делу Боспора.

Подчеркнём, что эти обстоятельства лишают нас оснований для отнесения этого артефакта к продукции государственного монетного двора. Есть все основания полагать, мы имеем дело с подражанием, причём кустарного производства. В ином случае заготовка для монеты не выглядела бы столь неординарной. Учитывая выявленные обстоятельства, опишем артефакт как можно более тщательно.

Л.с.: Два мужских бюста, развернутых друг к другу. Они плохо прочеканены, а к настоящему времени сильно стёрты. Так что видны только отдельные элементы композиции. Но они крайне примечательны. Так, у первого мужчины, изображение которого размещено слева, длинные волосы. Можно лишь предполагать, какая причёска была у второго. Проблема в том, что участок монетного поля, на котором отчеканено его изображение, довольно сильно разрушен. Однако волна волос, просматриваемая ниже его затылка, говорит о том, что он также не был коротко пострижен. Облачения мужчин не просматриваются. По логике вещей, это должны быть римские императоры. Ведь их бюсты выбивали на реверсе боспорских статеров I–IV вв. Однако их головы не венчают лавровые венки. Между бюстами мужчин – . Полагаем, что это дифферент. В нижней части монетного поля просматривается ΞΦ – буквенное обозначение даты выпуска. Как видим, образцом послужила боспорская монета, выпущенная в 560 г. б.э. На поверхности видны многочисленные следы круговых царапин. Складывается впечатление, что чекан восстанавливали, подчищая следы разрушенных изображений.

О.с.: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟ. Надпись выполнена на высоком профессиональном уровне. Судим по тому, что буквы надписи ровные и четкие. Просматриваются особенности почерка резчика. Вертикальные линии у него получались слегка изогнутыми, поперечные – прямыми, «О» у него почти округлая, «С» с небольшим изгибом, а «Υ» выглядит как «V». Концы букв ограничены черточками или точками. Легенда обрамляет нерельефное, а прочерченное изображение длинноволосого мужчины, развёрнутое влево⁴. Примечательно то, что оно было размещено на неровной поверхности⁵. Есть все основания полагать, что это портрет боспорского государя. Но он явно не канонический. Хорошо видно, что волосы на голове изображённого переданы не прямыми, а волнистыми линиями. На кончиках их ниспадающих прядей просматриваются завитки. Левее⁶ изображения размещён дифферент. Композиция обрамлена окружностью из точек.

Диаметр реверса – 1,98 см. Вес монеты – 8,92 г.

Монета сильно потёрта, видны многочисленные царапины и сколы (см. рис. 1).

Считаем своим долгом обратить внимание читателя на то обстоятельство, что эта монета весит значительно больше стопы статера Рескупорида IV выпуска 560 г. б.э. По данным, собранным Н.А. Фроловой, минимальный вес такой монеты составил 5,8 г, максимальный – 7,97 г, а средний – 7,32 г [10: 264–266]. Истолкуем это обстоятельство чуть позже. А пока вернёмся к умозаключениям Г.Г. Векслера. Исследователь допустил, что изученный им артефакт был изготовлен в результате использования подлинных штемпелей, правленных на периферийном монетном дворе по мере их разрушения в процессе производства [7: 8–9]. Мы находим этот тезис весьма перспективным. Однако сразу же заметим, что обосновать его довольно трудно. Ведь, как уже было сказано выше, изображения на монете не следует считать каноническими. Иное дело – надпись на реверсе. Её создал мастер, вырезавший штемпели аверса для статеров 560 и 561 гг. б.э., отчеканенных на монетном дворе, использовавшем дифферент. Судим по характерным для его почерка почти округлой «О», слабо изогнутой «С» и «У», схожей на «V» [4: № 2073, 2075, 2076].

Мы находим это обстоятельство крайне важным. Нарочито неканонические изображения государей не могли быть размещены на штемпелях одновременно с безупречно исполненной легендой. Нет оснований полагать, что чеканы были созданы группой мастеров, работавших на государственном монетном дворе. Ведь на чеканах не могли бы разместить столь неординарные изображения правителей. Вслед за Г.Г. Векслером допускаем, что чеканы были модифицированы. Изначально, как верно заметил исследователь, использовали ординарно оформленные штемпели, а по мере выработки их правили. В результате на монете и появились столь нетипичные бюсты правителей [7: 8–9].

Однако даже принятие этого довода не дает нам оснований согласиться с выводом уважаемого исследователя, заключившего, что изученный им статер выпущен на государственном монетном дворе. Ведь, как помним, на монеты выбита не только безупречно исполненная надпись⁷, но и неканонические изображения. Мы находим эти обстоятельства крайне важными. Особенно примечателен разворот бюста правителя. Да, на Боспоре чеканили бронзовые разменные монеты с бюстом государя, развёрнутым влево [12], но на статерах такие изображения (рис. 2), как уже было сказано выше, крайне редки.

Полагаем, что следует учесть и следующее обстоятельство. На Боспоре формовали штемпели с помощью матриц и патриц. Так что появление на монете официального чекана нестандартно исполнен-

ного изображения царя стало бы событием поистине неординарным. Да и случаи столь необычного вынесения изображений и надписей на аверс и реверс не известны. Куда логичнее, как нам кажется, допустить, что чеканы, с помощью которых была оттиснута изучаемая монета, изначально не предназначались для использования на государственном монетном дворе и их не оформляли профессиональные резчики штемпелей.

Но как в таком случае на реверсе монеты могла появиться безупречно исполненная надпись ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟ? Полагаем, что использованный для её формовки штемпель был изготовлен методом брокажа. На нём, по-видимому, бронзовом, основательно нагретом, оставила отпечаток подлинная монета. Есть все основания полагать, что аналогичным образом был создан и чекан аверса. Иначе на нём не появилась бы вмятина, в которой были размещены изображения императоров, дифферент и обозначение даты выпуска.

Очевидно, что для формовки штемпелей использовали статеры разных диаметров. Что, как нам кажется, объясняет разницей в размерах сторон изучаемой монеты. Со временем рабочие поверхности бронзовых чеканов разрушались, и их подправляли. Причём, что вполне ожидаемо, быстрее всего была выработана центральная часть штемпеля реверса. Что побудило производителей оформить его заново. Однако представления о зеркальности изображений на чеканах у них не было, как и осознания необходимости сгладить поврежденную часть поверхности штемпеля. В результате чего на восстановленном штампе появилось отражённое по горизонтали неординарное изображение боспорского государя⁸. По той же причине на аверсе монеты со временем появились неканонические изображения правителей Рима.

Рис. 2. Подлинная монета Рескупорида IV 560 г. б.э. [25]

Но вернёмся к физическим параметрам монеты. Как уже было сказано выше, она весит значительно больше стопы статера Рескупорида IV 560 г. б.э. Так что она не могла участвовать в обращении вместе с подлинными монетами этого государя. Ведь в противном случае эта реплика, как помним, оформленная с очевидным отходом от принятых на Боспоре стандартов, сразу же была бы разоблачена. Следовательно, мы имеем дело с каким-то локальным выпуском, не характерным для государственных денежных дворов Боспорского государства. Хотя, заметим, дифференты «трезубец» и «точка» на монете присутствуют. Заключаем, что объект изучения – очевидное подражание.

К сожалению, на сайте «Монеты Боспора» отсутствует информация о точном месте обнаружения изучаемого артефакта. Сообщается только то, что его нашли в Краснодарском крае [24]. В любом случае есть основания полагать, что варвары, жившие на его территории в эпоху Античности, испытывали пиетет по отношению к Рескупориду IV. Учитываем тот факт, что местные жители ценили его статеры⁹, обращавшиеся в их среде даже в раннее Средневековье [1: 363–368, 395, 446–451, 566; 2: 328–336, 338–345, 379, 433].

Но не это самое важное. Объектом подражания стала монета периода укрепления царской власти. Напомним, что в тот период были выпущены золотые и серебряные монеты Рескупорида IV, являвшиеся, как полагаем, наградными [11: 189–191]. Однако период усиления власти Рескупорида IV не был продолжительным. В результате приток его статеров на территорию современного Краснодарского края со временем ослаб. И местные жители были вынуждены наладить эмиссию реплик привычным ходячим монетам. При этом они изначально использовали метод брокажа. Начать производство таких монет они могли в последние годы правления Рескупорида IV или вскоре после его смерти.

Судя по изношенности и по следам правки штемпелей, реплики выпускали довольно долго. Вполне возможно, что чеканы использовали ещё в конце III – в первой половине IV в. Дело в том, что позднейшие литые реплики боспорским монетам несут следы подрезки¹⁰ [18], которые на исследуемом артефакте не выявлены (см. рис. 1).

Сам факт столь длительного использования не самых удачно оформленных, причём правленных чеканов говорит о том, что изготовленная с их помощью продукция не предназначалась для обращения на территории Боспора. Вернее всего, реплики этой разновидности выпускали исключительно для местных жителей.

Попытаемся определить цель этой эмиссии. Находим эту проблему крайне важной, т. к. ранее выявленные подражания боспорским

монетам, судя по следам ретуширования изображений и надписей (рис. 3), служили вотивами – традиционными подношениями местным богам, а пользователи этих монет являлись адептами культуры, господствующей на территории Боспорского государства в последние века его существования [14; 18]. Для этого попробуем истолковать специфику оформления артефакта.

И сразу же мы не можем обойти вниманием следующее обстоятельство. Как уже было сказано выше, на изучаемом артефакте различимы только дифференты • и Ψ. Но они свойственны монетному делу Боспора. Как видим, варвары не разместили на изучаемой реплике свои знаки¹¹. В то время как тамга Ψ, выявленная на уникальном статере Митридата III (см. рис. 3), принадлежала знатному сарматскому клану, в данном случае сиракскому [23: 142–144], а символ •, неизвестный на Боспоре до Фофорса [19], появился на статерах этого государя, как полагаем, вследствие установления контактов с шашиншахом Нарсе [16: 264]. Складывается впечатление, что организаторы эмиссии изучаемого подражания старались лишь по мере возможности воспроизвести оригинал.

Мы находим последнее обстоятельство крайне важным. Отсутствие дополнительных обозначений на изучаемом артефакте говорит о том, что он не мог служить исключительно вотивом. Допускаем, что он не утерял денежную функцию. Вполне возможно, что его отчеканили с целью наполнения денежного рынка региона привычной монетой. В любом случае, у нас есть основания констатировать существование в период его эмиссии ощутимых межэтнических взаимодействий, регион, в котором было выпущено подражание, считать этноконтактной зоной Боспора и варварского мира.

Рис. 3. Статер Митридата III со знаком Ψ на реверсе
(фото Н.И. Винокурова)

Подчеркнём, что мы не считаем наше исследование завершённым. Надеемся, что в обозримом будущем удастся установить эмиссионный центр, в котором была выпущена изучаемая реплика, что позволит провести этническую атрибуцию этого уникального артефакта.

Список сокращений

БИ – Боспорские исследования (Симферополь, Керчь); МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона); МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь); BAR – British Archaeological Reports (Oxford).

Примечания

1. О методике их выявления см.: [14].
2. Доводы исследователя будут разобраны по мере изложения материала.
3. Заметим, что известны исключения. Так, развёрнутые влево бюсты боспорского государя и римского императора известны на статерах Боспора, выпущенных при Фофорсе [14: 258–259, рис. 2, 3].
4. Мы находим это обстоятельство крайне важным и обратим на него внимание несколько ниже.
5. Вернёмся к трактовке этого обстоятельства чуть позже.
6. На подлинных монетах его размещали правее бюста боспорского государя (рис. 2).
7. На рис. 2 приводим фотографии статера 560 г. б.э. [25], легенду аверса которого выполнил тот же мастер.
8. Так что не случайно дифферент^ψ оказался левее бюста боспорского государя, а не правее, как на подлинных монетах.
9. Один из его статоров чекана 589 г. б.э. выпал в Ильичевский клад боспорских и византийских монет [2: 433].
10. Что определённо имело смысл. Ведь изображения на литых репликах боспорским статерам требовали доработки [8: № 944–951, рис. 5/45, 944, 945, 5/46, 946–951].
11. О методике изучения этих обозначений см. [13; 15; 19–22; 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбразон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. (1834–2005). Симферополь; Керчь: АДЕФ «Украина», 2007–2008 (БИ. Suppl. 2). 872 с.

2. Амбрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет на Юге России (по материалам Краснодарского края). М.: Едиториал УРСС, 2002. 592 с.
3. Андриевский Д.В. К каталогу варварских монетных подражаний в античной Таврике // МАИАСП. 2022. № 14. С. 349–357.
4. Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос, 2011. 328 с.
5. Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 240 с.
6. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 222 с.
7. Векслер Г.Г. Уникальный статер Рескупорида IV 560 г. б.э. // Материалы и исследования по истории России: сборник статей. Вып. 6. Нижневартовск: НВГУ, 2018. С. 7–10.
8. Сидоренко В.А. Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров // МАИЭТ. 2011. Т. XVII. С. 458–569.
9. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. I: Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н.э. М.: Едиториал УРСС, 1997. 448 с.
10. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. II: Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н.э. М.: Едиториал УРСС, 1997. 536 с.
11. Чореф М.М. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник // Stratum plus. 2012. № 4. С. 171–200.
12. Чореф М.М. Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации // МАИАСП. 2019. № 11. С. 583–591.
13. Чореф М.М. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источники исторической информации // МАИАСП. 2021. № 13. С. 882–902.
14. Чореф М.М. К вопросу о методике выявления реплик боспорским статерам: на примере монет Фофорса 582 г. б.э. (285/286 г.) // Via in tempore. 2022. Т. 49, № 2. С. 255–262.
15. Чореф М.М. К вопросу об организации эмиссии медных и бронзовых монет архонта Асандра // Stratum plus. 2016. № 4. С. 119–124.
16. Чореф М.М. Миграционные процессы на Боспоре при Фофорсе: по данным нумизматики // Stratum plus. 2020. № 4. С. 261–268.
17. Чореф М.М. Недостающие звенья, или К истории Боспорского царства при Евпаторе // Stratum plus. 2021. № 6. С. 93–106.
18. Чореф М.М. Нумизматика Боспора: о причинах подрезки статеров и подражаний им // Tractus Aevorum. 2019. № 6 (1). С. 3–16.
19. Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.

20. Яценко С.А. О некоторых группах осетинских и аланских тамг // Из истории культуры народов Северного Кавказа. 2023. Вып. 16. С. 436–468.
21. Яценко С.А., Рогожинский А.Е. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей // МАИАСП. 2021. № 13. С. 733–767.
22. Яценко С.А., Сланов А.А., Хутинаев А.Х. Осетинские граффити на постройках верховьев Большой Лиахвы // МАИАСП. 2023. № 15. С. 555–589.
23. Яценко С.А., Чореф М.М. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан // Stratum plus. 2022. № 6. С. 137–147.
24. bosporan-kingdom.com: 1 – Паспорт монеты 000-4839-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-4839/1.html> (дата обращения: 06.10.2023).
25. bosporan-kingdom.com: 2 – Паспорт монеты 710-4429-24. URL: <https://bosporan-kingdom.com/710-4429/24.html> (дата обращения: 06.10.2023).
26. Frolova N., Ireland S. The Coinage of the Bosporan Kingdom: From the First Century BC to the Middle of the First Century AD. Oxford: BAR, 2002 (BAR International Series 1102). 146 p.
27. Frolova N.A. Die frühe Münzprägung vom Kimmerschen Bosporus (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.): Die Münzen der Städtke Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2004 (Griechisches Münzwerk). 100 p.
28. Frolova N.A. The Coinage of the Kingdom of Bosporus A.D. 69–238. Oxford: BAR, 1979 (BAR International Series 56). 382 p.
29. Frolova N.A. The Coinage of the Kingdom of Bosporus, A.D. 242–341/342. Oxford: BAR, 1983 (BAR International Series 166). 389 p.
30. Yatsenko S.A. On Planigraphy of the Early Nomadic Steppe Necropolises with the Series of Women-Warriors // Global Journal of Archaeology and Anthropology. 2019. Vol. 8 (4). P. 555–742.

REFERENCES

1. Abramzon, M.G. & Frolova, N.A. (2007–2008) *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet* [A Corpus of Bosporan treasures of ancient coins]. Vol. I. Simferopol; Kerch: Ukraina.
2. Abramzon, M.G., Frolova, N.A. & Gavrillov, Yu.V. (2002) *Klady antichnykh monet na Yuge Rossii (po materialam Krasnodarskogo kraya)* [Treasures of ancient coins in the South of Russia (based on materials from the Krasnodar Territory)]. Moscow: Editorial URSS.
3. Andrievskiy, D.V. (2022) К каталогу варварских монетных подражаний в античной Таврике [Updating the catalog of barbarian coin imitations from Antique Taurica]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo*

Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region. 14. pp. 349–357.

4. Anokhin, V.A. (2011) *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya* [Antique coins of the Northern Black Sea region]. Kyiv: Stilos.

5. Anokhin, V.A. (1999) *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo* [History of the Cimmerian Bosphorus]. Kyiv: Odigitriya.

6. Anokhin, V.A. (1986) *Monetnoe delo Bospora* [The Bosphorus Coinage]. Kyiv: Naukova dumka.

7. Veksler, G.G. (2018) Unikal'nyy stater Reskuporida IV 560 g. b.e. [A unique stater of Rhescuporis IV of 560 BE]. In: Choref, M. (ed.) *Materialy i issledovaniya po istorii Rossii* [Materials and research on the history of Russia]. Vol. 6. Nizhnevartovsk: NVSU. pp. 7–10.

8. Sidorenko, V.A. (2011) Kerchenskiy klad 2009 g. degridirovannykh bosporskikh staterov [A hoard of copper staters of the Bosphorus Kingdom found in 2009]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii – Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 17. pp. 458–569.

9. Frolova, N.A. (1997a) *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [Coinage of the Bosphorus (mid-1st century BCE – mid-4th century CE)]. Vol. I. Moscow: Editorial URSS.

10. Frolova, N.A. (1997b) *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [Coinage of the Bosphorus (mid-1st century BCE – mid-4th century CE)]. Vol. II. Moscow: Editorial URSS.

11. Choref, M.M. (2012) “Non multa, sed multum”, ili differenty na monetakh Bosporskogo tsarstva perioda “skifskikh voyn” kak istoricheskiy istochnik [“Non multa, sed multum”, or Differents on the Coins of the Bosphorus Kingdom during the “Scythian Wars” as a Historical Source]. *Stratum plus*. 4. pp. 171–200.

12. Choref, M.M. (2019) Bronzove monety Savromata I s razvernutyim vlevo byustom pravatelya na averse kak istochnik istoricheskoy informatsii [The bronze coins of Sauromates I with the bust of the ruler turned to the left on the obverse as a source of historical information]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 11. pp. 583–591.

13. Choref, M.M. (2021) Bronzy Savromata II s sidyashchey na trone Afrodity na reverse kak istochniki istoricheskoy informatsii [The bronzes of Sauromates II with Aphrodite sitting on a throne on reverse as source of historical information]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 13. pp. 882–902.

14. Choref, M.M. (2022) K voprosu o metodike vyyavleniya replik bosporskimi staterami: na primere monet Foforsa 582 g. b.e. (285/286 g.) [On the method for identifying replicas to Bosphoran staters: a case study of the coins of Theothorses of 582 BE]. *Via in tempore*. 49(2). pp. 255–262.

15. Choref, M.M. (2016) K voprosu ob organizatsii emissii mednykh i bronzovykh monet arkhonta Asandra [On Copper and Bronze Coins Issued by Archon Asander]. *Stratum plus*. 4. pp. 119–124.

16. Choref, M.M. (2020) Migratsionnye protsessy na Bospore pri Foforse: po dannym numizmatiki [Migration Processes on the Bosporus under Theothortses: By Numismatic Data]. *Stratum plus*. 4. pp. 261–268.

17. Choref, M.M. (2021) Nedostayushchie zven'ya, ili k istorii Bosporskogo tsarstva pri Evpatore [Missing Links or to the History of the Second Century AD Bosporan Kingdom under Eupator: By numismatic data]. *Stratum plus*. 6. pp. 93–106.

18. Choref, M.M. (2019) Numizmatika Bospora: o prichinakh podrezki staterov i podrazhaniy im [The Numismatics of the Bosporus: Concerning the Reasons for Trimming and Replicating Staters]. *Tractus Aevorum*. 6(1). pp. 3–16. DOI: 10.18413/2312-3044-2019-6-1-3-16

19. Yatsenko, S.A. (2001) *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i ran-nego srednevekov'ya* [Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages]. Moscow: Vostochnaya literatura.

20. Yatsenko, S.A. (2023). O nekotorykh gruppakh osetinskikh i alanskikh tamg [About some groups of Ossetian and Alan tamgas]. In: *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* [From the cultural history of the peoples of the North Caucasus]. Vol. 16. pp. 436–468.

21. Yatsenko, S.A. & Rogozhinskiy, A.E. (2021) Neskol'ko zametok o znakakh-tamgakh sarmatov i ikh sosedey [Some notes on the tamga-signs of Sarmatians and their neighbours]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 13. pp. 733–767.

22. Yatsenko, S.A., Slanov, A.A. & Khutinaev, A.Kh. (2023) Osetinskiye graffiti na postroykakh verkhov'ev Bol'shoy Liakhvy [Ossetian graffiti on the buildings in Upper Big Liakhva Basin] *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 15. pp. 555–589.

23. Yatsenko, S.A. & Choref, M.M. (2022) Ob atributsii statera tsarya Mitridata, naydannogo v 2013 g. pri raskopkakh gorodishcha Artezian [On the attribution of the stater of King Mithridates, found in 2013 during the excavation of the Artesian site]. *Stratum plus*. 6. pp. 137–147.

24. Passport of coin: 000-4839-1. [Online] Available from: <https://bosporan-kingdom.com/000-4839/1.html> (Accessed: 6th October 2023).

25. Passport of coin: 710-4429-24. [Online] Available from: <https://bosporan-kingdom.com/710-4429/24.html> (Accessed: 6th October 2023).

26. Frolova, N.A. & Ireland, S. (2002) *The Coinage of the Bosporan Kingdom: From the First Century BC to the Middle of the First Century AD*. Oxford: BAR (BAR International Series 1102).

27. Frolova, N.A. (2004) *Die frühe Münzprägung vom Kimmerschen Bosporus (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.): Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder*. Berlin: Akademie Verlag GmbH (Griechisches Münzwerk).

28. Frolova, N.A. (1979) *The Coinage of the Kingdom of Bosporus A.D. 69–238*. Oxford: BAR (BAR International Series 56).

29. Frolova, N.A. (1983) *The Coinage of the Kingdom of Bosporus, A.D. 242–341/342*. Oxford: BAR (BAR International Series 166).

30. Yatsenko, S.A. (2019) On Planigraphy of the Early Nomadic Steppe Necropolises with the Series of Women-Warriors. *Global Journal of Archaeology and Anthropology*. 8(4). pp. 555–742. DOI: 10.19080/GJAA.2019.08.555742

Чореф Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Израиль).

Mikhail M. Choref – Independent Researcher (Israel).

E-mail: choref@yandex.ru

УДК 261.7;264-936.5“14”
UDC
DOI: 10.17223/18572685/73/3

Сведения о хане Кубрате в хронике Иоанна Никиусского в контексте миссионерской политики Византийской империи*

В.В. Василик

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: v.vasilik@spbu.ru

Авторское резюме

Статья посвящена эпизоду из 120-й главы Хроники Иоанна Никиусского, связанному с Кубратом, повелителем Великой Болгарии. В сообщении Иоанна Никиусского речь действительно идёт о Кубрате, вожде гуннов, или протоболгар, известному благодаря Хронографии Феофана Исповедника и Бревиарию патриарха Никифора, а также археологическим находкам из Перещепинского клада: чтения Котрадыс и Мутаныс являются следствием орфографических ошибок в арабской и эфиопской письменности (путаница между t и b в имени Кубрат и t и n в Мутаныс в арабском переводе, а также m w в эфиопском переводе). Имя его дяди Органы также было искажено на эфиопской почве. Исторический контекст (крещение сербов и хорватов, а также более ранние крещения протоболгар, в частности, Органы), некоторые вещи Перещепинского клада могут свидетельствовать в пользу того, что Кубрат мог быть христианином и мог воспитываться при дворе Ираклия и быть его союзником. В повествовании Иоанна Никиусского нет претензии на истинность рассказа о том, что Кубрат поддерживал Ираклону и Мартину и участвовал в их заговоре: он передаёт это как слух. На наш взгляд, это сообщение отражает сплетню, выдуманную врагами Ираклоны и Мартины и ставшую пропагандистским оружием, способствовавшим их низвержению. Тем не менее для этого слуха существовала реальная основа, поскольку Кубрат мог присутствовать в Македонии около 640–641 гг. после его победы над аварами и возвращения им ромейских пленников на родину и, соответственно, он мог являться одним из политических игроков в ситуации династического кризиса. Биография Кубрата реконструируется следующим образом: по отцу он являлся племянником Органы (Моходу-Хеу «Черного всадника» китай-

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00493 «“Хроника” Иоанна Никиусского», <https://rscf.ru/project/22-18-00493/>

ских источников, Гостуна «Именника болгарских ханов») и его наследником. Около 619 г. вместе со своим дядей Органой он принимает св. Крещение в Константинополе и остается в императорском дворце в качестве воспитанника императора Ираклия. После гибели Органы в битве с тюрками в 631 г. он принимает власть над протоболгарами с санкции императора Ираклия, а также аварского кагана, однако около 635–636 гг. восстает против аварского кагана, разбивает его в пяти битвах и заключает мирный (союзнический) договор с Ираклием. Около 639–640 г. он приходит в Романию, возвращая византийских пленных на родину (возможно, в рамках договора с Ираклием). Около 641 г. он еще находился на территории Македонии, пользуясь содержанием со стороны императора, что дало повод константинопольцам заподозрить его в заговоре в пользу императора Ираклы и императрицы Мартины, однако его реального вмешательства в дворцовую революцию не последовало. Кубрат правил Великой Болгарией до своей смерти в 660 г., после которой протоболгарский народ распадается на пять частей, в результате чего хазары смогли перейти в наступление, а часть протоболгар под предводительством Аспаруха завоевала Мезию и положила основание для будущего Первого Болгарского Царства. Хотя христианство не стало в VII в. государственной религией протоболгар, тем не менее, оно было весьма влиятельным в роде Дуло, о чем свидетельствует хотя бы статус Тервеля, возведенного в сан кесаря, что возможно было только для христианина.

Ключевые слова: Византия, протоболгары, кочевник, вождь, христианство, крещение, император, империя, переворот, заговор

Information about Khan Kubrat in the Chronicle of John of Nikiu in the context of missionary politics of the Byzantine Empire*

Vladimir V. Vasilik

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: v.vasilik@spbu.ru

Abstract

The article discusses the episode from Chapter 120 of the Chronicle of John of Nikiu (7th century), related to Kubrat, the Ruler of the Great Bulgaria. John of Nikiu

* The research is funded by the RSF Project 22-18-00493 “The Chronicle of John of Nikiu”, <https://rscf.ru/project/22-18-00493/>

dwells on Kubrat, the chief of Huns, or Protobulgarians, known by the Chronography of Theophanes the Confessor, Breviarium of Patriarch Nicephor, and archeological findings from the Pereshchino Hoard: Kotradys and Mutanys originate from spelling errors in the Arabic and Ethiopic writing (the confusion between t and b in the name Kubrat and t and n in the name Mutanys in the Arabic translation and between m and w in the Ethiopic translation). The name of Kubrat's uncle Organa (Kwernakis) was also distorted in Ethiopia. The historical context (the baptism of Croats and Serbians and earlier baptisms of Protobulgarians, particularly that of Kubrat's uncle Organa) as well as some objects from the Pereshchino Hoard may indicate that Kubrat could have been a Christian brought up at the court of Heraclius, or he could have been his ally. John of Nikiu does not argue that Kubrat supported Heraclonas and Martina and participated in their plot: for him it is a rumor invented by Heraklona and Martina's enemies, which became a propaganda weapon that contributed to their overthrow. However, this rumor could have had a real basis, for Kubrat could be in Macedonia about 640–641 after his victory over Avars and deportation of Byzantine prisoners to their Motherland. So, he could be one of the political gamers in the dynastic crisis. Kubrat's biography can be reconstructed in the following way. He was a nephew and heir of his father's brother Organa (Mokhodu-Heu "Black Horseman" of Chinese sources, Gostun of "Name of the Bulgarian Khans"). Around 619, together with Organa, he was baptized in Constantinople and remained at the imperial court as a foster-son of Emperor Heraclius. After Organa's peril in the battle with the Turks in 631, Kubrat took power over the proto-Bulgarians with the sanction of Emperor Heraclius, as well as the Avar Khagan. However, around 635–636, he rebelled against the Avar Khagan, defeated him in five battles and allied with Heraclius. Around 639–640, Kubrat came to Romania, returning Byzantine prisoners to their homeland (possibly as part of a treaty with Heraclius). Around 641, he was still in Macedonia, benefiting from the support of the emperor, which gave a pretext for Constantinopolitans to suspect him of a conspiracy in favor of Emperor Heraklona and Empress Martina. However, Kubrat did not intervene in the palace revolution and ruled the Great Bulgaria till his death in 660, as a result of which the Khazars were able to go on the offensive, and part of the proto-Bulgarians under the leadership of Asparukh conquered Moesia and laid the foundation for the future First Bulgarian Kingdom. Though Christianity did not become the state religion of Protobulgarians in the 7th century, it was rather influential in the Dulo clan, as evidenced by the status of Tervel, elevated to the rank of Caesar, which was possible only for a Christian.

Keywords: Byzantium, Protobulgarians, nomad, chief, Christianity, baptism, plot

Судьбы протоболгар [2–8; 10; 15; 31; 32: 180–200; 54; 63; 69; 73; 75] весьма важны для истории Дунайско-Днестровского региона, поскольку эти земли (территории современной Румынии, Молдавии и Южной Украины) входили в состав протоболгарской кочевой державы как до их переселения в северную Мезию (современную Северную Болгарию), так и после [8: 7–61]. Многие ученые считали, что границы Старой Великой Болгарии доходили до Южного Буга¹.

Основу могущества протоболгар заложил хан Кубрат, отец Аспаруха – родоначальника т. н. Первого Болгарского царства [77: 5–10], или, лучше сказать – Балканского Протоболгарского каганата². Кубрату посвящена значительная литература [14; 27: 351–370; 35; 81; 82], однако разрешены далеко не все, связанные с ним вопросы.

Связанный с ним сюжет, представляемый ныне вниманию читателя, относится к хронике Иоанна Никиусского³, памятнике весьма интересном, с весьма сложной судьбой, дошедшем до нас в эфиопском переводе 1601 г. с утраченного арабского перевода с греческого оригинала [60: 1–40; 61: 209–218; 62: 1366–1367; 68: 1066; 80: 288–289, 82: 298–299]. О ее авторе, Иоанне Никиусском, умершем после 700 г., мы можем сказать, что во-первых, он был убежденным монофизитом [52: 82–85], во-вторых, достаточно осведомленным человеком [65: 110–115], в силу того, что занимал ряд важных и ответственных постов – епископа г. Никиу (П(е)шати), апотирита (руководителя или проверяющего) епископов Верхнего Египта при Александрийском патриархе Исааке [51: 371] и управителя делами монастырей при патриархе Симеоне [64: 20–23].

Хроника написана на основе достаточно широкого круга источников. Некоторые из них очевидны: один из них – Хроника Иоанна Малалы, её особая редакция, в ряде случаев серьезно отличающаяся от известного нам греческого текста [11]. Есть следы использования «Церковной истории» Сократа и Созомена. Из других источников следует упомянуть т. н. египетский Роман о Камбизе [59: 51–56; 66: 20–30]. Присутствуют связи с рядом агиографических источников, например житие св. Феогносты [11]. Далее есть параллели с Житием свят. Спиридона Тримифунтского⁴. Другие источники еще не выявлены.

В свою очередь хроника является ценным источником и не только для Египта времени арабского завоевания, но и для истории христианской Восточно-Римской империи (т. н. Византии), истории падения византийской власти в Египте и начала в нем мусульманского господства [9: 114–140; 56: 639–670].

Однако в центре нашего исследования находится в высшей степени интересный рассказ о болгарском хане Кубрате, который проливает дополнительный свет на судьбу протоболгар в VII в. и предоставляет

весьма ценные сведения, важные в конечном счете для раннесредневековой истории Днестровско-Дунайского региона. Этот рассказ рассматривался и ранее в протоболгарских исследованиях [26–28; 35], однако, на наш взгляд, предыдущие исследователи не учли ряд важных деталей.

История Кубрата в Хронике Иоанна Никиусского вписывается в историю мятежей и гражданских войн преемников Ираклия I (610–641) и раздоров между его внуком Константином и младшими детьми от его супруги (и одновременно племянницы) Мартины [38; 49]. Вот что пишет Иоанн о крушении власти Ираклоны, сына Мартины и их судьбе⁵: «Но мятежники не позволили сохранить этот мир. Через некоторое время, после воцарения Константина младшего, чрез малое время, они еще более возненавидели двух императоров, то есть против Ираклия Нового и юного Константина⁶. Ибо Сатана внес разделение между Ираклием II и воинством, и более всего войска провинции Каппадокия стали творить зло и издали⁷ письмо (букв. книгу послания), которое, как говорят, было направлено Мартиной и Пирром, патриархом Константинопольским, логофету⁸ Давиду, чтобы он вел войну со всей силой (против мятежников. – В.В.), чтобы взял Мартину в жены и низложил детей Константина, то есть Константина (Младшего), который правил с Ираклием и его брата.

Когда жители Византия (Берентыя) узнали эту новость, они говорили, что создателем этого замысла был Кубрат (Кетрадыс), глава гуннов (Мутаныс), племянник Органы (Квернакыс). Этот человек был крещен в своем детстве и принят во утробе Христианства, в Константинополе, и вырос в царском дворце. Он был связан тесной дружбой с Ираклием Первым и, после смерти того, кто осыпал его благодеяниями, он был связан признательностью с его детьми и его женой Мартиной. В силу святого животворящего крещения, которое он принял, он победил всех варваров и язычников. Говорят, что именно он благоприятствовал интересам детей Ираклия и был враждебен детям Константина.

В продолжении этого мятежного (коварного) шума войска Византия и народ поднялись, имея во главе себя Иуталия⁹, по имени Феодора, который был доблестным воином, подобно своему отцу. Когда он приготовился напасть на Давида Логофета, тот обратился в бегство и затворился в крепости в Армении. Иуталиос последовал за ним, и поскольку никто не пришел (Давиду) на помощь, то он снес ему голову, и приказал пронести ее через весь восток. Он вернулся в Византию с большим войском, занял дворец, захватил Мартину и её трех сыновей, Ираклия, Давида и Марина, лишил их диадемы и отрезал им носы, затем приказал отправить их на Родос. Патриарх

Пирр был низложен без созыва собора, изгнан из церкви и отправлен в Триполи. Его изгнали на то место, где находился Филагрий, которого (Феодор) вернул. Что же до самого младшего сына Мартины, то, когда выразили опасения, что когда он вырастет, станет императором, то его оскостили, но этот ребенок умер из-за своей страшной раны. Он не сделал никакого зла другому из сыновей, который, будучи глухонемым, был неспособен к престолу. Он отменил завещание старого Ираклия и провозгласил императором Константа, сына Константина. Затем он поставил на место патриарха Кира Павла Константинопольского» [58: 216, 459–460].

Этот фрагмент заслуживает серьезного разбора, прежде всего филологического, в том числе анализа имен. Во-первых Византий – Берентыйя связан с путаницей арабских букв «ра» и «за» برنطى (Барантийя) вместо برنطى (Базантийя), об этом мы писали в нашем предыдущем исследовании [11]. Во-вторых, возникают вопросы относительно отождествления имен Кубрат и Кетрадыс. Ряд исследователей, напр. Ш. Мингазов, отвергают их тождество на основании фонетического несходства. На наш взгляд, их отождествление вполне вероятно и может быть объяснено через смешение арабских букв «ба» ب и «та» ت отличающихся только точками. Отсутствие огласовок в арабском тексте объясняет появление ке вместо ку. Окончание ڨ ыс в эфиопском написании могло быть связано с использованием первого склонения – Κουβράτης. Особенность коптского языка, который, несмотря на греческую образованность Иоанна Никиусского, все же воздействовал на его сознание, состоит в смешении звонких и глухих¹⁰, соответственно, первоначальное Κουβράτης могло дать в греческом тексте хроники Κουβράδης. Отметим, что был возможен и другой вариант прочтения греческого имени Κουβράδης ኩወራድክ, [Kuwrades], которое находится в рукописи Парижской национальной библиотеки, из коллекции Д Аббади – Paris Bibliothéque nationale de France. Abb. 31 (= 209 CR). Fols. 104-165. Между тем Ш. Мингазов, который приводит эту рукопись, в силу незнания эфиопского языка, безапелляционно утверждает, что «во всех трех манускриптах имя повелителя “мутаней” пишется и звучит одинаково – Кытрадыс, а не Кубрат» [35: 45], что очевидно не соответствует действительности¹¹.

На наш взгляд, серьезному искажению при переводе и переписывании подверглось имя Органы. В эфиопском буква አ – алеф (первоначально все же написание могло быть Аргана¹²) подверглась смешению с похожей на неё буквой. Далее, произошла метатеза, или перестановка согласных, по наблюдениям С.С. Майзеля частая в афразийских языках: звук «н» поменялся местом со звуком «к». Что же касается конечного «к», то оно явилось результатом оглушения,

связанного с воздействием коптского языкового фона (см. ниже). Соответственно, переход мог осуществляться следующим образом: Ἀργάνης – Ἀρκάνης Ἀርῆνῃ ἄrkanes, Ἀርῆνῃ ἄrnakes, ἡῤῥῆνῃ kwernakes.

Наконец, форма «Мутаныс» также может явиться результатом искажения при переписывании и переводе: первоначальная форма Οὔννος (в арабской транскрипции وننس wnns). В дальнейшем на арабской почве, благодаря случайному добавлению одной точки к первому n, n превращается в t, получается форма وتنس wtns. Наконец, уже на эфиопской почве, благодаря графическому сходству букв вав - ወ и мем ሙ, образовалась форма ሙጋንስ.

Подобные графические и фонетические метаморфозы не должны нас удивлять: издатели Иоанна Никиусского создавали целые таблицы соответствий приводимых им имен и их надлежащим греческим или латинским, или еврейским звучанием и начертанием [60: 100].

Теперь переходим к источниковедческому анализу памятника. Несмотря на то, что по ряду причин византийские авторы скупой и неохотно писали о низвержении Ираклоны и Мартины [26: 371], тем не менее, имеется ряд подробностей. Следует отметить, что ряд свидетельств, приводимых Иоанном Никиусским, подтверждается другими источниками, в частности Феофаном Исповедником. Вот что он пишет о Ираклоне и его в своей «Хронографии»:

«Л. м. 6132, Р. X. 632. В сем году в марте месяце индиктиона 14 умер царь Ираклий от водяной болезни; царствовал он 30 лет и 10 месяцев; после его вступил на престол сын его Константин и чрез четыре месяца своего царствования отравлен Мартиною, своею мачехою и патриархом Пирром, и начал царствовать Ираклион с матерью своею Мартиною.

Л. м. 6133, Р. X. 633. Ираклион царь константинопольский шесть месяцев. При Павле еп. константинопольском 1 год. В сем году Мавиас взял Кесарию Палестинскую после шестилетней осады и убил в ней семь тысяч римлян, в то же время сенат низложил Ираклиона с Мартиною матерью его и Валентином, у Мартины отрезали язык, у Ираклиона нос, и изгнавши их, возвели на престол Константа, сына Константина, внука Ираклия, который и царствовал 27 лет. По низложении с епископства Пирра рукоположен в константинопольские патриархи, Павел пресвитер и эконоом месяца октября, индиктиона 15, который и правил церковью 12 лет» [50: 250; 78: 300].

Из Хроники Феофана мы видим, что Мартину подозревали в убийстве (отравлении) законного императора Константина и в масштабном заговоре против ромейского государства. Однако отметим, что их низвержение ставится в один ряд с бедствиями империи, в частности со взятием Кесарии арабами и гибелью шести тысяч ромеев. С одной

стороны, у Феофана нет никаких причин благоволить к Мартине, чья кровосмесительная связь с Ираклием послужила, по мнению многих ромеев, причиной великих бедствий для Империи [49: 650], в том числе нашествия арабов. С другой стороны у него нет никаких оснований симпатизировать монофелитскому императору Константу (или Константину III) [38: 168–171], хотя он и приводит его речь к сенату, в которой он обвиняет Мартину в отравлении своего отца, а сводного брата Ираклону – в незаконнорожденности, которая, скорее, всего почерпнута из официальных источников¹³. Однако, в целом, у него заметно стремление дистанцироваться от этих событий, о которых, судя по всему, он пишет с заметной неохотой.

Отметим, что Краткая История (Бревиарий) патр. Никифора опускает страшные подробности низложения Ираклоны и Мартины – усечения носа императору и языка императрицы, и сообщает только о венчании Ираклия сына Константина с именем Константин (будущий Константин II), а также о добровольном уходе (но не насильственном отречении Пирра): «Пирр же, узнав об этом (т. е. о вторжении в храм бунтовщиков и их кошунствах. – В.В.) на следующую ночь приходит в алтарь (букв. во святилище) и лобызает все святыни. Сняв с себя надетый на него омофор, он полагает его на трапезу, говоря: “Не отлучаясь от священничества, отрицаюсь непослушного народа” <...> Павел, прежде иконом великой церкви, стал первосвященником Константинополя в октябре месяце пятнадцатого индиктиона» [71: 30–31]. Отметим, что Никифор лучше относится, если не к Мартине, то, по крайней мере, к Ираклоне, чем Феофан, и резко отрицательно к бунтовщикам, которые осквернили алтарь св. Софии. Мотивом для восстания константинопольских граждан он считает разорение их виноградников войском Валентина. В целом его рассказ представляет скорее обширные фигуры умолчания, характерные для официальной пропаганды.

Наконец, следующий важный источник, армянский историк Себеос, сообщает такие сведения: «После смерти Иракла воцарился сын его Константин, который назначил полководцем Валентина Аршакуни, и приказал ему идти на восток. После кратковременного царствования скончался Константин от козней матери своей, Мартины, супруги Иракла. Воцарился Ираклос, сын Иракла от Маврины августы, ибо Константин был от первой супруги. По совершении этих обстоятельств Валентин с войском своим идёт на него в Константинополь. Захватив Мартину, он отрезал ей язык, и после того умертвил её вместе с двумя её сыновьями; а на престол возвел Костаса, сына Константинова, назвав его Константином, по имени отца. Собрав войско, сам он отправляется на Восток» [46: 95].

Этот фрагмент из Себеоса во многом совпадает с Феофаном Исповедником или его источниками (возможно, Большой Хронограф и Хроника Траяна Патрикия [53: 18]). И Себеос, и Феофан подозревают Мартину в отравлении Константина II, и тот и другой повествуют о походе Валентина, низложении Ираклоны, лишении его носа, а Мартину – языка, но Себеос, в отличие от Феофана, говорит также об убийстве Мартину и её детей. Общность традиции, на наш взгляд, все же налицо.

Однако ни тот ни другой источник не сообщает о Кубрате, как крестнике Ираклия и о его возможных интригах в пользу Ираклоны. Сведения Иоанна Никиусского предстают на этом фоне уникальными. Тогда возникает вопрос: какому источнику верить? С одной стороны, Иоанн Никиусский, как справедливо отмечают некоторые исследователи [26: 305; 35: 40], находился вдали от Константинополя и пребывал в религиозной оппозиции к Константинопольскому правительству и патриархату, с другой – в отличие от Феофана и Никифора, живших через 150–180 лет после упомянутых событий, Иоанн оказывался почти их современником: максимальная дистанция, отделяющая их, – 40 лет, жизнь одного поколения. Кроме того, Феофан и Никифор, как мы видим, передают официальную точку зрения со всеми её ограничениями и с обширными фигурами умолчания. Напротив, Иоанн охотно коллекционирует слухи и, возможно, отражает устные константинопольские источники VII в. На основании этого ряд исследователей отказывают его сообщению относительно Кубрата в достоверности [76: 186–205]. Вот хотя бы суждение отечественного исследователя Д.В. Зайцева: «Узнав о заговоре, горожане обвинили Мартину в связях с болгарским ханом Кубратом (Кувратом) и восстали. Легендарный характер сообщения не вызывает сомнений» [26: 305]. Однако они, к сожалению, не обращают внимания на тот очевидный факт, что Иоанн Никиусский вовсе не утверждает, что Кубрат действительно интриговал в пользу Мартину и детей, он лишь замечает, что «когда жители Византия (Берентыйя) узнали эту новость, они говорили, что создателем этого замысла был Кубрат». Иными словами, речь идёт о слухе, пущенным врагами Ираклоны и Мартину, который не обязательно должен быть правдоподобным, он может быть и сплетней. Цель этого слуха понятна: изобразить союзников Ираклоны и Мартину варварами. Образ последних в византийском сознании далеко не однозначен, однако в массовом сознании варвар, пусть даже и крещёный, мог представляться неким чудовищем, получеловеком-полузверем, способным на все [30: 250], в том числе на уничтожение, мог связываться с угрозой разрушения и гибели ромейского миропорядка. Далее следует незамысловатый

смысловой переход: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Нетрудно понять, что этот слух мог быть пущен врагами Ираклоны и Мартины и сторонниками Ираклия сына Константина, будущего Константа II с целью их дискредитации.

Отметим, что авторы этих слухов могли спекулировать на памяти о нашествиях протоболгарских племен савиров, кутигуров, утригуров и других на Восточно-Римскую империю, начиная с 517 г. [67: 330–331], а также сообщением из «Чудес мученика Димитрия» о неосуществленном заговоре Кувера и византийского военачальника Мавра против Фессалоник [45: 173–179]. Следует сделать вывод, что их затея удалась: народ возмутился, восстал и низверг Ираклону и Мартину [38: 153]. Перед нами классический образец антиправительственной пропаганды, пример того, как сплетня является одной из движущих сил дворцовой революции.

Теперь возникает вопрос: является ли этот Кубрат лицом историческим или это – плод воображения Иоанна Никиусского или его информантов? Наши источники склоняют нас к первому варианту. Из «Бревиария» Никифора нам известен некий Кубрат, владыка гуннов, племянник Органы, восставший против аварского кагана и пославший посольство к Ираклию: «В это время Куврат, племянник Органа, государь уногун-дуров восстал против хагана аваров и, подвергнув оскорблениям, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ. А к Ираклию [Куврат] посылает посольство и заключает с ним мир, который они хранили до конца своей жизни. [В ответ Ираклий] послал ему дары и удостоил его сана патрикия (24.9-15) [53: 153, 161]. Как полагает И.С. Чичуров [53: 175], это событие произошло между 634 и 640 гг., с ним согласен Станимир Звездов [27: 352].

В таком случае данное событие вписывается в контекст дипломатической борьбы имп. Ираклия с аварами, в частности призывания племен хорватов и сербов против авар, о чем сообщает Константин Багрянородный: «[Знай], что хорваты, ныне живущие в краях Далмации, происходят от некрещеных хорватов, называвшихся “белыми”, которые обитают по ту сторону Турции, близ Франгии, и граничат со славянами – некрещеными сербами... Эти хорваты оказались перебежчиками к василевсу ромеев Ираклию ранее, чем к этому василевсу Ираклию перешли сербы, в то время когда авары, пойдя войною, прогнали оттуда римлян, выведенных из Рима и поселенных там василевсом Диоклетианом... Когда упомянутые римляне были прогнаны аварами, в дни того же василевса ромеев Ираклия, их земли остались пустыми. Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне» [57: 136–137].

По мнению Г.Г. Литаврина, О.А. Акимовой и других исследователей [1: 271; 57: 245], приход хорватов и сербов мог произойти в 20–30 г. VII в. Далее есть известная вероятность того, что этот Кубрат соответствует Куверу из Жития св. Димитрия [70], в котором говорится следующее: «Поэтому смешались они (т. е. ромейские пленники) с булгарами, аvaraми и другими язычниками, родились у них дети, и стал народ бесчисленным и огромным... И хаган аваров, причисляя их уже к собственному народу, по существовавшему обычаю рода поставил над ними архонта по имени Кувер. Он, узнав от некоторых наиболее близких ему [людей] о стремлении этого народа к отеческим городам, задумал поднять весь народ ромеев вместе с другими народами, то есть прозелитов, как говорится в книге Моисея об исходе иудеев, с имуществом и оружием. И вот они, как сказано, восстали и не подчинились хагану. Когда об этом узнал сам хаган, он начал их преследовать, и они столкнулись в пяти или шести битвах, и во всех он уступил им. Тогда, обратившись в бегство вместе с оставшимся его народом, он ушел на север во внутренние области. Кувер же, перейдя с победой упомянутую реку Дунай, вместе с указанным народом устремился в наши пределы и захватил Керамисийское поле. Остановившись там, они стали стремиться к отеческим городам, особенно те, кто приняли православную веру, одни – в хранимый мучеником город Фессалонику, другие – в царствующий град, третий – в оставшиеся города Фракии» [45: 171]. Вероятность отождествления Кубрата (Куврата) Никифора становится тем выше, что в Лондонском списке «Бревиария» Никифора имя Кубрата (Куврата) даётся в форме Кубарос (или Куварос) – Κοῦβαρος [53: 153]. Как считает ряд исследователей, эти события были возможны до 640 г. включительно [45: 206]. И вот это обстоятельство свидетельствует в пользу правдивости сообщения Иоанна Никиусского о возможном участии Кубрата (Кувара) в заговоре Мартины, поскольку около 640 и, возможно, 641 г. он мог находиться на территории империи. Свидетельство Иоанна Никиусского о дружбе Кубрата с Ираклием и его домом, а равно и информация из Бревиария патр. Никифора о мире с императором Ираклием проливает свет на обстоятельство, которое поставило в тупик комментаторов этого места, а именно то, что Кувер пересек Дунай и вошел в ромейские пределы без всякого сопротивления византийских войск [17: 100; 45: 206–207]. Вероятнее всего, Кувер пересек византийскую границу по договоренности с императором Ираклием и не исключено, что одной из целей его похода было возвращение ромеев, попавших в аварский плен, что могло быть одним из условий мирного договора с Империей, поскольку на это намекают слова о том, что многие из бывших пленных, особенно принявших (или, добавим, сохранивших)

православную веру, устремились в византийские города. Если он находился в Македонии (в районе Стобы, где локализуют Керамисийское поле [45: 207]) в течение 641 г., то он вполне мог быть участником заговора в пользу Мартины или, по крайней мере героем более-менее правдоподобных слухов о нем.

Возвращаясь к сообщению Иоанна Никиусского относительно крещения Кубрата и его воспитания при царском дворе, отметим, что оно выглядит весьма правдоподобным, поскольку у нас достаточно сообщений о крещении варварских вождей, в том числе протоболгарских – от времени Ираклия и от более ранней эпохи.

От времени Юстина и Юстиниана сохранились свидетельства о крещении варварских вождей в Константинополе. Так, Феофан Исповедник сообщает, что Юстин окрестил в 522 г. абхазского царя Тзата (или Тзатхия):

«В том же году Тзатий, царь лазов, отложившись от персидского царства, когда царствовал Кавад и до того любил Тзатия, что сделал его царем лазов, пришел к Юстину в Византий (т. е. в Константинополь) и попросил императора сделать его христианином и провозгласить царем лазов. Император же, приняв его с радостью, просветил его и провозгласил своим сыном»¹⁴.

Около 527 г. в Константинополе был крещен король герулов по имени Грел: «В то же самое время притек к ромеям король герулов по имени Грел. И он пришел в Византий со своей дружиной и поклонился царю Юстиниану и попросил, чтобы тот сделал его христианином. И он был окрещен во время святых Богоявлений. А восприемником его стал сам император Юстиниан. И были просвещены были с ним и его приближенные (буквально – сенаторы, *συνκλητικοί*) и двенадцать его родственником»¹⁵.

В это самое время (527) князь гуннов вблизи Боспора по имени Грод притек к тому же самому царю. И он пришел в Константинополь, и просветился [крещением]. Его принял в крещении сам царь и весьма одарив, отпустил его в свою страну охранять Ромейские пределы и Боспор» [12: 380].

Гунны, как мы видим из терминологии византийских историков, достаточно часто обозначают протоболгар, тем паче, что исторические гунны были по большей части уничтожены ромеями и их союзниками.

Кроме того, у нас есть свидетельство от 540 г.: «И пришли гунны, грабя вплоть до Фракии. И вышли навстречу им стратилат Константиол и Годила и стратилат Иллирика Аскуп, гунн, которого воспринял во святом крещении царь Юстиниан [12: 381]¹⁶. Отметим, что Аскуп именуется гунном, как часто именовали протоболгар, и не исключено, что он принадлежал к какому-либо протоболгарскому племени, пе-

решедшему на службу Восточно-Римской империи, принял крещение и стал стратилатом, т. е. военачальником высокого ранга.

От времени Ираклия, около 619 г., у нас имеется сообщение в Бrevиарии Никифора, говорящего о крещении некоего гуннского (скорее всего – протоболгарского) вождя: «Прошло некоторое время, и государь племени гуннов прибыл вместе со своими архонтами и дорифорами в Византий, прося императора посвятить его в таинства христиан. Тот охотно принял его, и архонты ромеев усыновили в божественной купели гуннских архонтов, а их жен – супруги первых. Посвященных в божественные таинства почтили императорскими дарами и званиями; предводителя же их император удостоил сана патрикия и благосклонно отпустил в гуннскую страну (12.20-28) [57: 151, 159]. Многие исследователи считают, что речь идёт об Органе, дяде Кубрата [29: 19–31], который, по мнению В. Златарского, отождествляется с Гостуном из Именника Болгарских ханов [24; 25: 30–31; 26; 28: 85] и, одновременно, с Моходу-Хеу – Черным Всадником китайских источников, предводителем рода Дуло, который около 624 г. направил в Китай посольство с просьбой помочь ему в борьбе с племенем нушибийцев (Западный Тянь Шань) за гегемонию в Тюркском каганате [2: 162; 3: 170; 6: 284; 8: 55]. Не исключается, что во многом с этой целью Моходу-Хеу посетил Константинополь в 619 г., ища союза с могущественным ромейским императором против своих врагов [2: 163; 18: 203; 40: 123], среди которых могли быть и авары. О сане патрикия, полученном Органой, возможно, свидетельствует надпись на перстне в Перещепинском кладе, прочтенная покойной В.Н. Залесской: ΒΑΤΟΡΧΑΝΟΥ ΠΑΤΡΙΚΙΟΥ (ΒΑΤ ΟΡΓΑΝΟΥ ΠΑΤΡΙΚΙΟΥ) [4: 359; 83: 210–222] – «Имя “Органа”, возможно, связано с монгольским словом Урагана – «родственник по женской линии». Моходу-Хеу – Органа – Гостун стал главой Тюркского каганата в 630 г., однако правил всего два года, поскольку в 631 г. пал в битве со своими врагами. Отметим, что сан патрикия давался только христианину [4: 359–360], поскольку он причислялся к архонтам, а на возведение архонта существовала соответственная молитва в Византийском Евхологии.

И, наконец, от времени Ираклия у нас есть свидетельства о крещении сербов и хорватов. Вот что сообщает Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» в главе 31 «О хорватах и о стране, в которой они живут в настоящее время». По повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне. Эти хорваты имели в то время в качестве архонта отца некоего Порга. Василевс Ираклий, отправив [посольство], приведя священников из Рима и избрав из них архие-

пископа, епископа, пресвитеров и диаконов, крестил хорватов. Тогда у этих хорватов архонтом был уже Порг. [Знай], что эти крещенные хорваты не желают воевать против чужих стран, лежащих вне их собственной, ибо они при василевсе ромеев Ираклии получили некое предсказание и постановление от папы римского, пославшего священников и их крестившего. Эти хорваты после крещения заключили, собственноручно подписав, договор и дали св. апостолу Петру нерушимые твердые клятвы, что никогда не отправятся в чужую страну и не будут воевать, а, напротив, будут хранить мир со всеми желающими, получив, в свою очередь, от самого римского папы молитву, согласно которой если какие-либо иные народы выступят против страны самих хорватов и принудят их воевать, то бог ранее самих хорватов вступит в бой и защитит их, а ученик Христа Петр дарует им победу [57: 137–138].

В отличие от некоторых других исследователей, считающих Порга искаженным именем Борны, хорватского князя IX в. [57: 280], мы думаем, что сведения, предоставляемые Константином Багрянородным, достоверны и не являются поздним конструктом, о чем, в частности, говорит такая деталь, как клятва, данная хорватами никогда не начинать войну первыми против окрестных народов: для империи они были нужны как защита против варваров, на которых не надо было нападать самим. Однако подобный обет гарантировал Ромейской империи ненападение хорватов. Не исключено, что эта религиозная клятва могла повторять обязательство (*pactum*) данное Поргом и (или его преемником) императору Ираклию.

Вместе с крещением хорватов происходит также и обращение сербов, о котором также сообщает Константин Багрянородный: «Поскольку нынешняя Сербия, Пагания, так называемая страна захлумов, Тервуния и страна каналитов были под властью василевса ромеев, а страны эти оказались безлюдными из-за аваров (они ведь изгнали оттуда римлян, живущих в теперешней Далмации и Диррахии), то василевс и поселил означенных сербов в этих странах». Они были подвластны василевсу ромеев, который, приведя пресвитеров из Рима, крестил их и, обучив их хорошо совершать дела благочестия, изложил им веру христианскую [57: 143].

Не касаясь дискуссионного вопроса относительно первоначального места расселения сербов на Балканах, отметим, что крещение сербов и хорватов связано с глобальными событиями 20–30-х гг. VII в. За это время авары и славяне терпят поражение под Константинополем в 626 г. [72: 345–350]. Ираклий отвоевывает восточные провинции у персов с помощью тюрок и, возможно, протоболгар [27: 352], восстанавливает границы Ромейской империи по дунайскому

лимесу, приглашает на опустошенные земли Иллирика сербов и хорватов и крестит их [1: 267–269]. Тридцатые годы седьмого века, с одной стороны, – время Римской миссии среди хорватов и сербов, а также миссионерской деятельности Иоанна Равеннского, а с другой – миссионерских усилий императора Ираклия [1: 270–275; 30: 120]. Христианизация балканских славян обладала огромным значением для их этногенеза [55: 400–420].

Далее о христианстве Кубрата может свидетельствовать знаменитый Прищепинский клад [14; 33; 34; 41; 42; 81; 83: 210–222], в котором находятся кольцо с надписью ХОВРАТОУ ПАТРІКІОУ (КОУВРАТОУ ПАТРІКІОУ) [83: 210–211] (как мы отмечали выше, сан патрикия давался только христианину), а также евхаристические сосуды. Речь идёт прежде всего о двух дисках архаического типа.

Первый дискос. Большое блюдо. Диаметр 0,57 м, вес около 5,2 кг. Венец блюда украшен широким рельефным фризом, составленным из сплетающихся виноградных лоз и хмеля, что связано в т. ч. и евхаристической тематикой, а также животных и птиц, среди которых соотнесенные с христианской символикой – агнцы, павлины, голуби. Кроме того, присутствуют изображение больших корзин с хлебом, что могло намекать на чудо умножения хлебов. Внутренняя поверхность блюда украшена большой монограммой Христа с боковыми А и Ω. [7: 112–113]. Вокруг начертана латинская надпись: «Ex antiquis renovatum est per Paternum reverentiss[imum] episc[opum] nostrum. Amen» (Из древних (вещей?) обновлена Патерном, досточтимейшим епископом нашим. Аминь». На оборотной стороне присутствуют имена Зенофила и Мины (Ζενοφίλος и Μηννα, и надпись в штампе «D[ominus] N[oster] Anastasius P[rius] Aug[ustus]». (Господин наш Анастасий благочестивый император (Август) [83: 212–214].

Патерн, упоминаемый в надписи на блюде, по всем вероятностям – тот самый епископ этого имени, который занимал при императоре Анастасии I епископию в городе Томи на Чёрном море (где ныне город Констанца). Об этом Патерне упоминается в византийских хрониках два раза, по случаю Халкидонского собора и по вопросу о замещении патриаршего престола в 519 и 520-х гг. Епископ Патерн подписывался на официальных актах так: «Paternus, misericordia Dei episcopus Scythiae provinciae metropolitanus» (Патерн, милосердием Божиим епископ Скифии, митрополит) [81: 32–35]. Латинская надпись далеко не случайна: разговорным языком в провинции Мезия вплоть до конца VII в. являлся латинский.

Как предположил первый издатель клада А.А. Бобринской, наличие императорского штампа говорит о том, что Патерн проживал при дворе и благодаря императорским щедротам обновил и украсил этот

дискос [7: 114]. Соответственно, он мог и умереть при дворе, тогда его личное имущество, как выморочное, могло поступить в казну, а затем использоваться в качестве дипломатического подарка христианскому вождю.

Второй дискос, позолоченный, выглядит следующим образом: в центре выложенный чернью византийский крест, окружённый венком из лоз, от которого расходятся во все стороны лучи, покрывающие всю поверхность блюда. По мнению исследователей, этот дискос обладает сходством с древними христианскими памятниками, в частности с дискосом, найденном на Кипре в 1899 г. и хранящемся в Британском музее (на нем также изображен крест из черни, окружённый лозой, который датируется «первыми веками христианства» [7: 115]). На оборотной стороне днища – пять византийских клейм, на которых читаются имена византийских патрициев Σέργης, Βασίλις и Χρυστοφόρος. Эти клейма являются свидетельством того, что дискос или был создан при императорском дворе, или принадлежал императорской казне и мог быть подарен императором Ираклием Кубрату в благодарность за его помощь против авар.

Наконец, Сасанидские блюда, древнейшие из которых относятся к IV в. (изображение Шапура), могли быть взяты воинами Ираклия в Дасдагерде или другой резиденции Хосрова II [38: 151], попасть в императорскую казну как военная добыча и затем стать дипломатическим подарком вождю протоболгар в знак признательности за его победу над аварами и возвращение ромейских пленных. Не исключено, что при Кубрате эти сосуды использовались по своему прямому назначению – для причащения Кубрата и его приближенных в походной церкви.

Все эти примеры и факты показывают, что Кубрат вместе с другими протоболгарскими вождями, в том числе со своим дядей Органой и вельможами, вполне мог принять святое Крещение и, более того, мог воспитываться в императорском дворце и, наконец, принять участие в византийско-аварской войне на стороне ромеев.

Мы знаем, что многие сыновья «варварских» властителей воспитывались в Константинополе. Отчасти это нужно было для того, чтобы обеспечить благонадежность и лояльность их родителей, отчасти для того, чтобы они прониклись ромейской культурой и сознанием и были лояльны Константинопольскому василевсу и его правительству. В качестве позднего примера можно привести болгарского царя Симеона (+927), сына хана, позднее князя Бориса, который воспитывался в Магнаврском Университете Константинополя [74: 250]. По-видимому, таковым и был Кубрат. Вероятно, он был сыном не названного гуннского (т. е. протоболгарского) вождя, принявшим крещение вместе со

своим дядей Органой благодаря Ираклию. Учитывая то, что, судя по сообщению Никифора с вождем гуннов крестились и его приближенные, можно предположить, что христианство среди протоболгар было распространено как минимум среди верхушки общества, а, учитывая сведения из Пятого чуда св. муч. Димитрия (см. выше) также и среди простого народа (по крайней мере, среди византийских пленных и их потомков), что признает и ряд болгарских историков [37: 182–186; 44: 35–38; 47: 3–10].

По-видимому, пройдя курс образования и воспитания (εὐκύκλιος παιδεία), он, после того, как погиб в бою его дядя Органа, был отпущен из Константинополя и занял место верховного вождя протоболгар, возможно, также с санкции аварского кагана, против которого затем он выступил, разбил в пяти битвах, освободил ромейских пленников и вернул их на родину, оказавшись в Македонии около 640 г., где мог пребывать вплоть до 641 г., времени династического кризиса, связанного с Ираклоной и Мартиной. После 641 г. он возвращается в Великую Болгарию, которой управляет до своей смерти, произошедшей в 660 г. [15: 1285–1312]. Характерен его призыв к сыновьям жить вместе и сохранять единство [57: 61], происходящий не только от здравого смысла, но и от христианской заповеди единомыслия, а также от византийского принципа «Един Бог, один василевс, едина империя». К сожалению, сыновья его не услышали, в результате чего в 60–70-е гг. VII в. Древняя Великая Болгария рухнула под ударами хазар [3: 171–174; 14: 107–117; 16: 150–170; 21: 47–66; 23: 32: 190–200] и протоболгарский этнос оказался разделенным: часть его устремилась на Волгу, часть во главе с Аспарухом – за Дунай, в ромейские владения [22; 48]. Однако семена христианства, насажденные среди протоболгар Юстинианом и Ираклием, не пропали даром [13], свидетельство чему феномен хана Тервеля, который был возведен Юстинианом II в сан кесаря, возможный только для христианина. Таким образом, победа христианства при князе Борисе (852–893) выглядит закономерным процессом, истоки которого восходят ко временам, предшествующим переселению протоболгар на Балканы [39: 40–60].

Подведем итоги.

1. В сообщении Иоанна Никиусского речь действительно идёт о Кубрате, вожде гуннов, или протоболгар, известному благодаря Хронографии Феофана Исповедника и Бревиарию патриарха Никифора, а также археологическим находкам из Перещепинского клада: чтения Котрадыс и Мутаныс являются следствием орфографических ошибок в арабской и эфиопской письменности (путаница между t и b в имени Кубрат и t и n в Мутаныс в арабском переводе, а также m w

в эфиопском переводе. Имя его дяди Органы также было искажено на эфиопской почве.

2. Исторический контекст (крещение сербов и хорватов, а также более ранние крещения протоболгар, в частности дяди Кубрата Органы), некоторые вещи Прищепинского клада могут свидетельствовать в пользу того, что Кубрат мог быть христианином, мог воспитываться при дворе Ираклия и также быть его союзником.

3. В повествовании Иоанна Никиусского нет претензии на истинность рассказа о том, что Кубрат поддерживал Ираклону и Мартину и участвовал в их заговоре: он передаёт это как слух. На наш взгляд, это сообщение отражает сплетню, выдуманную врагами Ираклоны и Мартини и ставшую пропагандистским оружием, способствовавших их низвержению.

4. Тем не менее для этого слуха существовала реальная основа, поскольку Кубрат мог присутствовать в Македонии около 640–641 гг. после его победы над аvarами и возвращения им ромейских пленников на родину и, соответственно, он мог являться одним из политических игроков в ситуации династического кризиса.

5. Биография Кубрата реконструируется следующим образом: по отцу он являлся племянником Органы (Моходу-Хеу «Черного всадника» китайских источников, Гостуна «Именника») и его наследником. Около 619 г. вместе со своим дядей Органой он принимает св. Крещение в Константинополе и остается в императорском дворце в качестве воспитанника имп. Ираклия. После гибели своего дяди Органы в битве с тюрками в 631 г. он принимает власть над протоболгарами с санкции императора Ираклия, а также аварского кагана, однако около 635–636 гг. восстает против аварского кагана, разбивает его в пяти битвах и заключает мирный (союзнический) договор с Ираклием. Около 639–640 гг. он приходит в Романию, возвращая византийских пленных на родину (возможно, в рамках договора). Около 641 г. он еще находился на территории Македонии, пользуясь содержанием со стороны императора, что дало повод константинопольцам заподозрить его в заговоре в пользу имп. Ираклоны и императрицы Мартини, однако его реального вмешательства не последовало. Кубрат правил Великой Болгарией до своей смерти в 660 г., после которой протоболгарский народ распадается на пять частей, в результате чего хазары смогли перейти в наступление, а часть протоболгар под предводительством Аспаруха завоевала Мезию и положила основание для будущего Первого Болгарского Царства. Хотя христианство не стало в VII в. государственной религией протоболгар, тем не менее, оно было весьма влиятельным в роде Дуло, о чём говорит возведение Тервеля в сан кесаря, что допускалось только для христианина.

Примечания

1. Река Κουφίς, упоминаемая как граница Великой Болгарии в рассказе Феофана Исповедника о разделении протоболгар и вторжении Аспаруха в Мисию, скорее всего является Южным Бугом или одной из рек его бассейна [8: 54; 57: 109].

2. Болгарские ученые настаивают на том, что Первое Болгарское Царство появляется в 681 г. [2; 4; 19; 20]. Однако, с нашей точки зрения, это нонсенс, поскольку царство не может возникнуть ранее царского титула, а он в Болгарии появляется только в 913 г. после коронования царя Симеона Николаем Мистиком. Если же определять время от признания царского титула, то дата появления Болгарского царства становится еще более поздней – 930 г. До крещения Болгарии, на наш взгляд, целесообразно называть её каганатом, в промежуток между 865–913 гг. – княжеством.

3. Издание всего текста см.: [58]. Новейшее издание части хроники (до 390 г.) – [60].

4. См.: *Василик В.В.* Самосокрушение идолов. Параллели и смыслы // *Studia Slavica*. 2023. № 2 (в печати).

5. Перевод сделан В.В. Василиком с эфиопского текста по изданию Зотенберга [58: 216, 459–460].

6. Буквально «малого» *naus* (ge-ez).

7. Буквально «заставили выйти» – *awsa'u*.

8. Букв. «переводчику» – *metargum* м.б. μεταφράστης.

9. Возможно, является искаженной формой αὐγουστάλιος (*augustalis*) – августал.

10. Например коптское ΒΑΚΑΝΟС вместо правильного ΠΑΓΑΝΟС (язычник). Скорее всего, в коптском согласные являлись полуглухими-полузвонкими. См.: [78: 15–16].

11. Подобная ошибка связана с тем, что Ш. Мингазов не знает эфиопского языка, а пользуется переводом Чарльза. В его статье присутствуют и другие ошибки, связанные с непониманием текста. Например, Кетрадес назван не сыном брата (ፊልድ ኣህ) Квырнакэ, а сыном брата отца (ፊልድ ኣህ ኣብ) Квырнаса, т.е. не племянником, а кузеном, двоюродным братом» [35: 46]. На самом деле речь идёт именно о племяннике, только чтение рукопись Аббади 31 вносит уточнение, типичное для целого ряда культур, например древнерусской – по какой линии является кто-либо племянником – по линии отца, или матери (ср. в «Повести древних лет» – различие между «уй» – дядя по отцу (напр. Добрыня по отношению к св. Владимиру) и «стрый» – дядя по матери.

12. В Лондонском списке «Бревиария» Никифора присутствует чтение не *Οργανα*, а *Αργανα* [53: 153].

13. В своей Хронике Феофан цитирует речь императора почти дословно: «родитель мой Константин, при жизни отца своего, моего деда Ираклия, царствовал с ним довольно долгое время, а после его очень короткое: но зависть мачехи Мартины прекратила все добрые надежды и лишила его жизни, и это она сделала для Ираклиона, сына своего незаконнорожденного от Ираклия, и ваш приговор с волею Божиею справедливо лишил престола её и сына её, чтобы не видеть беззакония на римском престоле, о чем особенно печется ваша отличная знаменитость и потому прошу вас быть мне советниками и указателями общего благосостояния подданных [50: 250; 78: 300].

14. Τοῦτῳ τῷ ἔτει Τζάθιος, ὁ τῶν Λαζῶν βασιλεὺς, ἀποστατήσας τῆς τῶν Περσῶν βασιλείς, Καβάδου βασιλεύοντος καὶ φιλοῦντος τὸν Τζάθιον, ὡς καὶ αὐτοῦ προβαλλομένου αὐτὸν βασιλέα τῶν Λαζῶν, ἦλθε πρὸς Ἰουστινὸν εἰς τὸ Βυζάντιον καὶ παρεκάλεσε τὸν βασιλέα γενέσθαι αὐτὸν Χριστιανὸν καὶ ὑπὲρ αὐτοῦ ἀναγορευθῆναι βασιλέα τῶν Λαζῶν. ὁ δὲ βασιλεὺς μετὰ χαρᾶς αὐτὸν δεξάμενος ἐφώτισεν αὐτὸν καὶ υἱὸν αὐτὸν ἀνηγόρευσεν [78: 368].

15. ἐν δὲ τῷ αὐτῷ χρόνῳ προσεῖρ῀η Ῥωμαίοις ὁ ῥῆξ τῶν Ἑρούλων ὀνόματι Γρέπης· καὶ ἦλθεν ἐν Βυζαντίῳ μετὰ ἰδικῆς βοηθείας, καὶ προσεκύνησε τὸν βασιλέα Ἰουστινιανὸν καὶ ἤτησεν ἑαυτὸν γενέσθαι χριστιανόν. καὶ βαπτισθεὶς ἐν ἁγίοις θεοφανίοις ἀνάδοχος αὐτοῦ ἐγένετο τοῦ ἀχράντου βαπτίσματος ὁ αὐτὸς βασιλεὺς Ἰουστινιανός· ἐφωτίσθησαν δὲ σὺν αὐτῷ καὶ οἱ συγκλητικοὶ αὐτοῦ καὶ συγγενεῖς αὐτοῦ δώδεκα [67: 356].

16. καὶ ἦλθον οἱ Οὐννοὶ πραιδεύοντες ἕως τῆς Θράκης· καὶ ἐξελθὼν κατ' αὐτῶν ὁ στρατηλάτης Κωνσταντίολος καὶ Γοδιλᾶς καὶ ὁ τοῦ Ἰλλυρικοῦ στρατηλάτης Ἀσκοῦμ ὁ Οὐννος, ὃν ἐδέξατο ὁ βασιλεὺς Ἰουστινιανὸς ἐν ἀγίῳ βαπτίσματι, Joannes Malala [67: 361].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимова О.А.* Христианство в далматинских, хорватских и сербских землях // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге Второго Тысячелетия. М.: Индрик, 2002. С. 267–340.

2. *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София: Наука и изкуство, 1971. 384 с.

3. *Артамонов М.* История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 521 с.

4. *Атанасов Г.* Първостроителите на българската държавност. София: Исток-Запад, 2015. 391 с.

5. Бешевлиев В. Първобългарите. История, бит и култура. Пловдив: Българско историческо наследство, 2008. 505 с.
6. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, 1 (1), II-го отделения, М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 484 с.
7. Бобринской А.А. Перещепинский клад // Материалы по Археологии России № 34. Пг., 1914. С. 111–120.
8. Божилов И., Димитров Х. Protobulgarica (Заметки по истории прото-българ до середины IX в.) // Byzantinobulgarica. IX. София Издателство на Българската Академия на науките. 1995. С. 7–61.
9. Большаков О.Г. История халифата. Т. II. М.: Издательство Восточной литературы, 2002. 264 с.
10. Бурмов А. Въпроси из историята на прабългарите // Избрани произведения. Т. 1. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1968. С. 10–30.
11. Василик В.В., Копанева Д.Д. Образ Константина Великого в хронике Иоанна Никиусского // Мнемон. 2022. Вып. 22. С. 111–122.
12. Василик В.В. Церковь и империя в византийской гимнографии. СПб.: Алетей, 2016. 672 с.
13. Венедиков И. Прабългарите и християнство. Стара Загора: Идея, 1995. 239 с.
14. Вернер И. Погребалната находка от Малая Перещепина и Кубрат-хан на българите. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1988. 83 с.
15. Войников Ж. Етногенеза и миграции в Евразия през древността и Ранното средновековие и мястото на древните българи в тях. София: Издателство на Българската Академия на науките, 2009. 1482 с.
16. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. 213 с.
17. Гръцки извори за българската история. Т. 3, 1. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1960. 380 с.
18. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. Образование Великого Тюркского каганата. М.: Наука, 1967. 504 с.
19. Гюзелев В., Божилов, И. История на средновековна България VII–XIV в. // История на България. Т. 1. Пловдив: Анупис, 1999. 704 с.
20. Гюзелев В., Петров П. Христоматия по история на България. Т. 1. София: Наука и изкуство, 1978. 466 с.
21. Димитров Х. Болгария и хазары в VII–VIII веках // Bulgarian Historical Review. 1989. Т. 2. С. 47–66.
22. Димитров Х. България и номадите до началото на XI в. Пловдив: Фондация Българско историческо наследство, 2011. 329 с.
23. Димитров М. Еврейско-хазарската преписка от X в., като извор за

средновековната история на българите // Исторически преглед. 1980. Т. 4. С. 103–116.

24. *Димитров Х.* Историческата действителност в «Именник на българските ханове» // Сборник Преслав. 1985. Т. 4. С. 100–120.

25. *Дуйчев И.* Из старата българска книжнина. Т. 1. София, 1943. 480 с.

26. *Зайцев Д.В.* Ираклона // Православная энциклопедия. Т. XXVI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. С. 304–305.

27. *Звездов Ст.* Стара Велика България и възходът на уногундурите при кан Кубрат // History. 2017. Т. 25, № 4. С. 351–370.

28. *Златарски В.* История на Българската държава през Средните векове. Т. 1. София: Издателство на Българската Академия на науките, 2007. 485 с.

29. *Златарски В.* Нови известия за най-древния период на българската история // Избрани произведения. Т. 1. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1972. С. 19–31.

30. *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина. М.: Индрик, 2003. 376 с.

31. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народ евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 320 с.

32. *Кляшторный С.Г.* Праболгары в европейских степях // История татар с древнейших времен. Т. 1. Казань, 2002. С. 180–200.

33. *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья / гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: Институт археологии НАН Украины; Донецкий нац. ун-т, 2006. Т. 5. С. 9–18, 133.

34. *Львова З.А.* Перещепинский набор предметов вооружения и снаряжения знатного воина и его владелец // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. Краткие тезисы докладов научной конференции, посв. 60-летию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири. (Государственный Эрмитаж. 4–5 декабря 1991 г.). СПб.: Государственный Эрмитаж, 1991. С. 32–34.

35. *Мингазов Ш.* Кубрат – правитель Великой Болгарии, и Кетрадец – персонаж Йоанна Никиусского. Казань, 2012. 83 с.

36. *Москов М.* Именник на българските ханове. Ново тълкуване. София: Държ. изд-во «Д-р Петър Берон», 1988. 368 с.

37. *Николова Б.* Ранното християнство в България преди покръстването: Теории и реалности // Тотев Тотю (ed.). 1100 години Велики Преслав. Сборник с материали от научната сесия, проведена в гр. Велики Преслав през 1993 г. по случай 1100 години от Великопреславския църковно-народен събор. Т. 1. Шумен: Издателство на ВПИ «Константин Преславски», 1995. С. 182–194.

38. *Острогорский Г.А.* Византийская государственность. М.: Сибирская благовонница, 2011. 896 с.

39. Павлов П. Политическото наследство на Аварския хаганат и българските владетели (IX–XI в.) // Проблеми на прабългарската история и култура. Т. 3. Шумен, 1997. С. 60–70.

40. Петров П. Образуване на Българската държава. София, 1981. 331 с.

41. Плетньова С. Древните българи в Източна Европа // Известия на Българското историческо дружество, 1980. Т. 33. С. 23–40.

42. Плетнева С.А. Симпозиум «Сокровище хана Кубрата. Култура болгар, хазар, славян» (София, септември 1989 г.) // Советская археология. 1990. № 4. С. 289–290.

43. Попов И.Н., Кузенков П.В. Ираклий // Православная энциклопедия. Т. XXVI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. С. 280–292.

44. Рашев Р. Българските ханове и християнството // Християнската култура в средновековна България. Материали от национална научна конференция по случай 1100 години от смъртта на Св. Княз Борис Михаил (ок. 835–907 г.), Шумен 2–4 май 2007 година. Велико Търново: Фабер, 2008. С. 35–41.

45. Свод древнейших сведений о славянах / гл. ред. Г.Г. Литаврин. Т. 2. М.: Наука, 1995. 577 с.

46. Себеос еп. История / пер. Ст. Малхасянц. Ереван, 1939. 186 с.

47. Степанов Ц. Болгары и христианство до 864 года: Историографический ракурс (1989–2009) // Славяноведение. 2010. № 4. С. 3–10.

48. Трубочев О.В. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2002. 495 с.

49. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 1. М., 1996. 824 с.

50. Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / пер. В.И. Оболенского; под ред. О.М. Бодянского // Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания (Византийская историческая библиотека) / изд. подг. А. И. Цепков. Рязань: Александрия, 2005. 608 с.

51. Французов С.А. Иоанн Никиусский. Православная энциклопедия. Т. XXIII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. С. 371–372.

52. Французов С.А. Хроника Иоанна Никиуского: некоторые особенности языка и содержания // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2010. № 4 (22). Серия III. Филология. С. 77–86.

53. Чичуров И. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. 217 с.

54. Avenarius A. Die Awaren in Europa. Bratislava, 1974. 283 S.

55. Bona I. The Pannonian Onogurs, Khan Krum and the Formation of the

- Bulgarian and Hungarian Politics // Bulgarian Historical Review. 1983. Vol. 11. P. 73–76.
56. *Booth Ph.* The Muslim Conquest of Egypt Reconsidered // Constructing the Seventh Century / ed. by C. Zuckerman. Paris, 2013. P. 639–670.
57. *Constantinus Porphyrogenetes.* De administrando imperii / ed. by G. Litavrin. Moscoviae: Nauka, 1991. 340 p.
58. Chronique de Jean, eveque de Nikiu, texte ethiopien, publie et traduit par H. Zotenberg. Paris: Imprimerie nationale, 1883. 485 p.
59. *Cruz-Urbe E.* Notes on the Coptic Cambyses Romance // Enchoria. 1986. Vol. 14. P. 51–56.
60. *Elagina D.* The Textual Tradition of the Chronicle of John of Nikiu: Towards the Critical Edition of the Ethiopic Version. A dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Hamburg, 2018. 230 p.
61. *Fiaccadori G.* John of Nikiou // Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History / eds. by D. Thomas, B. Roggema. Vol. I. Leiden; Boston, 2009. P. 209–218.
62. *Frazer P.M.* John of Nikiou. The Coptic Encyclopedia. Vol. 5. London, 1991. Col. 1366–1367.
63. *Golden P.* The Peoples of the South Russian Steppes // The Cambridge History of Early Inner Asia / ed. by Denis Sinor. Cambridge, 1990. P. 254–264.
64. History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria. Part 3: Agathon to Michael I (766). Oxford, 1910. 420 p.
65. *Howard-Johnston J.* Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford: Oxford University Press, 2010. 573 p.
66. *Jansen H.L.* The Coptic Story of Cambyses' Invasion of Egypt. A Critical Analysis of Its Literary Form and Its Historical Purpose. Oslo, 1950. 92 p.
67. *Johannes Malala.* Chronographia. Berolini et Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 2000. 551 p.
68. *Johnson D. W.* John of Nikiu // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. II. Oxford, 1991. P. 1066.
69. *Laszlo G.* Etudes Archeologiques sur l'histoire de la societe des Avars // Archeologia Hungarica. Vol. 34. Budapest: Akademiai kiado, 1955. 296 p.
70. *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des Miracles de St. Démétrius et la pénétration des slaves dans les Balkans. Vol. 1: Le texte. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1979. 268 p.
71. *Nicephorus.* Breviarium / ed. by C. de Boor. Lipsiae; Teubner, 1880. 348 p.
72. *Norwich J.* Byzantium. The early centuries. New York, 1988. 454 p.
73. *Pohl W.* Verlaufsformen der Ethnogenese – Awaren und Bulgaren // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern I. Wien, 1990. S. 113–124.
74. *Runciman St.* History of the First Bulgarian Kingdom. London: Bath and Sons. 1930.

75. Sinor D. The Establishment and dissolution of the Turk empire // The Cambridge History of Early Inner Asia, edited by Denis Sinor. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 285–317.

76. Stratos A.N. Byzantium in the 7th Cent. Amsterdam. 1972. Vol. 2. P. 186–205.

77. Stepanov. Ts. State-formation in Danubian Bulgaria, ad 681–865 // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 1. P. 5–32.

78. Theophanes. Chronographia. C de Boor ed. Lipsiae: Teubner, 1883. 591 p.

79. Till W. Die Koptische Grammatik. Leipzig: Harassowitz, 1950. 320 S.

80. Weninger S. John of Nikiu. Encyclopedia Aethiopica. Vol. III. 2007. P. 298–299.

81. Werner J. Der Grabiund von Malaja Perescepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren // Philosophische Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Abhandlungen (Neue Folge). 1984. Heft 91. P. 29–38.

82. Witakowski W. Ethiopic Universal Chronology // Julius Africanus und die christliche Weltchronistik / ed. by M. Wallraff. Berlin; New York, 2006. P. 288–289.

83. Zalesskaya V. Byzantinische Gegenstände im Komplex von Mala Perescepina // Reiter Volker aus dem Osten. Hunnen-Awaren. Begleitbuch und Katalog. Burgenlandische Landesausstellung. Schloss Halbturn (26. April 1–31 Oktober 1996). Wien, 1996. S. 205–225.

84. Zuckerman C. The Khazars and Byzantium-The First encounter // The World of the khazars. New Perspectives / ed. by P. Golden, Hagga Ben-Shammai and A. Rona-Tas. Brill; Leiden; Boston, 2007.

REFERENCES

1. Akimova, O. (2002) Khristianstvo v dalmatinskikh, khorvatskikh i serbskikh zemlyakh [Christianity in Dalmatian, Croatian, and Serbian Lands] In: Florya, B.N. (ed.) *Khristianstvo v stranakh Vostochnoy, Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy na poroge Vtorogo Tysyacheletiya* [Christianity in the countries of Central, South-East, and Eastern Europe on the border of the II millennium]. Moscow: Indrik. pp. 267–337.

2. Angelov, D. (1981) *Obrazuvane na b"lgarskata narodnost*. Sofia: Nauka i iskuzstvo.

3. Artamonov, M. (1962) *Istoriya khazar* [History of Chazars]. Leningrad: Nauka.

4. Atanasov, G. (2015) *P"rvostroitelite na b"lgarskata d"rzhavnost* [First builders of the Bulgarian Statehood]. Sofia: Istok-Zapad.

5. Beshevliev, V. (2008) *P"rvob"lgarite. Istoriya, bit i kultura*. Plovdiv: B"lgarsko istoricheskoto nasledstvo.

6. Bitchurin, N.Ya. (1950) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collected information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Vol. 1(1). Moscow; Leningrad: USSR AS.

7. Bobrinskoy, A.A. (1914) *Pereshchepinskiy klad* [The Hoard of Pereshchepino]. *Materialy po Arkheologii Rossii*. 34. pp.111–120.
8. Bozhilov, I. & Dimitrov, H. (1995) *Protobulgarica* (Zametki po istorii protobolgar do serediny IX v.) [The notes about the history of Protobulgarians up to middle of the 9th century]. *Byzantinobulgarica*. 9. pp. 7–61.
9. Bolshakov, O.G. (2002) *Istoriya khalifata* [The History of Chaliphate]. Vol. II. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoy literatury.
10. Burmov, A. (1968) *Izbrani proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 1. Sofia: Izdatelstvo na B"lgarskata Akademiya na naukite. pp. 1–30.
11. Vasilik, V.V. & Kopaneva, D.D. (2022) *Obraz Konstantina Velikogo v khronike Ioanna Nikiusskogo* [The image of Constantine the Great in the Chronicle of John of Nikiu]. *Mnemon*. 22. pp. 111–122.
12. Vasilik, V. (2016) *Tserkov' i imperiya v vizantiyskoy gimnografii* [Church and Empire in the Byzantine hymnography]. St. Petersburg: Aleteyya.
13. Venedikov, I. (1995) *Prab"lgarite i khristianstvo* [Protobulgarians and Christianity]. Stara Zagora: Ideya.
14. Verner, I. (1988) *Pogrebalnata nakhodka ot Malaya Pereshchepina i Kubrat-khan na b"lgarite*. Sofia: Izdatelstvo na B"lgarskata Akademiya na naukite.
15. Voynikov, Zh. (2009) *Etnogeneza i migratsii v Evraziya prez drevnostta i Rannoto srednovekovie i myastoto na drevnite b"lgari v tyakh* [The ethnogenesis and migration in Eurasia during Antiquity and Middle Ages and the place of Bulgarians in them]. Sofia: Izdatelstvo na B"lgarskata Akademiya na naukite.
16. Gadlo, A.V. (1979) *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [Ethnical history of the Northern Caucasus]. Leningrad: Leningrad State University.
17. Duychev, I. (ed.) (1960) *Gr"tski izvori za b"lgarskata istoriya* [Greek sources on the Bulgarian history]. Vol. 3. Sofia: Izdatelstvo na Bolgarskata Akademia na naukite.
18. Gumilev, L. (1967) *Drevnie tyurki. Obrazovanie Velikogo Tyurkskogo kaganata* [Ancient Turks. The Great Turkish Kahanat]. Moscow: Nauka.
19. Guzelev, V. & Bozhilov, I. (1999) *Istoriya na B"lgariya* [History of Bulgaria]. Vol. 1. Plovdiv: Anubis.
20. Guzelev, V. & Petrov, P. (1978) *Khristomatiya po istoriya na B"lgariya*. Vol. 1. Sofia: Nauka i izskusstvo.
21. Dimitrov, H. (1989) *Bolgariya i khazary v VII–VIII vekakh* [Bulgaria and nomads till the beginning of the 11th century]. *Bulgarian Historical Review*. 2. pp. 47–66.
22. Dimitrov, H. (2011) *B"lgariya i nomadite do nachaloto na XI v.* Plovdiv: Fondatsiya B"lgarsko istoricheskoto nasledstvo.
23. Dimitrov, M. (1980) *Evreysko-khazarската prepiska ot Kh v., kato izvor za srednovekovnata istoriya na b"lgarite* [Jewish-Chazarian correspondence of the 10th century as a source for medieval history of Bulgarians]. *Istoricheski pregled*. 4. pp. 103–116.

24. Dimitrov, H. (1985) *Istoricheskata deystvitelnost v "Imennik na b"lgarskite khanove.* *Sbornik Preslav*. 4. pp. 100–120.
25. Duychev, I. (1943) *Iz starata b"lgarska knizhnina* [From the Old Bulgarian Literature]. Vol. 1. Sofia: Izdatelstvo na Bolgarskata Akademia na naukite.
26. Zaytsev, D.V. (2010) *Iraklona. Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 36. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 304–305.
27. Zvezdov St. (2017) *Stara Velika B"lgariya i v"zkhod"t na unogundurite pri kan Kubrat* [Old Great Bulgaria and the Rise of Unogundurs at khan Kubrat]. *History*. 4(25). pp. 351–370.
28. Zlatarski, V. (2007) *Istoriya na B"lgarskata d"rzhava prez Srednite vekove* [The history of Bulgarian state in the middle centuries]. Vol. 1. Sofia: Izdatelstvo na B"lgarskata Akademiya na naukite.
29. Zlatarski, V. (1972) *Izbrani proizvedeniya*. Vol. 1. Sofia: Izdatelstvo na B"lgarskata Akademiya na naukite. pp. 19–31.
30. Ivanov, S.A. (2003) *Vizantiyskoe missionerstvo: mozhno li sdelat' iz "Varvara" khristianina* [Byzantine missionary: Can a barbarian be made a Christian?]. Moscow: Indrik.
31. Klyashtorny, S.G. & Sultanov T.I. (2000) *Gosudarstva i narod evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e* [States and People of Eurasian Steppes. Antiquity and Middle Ages]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
32. Klyashtorny, S.G. (2002) *Prabolgariya v evropeyskikh stepyakh* [Protobulgarian in European Steppes]. In: Khakimov, R.S. (ed.) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of Tatars from Ancient Times]. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 180–200.
33. Komar, A.V. (2006) *Pereshchepinskiy kompleks v kontekste osnovnykh problem istorii i kul'tury kochevnikov Vostochnoy Evropy VII – nach. VIII v.* [Archeological complex of Pereshchepino in the context of main problems of the history and culture of nomads of Eastern Europe in the 7th – early 8th century]. In: Evglevskiy, A.V. (ed.) *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [European steppes in the Middle Ages]. Vol. 5. Donetsk: Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Donetsk National University. pp. 9–18.
34. Lvova, Z.A. (1991) *Pereshchepinskiy nabor predmetov vooruzheniya i snaryazheniya znatnogo voyna i ego vladelets* [The complex of weapons and arms of a noble warrior from Pereshchepino and its owner]. *Arkheologicheskie kul'tury Evrazii i problemy ikh integratsii* [Archaeological cultures of Eurasia and problems of their integration]. Proc. of the Conference. The State Hermitage. December 4–5 December, 1991. pp. 32–34.
35. Mingazov, Sh. (2012) *Kubrat – pravitel' Velikoy Bolgarii, i Ketrades – personazh Yoanna Nikiusskogo* [Kubrat – The Ruler of Great Bulgaria and Ketrades, The Character of John, Bishop of Nikiu]. Kazan: IAZ.
36. Moskov, M. (1988) *Imennik na b"lgarskite khanove. Novo t"lkuvane* [Catalogue of Names of Bulgarian Khans. A New Interpretation]. Sofia: D-r Pet'r Beron.

37. Nikolova, B. (1995) Rannoto khristiyanstvo v B"lgariya predi pokr"stvaneto: Teorii i realnosti [Early Christianity in Bulgaria before baptism. Theories and reality] In: Totev, T. (ed.) *1100 godini Veliki Preslav. Sbornik s materiali ot nauchnata sesiya, provedena v gr. Veliki Preslav prez 1993 g. po sluchay 1100 godini ot Velikopreslavskiyats"rkovno-naroden s"bor*. Vol. 1. Shumen: Konstantin Preslavski. pp. 182–194.

38. Ostrogorski, G.A. (2011) *Vizantiyskaya gosudarstvennost'* [Byzantine Statehood]. Moscow: Sibirskaya blagozvonitsa.

39. Pavlov, P. (1997) Politicheskoto nasledstvo na Avarskiy khaganat i b"lgarskite vladeteli (IX–XI v.) [Political inheritance of Avarian kaganat and Bulgarian rulers (9th – 11th century)]. *Problemi na prab"lgarskata istoriya i kultura*. 3. pp. 60–70.

40. Petrov, P. (1981) *Obrazuvane na B"lgarskata d"rzhava* [Formation of Bulgarian State]. Sofia: Izdatelstvo na Bolgarskata Akademia na naukite.

41. Pletneva, S. (1980) Drevnite b"lgari v Iztocna Evropa [Old Bulgarians in the Oriental Europe]. *Izvestiya na B"lgarskoto istoricheskoto druzhestvo*. 33. pp. 23–40.

42. Pletneva, S. (1990) Simpozium "Sokrovishche khana Kubrata. Kul'tura bolgar, khazar, slavyan" (Sofiya, sentyabr' 1989 g.) [Symposium "The Treasure of khan Kubrat. The culture of Bulgarians, chazars, Slavs [Sofia, September of 1989]. *Sovetskaya arkhologiya*. 4. pp. 289–290.

43. Popov, I.N. & Kuzenkov, P.V. (2010) Iraklii [Heraclius]. In: *Pravoslavnaya Entsiklopedia* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 37. Moscow: Pravoslavnaya Entsiklopedia. pp. 280–292.

44. Rashev, R. (2008) B"lgarskite khanove i khristiyanstvoto [Bulgarian khans and Christianity]. In: Georgiev, P. (ed.) *Khristiysanskata kultura v srednovekovna B"lgariya* [Christian culture in the Medieval Bulgaria]. Veliko T"rnovo: Faber. pp. 35–41.

45. Litavrin, G. (ed.) (1995) *Svod drevneyshikh svedeniy o slavyanakh* [Code of ancient information about the Slavs]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

46. Sebeos. (1939) *Istoria* [The History]. Translated by St Malhasiants. Erevan: [s.n.].

47. Stepanov, Ts. (2010) Bolgari i khristianstvo do 864 goda: Istoriograficheskiy rakurs (1989–2009) [Bulgarians and Christianity up to 864: A historiographic aspect (1989–2009)]. *Slavyanovedenie*. 4. pp. 3–10.

48. Trubachev, O. (2002) *Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research]. Moscow: Nauka.

49. Uspenskiy, F.I. (1995) *Istoriya Vizantiyskoy imperii* [History of the Byzantine Empire]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.

50. Theophanes the Byzantine. (2005) *Letopis' ot Diokletiana do tsarey Mikhaila i syna ego Feofilakta. Prisk Paniyskiy. Skazaniya (Vizantiyskaya istoricheskaya biblioteka)* [Chronicle from Diocletian to the kings Michael and his son Theophylact. Priscus of Panias. Tales (Byzantine Historical Library)]. Ryazan: Aleksandriya.

51. Frantsuzov, S.A. (2010a) *Ioann Nikiuskiy* [John, Bishop of Nikiu]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Vol. 23. Moscow: Pravoslavnaya entsyklopediya. pp. 371–372.

52. Frantsuzov, S.A. (2010b) *Khronika Ioanna Nikiuskogo: nekotorye osobennosti yazyka i soderzhaniya* [The Chronicle of John of Nikiu: Some Peculiarities of Its Languages and Contents]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 4(22). pp. 77–86.

53. Chichurov, I. (1980) *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya: "Khronografiya" Feofana, "Breviariy" Nikifora. Teksty, perevod, kommentariy* [The Byzantine historical works. Chronography by Theophanes. Breviarium by Nicephorus. Texts, translation, commentaries]. Moscow: Nauka.

54. Avenarius, A. (1974) *Die Awaren in Europa*. Bratislava: [s.n.].

55. Bona, I. (1983) The Pannonian Onogurs, Khan Krum and the Formation of the Bulgarian and Hungarian Polities. *Bulgarian Historical Review*. 11(1). pp. 73–76.

56. Booth, Ph. (2013) The Muslim Conquest of Egypt Reconsidered. In: Zuckerman, C. (ed.) *Constructing the Seventh Century*. Paris: [s.n.]. pp. 639–670.

57. Constantinus Porphyrogenetes. (1991) *De administrando imperii*. Moscoviae: Nauka.

58. Zotenberg, H. (ed.) (1883) *Chronique de Jean, eveque de Nikiu*. Paris: Imprimerie nationale.

59. Cruz-Urbe, E. (1986) Notes on the Coptic Cambyes Romance. *Enchoria*. 14. pp. 51–56.

60. Elagina, D. (2018) *The Textual Tradition of the Chronicle of John of Nikiu: Towards the Critical Edition of the Ethiopic Version*. PhD dissertation. Hamburg.

61. Fiacadori, G. (2009) John of Nikiou. In: Thomas, D. & Roggema, B. (eds) *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. I. Leiden–Boston: [s.n.]. pp. 209–218.

62. Frazer, P.M. (1991) John of Nikiou. In: *The Coptic Encyclopedia*. Vol. 5. London: [s.n.]. Col. 1366–1367.

63. Golden, P. (1990) The Peoples of the South Russian Steppes. In: Sinor, D. (ed.) *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge. pp. 254–284.

64. Evetts, B. (ed) (1910) *History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria*. Vol. 3. Oxford: [s.n.]

65. Howard-Johnston, J. (2010) *Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century*. Oxford: Oxford University Press.

66. Jansen, H.L. (1950) *The Coptic Story of Cambyes' Invasion of Egypt. A Critical Analysis of Its Literary Form and Its Historical Purpose*. Oslo: I kommisjon hos Jacob Dybwad.

67. Malala, J. (2000) *Chronographia*. Berolini et Novi Eboraci: Walter de Gruyter.

68. Johnson, D.W. (1991) John of Nikiu. In: Kazhdan, A. (ed.) *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 2. Oxford. p. 1066.

69. Laszlo, G. (1955) *Etudes Archeologiques sur l'histoire de la societe des avars*. In: *Archeologia Hungarica*. Vol. 34. Budapest: Akademiai kiado.
70. Lemerle, P. (1979) *Les plus anciens recueils des Miracles de St. Démétrius et la pénétration des slaves dans les Balkans*. Vol. 1. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique.
71. de Boor, C. (ed.) (1882) *Nicephorus. Breviarium*. Lipsiae: Teubner.
72. Norwich, J. (1988) *Byzantium. The Early Centuries*. New York: [s.n.].
73. Pohl, W. (1990) Verlaufsformen der Ethnogenese – Awaren und Bulgaren. In: *Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern I*. Wien. pp. 113–124.
74. Runciman, S. (1930) *History of the First Bulgarian Kingdom*. London: Bath and Sons.
75. Sinor, D. (1990) The Establishment and dissolution of the Turk empire. In: Sinor, D. (ed.) *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 285–317.
76. Stratos, A.N. (1972) *Byzantium in the 7th Century*. Vol. 2. Amsterdam. De Gruyter. pp. 186–205.
77. Stepanov, Ts. (2013) State-formation in Danubian Bulgaria, ad 681–865. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1. pp. 5–32.
78. Theophanes. (1883) *Chronographia*. Lipsiae, Teubner.
79. Till, W. (1950) *Die Koptische Grammatik*. Leipzig: Harassowitz.
80. Weninger, S. (2007) John of Nikiu. *Encyclopedia Aethiopica*. 3. pp. 298–299.
81. Werner, J. (1984) Der Grabiund von Malaja Perescepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. *Philosophische Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*. 91. pp. 29–43.
82. Witakowski, W. (2006) Ethiopic Universal Chronology. In: Wallraff, M. (ed.) *Julius Africanus und die christliche Weltchronistik*. Berlin–New York: [s.n.]. pp. 285–301.
83. Zaleskaya, V. (1996) Byzantinische Gegenstände im Komplex von Mala Perescepina. In: *Reitervölker aus dem Osten. Hunnen-Awaren*. Schloss Halbturn (26. April 1 – 31. Oktober 1996). Wien. pp. 205–225.
84. Zuckerman, C. (2007) The Khazars and Byzantium-The First encounter. *The World of the khazars*. In: Golden, P., Ben-Shammai, H. & Rona-Tas, A. (eds) *New Perspectives*. Brill-Leiden-Boston. pp. 399–433.

Василик Владимир Владимирович – доктор исторических наук, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Vladimir V. Vasilik – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: v.vasilik@spbu.ru

УДК 94(47+57)“12/14”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/4

К вопросу о датировке штурма Луцка войсками Куремсы*

Ю.В. Селезнев

Воронежский государственный университет

Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

E-mail: orda1359@mail.ru

Авторское резюме

События противостояния князей Галицко-Волынской Руси Даниила и Василько Романовичей и ордынского военачальника Куремсы (Коренцы) представляют важный этап в установлении владычества ханов Джучиева Улуса над русскими землями. Последовательность и результаты данных событий имеют существенное значение при реконструкции отношений покоренных правителей с завоевателями в контексте расширения Монгольской империи и становления Джучиева Улуса в середине XIII столетия. Кроме того, надёжная хронология позволяет рассмотреть отношения Галича и Волыни с соседними государствами и княжествами в условиях доминирования в регионе Орды. В этой связи обращают на себя внимание детали летописной погодной записи о нападении Куремсы на Владимир-Волынский и Луцк. В силу запутанности прямой датировки события в единственном сохранившем описание событий источнике – Галицко-Волынской летописи – обращают на себя внимание детали известия. Упоминание в известии святых, покровительствовавших чуду, предотвратившему взятие ордынскими войсками города Луцка, позволяет сделать обоснованное предположение о точной датировке сражения у моста, что проливает свет на время произошедших событий и позволяет более точно выстроить хронологию вторжения Куремсы на Волынь.

Ключевые слова: Галич, Волынь, Даниил Романович Галицкий, Василько Романович Волынский, Куремса, Джучиев Улус, Орда, Луцк

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

On dating the assault on Lutsk by Kuremsa*

Yuri V. Seleznev

Voronezh State University

1 University Square, Voronezh, 394018, Russia,

E-mail: orda1359@mail.ru

Abstract

The confrontation between the princes of Galicia-Volhynia Daniel and Vasilko Romanovich and the Horde commander Kuremsa (Korentsy) played a large part in the establishment of the Juchi Ulus rule over Rus'. The sequence and results of the events are crucial for reconstructing the relations between the conquered rulers and the conquerors under the Mongol Empire expansion and the formation of the Juchi Ulus in the mid-13th century. In addition, a reliable chronology is important for analysing the relations of Galich and Volhynia with their neighboring states and principalities under the dominance of the Horde. In this regard, attention is drawn to the details of the chronicle weather record about Kuremsa's attack on Vladimir-Volynsky and Lutsk. Since the direct dating of the event in the Galician-Volhynian Chronicle is rather confusing, more attention should be paid to its details. The mentions of the saints who patronize the miracle before the capture of Lutsk by the Horde justify an assumption about the exact date of the battle at the bridge, which sheds light on the dates of the events and allows a more accurate reconstruction of the chronology of Kuremsa's invasion to Volhynia.

Keywords: Galich, Volhynia, Daniel of Galicia, Vasilko Romanovich Volynsky, Kuremsa, Juchi Ulus, Orda, Lutsk

Вооруженное противостояние князей Галицко-Волынской земли и ордынских военачальников тесно связано с процессом включения Галича и Волыни в сферу политического влияния Монгольской империи и Улуса Джучи [13: 148–150]. Расположившийся в южнорусских степях монгольский военачальник Куремса (Коренца, Курумши) в течение первой половины 1250-х гг. совершил ряд нападений на земли, подконтрольные князьям Даниилу и Василько Романовичам. Русские князья организовали ответные акции, что позволяет охарактеризовать последовательность боевых событий как пограничную войну.

* The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

Сама же хронология событий остается не вполне ясной: известия сохранились исключительно в составе Галицко-Волынской летописи, в которой датировка рассматриваемых свидетельств смещена и вызывает сомнения и различные варианты трактовок. К этому вопросу обращались С.М. Соловьёв [16], М.С. Грушевский [3], А.Н. Насонов [8], В.Г. Вернадский [2], Н.Ф. Котляр [6], И.Л. Измайлов [5], Е.Е. Иванова [4], А.Н. Нестеренко [9], П.С. Стефанович [17].

Сведения сохранились в составе Ипатьевского свода, который составлен не позднее середины XV в., что удостоверяется наличием списка конца 1410-х – начала 1420-х гг. [10: E–N]. Завершающая часть свода – Галицко-Волынская летопись – прерывается на 1292 г., что позволяет предполагать появление протографа указанного памятника в самом конце XIII в. или в начале XIV в.

В свою очередь Галицко-Волынская летопись представляет собой сложный по своему составу и структуре литературный памятник, который традиционно делят на летописный свод 1246 г., летопись епископа Иоанна (оканчивается 1260 г.), свод Василька Романовича Волынского (около 1263–1271), летописец Владимира Васильковича (1272–1289 гг.) и свод Мстислава Даниловича (1289–1291 гг.) [7: 235–241; 12: 123–130; 15].

Рассматриваемое нами известие помещено в летописи под 6767 (1259) (т. е. в т. н. летописи епископа Иоанна): «Потом же ѿхаста в Володимерь, и собравша мало дружины, и молящася Богу о нашествии татарь, да Богъ избавить я. Не могуща же дружины собрати, сласта съмо и онамо. Прилучи же ся Василковымъ людемъ выѿхати и обрѣтше татарь биша я, и колодники имаша. Потом же, Куремьсь стоящю у Лучка, створи Богъ чудо *велико*. Луческъ бѣ не утвержень и не уряжень. И сбѣгшимся во нь многимъ людемъ, и бѣ бо зимѣ, бывши и водѣ велицѣ. Оному же пришедшу к Лучьску и не могушю ему преити, хотяше мость прияти. Гражаномъ же отсѣкшимъ мость. Он же пороки постави, отгнати хотя. Богъ же чудо створи, и святы Иванъ, и святыи Никола: вѣтру же таку бывшу, яко порокомъ вѣргшу, вѣтру же обращаше камень на нѣ. Паки же мечущемъ на нѣ крѣпко, изломися Божию силою пракъ ихъ. И не успѣвше ничтоже, вратишася во станы своя, рекше в поле» [11: 841–842].

Расположение известий в годовой записи 6767 г. позволило С.М. Соловьёву отнести событие к 1259 г.: «Ближайшим соседом Данииловым в Приднепровье был баскак Куремса, не могущий внушить большого страха галицкому князю, так что в 1257 году последний решился предпринять наступательное движение против татар и побрал все русские города, непосредственно от них зависевшие. В 1259 году войско Куремсы явилось у Владимира, но было отбито жителями, сам

Куремса не мог взять Луцка, потому что сильный ветер относил от города камень, бросаемые татарами из машин» [16: 201].

Однако прямая датировка, согласно летописному упоминанию, наталкивается на ряд противоречий. Главное из них состоит в том, что уже в 1258 г. степи Поднепровья заняли войска Бурундая, откуда начали совершать походы, к примеру, в Литву и Польшу. Причем в самой Галицко-Волынской летописи утверждается, что Бурундай сменил Куремсу и совместно с ним ни коим образом не действовал.

И если Н.Ф. Котляр избегает определения временных рамок похода («Куремса стремился перейти в контрнаступление, но, когда его конница появилась на Волыни, она была рассеяна войском Романовичей под Луцком») [6: 71], то, к примеру, Г.В. Вернадский относит события к более раннему времени – около 1257 г.: попытки Куремсы «штурмовать города Владимир-Волынский и Луцк в обоих случаях закончились неудачей. Холм сильно пострадал от пожара, причиной которого был несчастный случай, а не какое-либо нападение монголов». При этом Г.В. Вернадский отмечает, что «хронология Галицкой летописи этого периода очень запутана», автор в большинстве случаев пользуется «датировкой Грушевского» [2: 70].

Однако М.С. Грушевский предположительно относит попытку штурма Луцка войсками Куремсы к концу 1255 г. Правда, автор допускает, что события могли происходить и в более позднее время, но считает указанную дату наиболее обоснованной, в том числе дальнейшей хронологией событий [3].

Такую датировку – конец 1255 г. – принимает большинство авторов, касающихся истории отношений князей-Романовичей с Ордой в 1240–1250-е гг. (к примеру, А.Н. Насонов [8: 34], Е.Е. Иванова (В 6767/ конце 1255 г.) [4: 43], А.Н. Нестеренко [9: 21–52], П.С. Стефанович [17: 125], а также автор данных строк [14: 40]). Тем не менее И.Л. Измаилов отнес событие к более раннему времени – зиме 1254 г. [5: 520].

Таким образом, прямая датировка в Галицко-Волынской летописи осады войсками Куремсы города Луцка вызывает ряд затруднений и побуждает поиск дополнительных аргументов в пользу той или иной хронологии событий.

На наш взгляд, одной из «подсказок» может оказаться отсылка в летописной записи к покровительству святых, благодаря которым произошло чудо с внезапными порывами ветра, сорвавшими обстрел камнеметными машинами защитников моста перед Луцком: автор записи обращается одновременно к святому Иоанну и святому Николаю: «Богъ же чудо створи, и святы Иванъ, и святыи Никола» [1: 282].

Обращение к святому Николаю, вероятно, было сопряжено с тем обстоятельством, что одно из чудес святого связано с бурей и ветром:

во время путешествия по морю разразился сильнейший шторм и поднялся сильнейший ветер, который бросал судно из стороны в сторону. Молитвами святого Николая стихия стала утихать. В условиях спасения города от противника путем сильнейшей бури, покровительство св. Николая, вероятно, рассматривалось как участие высших сил для привлечения стихии в защиту православных от «супротивных».

Надо полагать, что совместное упоминание святых Иоанна и Николая не было случайным. Это позволяет предполагать, что в день шторма поминали обоих святых. Поскольку события происходили зимой, то в первую очередь обращает на себя внимание день памяти чудотворца Николая – 6 декабря. Однако в один день с ним не поминается Иоанн. Ближайший день памяти – 4 декабря – является день поминовения Иоанна Дамаскина. Однако несовпадение дней поминовения св. Иоанна и св. Николая вызывает сомнение в правомочности отнесения событий к началу декабря.

Другим основанием для поиска иной датировки на основе упоминаний имен святых является практика ведения богослужений, посвященных святому Николаю каждый четверг. В этой связи соотнесение четвергов с датами поминовения одного из святых Иоаннов позволит более точно определить дату событий.

В частности, в Галицко-Волынской летописи особое внимание отведено образу Иоанна Златоуста, в том числе и в описании событий, связанных с нападением Куремсы на Владимир-Волынский и Луцк. К примеру, сразу же после описания отступления ордынцев от Луцка в летописи описывается строительство г. Холма, который был основан, в том числе, в связи с тем, что князь Даниил Романович «Обѣщася Богу и святому Ивану Златоусту, да створить во имя его церковь. И створи градѣць малъ. И видѣвъ же, яко Богъ помощникъ ему, и Иоанъ спѣшникъ ему есть, и созда град иный, егоже татарове не возмогоша прияти, егда Батый всю землю Рускую поима» [11: 842–843]. Отсылки к Иоанну Златоусту встречаются в Галицко-Волынской летописи девять раз. При этом имя Иоанна в летописи в других случаях не связано с упоминанием святых.

Таким образом, есть основание полагать, что и в свидетельстве о спасении Луцка упомянут именно святой Иоанн Златоуст, спасший уже однажды – во время нашествия Батыя – один из городков князя Даниила Романовича.

Кроме того, согласно иерусалимскому Лекционарию V–VII вв., в праздничное богослужебное последование, посвященное Иоанну Златоусту, входят тропарь 5-го гласа «Золотом чистая благодать...», прокимен 1-го гласа из Пс 131, чтения (Притч. 10. 20–25; 1 Кор. 12. 26–31), аллилуиарий со стихом из Пс. 32, Евангелие Ин. 10. 11–16.

При этом чтения Притч завершаются стихом 25-м, который звучит следующим образом: «Как пронесится вихрь, так нет более нечестивого; а праведник – на вечном основании». Данный стих напрямую соотносится и находит аналогии в ситуации с вторжением Куремсы: вихрь/буря смела противника – «нечистивых» ордынцев (в отношении татар эпитет «нечистивые» используется в Галицко-Волынской летописи: см., например, запись под 6753 (1245) г. [11: 795]), сохранив праведников в православном городе.

На сегодняшний день сложно судить, каким образом проходило богослужение в честь Иоанна Златоуста в городах Галицко-Волынской Руси. Однако развитие молитвенной практики и гимнографии фиксируется следующим образом: в результате синтеза доиконоборческих иерусалимской и константинопольской традиций появляется богослужение того типа, который характеризуется соединением константинопольских Евхология и Лекционария с иерусалимскими Тропологием (его песнопения в VIII–IX вв. были реорганизованы, вошли в Минею, Триодь и Октоих) и Часословом; этот тип сохраняется в православной Церкви до настоящего времени. Таким образом, вполне вероятно, что 25-й стих Притчей, упоминающий вихрь в защиту праведных, провозглашался в молитвах в день памяти Иоанна Златоуста в церквях Луцка и Владимира-Волынского.

При этом память Иоанна Златоуста – день перенесения мощей – отмечается 27 января, и в Соборе трёх святителей – 30 января. Совпадение одновременного поминания святого Иоанна и святого Николая могло быть только в случае, когда 27 или 30 января выпадало бы на четверг (напомню, в четверг Православная Церковь почитает преемника апостолов, одного из самых почитаемых святых Православной Церкви – Святителя Николая, архиепископа Мирликийского, чудотворца).

27 января являлось четвергом в 1256 г., тогда как 30 января – в 1253 г. В рамках довольно обстоятельно доказанной датировки предшествующих набегу Куремсы на Луцк событий, отнесение сражения под Луцком к 27 января 1256 г. выглядит более предпочтительным. В частности, сообщение о походе того же Куремсы на Кременец помещается в летописи между надёжно датируемыми событиями – коронацией Даниила Романовича и женитьбой его сына Шварна на литовской княжне. Это позволяет датировать поход на Кременец, предшествующий походу на Владимир и Луцк, 1254 г. [4: 40]. Кроме того, само упоминание святого в Соборе трех святителей должно было бы сопровождаться именами Василия Великого и Григория Богослова, тогда как перенесение мощей относится только к Иоанну Златоусту.

Таким образом, свидетельство записи Галицко-Волынской летописи под 6767 г. об одновременном обращении за заступничеством к святому Иоанну и святому Николаю позволяет отнести события штурма Луцка к концу мартовского 6763 г., точнее, ко дню перенесения мощей Иоанна Златоуста: к четвергу 27 января 1256 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 2000. 528 с.
2. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Москва: АГРАФ; Тверь: ЛЕАН, 1997. 480 с.
3. *Грушевський М.* Хронологія подій Галицко-Волынской літописи // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72. URL: <http://litopys.org.ua/hrs/hrs06.htm>
4. *Иванова Е.Е.* К вопросу об ордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 37–48.
5. *Измайлов И.Л.* Войны на Западе. Польша и Литва // История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань, 2009. Т. III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XIV в. С. 518–529.
6. *Котляр Н.Ф.* Двор галицких Романовичей (XIII в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 60–71.
7. *Лихачева О.П.* Летопись Ипатьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. С. 235–241.
8. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.; Л.: Наука, 1940. 178 с.
9. *Нестеренко А.Н.* Даниил Романович Галицкий // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 21–52.
10. Предисловие к изданию 1998 г. // Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. 1998. С. Е–N.
11. Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 580 Стб.
12. *Селезнёв Ю.В.* Галицко-Волынская летопись как источник по истории Джучиева улуса // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 123–130.
13. *Селезнёв Ю.В.* Особенности пребывания князей Галицкой и Волынской земли при дворе ордынского хана // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2012. № 1. С. 148–150.
14. *Селезнёв Ю.В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. М.: Квадрига, 2017. 224 с.
15. *Селезнёв Ю.В., Токмакова С.Е.* Русские летописи о Золотой Орде (извлечения из Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I летописей). Воронеж: Научная книга, 2020. 135 с.

16. Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3–4. М.: Голос, 1993. 768 с.
17. Стефанович П.С. Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–1340 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 116–134.

REFERENCES

1. Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A. & Ponyrko, N.V. (eds) (2000) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus Literature]. Vol. 5. St. Petersburg: Nauka.
2. Vernadskiy, G.V. (1997) *Mongoly i Rus'* [Mongols and Rus']. Moscow: AGRAF; Tver: LEAN.
3. Grushevskyy, M. (1901) Khronol'ogiya podiy Galitsko-Volynskoy litopisi [Chronology of the Events of the Halytskyi-Volyn annals]. *Zapiski Naukovogo tovaristva im. T. Shevchenka*. Vol. 41. Lviv: [s.n.]. pp. 1–72.
4. Ivanova, E.E. (2013) K voprosu ob ordynskoy politike knyazya Daniila Romanovicha Galitskogo [On the Horde policy of Prince Daniil Romanovich Galitsky]. *Drevnyaya Rus: Voprosy medievistiki*. 2(52). pp. 37–48.
5. Izmaylov, I.L. (2009) Voyny na Zapade. Pol'sha i Litva [Wars in the West. Poland and Lithuania]. In: Khakimov, R.S. (ed.) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen: v 7 t.* [History of the Tatars from Ancient Times]. Vol. 3. Kazan: AS of the Republic of Tatarstan. pp. 518–529.
6. Kotlyar, N.F. (2008) Dvor galitskikh Romanovichy (XIII v.) [The Court of the Galician Romanovichs (the 13th century)]. *Drevnyaya Rus: Voprosy medievistiki*. 1(31). pp. 60–71.
7. Likhacheva, O.P. (1987) Letopis' Ipat'evskaya [The Ipatiev Chronicle]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus]. Leningrad: Nauka. pp. 235–241.
8. Nasonov, A.N. (1940) *Mongoly i Rus'* [Mongols and Rus']. Moscow; Leningrad: Nauka.
9. Nesterenko, A.N. (2016) Daniil Romanovich Galitskiy. *Voprosy istorii*. 6. pp. 21–52.
10. Kloss, B.M. (1998) Predislovie k izdaniyu 1998 g. [Preface to the 1998 edition]. In: Kloss, B.M. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. E-N.
11. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1962) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo vost. lit.
12. Seleznev, Yu.V. (2016) Galitsko-Volynskaya letopis' kak istochnik po istorii Dzhuchieva ulusa [The Galicia-Volhynia Chronicle as a source on the history of Dzhuchiev Ulus]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. 9. pp. 123–130.

13. Seleznev, Yu.V. (2012) Osobennosti prebyvaniya knyazey Galitskoy i Volynskoy zemli pri dvore ordynskogo khana [The stay of the princes of Galicia and Volhynia at the court of the Horde Khan]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, politologiya, sotsiologiya*. 1. pp. 148–150.

14. Seleznev, Yu.V. (2017) *Russko-ordynskie konflikty XIII-XV vekov* [Russian-Horde conflicts of the 13th – 15th centuries]. Moscow: Kvadriga.

15. Seleznev, Yu.V. & Tokmakova, S.E. (2020) *Russkie letopisi o Zolotoy Orde (izvlecheniya iz Lavrent'evskoy, Ipat'evskoy i Novgorodskoy I letopisey)* [Russian tales about the Golden Horde (extracts from the Laurentian, Ipatiev and Novgorod I Chronicles)]. Voronezh: Nauchnaya kniga.

16. Soloviev, S.M. (1993) *Sochineniya* [Writings]. Vol. 2 (3-4). Moscow: Golos.

17. Stefanovich, P.S. (2019) Politicheskoe razvitie Galitsko-Volynskoy Rusi v 1240–1340 gg i otnosheniya s Ordoy [Political development of Galician-Volhynian Rus in 1240–1340 and relations with the Horde]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 116–134.

Селезнев Юрий Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного университета (Россия).

Yuri V. Seleznev – Voronezh State University (Russia).

E-mail: orda1359@mail.ru

УДК 94(477)+94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/5

Великое княжество Литовское в исторической памяти русских земель первой половины XVII века*

Ю.А. Чупрына

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: chupryna.yulya@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается историческая память русских земель Речи Посполитой первой половины XVII в., а именно память о Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) и судьбе древнерусских земель в его составе. На основе анализа православной, униатской и католической полемической литературы, созданной незадолго до и после принятия Брестской унии, выделяются сюжеты из истории ВКЛ, которые включались в «свою историю» Руси. Значимыми фигурами полемики, которые обращались к великолитовскому прошлому Руси, можно назвать И. Потя, Х. Филалета, Л. Кревзу, П. Скаргу, М. Смотрицкого, З. Копыстенского, анонимных авторов и других. Идеи полемистов транслировались не только в узкий круг церковных интеллектуалов, но и проникали в образованные слои населения Речи Посполитой на сеймах, судах, при дворах патронов. Применив количественные и сравнительные методы анализа, была выявлена частота упоминаний великолитовских сюжетов в полемической литературе первой половины XVII в. Делается вывод о включении великолитовской истории Руси, наравне с древнерусским прошлым, в конструируемый в XVII в. нарратив «своего прошлого». Важнейшие места в исторической памяти православных и униатов Руси занимали события Ферраро-Флорентийского собора, присоединения древнерусских земель к Литве, действия отдельных литовских князей и правовые отношения Литвы и Руси. Религиозная дискуссия православных и униатов стала катализатором не только для обращения к «своей истории», но и для споров о ней. В

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» (Соглашение № 19-18-00073-П).

исследовании фиксируются места консенсуса и проблемные сюжеты великолитовского прошлого «русских» земель.

Ключевые слова: историческая память, полемическая литература, Великое княжество Литовское, православные полемисты, униаты

The Grand Duchy of Lithuania in the historical memory of the Ruthenian lands in the first half of the 17th century*

Yulia A. Chupryna

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: chupryna.yulya@mail.ru

Abstract

The article considers the historical memory of “Ruthenian lands” of the Polish–Lithuanian Commonwealth in the first half of the 17th century, namely the memory of the Grand Duchy of Lithuania (hereinafter – GDL) and the destiny of the Old Ruthenian lands that formed its part. The analysis of Orthodox, Uniate, and Catholic polemics, dated not long before and after the Union of Brest, identifies the plots in the GDL history, included in the “own history” of Rus'. Among the significant polemicists who addressed the Grand Lithuanian past of Rus' were Hypatius Pocij, Chrystofor Filalet, Leon Kreuza, Piotr Skarga, Meletius Smotrytsky, Zacharias Kopystensky, several anonymous authors, etc. Their ideas were spread not only within a narrow group of church intellectuals but also within educated social groups of the Polish–Lithuanian Commonwealth in Seims, courtrooms, and at the courts of patrons. Using quantitative and comparative methods of analysis, the author has identified the frequency of references to the Grand Lithuanian plots in the polemic literature of the first half of the 17th century. He concludes that the GDL part of the Rus' history, together with the Old Rus' past, is included in the narrative of its “own past” of the 17th century. The most important in the historical memory of the Orthodox as well as the Uniate Rus' were the Council of Florence, the accession of the Old Rus' lands to Lithuania, the actions of certain

* The study is funded by the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00073-P “National Identity in the Imperial Policy of Memory: History of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Public Thought in the 19th – 20th Centuries”).

Lithuanian princes, and legal relationships between Lithuania and Rus. The religious discussion between the Orthodox and the Uniates not only triggered the interest to "own history" but promoted the disputes about it. The study identifies the points of consensus and challenging plots of the Grand Lithuanian past of the "Ruthenian lands."

Keywords: historical memory, polemical literature, the Grand Duchy of Lithuania, Orthodox polemicists, Uniates

Какой след оставило после себя Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ) в исторической памяти восточнославянского населения? Этот вопрос встаёт не первое десятилетие в историографии. В настоящее время особый интерес к наследию ВКЛ проявляют исторические школы постсоветского пространства. В то же время современная литуанистика стоит перед определенными трудностями – недостатком обобщающих трудов и особенностями национальных историографий [4: 944]. И тем важнее разобраться в проблеме восприятия и актуализации истории ВКЛ людьми прошлых эпох.

Наше исследование продолжает наметившуюся историографическую тенденцию в изучении значения ВКЛ для восточнославянского населения, а именно для будущих украинцев и белорусов. В данной работе рассматривается историческая память церковных деятелей Руси Речи Посполитой первой половины XVII в. о Великом княжестве Литовском и о судьбе древнерусских земель в его составе. На основе анализа трудов православных и униатских полемистов, в большинстве своём идентифицировавших себя как Русь/Россия/Малая Русь, определяются ключевые фигуры и сюжеты великолитовского прошлого Руси. Немаловажной задачей нашего исследования является создание карты памяти Руси первой половины XVII в., а именно составление выборки важнейших исторических событий из великолитовского периода Руси.

Какое место литовское прошлое занимало в исторической памяти Руси? Какие герои актуализировались в трудное для православной церкви время после принятия Брестской унии? На эти вопросы нам предстоит ответить, опираясь на кириллические и польскоязычные работы полемистов Руси Речи Посполитой. Для выявления великолитовских сюжетов в исторической памяти русских земель мы обращались к более 40 полемическим произведениям конца XVI – первой половины XVII в. Упоминание событий из истории ВКЛ наблюдается в 24 работах, включая православные, униатские и католические труды. Преимущественно нами рассмотрены взгляды православной и униатской сторон, т. к. большинство работ создавались представителями самой Руси для Руси. Католические полемические работы

тоже привлекают внимание, поскольку католики являлись активными участниками полемики и тесно взаимодействовали с униатами. Их взгляды и работы были известны и униатам, и православным.

Идея принятия унии православными и католиками породила оживлённую дискуссию среди той части Руси, которая находилась в составе ВКЛ и затем в Речи Посполитой. Ко второй половине XVI в. назрели внутренние проблемы православной церкви в Речи Посполитой: правовое неравенство с католической церковью; неравенство в представительстве в Сенате, Трибунале; вмешательство светских лиц в дела церкви (институт патроната); отход знатных родов от православия и т. д. Веской причиной принятия унии считается конфликт интересов духовенства и мирян, а именно большие полномочия светских патронов и, как следствие, злоупотребления в церковной среде, недобросовестность и низкая образованность духовенства, практика получения епископства светскими лицами [18]. После долгих попыток найти выход из кризиса часть православных епископов и магнатов склонилась к возможности унии с Римом. Православная сторона разработала артикула, в которых были изложены условия вступления православной церкви в подчинение римскому папе [5: 277]. Унию после некоторых колебаний поддержал и митрополит Михаил Рогоза, подписав «32 артикула» и обращение к папе. В результате православные епископы Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий 23 декабря 1595 г. в Риме от имени всей Киевской митрополии подписали акт о переходе православной церкви в подчинение папе, а в октябре 1596 г. на Брестском соборе произошло подтверждение ранее принятой унии [5: 5]. О проблемности и неоднозначности этого решения свидетельствует раскол в рядах православных иерархов Руси Речи Посполитой. Одновременно с униатским собором в Бресте собирався и православный, участники которого отказались принимать унию и подвергли анафеме отступников.

По итогу Брестского собора народ русских земель на религиозной почве разделился на две общности – православную и униатскую, а деятели церквей принялись за написание полемических трудов против своих оппонентов. Полемисты обеих сторон рассуждали о (не)законности объединения с католической церковью, о правах и свободах православной церкви и народа Руси. Религиозные дебаты захватили значительную часть общества: церковь, шляхту, политические элиты, казачество. Важно понимать, что многие идеи обсуждались не только в кулуарах церковных иерархов, но и на сеймах, судах, при дворах патронов. Религиозная полемика затронула и братства, членами которых становились ремесленники и дворянство. Так, например, по «Реестру» 1584 г. виленское братство состояло из 371 человека [20:

480]. Они занимались организацией православных школ и изданием старопечатной литературы, в том числе и работ православных полемистов. Таким образом, будет неточно говорить лишь об исторической памяти интеллектуалов, т. к. обсуждение полемических трудов, отдельных идей и проблем, так или иначе, происходило в образованных слоях населения Речи Посполитой. Даже казачество приобщилось к православной стороне конфликта.

Круг актуализируемых исторических тем в полемической литературе был обширен: древнерусская и великолитовская история, недавние события второй половины XVI – начала XVII в., всеобщая и местная церковная история. В фокусе нашего внимания находятся преимущественно упоминания о светских деятелях ВКЛ и политической истории, поэтому здесь не раскрываются единичные упоминания о местных митрополитах и локальных святых русской митрополии. Полученные результаты представлены в виде круговой диаграммы на рис. 1, где выделены ключевые события великолитовской истории для Руси первой половины XVII в. Первые четыре события или периода фигурируют в 4–15 полемических произведениях. В представленной таблице указаны актуализируемые события/периоды/личности, количество полемических произведений, где присутствуют эти упоминания, и доля в процентах от общего количества упоминаемых исторических событий ВКЛ.

Наиболее сложным и противоречивым событием в историческом дискурсе православных и униатов Руси стал Ферраро-Флорентийский собор, участником которого был митрополит Киевский и всея Руси Исидор. Этот Вселенский собор проходил в Ферраре, Флоренции, Риме в 30–40-е гг. XV в. Ключевыми темами для обсуждения стали разногласия в церковных догматах и возможность объединения Церквей. Переговоры во многом инициировал византийский император, поскольку Восточная Римская империя к тому времени находилась в крайне непрестом положении и искала помощи в борьбе с турецкой угрозой на Западе. Рим же не упускал возможности преодолеть схизму и взять под своё крыло православных. В то же время киевский митрополит Исидор состоял в тесных связях с византийским императорским двором и оказался тем, кто был готов пойти на уступки католикам ради спасения империи [17: 322]. Правители и духовенство русских земель поначалу не противодействовали участию митрополита в Соборе и проявляли даже определённый интерес. Однако после возвращения Исидора в Северо-Восточную Русь реакция Москвы на условия унии не заставила себя ждать – митрополиту пришлось бежать в западные земли. Как полагает Б.Н. Флоря, точно неизвестно, насколько широко признавали Исидора законным митрополитом в

ВКЛ и Польше в 40-е гг. XV в. Он не задержался в Литве и Польше даже после возвращения этих территорий под власть римского папы (до 1447 г. правители и католические епископы поддерживали антипапу Феликса V) [17: 354]. Новым митрополитом для русских земель в итоге стал Иона, которого признавали и в Великом княжестве Литовском.

Несомненно, жаркие обсуждения унии были свойственны участникам и современникам Ферраро-Флорентийского собора. В русской традиции они отразились в ряде работ: «Повесть Симеона Суздальского об осьмом соборе. Исидоров собор и хождение его», «Исхождение Авраамия суздалского на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945», «Слово избрано...» и т. д. После этого к теме унии в русской традиции вернулись лишь во второй половине XVI в. в связи с интеллектуальной подготовкой к новой Брестской унии 1596 г. [1: 147].

Обсуждение или простое упоминание Ферраро-Флорентийского собора наблюдается в большинстве полемических произведений (рис. 1) конца XVI – первой половины XVII в. Актуализация этого события не зависела от конфессиональной принадлежности автора – в 15 полемических работах (в 4 католических, 6 православных

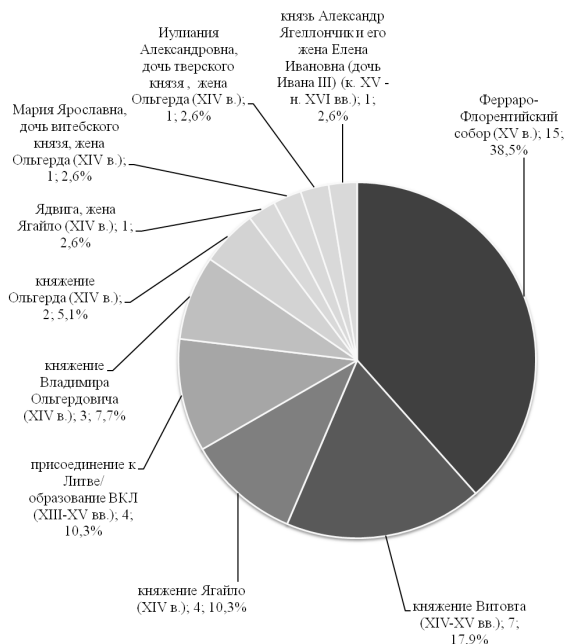

Рис. 1. Количество упоминаний великолитовских сюжетов в полемической литературе конца XVI – первой половины XVII в.

и 5 униатских). Это одно из наиболее проблемных «мест памяти» для «русского» народа/Руси/Малой Руси, поскольку мы наблюдаем противоположные точки зрения и отсутствие консенсуса по факту (не) принятия Флорентийской унии между православными, католиками и униатами.

Православные сходились во мнении, что представители римской церкви принудили святых отцов восточной церкви подписать унию через насилие, военную силу, подкупы, подлоги и т.д. Не происходит идеализации и греческих церковных деятелей, которые из жадности соблазнялись денежными вознаграждениями. Так, в одной из первых работ православных полемистов «О единой истинной православной вере» (1588) читаем: «Многих бо тогда святых отец оружием избиша, другим руки отсекоша, и различными муками, и в темницах затворяющее голодом умориша, других же в бегстве по пути достигающе умертвиша» [10: 855]. С этой позицией согласен и автор «История о разбойничем Флорентийском соборе» (1598 г.). Клирик Острожский связывает вынужденность выбора греков с турецкой угрозой, а участие русского духовенства – с давлением на православных иерархов. Он тоже склоняется, что православную сторону убедили подписать унию с помощью военной силы и подкупов, додумывает историю об убийстве патриарха и подлоге [6]. О тяжести положения и внешнем давлении пишет и Х. Филалет в «Апокрисисе»: «...и многие Греки, которые при старожитном преданию святых отец стояли, помучоны, а другие голодом, везеньем, мордерством до змышленной там унеи примушены, и до подписов приневолены, которые потом, звернувшись до Греции, доброволне покладали руки свои на отсечение, за тыи свои подписы...» [16: 1168].

Что касается исторических личностей, относящихся непосредственно к истории Руси или ВКЛ, то церковные интеллектуалы вспоминают митрополита Исидора как представителя от Руси. Здесь наиболее многословен Захария Копыстенский, который помимо жадности греков, ухищрений и проявления силы со стороны Рима раскрывал реакцию Москвы, Руси (имеется в виду в составе ВКЛ) и Польши на Флорентийскую унию и на действия Исидора. Полемист убеждён в непринятии унии, т. к. она попросту не дошла до православных Руси и Москвы и католиков Польши. В качестве аргументов полемист обращался к сюжетам, связанным с Москвой и «Россией», Исидором, Сергием Радонежским [7: 949], опираясь на хронистов XVI в. Кромера и Барония. Происходила активная привязка к локальной истории – древнерусской и литовской/польской. З. Копыстенский описывал, как к королю Владиславу (Ягайло) прибыли послы от римского папы и антипапы и он их не принял, пока те не достигнут согласия. Также

православный полемист описывал неприятие унии Краковской академией, которая не принимала легатов от римского папы, что было уже при Казимире III. Поэтому полемист подытоживал: «Не могла сь уния Флорентицкая в Полщи проповедати, поки розница межи двумя папежами трвала а затым привилеи о ней писатися не могли» [7: 954]. Также полемист уделял внимание и совместной позиции Литвы и Руси по вопросу унии: «А гды бы той привилей данный был на прозбу народу Российского, и гды бы его он принял был, теды бы Исидор з Литвы и з России з горлом не утекл...» [7: 955]. При описании флорентийских событий полемист обращался к великолитовскому прошлому и, соответственно, рассматривал «Россию» (имеется в виду Русь в составе ВКЛ) и Литву вместе, упоминая то местных правителей, то митрополитов.

Противоположный взгляд находим у представителей униатской Руси. Католическая и униатская стороны куда более сдержанно описывали события Ферраро-Флорентийского собора по сравнению с православными. Католическая сторона в лице польского полемиста П. Скарги делала акцент на том, что на Ферраро-Флорентийском соборе происходило воссоединение отпавшей от Рима греческой церкви с католической [14: 349]. В большинстве своих полемических работ он подробно рассматривал унию и часто обращался к флорентийским событиям, как к благу. Позднее З. Копыстенский будет оспаривать этот аргумент – по его мнению, наоборот Рим отпал от единой христианской церкви. Униатской Русью Брестский собор представлялся как продолжение начатого дела на Флорентийском соборе. Большое количество обращений к Флорентийскому собору характерно для первых лет после принятия Брестской унии. Один из главных идеологов униатства Руси Ипатий Потей выпустил работу «Оборона святого Флорентийского собора» (1603 г.), указывающую на давнее единство православной и католической церквей в русских землях Речи Посполитой [3: 67]. Также И. Потей обращал внимание на религиозную составляющую собора, упоминал Ферраро-Флорентийский собор в связи с рассмотрением религиозных вопросов – откуда исходит Святой Дух от Отца или от Сына, существует ли чистилище («Уния Греков с костелом Римским» [13: 128–129], «Гармония Восточной Церкви с костелом Римским» [12: 178]). Полемист не считает Собор «разбойничьим», как называют его православные: «Але наша Русь тот собор светый листрыйским называют, и якусь баламутню и небылицу о том соборе недавно в друку выдали. На то вже достаточный отказ мают, там и руками правды дощупатися могут. А затым што ведати – самый собор, даст Бог, огледати могут, слово до слова, яко ся точыл, – в рыхлом часе» [12: 179].

Обе стороны выносят на обсуждение Ферраро-Флорентийский собор, произошедший в великолитовский период истории русских земель. При размышлении о Соборе полемисты иногда прямо упоминали Литву и её правителей, тем самым связывая историю Руси и Литвы. Несомненно, Ферраро-Флорентийский собор и уния широко обсуждались в церковной среде, становясь проблемным «местом памяти» для Руси. М.А. Алпатов полагает, что во времена Брестской унии история Флорентийского собора обросла фантастическими сюжетами, между которых терялись реальные события [1: 149]. С этим утверждением можно отчасти согласиться, поскольку в православной полемической литературе, действительно, красноречиво раскрываются все ухищрения римской церкви, эмоционально описываются обстоятельства унии. Однако реальные события православными и униатскими полемистами не совсем игнорируются. Напротив, часть полемистов старались реконструировать и осветить реакцию светских лиц – правителей – на происходившие события в церкви.

На втором месте по частоте упоминания период княжения литовского князя Витовта (см. рис. 1). Он упоминается в 7 полемических произведениях – в 4 православных и 3 униатских, что говорит о примерно равном интересе обеих сторон к фигуре Витовта и событиям, происходящим с Русью в его княжение. Образ князя Витовта в полемике связывается с несколькими сюжетами – собственной православной митрополией в ВКЛ и дарованием прав и собор.

Лев Кревза, как представитель униатской стороны полемики, упоминал в своих сочинениях деятельность литовского князя Витовта в связи с Новогрудским собором 1415 г., на котором выбирался новый литовский митрополит. По мнению униатского полемиста, Витовт способствовал единению католической и православной церкви, для чего посылал людей в Рим: «*Mowi Kronika Moskiewska, że go Alexander Witold posłał do Rzymu, starając się o iedność, widząc zwłaszcza, że y sam patriarcha Carogrodzki, na on czas będący Euphimi, z cesarzem Manuelem Paleologiem, barzo się o tę iedność starali, iako świadczy Latopisiec Ruski*» [8: 233]. О митрополии и избрании нового митрополита Григория Цамблака пишет и автор униатского полемического труда «*Sowita wina*» (1621 г.), автором которого предположительно был И. Рутский [22: 450]. Эти же действия литовского князя актуализирует в 1634 г. и полемист К. Скупинский в работе под названием «*Rozmowa albo relacja rozmowy dwóch Rusinow, schismatika z unitem*» [21: 711].

Православные авторы тоже затрагивают вопрос образования независимой митрополии по инициативе Витовта. Однако первопричины этого события видят не в желании сблизиться с римской церковью, а в

экономических аспектах. Так, Копыстенский утверждал, что литовский князь Витовт поспособствовал появлению в ВКЛ своего митрополита для того, чтобы не вывозить богатства в Москву, где располагался общий митрополит для Литвы и Москвы: «...дань выбираючи, немалую сумму пенязей з Литвы до Москвы вывозил, Витолт, великое княжа Литовское, речь зрозумевни а провинциям своим, абы скарбу з добр своих до чужих рук не тратили...» [7: 1033].

Другая ипостась князя Витовта – эта даритель прав преимущественно православной церкви. М. Смотрицкий в «Obrona Verificaciey» упоминает Витовта среди правителей Руси – древнерусских, литовских и польских князей. Витовт, как и другие, давал и гарантировал права православной церкви русских земель [15: 354]. В контексте дарования привилегий, статуты, прав населению ВКЛ, Витовт выступал в некоторой степени образцом для подражания и сравнения. Например, в одном из своих православных произведений 1632 г. виленские братчики заявляли о достоинстве деяний польского короля славы и памяти Витовта (Александра): «...obaczyli artykuły w przywileiach pradziada naszego Krola Polskiego y naywyższego wielkiego xiążęcia Lithewskiego sławney y godney pamięci Władysława lagięły y teyże sławy y pamięci Alexandra Witolda...» [23: 612].

Таким образом, обе Руси вырабатывают схожий образ княжения Витовта. Князь ассоциировался с событиями разделения православной митрополии и установлением своего митрополита в ВКЛ, что являлось продуманной и важной частью его политики с Московским княжеством [2: 91–123]. Витовт не выступал проблемным «местом памяти», а скорее положительным героем для обеих сторон, хотя православные и униатские трактовки создания собственной митрополии различались.

Следующий по частоте упоминаний среди великолитовских сюжетов – это Ягайло и период его княжения. Интересно, что Ягайло присутствует в основном в историческом дискурсе православной Руси. Его княжение и имя фигурируют в четырех произведениях (см. рис. 1) – все созданы после появления новопоставленных иерархов православной церкви. Сюда относятся произведения Копыстенского, Смотрицкого и виленских братчиков. Полемисты затрагивают несколько направлений деятельности князя – дарование привилегий Руси и его церковная политика. Особенно подчёркивается его принадлежность к православию через крещение по греческому образцу, крещение его братьев и через мать тверскую княжну [7: 1029; 24: 540–541]. Так, например, в «Палинодии» читаем: «...матка самого Ягелла, Руска княжна Тверская. Ягелло был веры Руской, гды все 12 братия его были веры Грецкой, и все 11 братьев Яггеловых в Рускую

веру были крещены» [7: 1028–1029]. Периодически упоминается его жена Ядвига. В православном историческом дискурсе княжение Ягайло не выступает проблемным местом памяти и негативных оценок не имеет, скорее наоборот, т.к., по мнению полемистов, литовский князь выступал покровителем православной церкви в ВКЛ. Обсуждалось ли это в широких кругах? С одной стороны, мы не наблюдаем, чтобы униатская сторона развивала сюжеты княжения Ягайло, с другой стороны, «Synopsis» и «Supplementum Synopsis» 1632 г. создавались для конвокационного сейма, после которого православие было легализовано. Обсуждение деятельности Ягайло и трансляция памяти о нём не была столь масштабной, как память о Флорентийском соборе и князя Витовте, но всё же могла выходить за рамки обсуждений православных интеллектуалов.

Тема присоединения древнерусских земель к Литве тоже циркулирует в основном в православном историческом дискурсе. Во-первых, этот сюжет вызывал интерес у церковных деятелей в разное время, как в начале XVII в., так и ближе к середине столетия. Здесь отметим работы анонимного автора «Перестроги» (1605), «Палинодию» З. Копыстенского (1621), «Obrona Verificaciey» М. Смотрицкого (1621). Во-вторых, процесс присоединения Руси к Литве и Польше понимался по-разному: либо как добровольное присоединение, либо как покорение хитростью. Разброс мнений, вероятно, связан с отличием источников, которыми пользовались полемисты для написания своих трудов. В «Перестроге» предлагается развернутый отрицательный взгляд на подчинение «русских» князей: «...же потомков оных побожных и благочестивых самодержцов, княжат Руских, света сего красотою уведенные, а науками не выученные, впали в великое лакомство около панованья и великую хтивость взяли, розделилися... а на помощь противко собе суседов пограничных приводячи, яко Венгров, Поляков и Литву, великое кровопролитие межи собою чинили. За чим оные помочники победивши супостатов, их потом и самих побеждали, и панство Руское в руки их приходило...» [11: 204].

Для М. Смотрицкого [15: 392] вступление «русских земель» в Великое княжество Литовское понимается как очередной этап получения и подтверждения уже имеющихся прав со времён Владимира и Ярослава Мудрого [19: 1586]. Подобные представления характерны и для православных в «Synopsis» (1632 г.) на конвокационном сейме [24: 540]. Объединение ВКЛ и Польши православных полемистов интересовало тоже с точки зрения подтверждения уже имеющихся прав и свобод. В «Supplementum Synopsis» виленские братчики обращали внимание на зафиксированные права в Статутах ВКЛ и их подтверждение Польшей [23: 611–612]. Сюжеты прав больше интересовали

православную сторону, поскольку для них остро стояла проблема легализации православной церкви в Речи Посполитой. Поэтому исторические апелляции носили в основном утилитарный характер.

Следующее по частоте упоминания является княжение Владимира Ольгердовича. Князь упоминается в 3 полемических произведениях – 2 униатских и 1 православном (см. рис. 1). Однако упоминания о деятельности самого литовского князя носят отрывочный характер: он либо кратко упоминался у православного полемиста П. Могилы [9: 59] («Сказания Петра Могилы о чудесных и замечательных явлениях в церкви православной»), либо связывался с заключением митрополита Дионисия («Sowita wina» [22: 450], «Оборона унии» Л. Кревзы [8: 232]). Затем лишь в двух полемических трудах упоминается его отец, князь Ольгерд. Княжение Ольгерда и упоминания об его жёнах занимают небольшое место в историческом дискурсе о великолитовском прошлом и интересуют лишь Л. Кревзу и М. Смотрицкого. Л. Кревза в «Оборони унии» [8: 231], перечисляя всех митрополитов Руси, упоминал о княжении Ольгерда и его православной жене тверской княжне. Униатский полемист не раскрывал деятельность литовского князя, не говорил о принятии Ольгердом православия, что делал его оппонент М. Смотрицкий. Для Кревзы важна актуализация церковной истории и митрополитов для доказательства своей точки зрения. М. Смотрицкий в «Obrońa verifiasiey» тоже рассматривал семью князя Ольгерда. Полемист убеждал своих религиозных соперников в том, что Литва, несомненно, приобщалась к христианству греческого образца. О чём свидетельствует, в том числе, женитьба Ольгерда на княжне Марии, дочери тверского князя. По этой причине князь принял православие [15: 414]. Отметим, что образ самого князя Ольгерда в полемике раскрывается больше, чем образ его сына Владимира Ольгердовича, и не выступает местом консенсуса, поскольку обе Руси актуализируют разное в князе. Хотя мы не можем говорить о негативном образе князя для русской истории. Что касается его тверской жены, то полемисты сходятся во мнении по поводу её религиозной принадлежности. Женские образы в полемике более однозначные и менее раскрытые по сравнению с мужскими (кроме древнерусской княгини Ольги). В них сделан упор на происхождении и религиозной принадлежности княжны, вышедшей замуж за литовского великого князя. В целом православная сторона приводила больше подробностей о великолитовских правителях, если они приобщались к православной вере или покровительствовали ей. Сложно сказать, являлся ли Ольгерд, его сын или жена местами памяти Руси, т. к. они встречаются всего в 1–3 произведениях, зачастую как краткое упоминание. Это касается и остальных героев, указанных в диаграмме сюжетов (см. рис. 1) всего

по одному разу – здесь приходится говорить скорее об исторических взглядах интеллектуалов.

Итак, завершая данное исследование, заметим, что православные и униатские полемисты русской земли/Руси довольно часто привлекали исторические сюжеты для своей аргументации в борьбе с оппонентами в вопросе подчинения Киевской митрополии. Проведя анализ корпуса полемических работ православных и униатов, можно предположить, что конструирование нарратива «своего прошлого» включало в себя не только древнерусские сюжеты (христианские миссии на Руси, деятельность Ольги, крещение Руси Владимиром и т. д.), но и великолитовские события. Русь и Литва часто действовали совместно в нарративах полемистов первой половины XVII в., а русские земли находились под властью великих литовских князей, что тоже рассматривалось как «своё прошлое». Ключевыми местами в исторической памяти, как показало исследование, для православной и униатской стороны дискуссии являлись сюжеты Ферраро-Флорентийского собора, присоединения древнерусских земель к Литве, правовых отношений Литвы и Руси, действия литовских князей. Главным проблемным местом памяти из великолитовской истории можно считать Флорентийскую унию, мнения о которой среди представителей Руси Речи Посполитой были совершенно противоположные. Наиболее важными фигурами из великих князей литовских для Руси являлись Витовт и Ягайло. Они не всегда воспринимались разными сторонами одинаково и с одинаковым интересом, но их деятельность оценивалась положительно для русского народа. Говоря о литовской княжеской власти, полемистов интересовали, прежде всего, законодательные аспекты их деятельности, церковная политика и вероисповедание.

Важно отметить, что историческая аргументация полемистов расширялась постепенно, на каждом новом этапе дискуссии включались всё новые и новые сюжеты и герои. В ранних полемических произведениях (еще до Брестской унии) уделяется не так много внимания светской истории ВКЛ, обращение к сюжетам ВКЛ чаще проявляется с конца XVI в. (после заключения унии). Здесь стоит отметить, что интерес к «своей истории» возникает не только по отношению к великолитовскому прошлому, но и к древнерусскому и польскому периоду. Для периода религиозной полемики первой половины XVII в. в целом было характерно утилитарное использование исторических сюжетов для объяснения или оспаривания современного положения Церкви. Исторические события Древней Руси и ВКЛ соседствовали на страницах полемических произведений, формируя нужную доказательную базу для униатской и православной церкви. Различными сторонами

она могла излагаться с разными акцентами и интерпретациями, особенно если обращаться к спорам о церковной унии. Несомненно, религиозные дискуссии становились катализаторами для споров о «своей истории», способствовали актуализации древнего прошлого и укреплению/появлению «мест памяти» для русских земель. Наконец, обращение к литовскому прошлому помогало формированию этнических представлений о «своей» общности и способствовало созданию «своего» исторического нарратива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М.: Наука, 1973. 476 с.
2. Афанасенко Ю.Ю. Новогрудский собор 1415 г. в церковной политике великого князя Витовта // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. 2015. № 8. С. 91–123.
3. Веремеев С.Ф. Ипатий Потей – христианин, сенатор, епископ: между Востоком и Римом // *Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. 2021. № 1 (13). С. 52–73. DOI: 10.47132/2618-9674_2021_1_52
4. Дворниченко А.Ю., Кудрявцева Р.Е.А. Феномен Великого княжества Литовского в научном дискурсе рубежа тысячелетий // *Былые годы*. 2019. Т. 3. № 53. С. 935–955. DOI: 10.13187/bg.2019.3.935
5. Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М.: Изд-во Московского ун-та, 2003. 320 с.
6. История о разбойничьем Флорентийском соборе // *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией*. Т. 19. СПб.: Сенатская типография, 1903. Стб. 433–476.
7. Копыстенский З. Палинодия // *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией*. Т. 4. СПб.: Типография и Хромолиитография А. Траншеля, 1878. Стб. 313–1200.
8. Кревза Л. Оборона унии // *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией*. Т. 4. СПб.: Типография и Хромолиитография А. Траншеля, 1878. Стб. 157–312.
9. Могила П. Сказания Петра Могилы о чудесных и замечательных явлениях в церкви православной // *Архив Юго-Западной России*. Т. 7. Ч. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. С. 49–132.
10. О единой истинной православной вере // *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией*. Т. 7. СПб.: Типография А.М. Котомина и Ко, 1882. Стб. 633–938.
11. Перестрога // *Акты, относящиеся к истории Западной России*. Т. 4. СПб.: В типографии Эдуарда Прана, 1851. С. 203–236.

12. *Потей И.* Гармония Восточной Церкви с костелом Римским // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 7. СПб.: Типография А.М. Котомина и Ко, 1882. Стб. 169–222.

13. *Потей И.* Уния Греков с костелом Римским // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 7. СПб.: Типография А.М. Котомина и Ко, 1882. Стб. 111–168.

14. *Скарга П.* О единстве церкви Божией // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 7. СПб.: Типография А.М. Котомина и Ко, 1882. Стб. 223–526.

15. *Смотрицкий М.* Obrona Verificasiey // Архив Юго-Западной России. Т. 7. Ч. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. С. 345–442.

16. *Филалет Х.* Апокрисис // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 7. СПб.: Типография А.М. Котомина и Ко, 1882. Стб. 1003–1820.

17. *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. 436 с.

18. *Флоря Б.Н.* Кризис организационных структур православной церкви в XVI в. // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII вв. Ч. 1. М.: Индрик, 1996. С. 33–41.

19. *Чупрына Ю.А.* Польско-литовская власть и православная Русь в трудах полемистов конца XVI – первой трети XVII вв. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2021. Т. 16. № 4. С. 1586. DOI: 10.13187/bg.2021.4.1583

20. *Шлевис Г.П.* Виленское православное Свято-духовное братство // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 8. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. С. 480–484.

21. *Skupienski K.* Rozmowa albo rellatia rozmowy dwoch Rusinow, schismatika z unitem // Архив Юго-Западной России. Т. 7. Ч. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. С. 650–732.

22. *Sowita wina* // Архив Юго-Западной России. Т. 7, ч. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. С. 443–510.

23. *Supplementum Synopsis* // Архив Юго-Западной России. Т. 7. Ч. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. С. 577–649.

24. *Synopsis* // Архив Юго-Западной России. Т. 7. Ч. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. С. 533–576.

REFERENCES

1. Alpatov, M.A. (1973) *Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa XII–XVII vv.* [The Russian historical thought and Western Europe of the 12th–17th centuries]. Moscow: Nauka.

2. Afanasenko, Yu. Yu. (2015) Novogrudskiy sobor 1415 g. v tserkovnoy politike velikogo knyazya Vitovta [The Novogrudok Council (1415) in Church Policy of Grand Duke Vytautas]. *Studia Historica Europae Orientalis*. 8. pp. 91–123.

3. Veremeev, S. (2021) Ipatius Potey: A Christian, senator, bishop. Between the East and Rome. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh – Paleorosiya. Ancient Rus in Time, in Personalities, in Ideas*. 1(13). pp. 52–73. (In Russian). DOI: 10.47132/2618-9674_2021_1_52

4. Dvornichenko, A. Yu. & Kudrayvtseva, R.-E. A. (2019) The Phenomenon of Great Duchy of Lithuania in a Scholar Discourse on the Boundary of Millenni-ums. *Bylye Gody*. 53(3). pp. 935–955. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2019.3.935

5. Dmitriev, M. V. (2003) *Mezhdu Rimom i Tsar'gradom. Genezis Brestskoy tserkovnoy unii 1595 – 1596 gg.* [Between Rome and Constantinople. The Origin of the Brest Church Union of 1595–1596]. Moscow: Moscow State University.

6. Anon. (1903) Istoriya o razboynich'em Florentiyskom sobore [The story of the robber Florence Cathedral]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiei* [Russian Historical Library, Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 19. St. Petersburg: Senate Printing House. Col. 433–476.

7. Kopystenskiy, Z. (1878) Palinodiya [Palinodia]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiei* [Russian Historical Library, Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 4. St. Petersburg: A. Transhel. Col. 313–1200.

8. Krevza, L. (1878) Oborona unii [Defense of the Union]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiei* [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission]. Vol. 4. St. Petersburg: A. Transhel. Col. 157–312.

9. Mogila, P. (1887) Skazaniya Petra Mogily o chudesnykh i zamechatel'nykh yavleniyakh v tserkvi pravoslavnoy [Legends of Peter Mohyla about Miraculous and Remarkable Phenomena in the Orthodox]. In: *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii* [The Archive of Southwestern Russia]. Vol. 7(1). Kiev: G. T. Korchak-Novitsky. pp. 49–132.

10. Anon. (1882) O edinoy istinnoy pravoslavnoy vere [About the One True Orthodox Faith]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiei* [Russian Historical Library, Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 7. St. Petersburg: A. M. Kotomin i Ko. Col. 633–938.

11. Anon. (1851) Perestroga. In: *Akty, otnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii* [Acts Related to the History of Western Russia]. Vol. 4. St. Petersburg: Eduard Pran. pp. 203–236.

12. Potey, I. (1882) Garmoniya Vostochnoy Tserkvi s kostelom Rimskim [Harmony of the Eastern Church with the Roman Catholic Church]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiei* [Russian Historical Library, Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 7. St. Petersburg: A. M. Kotomin i Ko. Col. 169–222.

13. Potey, I. (1882) Uniya Grekov s kostelom Rimskim [The Union of the Greeks with the Roman Church]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiei* [Russian Historical Library, Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 7. St. Petersburg: A.M. Kotomin i Ko. Col. 111–168.

14. Skarga, P. (1882) O edinstve tserkvi Bozhiey [On the Unity of the Church of God]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiei* [Russian Historical Library, Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 7. St. Petersburg: A.M. Kotomin i Ko. Col. 223–526.

15. Smotritskiy, M. (1887) Obrona Verificaciey. In: *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii* [The Archive of Southwestern Russia]. Vol. 7(1). Kiev: G.T. Korchak-Novitsky. pp. 345–442.

16. Filalet, Kh. (1882) Apokrisis. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiei* [Russian Historical Library, Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 7. St. Petersburg: A.M. Kotomin i Ko. Col. 1003–1820.

17. Florya, B.N. (2007) *Issledovaniya po istorii Tserkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e: Sbornik* [Research on the History of the Church. Old Rus and Slavic Middle Ages: Collection]. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya.

18. Florya, B.N. (1996) Krizis organizatsionnykh struktur pravoslavnoy tserkvi v XVI v. [The crisis of the organizational structures of the Orthodox Church in the 16th century.]. In: *Brestskaya uniya 1596 g. i obshchestvenno-politicheskaya bor'ba na Ukraine i v Belorussii v kontse XVI – nachale XVII vv.* [The Union of Brest in 1596 and the socio-political struggle in Ukraine and Belarus in the late 16th and early 17th centuries]. Vol. 1. Moscow: Indrik. pp. 33–41

19. Chupryna, Yu.A. (2021) The Polish-Lithuanian power and Orthodox Rus as portrayed in the works of polemicists in the late 16th – first third of the 17th centuries. *Bylye Gody*. 16(4). pp. 1583–1593. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2021.4.1583

20. Shlevis, G.P. (2004) Vilna Orthodox Holy and Spiritual Brotherhood. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 8. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 480–484.

21. Skupienski, K. (1887) Rozmowa albo relataia rozmowy dwoch Rusinow, schismatika z unitem. In: *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii* [The Archive of Southwestern Russia]. Vol. 7(1). Kiev: G.T. Korchak-Novitsky. pp. 650–732.

22. Anon. (1887) Sowita wina. In: *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii* [The Archive of Southwestern Russia]. Vol. 7(1). Kiev: G.T. Korchak-Novitsky. pp. 443–510.

23. Anon. (1887) Supplementum Synopsis. In: *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii* [The Archive of Southwestern Russia]. Vol. 7(1). Kiev: G.T. Korchak-Novitsky. pp. 577–649.

24. Anon. (1887) Synopsis. In: *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii* [The Archive of Southwestern Russia]. Vol. 7(1). Kiev: G.T. Korchak-Novitsky, pp. 533–576.

Чупрына Юлия Алексеевна – лаборант-исследователь, аспирант кафедры истории России с древнейших времён до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Yulia A. Chupryna – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: chupryna.yulya@mail.ru

УДК 930(438)+94(092)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/6

Идея Руси в польской историографии: преемственность нарративов от Длугоша до Нарушевича

Д.В. Карнаухов^{1, 2}, В.А. Спесивцева³

^{1, 3} Новосибирский государственный педагогический университет
Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

² Новосибирский государственный технический университет
Россия, 630073, г. Новосибирск, проспект Карла Маркса, 20

^{1, 2} E-mail: dvkarn@mail.ru

³ E-mail: wierra@yandex.ru

Авторское резюме

Рассмотрена эволюция представлений о Руси в польской исторической традиции. Показана общность характерных для неё идей на протяжении четырёх веков – от позднего Средневековья до эпохи Просвещения. Сопоставлены взгляды на прошлое Руси в польской протонаучной исторической мысли с представлениями XVIII в. Уделено внимание концепциям Яна Длугоша и его последователей, историков эпохи Возрождения, послужившим основой для формирования польского нарратива Руси, который не менялся вплоть до зарождения научной историографии в эпоху Просвещения. Рассмотрен подход к освещению истории Руси одного из ранних представителей польской научной историографической школы Адама Нарушевича. Показана специфика эпохи, сформировавшая его мировоззрение и научные взгляды. Внимание уделено биографии Нарушевича и истории создания его главного труда. Проанализированы структура нарратива Руси в сочинении Нарушевича, прослежена эволюция представлений о русской истории по сравнению со взглядами его предшественников.

Ключевые слова: историография, исторический миф, историографический нарратив, эпоха Возрождения, эпоха Просвещения, Польша, Русь, Ян Длугош, Адам Нарушевич

The idea of Rus' in Polish historiography: The succession of narratives from Długosz to Naruszewicz

Dmitriy Karnaukhov^{1, 2}, Vera Spesivtceva³

^{1, 3} Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuyskaya street, Novosibirsk, 630126 Russia

² Novosibirsk State Technical University
20 K. Marksa prospekt, Novosibirsk, 630073 Russia

^{1, 2} E-mail: dvkarn@mail.ru

³ E-mail: wierra@yandex.ru

Abstract

The article examines the evolution of ideas about Rus' in the Polish historiography. It reveals a consistent strand of thought spanning four centuries, from the late Middle Ages to the Enlightenment. The authors analyze how Polish proto-scientific historical thought viewed the past of Rus in comparison with the ideas of the 18th century. The study focuses on Jan Długosz (lat. Ioannis Dlugossius) and his followers, prominent Renaissance historians whose concepts laid the foundation for the Polish narrative of Rus'. This narrative remained unchanged until the scientific historiography of the Enlightenment. The article examines the approach of Adam Naruszewicz, an early member of the Polish school of scientific historiography, to the uncovering of the history of Rus'. It examines how Naruszewicz's worldview and scientific views were shaped by the specific era in which he lived. The authors focus on Naruszewicz's biography and his major works, paying attention to the traditional framework. The article also examines the structure of narrative of Rus' in Naruszewicz's work, tracing his ideas about history of Rus' in comparison with those of his predecessors.

Keywords: historiography, historical myth, historiographical narrative, Renaissance, Enlightenment, Poland, Rus, Jan Długosz, Adam Naruszewicz

На современном этапе развития гуманитарных наук исследователи всё чаще сталкиваются с проблемой определения критериев истинности и ложности представлений о прошлом. Наиболее актуальным этот вопрос является для национальных историографий и свойственных для них историографических практик, поскольку характерное для научного мышления стремление к реконструкции объективного образа истории здесь нередко вступает в противоречие с явлениями

аксиологического порядка, предопределяющего взгляд на прошлое в категориях приемлемости для господствующей культурной доминанты, отвечающей за формирование и поддержание идентичности того или иного сообщества. Как результат, «ценностный» подход к восприятию истории нередко вступает в противоречие с подходом научным [15; 18].

Чаще всего такие процессы характерны для освещения наиболее значимых для культурного сознания исторических процессов – доказательства древности и благородства происхождения (этногенетические и эпонимические концепции [9: 33; 30: 129–130]), обоснования величия (династические легенды, сакрализация героев и мест памяти [11]), оправдания границ контролируемого ареала и закрепления доминант исторической памяти, в том числе взглядов на взаимоотношения с соседями [8].

В этом проблемном поле каждая отдельно взятая национальная историография стремится сформировать собственный «образ мира», доказывающий и подчёркивающий историческую правоту, прежде всего, «своего» сообщества. Исследование этих явлений возможно с применением методологического инструментария и понятийного аппарата, отражающих специфику описанных выше ценностно обусловленных практик восприятия прошлого. К ним, в частности, относятся категории «исторического мифа» и «исторического/ историографического нарратива», которым посвящена обширная литература [2; 3; 14; 39].

В нашей статье, опираясь на данный исследовательский инструментарий, будут показаны особенности формирования ценностно обусловленных историографических нарративов на примере польской традиции исторических представлений о Руси на протяжении нескольких столетий – в период перехода от донаучного к научному этапу развития знаний о прошлом.

Само возникновение «идеи Руси» в исторической мысли Польши было обусловлено тесным и длительным взаимодействием польского и русского цивилизационных пространств, завершившимся аннексией юго-западных русских земель Польшей на закате эпохи Средневековья. Предопределённое этим обстоятельством доминирование польского государства во взаимоотношениях с Русью привело к формированию полоноцентристского «прочтения» как её собственной истории, так и истории польско-русских отношений, закреплению в культурной памяти поляков комплекса представлений, нашедших отражение в унифицированных нарративных историографических практиках.

Проблематика репрезентаций в исторической мысли Польши вопросов истории Руси и польско-русских отношений нашла от-

ражение в исследованиях как польских ученых (А. Гейштора [1], Ю. Раджишевской [34], Ф. Селицкого [36], Л. Базылева [21], С. Солицкого [37], К. Блаховской [24] и др.), так и авторов, представлявших советскую и постсоветские научные школы (А. Рогова [12], Ю. Лимонова [7], А. Хорошкевич [19], Б. Флори [17], Б. Клосса [6], Д. Карнаухова [4; 5], А. Семянчук [35], Д. Вирского [20], Р. Наливайко [10] и др.). В их трудах были досконально изучены «русские» известия в польской исторической мысли Средних веков и эпохи Возрождения, выявлены источники, определены структура и взаимосвязи представлений различных историков, однако недостаточно освещались вопросы политической ангажированности и идеологической преемственности, которым уделяется внимание в рамках нашей статьи.

Для зарождения нарратива Руси ключевым был вклад «патриарха польской историографии», краковского каноника Яна Длугоша (Ioannis Dlugossius, 1415–1480) – автора написанной на латыни исторической хроники, в которой освещались как сюжеты национальной истории, так и вопросы взаимоотношений с соседями Польши, в том числе с Русью [27].

Идея Руси Длугошем была сведена к подборке дискриминационных клише, *post factum* обосновывавших и оправдывавших достигшее кульминации в его время польское господство на русских землях. Важно отметить, что этот автор использовал наряду с польскими источниками также и материалы русского летописания [5], однако интерпретировал заимствованные из них свидетельства в сугубо полоноцентристском ключе, усиливая эффект своих умозаключений посредством применения широкого спектра приемов художественного развёртывания сюжета.

В частности, в хронике Длугоша указывалось на более низкий, по сравнению с поляками, статус русских в родовой иерархии славянских народов (авторская интерпретация средневековой эпонимической легенды, характеризовавшей прародителя русских Руса в качестве «одного из потомков» прародителя поляков Леха (*uno nepotum Lech* [27: 21]), основателям Киева – полянам, приписывалось польское происхождение на основании созвучия наименования восточнославянского племени полян и латинского наименования поляков (поляне/*Poloni* [27: 40]), а в интерпретации легенды о происхождении русской государственности новгородская династия Рюриковичей представлялась в качестве политической силы, насильственно лишившей полян-поляков законной власти над Русью в результате захвата Киева наследником Рюрика – князем Игорем.

На основании данных аргументов история польско-русских отношений трактовалась Длугошем в категориях борьбы польского

государства за возвращение некогда насильственно отторгнутых и принадлежавших ему по праву земель, а также подавления «мятежей» русских [27: 287]. Культовыми фигурами в рамках данного нарратива Руси становились польские монархи, зарекомендовавшие себя в качестве её покорителей, – Болеслав Храбрый, Болеслав Смелый и Казимир Великий, тогда как статус русских в отношениях с Польшей характеризовался польским историком посредством уничижительных маркеров («рабское состояние» / лат. *ignominie cauterio*, «тяжкое иго» / лат. *grave iugum* [27: 394]). Кульминацией польско-русских взаимоотношений в хронике Длугоша представлялось присоединение Руси к Польше в середине XIV в. королём Казимиром III.

Именно при описании этого ключевого с точки зрения полоноцентристского взгляда на идею Руси сюжета, раскрываются фундаментальные черты нарратива, положенного в основу культурного проекта Польши, адресованного её восточным соседям.

Оправданием аннексии русских земель для Длугоша становится убийство боярами «губернатора Руси» (*Russie gubernatore*) князя Болеслава, находившегося под покровительством польского короля, в результате которого тот на законных основаниях получил право на владение русскими землями, их «объединение» с Польшей и «присоединение Руси на вечные времена в качестве провинции», после чего она «никогда не отказывалась от повиновения и покорности», «всегда продолжала пребывать в искренней, нерушимой и преисполненной преданности верности» [26: 217].

Таким образом, Длугош начинает изложение истории польско-русских отношений с констатации фактов происхождения русских от поляков и завершает обоснованием их присоединения на легитимных, с точки зрения правовых норм своей эпохи, основаниях (наказание за преступление и нелояльность сюзерену). Эта жёсткая дискриминационная для восточных соседей поляков историографическая конструкция адекватно отражала соотношение потенциалов Польши и Руси в региональной политике на момент создания Длугошем хроники (вторая половина XV столетия) и служила убедительным историческим обоснованием польской культурной и политической гегемонии, сохраняя актуальность на протяжении нескольких веков.

«Культуртрегерский» потенциал полоноцентристского нарратива Руси в полной мере был раскрыт последователями Длугоша, яркими представителями национальной историографии эпохи Возрождения, среди которых выделялись Матвей Меховий (Mathia de Mechow, 1457–1523) и Мартин Кромер (Martin Cromer, 1512–1589), закрепившие полоноцентристскую трактовку идеи Руси в историческом и культурном сознании просвещённых элит не только своей страны,

но и всей Европы, благодаря публикациям на латыни за границами Польши [25; 31].

Наряду с польскими историками эпохи Возрождения, писавшими на латыни, следует отметить огромный вклад в продвижении унаследованного от Длугоша польского взгляда на «идею Руси» авторов исторических трудов, публиковавшихся на польском языке, среди которых особую роль сыграли сочинения Марчина и Иоахима Бельских (Marcin Bielski, 1495–1575; Joachim Bielski, 1550–1599), а также Мачея Стрыйковского (Maciej Strykowski, 1547–1590). Как и авторы латиноязычных сочинений, историки, издававшие свои труды на польском языке [22; 29; 38], строго следовали ключевым идеологическим ориентирам, заложенным в нарративе Руси Длугошем, но при этом их работы сыграли существенную роль прежде всего для укоренения этих идей в польской среде, тем самым способствуя формированию комплексов и стереотипов восприятия восточных соседей поляков в национальном историческом сознании.

Для просвещённых европейцев «польский» взгляд на Русь был практически безальтернативен, главным образом из-за цивилизационных барьеров, разделявших христианские Запад и Восток, а также предопределённой ими изолированностью русской интеллектуальной культуры. Единственным исключением являлся очерк русской истории, содержащийся в трактате австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна (Siegismund Freiherr von Herberstein, 1486–1566), в котором нашло отражение «московское» прочтение истории Руси, представлявшее её в качестве самобытного и суверенного культурно-политического ареала [4: 50–53].

Таким образом, в ренессансной интеллектуальной культуре сформировался нарратив Руси как исторически подчинённой Польше территории, в целом принятый европейской просвещённой публикой. Он сохранял свою актуальность и в последующие эпохи, отражая польскую гегемонию в восточноевропейской политике, вызов которой был брошен лишь в XVII и XVIII вв. в результате усиления альтернативных центров регионального влияния – Швеции и России, оспаривших доминирование польского государства.

В сфере формирования исторических представлений в это время происходили также важные сдвиги. Характерному для эпохи Возрождения мифологизированному восприятию истории был противопоставлен критический подход, оспаривающий в том числе и укоренившиеся в предшествующие эпохи идеи национального величия. В качестве примера могут рассматриваться достижения кульминации в середине XVIII в. в России споры между сторонниками и противниками так называемой норманнской теории происхождения

русской государственности, в ходе которых мифологеме автохтонности (отстаиваемой Михаилом Ломоносовым) противопоставлялась обосновывавшаяся с помощью рационалистической аргументации теория «внешнего» происхождения государственной традиции Руси (продвигаемая немецкими академиками Готлибом Байером, Августом Шлёцером и Герардом Миллером).

Данная тенденция была общей для историографических практик XVIII в., важной задачей которых являлось стремление описать национальную историю в понятном для публики и «патриотическом» ключе, что позволяло закрепить за ней роль фундаментальной культурной ценности, объединяющей зарождающиеся «гражданские нации». Правящие элиты были заинтересованы в балансе между умеренным патриотизмом и приверженностью политической иерархии (сочетание лояльности Отечеству и Власти), который вписывался в получившую популярность доктрину «просвещённой монархии». Помимо прочего эту задачу были призваны решить обобщающие исторические труды авторитетных авторов.

В российской традиции попытки создания таких сочинений были предприняты Василием Татищевым (1686–1750) и Иваном Болтиным (1735–1792). Работа Татищева по праву может считаться одним из первых опытов научного осмысления российской истории. Она была направлена против «суеверия» и «баснословия» в истории. Болтин на основе «рационалистических» подходов в своих сочинениях предпринял попытку показать внутреннюю закономерность исторических процессов и обосновать общую концепцию русской истории. Характерное для этих авторов использование критических методов в отношении прежде всего летописных источников, а также активизация связей со странами Западной и Центральной Европы способствовали переходу отечественного историописания на новый этап развития и превращению его в научную дисциплину [16: 104].

Сходные тенденции были характерны и для Польши. Ярким примером причудливого симбиоза мифологического и критического подходов к обоснованию идей национального величия были представления Адама Нарушевича (Adam Tadeusz Stanisław Naruszewicz, 1733–1796).

Биография и достижения этого автора наглядно иллюстрируют миссию историка в интеллектуальной культуре Польши эпохи Просвещения.

Нарушевич происходил из знатной шляхетской семьи. Он получил базовое образование в иезуитском коллегиуме в Пинске, а высшее – в Вильно и французском Лионе, после чего преподавал в Виленской академии на кафедре латинской словесности, стал известным лите-

ратором, переводчиком и издателем. Будучи ещё совсем молодым человеком, Нарушевич вступил в орден иезуитов и принял церковный сан. Учитывая глубокую приверженность польского общества католицизму, данное обстоятельство придавало работам этого автора особое значение и вес в глазах читающей публики [13: 336].

На талант Нарушевича обратил внимание также и польский король Станислав Август Понятовский, понимавший важность создания фундаментального исторического труда, отвечающего вызовам времени и политическим амбициям Речи Посполитой. Нарушевич был удостоен чести реализовать данный замысел по примеру европейских просветителей, а именно изложить польскую историю на новых методологических принципах. При этом особая значимость в контексте умонастроений эпохи Просвещения придавалась моральному аспекту исторического критицизма. В этой связи эпистемология использовалась в качестве инструмента моральной критики, прошлое показывалось через оптику системы ценностей, а одной из главных целей историописания являлась «прививка» этих ценностей обществу, особенно молодежи.

Нарушевич приступил к созданию своего главного исторического труда в 1774 г. Работая в интересах Речи Посполитой и по прямому указанию короля, получая в связи с этим большую материальную поддержку, он не имел ограничений в доступе к архивам, источникам и публикациям, доставлявшимся для него также и из-за рубежа [28: 73–75]. С 1780 по 1786 г. были изданы шесть томов труда Нарушевича под титулом «История польского народа от начала христианства» (*Historyja narodu polskiego od początku chrześcijaństwa*), содержавшие описание периода правления династии Пястов (до конца XIV в.). Каждый том начинался с пространного хвалебного обращения к королю, содержал подробные генеалогические и хронологические таблицы, а также перечень источников, к которым обращался автор. Ещё один том, в котором была описана история славян и польских земель до принятия христианства, был опубликован уже после смерти автора в 1824 г.

«Русская» тема также была близка Нарушевичу, и в наши задачи в рамках данной статьи входит проследить эволюцию и преемственность его взглядов в сравнении со взглядами историков эпохи Возрождения, последователей Длугоша.

Описание возникновения, ранних этапов развития русской государственности и важнейших событий польско-русских отношений содержится во II и V томах его труда. Несмотря на существенный хронологический разрыв между Нарушевичем и последователями Длугоша, предлагавшиеся ими «прочтения» русской истории имели больше сходств, чем отличий. Приведём несколько примеров.

Во II томе «Истории» Нарушевич подчёркивает права Польши на Червонную Русь, которой «поляки владели на востоке» (*trzymali Polacy od wschodu Ruś czerwoną* [32: 53]), а также, ссылаясь на Нестора и Длugoша, указывает на «польское» происхождение племён вятичей и радимичей, однако географически помещает их в междуречье Сана и Буга (*dwa narodu Słowiańskie, Wiatychanów i Radymiczano(w), między Sanem i Bugiem siedzące, które bądź tymże samym z Polakami, iako chce Nestor i Długosz były narodem* [32: 54]), о чём свидетельств в двух упомянутых источниках мы не находим. Таким образом Нарушевич сводит в своей краткой справке о польском происхождении русских народов различные свидетельства, а также меняет их локализацию, «приближая» их к границам Польши, тем самым усиливая тезис о родстве русских и поляков.

Ещё более очевидна приверженность Нарушевича сформированному Длugoшем полоноцентристскому нарративу Руси при изложении событий XI–XIII столетий. В V томе Истории польский автор пишет о том, что поляки со времен Болеслава Храброго в течение двух веков «не имели власти над Русью» (*nie mieli Ruś za hołdowniczq*), ограничиваясь сбором дани. По его утверждению, из-за внутренних распрей Польша «ни времени, ни сил, ни намерений не могла иметь для укрощения взбунтовавшихся» (*ni czasu, ni sił, ni zamysłu do ukrocenia zbuntowanych mieć nie mogła*), тогда как русские тяготились своей зависимостью и постоянно «избавлялись от ига поляков» (*wybiiali się z pod iarzma Polaków* [33: 388]).

Тем самым Нарушевич подтверждает статус Руси как взбунтовавшейся провинции и трактует её отношения с Польшей в категориях «ига», не предпринимая каких-либо попыток верифицировать данный тезис с помощью критических методов исторического познания, широко применявшихся в его время, тем самым способствуя его закреплению в качестве ключевого постулата полоноцентристской исторической картины мира, определив Русь в качестве зависимой и лишённой исторической субъектности периферии условного «польского мира».

Этот постулат не только не был изжит на последующих этапах развития польской научной историографии, но и оказал существенное влияние на формирование целого спектра представлений и идей культурного и политического характера: отразился в художественных произведениях и публицистике, геополитических теориях и стереотипах массового общественного сознания.

На исключительно важную роль Нарушевича в продвижении полоноцентристского нарратива Руси обращают внимание также и современные польские исследователи, склонные оправдывать миссию своего выдающегося соотечественника. В частности, К. Блаховска

в своей монографии отмечает, что благодаря именно этому автору в польскую научную историографию была введена интерпретация польско-русских отношений, существовавшая в польской традиции с XIII в. По её мнению, Нарушевич не только обобщил эти представления, но и создал предпосылки для развития рефлексии над отношениями Польши с Русью в историографии XIX в. [23: 25].

Таким образом, созданная усилиями Длугоша дискриминационная в отношении восточных соседей поляков историческая мифологема усилиями Нарушевича получила убедительную научную санкцию.

Показанные на примере историографических практик XV–XVIII вв. механизмы влияния идеологизированных и политизированных идей на деятельность авторов исторических трудов актуализируют для их исследователей ряд вопросов. Наиболее важными из них нам представляются вопрос самой возможности отнесения «ценностного» контента историографических нарративов к научному дискурсу, а также вопрос определения степени допустимости влияния на научную работу историка, позиционирующего себя в качестве учёного, идеологически обусловленных клише и стереотипов. Иными словами, современным исследователям важно определиться: являются ли ангажированные историографические практики и нарративы (вне зависимости от породившей их эпохи и национальной принадлежности) предметом исследования в рамках исторических, политических, культурологических, филологических или философских наук, а также приемлемо ли закрепление статуса «концепции» за мифологемами или идеологемами, получившими «научную санкцию». Ответ на эти вопросы, с нашей точки зрения, может быть дан в ходе широкой дискуссии учёных, представляющих различные отрасли гуманитарного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гейштор А.* Образ Руси в средневековой Польше // Культурные связи России и Польши. XI–XX вв. М.: УРСС, 1998. С. 17–26.
2. *Женин И.А.* Исторические мифы и коллективная память в пространстве исследовательских практик // Шаги. 2021. Т. 7, № 1. С. 9–28.
3. *Карнаухов Д.В.* Исторический миф как методологическая категория (к постановке вопроса) // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве: материалы региональной научно-практической конференции, проходившей 15–16 апреля 2004 г. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: Издательство Новосибирского педагогического университета, 2004. С. 73–77.

4. *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск: Издательство Новосибирского педагогического университета, 2010. 291 с.

5. *Карнаухов Д.В.* Проблема русских летописных источников Яна Длугоша и Мачея Стрыйковского в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 69–73.

6. *Клосс Б.М.* Русские источники I–VI книг *Анналов Яна Длугоша* // Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, пер., коммент. М.: Памятники Исторической Мысли, 2004. С. 34–52.

7. *Лимонов Ю.А.* Польский хронист Ян Длугош о России // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М.: Наука, 1972. С. 262–269.

8. *Матвеева А.А.* Взаимодействие категории «свой – чужой» и категории оценки // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 3. С. 74–77.

9. *Мыльников А.С.* Славянские этногенетические легенды: место и роль в эволюции исторического познания // Славяне и их соседи. Миф и история. М.: ИСБ РАН, 1996. С. 30–34.

10. *Наливайко Р.А.* К вопросу о хронологии русских известий «Анналов Польши» Яна Длугоша // Повесть временных лет: к 900-летию создания: материалы Международной научной конференции «Повесть временных лет: к 900-летию создания», проходившей 13–14 декабря 2013 г. / под ред. Ю.В. Кривошеева, Н.В. Штыкова. СПб.: Издательство: Издательство Олега Абышко, 2018. С. 162–170.

11. Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции. М.: Индрик, 2010. 136 с.

12. *Рогов А.И.* Основные особенности развития русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М.: Наука, 1976. С. 166–176.

13. *Спесивцева В.А.* Адам Нарушевич – портрет историка // Историческое прошлое в гуманитарных исследованиях и образовательной практике: материалы Международной интерконференции, проходившей 22–25 марта 2023 г. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: Издательство Новосибирского педагогического университета, 2023. С. 334–341.

14. *Стризов А.Л.* Исторический текст как научный нарратив // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2012. № 2 (22). С. 172–178.

15. *Троицкий Ю.Л.* Что такое «правда Истории»? (Самопорождение смысла в историографическом тексте) // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 105–113.

16. *Умбрашко К.Б.* О критическом подходе к изучению русских летописей (XVIII – первая половина XIX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 103–106.

17. *Флоря Б.Н.* Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // *Славяне и их соседи: этнопсихологические стереотипы в Средние века*. М.: ИСБ РАН, 1990. С. 14–28.

18. *Фролов И.В.* Ценностный подход в изучении истории // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2009. № 2 (14). С. 133–137.

19. *Хорошкевич А.Л.* Термины «Руссия» и «Московия» в 9–13 книгах «Анналов Польши» Яна Длугоша // «Cultus et cognitio»: studia z dziejów śródnio-wiecznej kultury. Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe, 1976. S. 203–208.

20. *Вирський Д.* Річпосполитська історіографія України (XVI – середина XVII ст.). Ч. 1. Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. 502 с.

21. *Bazylow L.* Rosja w polsko-łacińskiej literaturze politycznej XVI wieku // *Slavia Orientalis*. 1974. № 1. S. 3–20.

22. *Bielski M.* Kronika, tho iesth, Historia swiata [...]. Drukowano w Krakowie u Mattheusza Siebeneychera, 1564. 481l.

23. *Błachowska K.* Wiele historii jednego państwa: obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / *Prace Historycznego Instytutu UW*. Warszawa: Fundacja Naukowa Otwarte Historie; Wydawnictwo Neriton, 2018. 410 s.

24. *Błachowska K., Karnauchow D.* Zapomniany dorobek polskiej historiografii o potrzebie bibliografii historycznej ziem ruskich // *Kwartalnik historii nauki i techniki*. 2013. T. 58, № 2. S. 97–110.

25. *Cromer M.* De origine et rebus gestis Polonorum [...]. Basileae per Joannem Oporinum, 1555. 702 p.

26. *Dlugossius I.* Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae [T. V]. Lib. 9. Varsavia, 1978. 507 p.

27. *Dlugossius I.* Historia Polonica. Dobromil, 1615. 599 p.

28. *Grabski A.F.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2006. 227 s.

29. Kronika polska Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana. W Krakowie, w Drukarni Jakuba Sibeneychera, 1597. 826 s.

30. *Leciejewicz L.* Legendy etnogenetyczne w świecie słowiańskim // *Slavia Antiqua*. Rok 1989 / 1990. T. XXXII. S. 128–136.

31. *Mathia de Mechow.* Chronica Polonorum. Craccoviae, per Hieronymum Vietorem, 1519–1521. 369 p.

32. *Naruszewicz A.* Historyja narodu polskiego od początku chrześcijaństwa. T. II. Warszawa. W Drukarni J.K. Mci i Rzeczypospolitey uprzy wileiowaney Grölltowskiej. 1780. 481 s.

33. *Naruszewicz A.* Historyja narodu polskiego od początku chrześcijaństwa. T. V. Warszawa. W Drukarni J.K. Mci i Rzeczypospolitey uprzy wileiowaney Grölltowskiej. 1784. 526 s.

34. Radziszewska J. W sprawie korzystania przez Długosza z «Powieści mini-onych lat» // Ziemia Częstochowska. 1984. T. 14. S. 57–85.
35. Semiańczuk A., Semiańczuk H. Oblicza Wschodu w dziejopisarstwie polskim do końca XVI wieku // Oblicza Wschodu w kulturze polskiej. Poznań: Wydaw. Poznańskie, 1999. S. 21–36.
36. Sielicki F. Kroniki staroruskie w dawniej Polsce na tle polsko-ruskich stosunków kulturalnych // Slavia Orientalis. 1964. № 2. S. 133–157.
37. Solicki S. Metoda pracy nad dziejami obcymi w Annales Poloniae Jana Długosza // Studia Źródłoznawcze. 1977. T. 22. S. 106–110.
38. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej [...]. Drukowano w Krolewcu u Gerzego Osterbergera, 1582. 849 s.
39. Topolski J. Myths in Research into the Past // Acta Poloniae Historica. 2000. No. 81. P. 5–18.

REFERENCES

1. Geyshtor, A. (1998) Obraz Rusi v srednevekovoy Pol'she [The image of Russia in medieval Poland]. In: Shchapov, Ya.N., Falkovich, S.M. & Shchaveleva, N.I. (eds) *Kul'turnye svyazi Rossii i Pol'shi. XI–XX vv.* [Cultural relations of Russia and Poland. The 11th – 20th centuries]. Moscow: URSS. pp. 17–26.
2. Zhenin, I.A. (2021) Istoricheskie mify i kollektivnaya pamyat' v prostranstve issledovatel'skikh praktik [Historical myths and collective memory in the space of research practices]. *Shagi*. 7(1). pp. 9–28.
3. Karnaukhov, D.V. (2004) Istoricheskiy mif kak metodologicheskaya kategoriya (k postanovke voprosa) [Historical myth as a methodological category (to raise the question)] In: Zverev, V.A. (ed.) *Istoriya i kul'tura Sibiri v issledovatel'skom i obrazovatel'nom prostranstve* [The History and Culture of Siberia in the Research and Education Space]. Novosibirsk: Novosibirsk Pedagogical University. pp. 73–77.
4. Karnaukhov, D.V. (2010) *Kontseptsii istorii srednevekovoy Rusi v pol'skoy khronografii epokhi Vozrozhdeniya* [Concepts of the history of medieval Rus in the Polish Renaissance chronography]. Novosibirsk: Novosibirsk Pedagogical University.
5. Karnaukhov, D.V. (2011) The problem of Russian chronicle sources of Jan Długosz and Maciej Strykowski in domestic and foreign historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 346. pp. 69–73. (In Russian).
6. Kloss, B.M. (2004) Russkie istochniki I–VI knig Annalov Yana Długosha [Russian Sources of Books I–VI of the Annals of Jan Długosz]. In: Shchaveleva, N.I. *Drevnyaya Rus' v "Pol'skoy istorii" Yana Długosha (knigi I–VI)* [Old Rus in "Polish

History” by Jan Dlugosz (Books I–VI)]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. pp. 34–52.

7. Limonov, Yu.A. (1972) Pol'skiy khronist Yan Dlugosh o Rossii []. In: Pashuto, V.T. (ed.) *Feodal'naya Rossiya vo vsemirno-istoricheskom protsesse* [Feudal Russia in the world historical process]. Moscow: Nauka. pp. 262–269.

8. Matveeva, A.A. (2007) Vzaimodeystvie kategorii “svoe – chuzhoy” i kategorii otsenki [Interaction of the category “us-them” and the category of evaluation]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 12(3). pp. 74–77.

9. Mylnikov, A.S. (1996) Slavyanskije etnogeneticheskie legendy: mesto i rol' v evolyutsii istoricheskogo poznaniya [Slavic ethnogenetic legends: The place and role in the evolution of historical knowledge]. In: *Slavyane i ikh sosedi. Mif i istoriya* [Slavs and their neighbors. Myth and history]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 30–34.

10. Nalivayko, R.A. (2018) K voprosu o khronologii russkikh izvestiy “Annalov Pol'shi” Yana Dlugosha [On the chronology of the Russian news of Jan Dlugosz's “Annals of Poland”] In: Krivosheev, Yu.V. & Shtykov, N.V. (eds) *Povest' vremennykh let: k 900-letiyu sozdaniya* [The Tale of Bygone Years: To the 900th Anniversary of its Creation]. St. Petersburg: Oleg Abyshko. pp. 162–170.

11. Florya, B.N. (ed.) (2010) *Predaniya i mify o proiskhozhdenii vlasti epokhi Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni* [Legends and myths about the origin of power in the Middle Ages and early modern times]. Moscow: Indrik.

12. Rogov, A.I. (1976) Osnovnye osobennosti razvitiya russko-pol'skikh kul'turnykh svyazey v epokhu Vozrozhdeniya [Main features of the development of Russian-Polish cultural ties in the Renaissance]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Kul'turnye svyazi narodov Vostochnoy Evropy v XVI v.* [Cultural relations of the peoples of Eastern Europe in the 16th century]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 166–176.

13. Spesivtseva, V.A. (2023) Adam Narushevich – portret istorika [Adam Narushevich – a portrait of a historian]. In: Zverev, V.A. (ed.) *Istoricheskoe proshloe v gumanitarnykh issledovaniyakh i obrazovatel'noy praktike* [The historical past in humanities research and educational practice]. Novosibirsk: Novosibirsk Pedagogical University. pp. 334–341.

14. Strizoe, A.L. (2012) Istoricheskiy tekst kak nauchnyy narrativ [The historical text as a scientific narrative]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya*. 2(22). pp. 172–178.

15. Troitskiy, Yu.L. (2010) Chto takoe “pravda Istории”? (Samoporozhdenie smysla v istoriograficheskom tekste) [What is the “truth of History”? (Self-generated meaning in a historiographical text)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Science and Modernity*. 1. pp. 105–113.

16. Umbrashko, K.B. (2013) O kriticheskom podkhode k izucheniyu russkikh letopisey (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [About the critical approach to the study of Russian chronicles (the 18th – first half of the 19th century)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 103–106.

17. Florya, B.N. (1990) Rus' i "ruskie" v istoriko-politicheskoy kontseptsii Yana Dlugosha [Rus' and 'Russians' in the historical and political concept of Jan Dlugosz]. In: Litavrin, G.G. (ed.) *Slavyane i ikh sosedi: etnopsikhologicheskie stereotipy v srednie veka* [Slavs and their neighbors: Ethnopsychological stereotypes in the Middle Ages]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 14–28.

18. Frolov, I.V. (2009) Tsennostnyy podkhod v izuchenii istorii [A value-based approach to the study of history]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki – Nizniy Novgorod State University Journal*. 2(14). pp. 133–137.

19. Khoroshkevich, A.L. (1976) Terminy "Russiya" i "Moskoviya" v 9–13 knigakh "Annalov Pol'shi" Yana Dlugosha [The terms "Russia" and "Muscovy" in Books 9–13 of Jan Dlugosz's "Annals of Poland"]. In: Gieysztorowi, A. *"Cultus et cognition": studia z dziejów średniowiecznej kultury*. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe. pp. 203–208.

20. Virskiy, D. (2008) *Richpospolits'ka istoriografiya Ukraïni (XVI – seredina XVII st.)* [Rzeczpospolita historiography of Ukraine (16th – mid-17th centuries)]. Vol. 1. Kiev: National Academy of Sciences of Ukraine, Institute of History of Ukraine.

21. Bazyłow, L. (1974) Rosja w polsko-łacińskiej literaturze politycznej XVI wieku. *Slavia Orientalis*. 1. pp. 3–20.

22. Bielski, M. (1564) *Kronika, tho iesth, Historya swiata [...]*. Drukowano w Krakowie u Mattheusza Siebeneychera.

23. Błachowska, K. (2018) *Wiele historii jednego państwa: obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku*. Warszawa: Fundacja Naukowa Otwarte Historie; Wydawnictwo Neriton.

24. Błachowska, K. & Karnaukhov, D.V. (2013) *Zapomniany dorobek polskiej historiografii o potrzebie bibliografii historycznej ziem ruskich*. *Kwartalnik historii nauki i techniki*. Vol. 58(2). Warszawa: Wydawnictwo Polską Akademię Nauk. pp. 97–110.

25. Cromer, M. (1555) *De origine et rebus gestis Polonorum [...]*. Basileae per Joannem Oporinum.

26. Dlugossius, I. (1978) *Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae*. [T.V]. Lib. 9. Varsavia.

27. Dlugossius, I. (1615) *Historia Polonica*. Dobromil.

28. Grabski, A.F. (2006) *Zarys historii historiografii polskiej*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

29. Bielsky, M. (1597) *Kronika polska. Nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana*. W Krakowie, w Drukarni Jakuba Sibeneychera.

30. Leciejewicz, L. (1989/1990) Legendy etnogenetyczne w świecie słowiańskim. *Slavia Antiqua*. Vol. XXXII. pp. 128–136.

31. Mathia de Mechow. (1519–1521) *Chronica Polonorum*. Craccoviae, per Hieronymum Vietorem.

32. Naruszewicz, A. (1780) *Historyja narodu polskiego od początku chrześcijaństwa*. Vol. II. Warszawa: W Drukarni J. K. Mci i Rzeczypospolitey uprzywilejowanej Gröłłowskiej.

33. Naruszewicz, A. (1784) *Historyja narodu polskiego od początku chrześcijaństwa*. Vol. V. Warszawa: W Drukarni J. K. Mci i Rzeczypospolitey uprzywilejowanej Gröłłowskiej.

34. Radziszewska, J. (1984) W sprawie korzystania przez Długosza z "Powieści minionych lat". *Ziemia Częstochowska*. 14. pp. 57–85.

35. Semiańczuk, A. & Semiańczuk, H. (1999) Oblicza Wschodu w dziejopisarstwie polskim do końca XVI wieku. In: *Oblicza Wschodu w kulturze polskiej*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie. pp. 21–36.

36. Sielicki, F. (1964) Kroniki staroruskie w dawniej Polsce na tle polsko-ruskich stosunków kulturalnych. *Slavia Orientalis*. 2. pp. 133–157.

37. Solicki, S. (1977) Metoda pracy nad dziejami obcymi w *Annales Poloniae* Jana Długosza. *Studia Źródłoznawcze*. 22. pp. 106–110.

38. Strykowski, M. (1582) *Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej [...]*. Drukowano w Krolewcu u Gerzego Osterbergera.

39. Topolski, J. (2000) Myths in Research into the Past. *Acta Poloniae Historica*. 81. pp. 5–18.

Карнаухов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия), профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета (Россия).

Dmitriy Karnaukhov – Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); Novosibirsk State Technical University (Russia).

E-mail: dvkarn@mail.ru

Спесивцева Вера Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Россия).

Vera Spesivtceva – Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: wierra@yandex.ru

УДК 930.2:821.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/7

«Маргарит» Иоанна Златоуста в рукописях старообрядцев Томской губернии XIX в.*

В.А. Есипова¹, Д.Ю. Балаганова²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: esipova_val@mail.ru

² E-mail: darya_drozhzhina@lib.tsu.ru

Авторское резюме

Рассмотрен вопрос о текстах общеславянского репертуара, бытовавших в разных странах с момента принятия ими христианства от Византии. Часть этих текстов, выполнив свою функцию, превратилась в артефакт культурно-исторической памяти, часть же продолжала широкое бытование в социуме, неоднократно переписывалась и издавалась. К числу авторов подобных текстов относится известный толкователь текстов св. писания Иоанн Златоуст. Обращается внимание на сборник его полемических текстов («Маргарит»), нехарактерный для творческого наследия Златоуста в целом. Установлены основные темы сборника, проанализирован его состав, а также выявлены условия появления текстов, входивших в его состав. Выявлено, что тексты, входящие в «Маргарит», возникли в Византии в IV в. в период широкого распространения богословских споров. Похожая обстановка была характерна и для Руси в XIV–XV в., когда возник перевод сборника на русский язык. В ходе работы в фонде Научной библиотеки Томского государственного университета были просмотрены рукописные старообрядческие сборники XIX в. Всего было выявлено более 20 рукописей с фрагментами трудов Златоуста. Для работы были отобраны два сборника, включающие выписки из «Маргарита». Оба сборника происходят из собрания старообрядца Игнатия Мозжерина, у которого книги были изъяты в 1859 г. в окрестностях с. Ордынского (современная Новосибирская область). Выписки были идентифицированы по изданию «Маргарита», выпущенному в Москве в 1641 г., проанализирована их тематика: это выписки из бесед против иудеев и о серафимах. Анализ других выписок из тех же сборников позволил выдвинуть предположение о принадлежности

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-00742, <https://rscf.ru/project/22-28-00742/>

писца к согласию странников-иерархитов. Указано на сходство ситуаций появления текстов «Маргарита» и актуализации его текстов в XV в. (время его перевода) и в XIX в. (время составления изучаемых сборников). Общая черта этих ситуаций – обилие богословских споров и дискуссий, что и обусловило обращение именно к полемическому наследию Иоанна Златоуста.

Ключевые слова: Иоанн Златоуст, «Маргарит», старообрядчество, Сибирь

“Margarit” by John Chrysostom in the manuscripts of the Old Believers of Tomsk province in the 19th century*

Valeriya A. Esipova¹, Daria Yu. Balaganova²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: esipova_val@mail.ru

² E-mail: darya_drozhzhina@lib.tsu.ru

Abstract

The article focuses on the common Slavic texts from different countries created since the adoption of Christianity from Byzantium. Having fulfilled their function, some of these texts turned into cultural and historical artifacts, while others continued to circulate widely in society, rewritten and republished. Among those who created such texts was a famous exegetist, John Chrysostom. This work draws attention to Chrysostom's nontypical polemical collection “Margarit.” The researchers have identified the main themes of the collection, analyzed its composition and the context of its appearance. “Margarit” comprises texts that appeared in Byzantium in the 4th century, in the course of the widespread theological controversy. A similar situation was typical for Rus' in the 14th – 15th century, when “Margarit” was translated into Russian. The authors looked through handwritten Old Believers' collections of the 19th century from the fund of the Tomsk State University Research Library to discover more than 20 manuscripts with fragments of Chrysostom's works. The article focuses on two compilations that included the extracts from “Margarit”, from the collection of the Old Believer Ignatius Mozzerhin. His books were confiscated in 1859 near the village Ordynsky (modern Novosibirsk region). The extracts were identified with the “Margarit”, published in Moscow in 1641.

* Old Russian texts in the Old Believer milieu: Repertoire and specificity of functioning. Russian Scientific Foundation. № 22-28-00742, <https://rscf.ru/project/22-28-00742/>

Thematically, they are excerpts from conversations against the Jews and about the seraphim. The analysis of other extracts from the same collections made it possible to assume that the scribe belonged to the consensus of the wandering hierarchs. The work also points out the similarities between the situations when “Margarit” appeared, gained relevance through its translation in the 15th century, and compilation of the collection in the 19th century, which caused abundant theological disputes and discussions, leading to an appeal to John Chrysostom’s polemical heritage.

Keywords: John Chrysostom, “Margarit”, Old Believers, Siberia

Постановка проблемы. Славянский мир базируется, в числе прочего, на некоторой совокупности общих текстов, которые бытуют в разных странах и известны на протяжении ряда столетий. Существенная часть этих текстов связана с христианской традицией, в основном в православном её изводе. Эта общность была охарактеризована известным славистом Р. Пиккио, ему же принадлежит ёмкий термин *Slavia Orthodoxa*, описывающий религиозное, культурное и языковое единство юго-восточных славян, принявших христианство от Византии [10: 3–74].

Однако часть текстов из указанной совокупности продолжала бытование и после окончания периода Средневековья. Поэтому представляет интерес рассмотрение истории отдельных текстов и их бытование на протяжении столетий в различных историко-культурных средах. Это, с одной стороны, позволило бы выявить те качества текста, которые обеспечивают ему столь долгую жизнь, с другой – даст возможность по-новому взглянуть и на характеристики тех обществ, в которых тексты бытовали.

Иоанн Златоуст и сборник «Маргарит». Одним из наиболее значимых и авторитетных авторов упомянутой выше традиции является Иоанн Златоуст (сер. IV в., Антиохия, ныне Антакья, Турция – 14.09.407, Команы Понтийские, Турция). Иоанн Златоуст оставил обширнейшее творческое наследие, насчитывающее более 900 текстов, которые подразделяют на догматико-полемиические, экзегетические, пастырские, нравственно-аскетические и т. д. Начиная с V в. н. э. появляются переводы его трудов с греческого на латынь, затем на восточные языки (сирийский, коптский и арабский), а также языки народов Кавказа (армянский, грузинский), позже – на старославянский и древнерусский.

Считается, что первые переводы гомилий Иоанна Златоуста на славянский язык были выполнены во время миссии Кирилла и Мефодия в Великой Моравии. Так, одной из первых их переводческих работ был, видимо, не дошедший до наших дней Торжественник минейный

и триодный, включающий поучения отцов церкви, в том числе Златоуста. Позже эта работа была продолжена в Болгарии учениками Кирилла и Мефодия (конец IX – начало X в.). Параллельно появилась и бытовала хорватско-глаголическая традиция переводов Златоуста, представленная ныне рядом памятников.

Русскими книжниками в XI–XII вв. были переведены некоторые тексты Златоуста, сформировавшие сборник под названием «Пчела», а со второй половины XII в. его тексты появились и в составе учительной части Пролога. Как предполагают некоторые исследователи, в середине XIV в. болгарским книжником Дионисием Дивным был переведён на славянский язык сборник «Маргарит». Однозначных сведений о времени и месте перевода сборника на настоящий момент нет. В греческой рукописной традиции было несколько сборников с таким названием и различным составом, но все они включали гомилии Иоанна Златоуста и приписываемые ему тексты. Также и в славянских переводах существовало несколько сборников с этим названием. В целом ученые согласны в том, что в древнерусской письменности «Маргарит» появился не ранее XV в.

Наибольшее распространение получил «Маргарит», состоявший из 30 слов Златоуста: 6 слов против аноимеев, 6 – против иудеев, 6 – о серафимах, 5 – о богате и Лазаре, 3 – о Давиде и Сауле, 4 – об Иове. Впервые текст «Маргарита» был издан в Остроге в 1596 г. Среди других печатных сборников наиболее известны московские издания 1641, 1698, 1764, 1773, 1890, 1901 гг.

Историография вопроса. Количество работ об Иоанне Златоусте и разных аспектах его творчества, а также о бытовании его текстов в разных странах настолько велико, что в рамках одной статьи дать их обзор не представляется возможным. Заметим, что существуют не только научные труды о Златоусте, но ему также посвящен ряд энциклопедических статей, где приводятся списки основной литературы по теме [3: 159–250; 11: 431–433; 14: 100–102]. Исследованию рукописной традиции «Маргарита» посвящена отдельная статья [12: 351–357]. Специально изучением «Маргарита» занималась Е.Т. Казенина, посвятившая творчеству Иоанна Златоуста кандидатскую диссертацию [6]. Она отмечает, что самые ранние из списков «Маргарита» на Руси датируются XV в. Вошедшие в состав сборника тексты относятся к довольно редкому для Златоуста полемическому жанру (он более известен все же не как полемист, но как учитель и толкователь текстов Св. Писания). Существенная их часть была произнесена в 386–387 гг. в Антиохии, некоторые – в Константинополе, а часть, посвященная Иову, была составлена, вероятнее всего, уже не Златоустом. При этом известно, что во время второй ссылки он

много размышлял о книге Иова, поскольку сохранились его письма этого периода.

Также Е.Т. Казениной была произведена тематическая классификация текстов «Маргарита», которая использовалась в настоящем исследовании. Так, в «Беседах против иудеев» раскрываются следующие темы: неверность иудеев; против иудейских постов; беззаконие иудеев; Бог отверг иудеев; иудеи не могут праздновать, не нарушая закона; необходимо исправлять иудеев и иудействующих.

Исследователи указывают на целый ряд параллелей, которые сближают эпоху Златоуста и эпоху появления и распространения «Маргарита» на Руси [5: 63–64]. Одна из главных таких параллелей – распространение еретических движений и обилие богословских споров. Действительно, упомянутые выше заглавия отдельных слов из «Маргарита» указывают на тематику: часть из них направлена против аномеев (крайние ариане, настаивали на сущностной инаковости Отца и Сына, т. е. отрицали Троицу) и иудеев. В то же время на Руси XV–XVI вв. характеризуются возникновением и распространением ереси жидовствующих и стригольников. Распространению еретических течений власти противостояли не только силовыми методами, но также появился целый ряд талантливых произведений отечественных церковных писателей (Иосиф Волоцкий, труды архиеп. Новгородского Геннадия по сбору книг Св. Писания и т. д.).

«Маргарит» послужил одним из важных документов в идеологической борьбе того времени. По мнению Е.Т. Казениной, именно поэтому в состав сборника вошли ранее не переводившиеся тексты и было обращено особое внимание на полемическое наследие Златоуста.

Характеристика источников. В процессе работы по выявлению древнерусских текстов в старообрядческих рукописных сборниках в фонде Научной библиотеки ТГУ было установлено, что труды Иоанна Златоуста содержатся как минимум в 22 сборниках XIX в. В большинстве своем это не полные тексты его работ, а небольшие фрагменты и выписки из книг, слов, бесед и поучений. Среди них имеются два сборника, включающие слова из книги «Маргарит».

Оба сборника входят в небольшое книжное собрание, которое состоит из 10 рукописей. Изначально сборники поступили в фонд Научной библиотеки ТГУ из Томской духовной семинарии. Документы были выделены в отдельное собрание в связи с тем, что имеют подпись священника Иоанна Минералова (рис. 1), оставленную при конфискации книг. Имеются сведения о том, что 20 января 1859 г. данные книги были изъяты у крестьян с. Ордынского (ныне – пос. Ордынское Новосибирской области). Сам Иоанн Минералов служил

священником Никольской церкви с. Ордынского Барнаульского уезда Томской губернии.

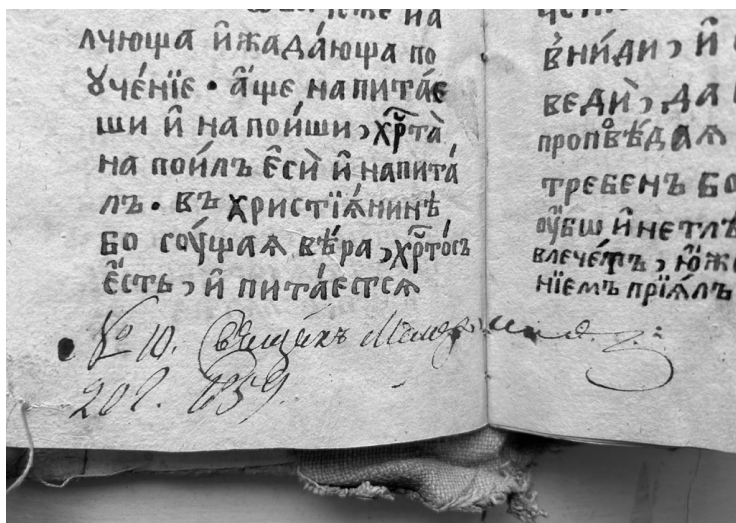

Рис. 1. Подпись Иоанна Минералова. ОРКП НБ ТГУ. В-5494

Кроме того, сборники объединяет почерк. Изучение рукописей из данного книжного собрания показало, что писцом и вероятным владельцем книг был Игнатий Андреев Мозжерин. Рассмотрению этого небольшого собрания была посвящена отдельная статья [2: 36–42], где также был опубликован хозяйственный документ, подшитый в составе одного из сборников. Он и позволил установить личность писца. Рассмотрим содержание, особенности создания и физические характеристики двух сборников со словами из «Маргарита» из фонда НБ ТГУ.

«Сборник старообрядческий о вере» с номером В-5494 включает выписки из книг евангелистов, фрагменты труда Кирилла Иерусалимского и Псалтири, а также из интересующего нас «Маргарита» (рис. 2) [8].

Сборник имеет бумагу со штемпелем, датированным С.А. Клепиковым 1887 г.; это штемпель Косинской фабрики Рязанцевых, одной из старейших бумажных фабрик Вятской губернии. Другим подтверждением вятского происхождения бумаги является герб губернии в квадратной рамке, расположенный на листе с сеткой. Кроме того, сборник имеет запись, созданную скорописью XIX в.: «№ 10. Священник Минералов. 20 ч. 1859 г.» [13: 479–482]. Заметим, что датировка штемпеля по справочникам существенно позже даты составления

сборников; в данном случае это говорит, скорее, об известном несовершенстве датировки по одним только данным бумаги.

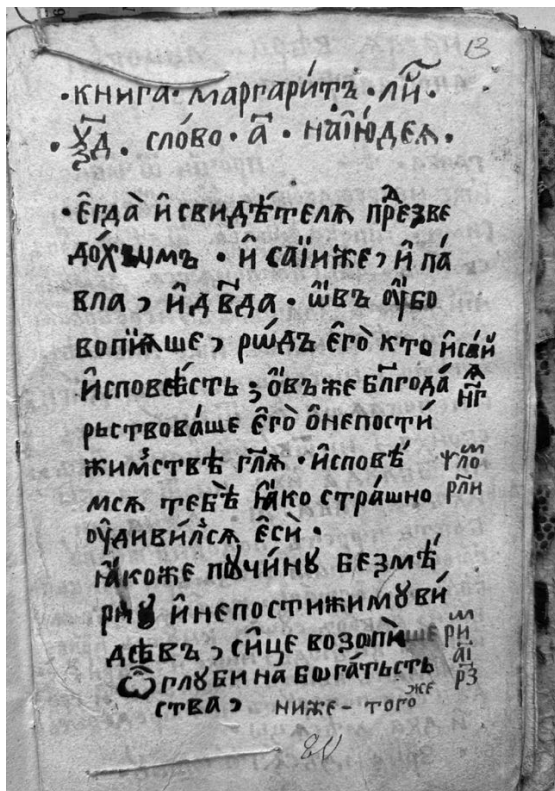

Рис. 2. «Маргарит». Л. 13. ОРКП НБ ТГУ. В-549

Отметим, что при переписке фрагментов из разных книг после заглавия писец указывает номер листа, с которого был переписан фрагмент. Например, на л. 15: «Маргарит. 1. Лист 65». Нумерация листов и текст рукописи совпадают с московским изданием сборника 1641 г. [4]. Этот факт позволяет предположить, какое издание стало источником для писца. Кроме того, заметим, что писец фиксировал лишь небольшие фрагменты текста, представляющие собой цитаты или выписки. Вероятно, текст готовился для полемических целей. При этом зачастую предложения обрываются на середине фразы.

«Сборник старообрядческий о вере» с номером В-5496, помимо слов из «Маргарита» (рис. 3), содержит множество фрагментов и выписок из различных источников, среди которых Пролог, Стоглав,

Катехизис, Соборник и др. [9]. Данный сборник также имеет бумагу со штемпелем 1887 г. Косинской фабрики Рязанцевых, аналогичный тому, что имеется на бумаге предыдущего сборника. Здесь также имеется запись священника Иоанна Минералова [13: 482–490].

Ход и результаты работы. В ходе работы был произведен полистный просмотр текстов, отобранных для анализа сборников, и выявлены тексты, выписанные из «Маргарита». Выяснилось, что сборник В-5494 почти на треть состоит из выписок из «Маргарита». Это цитаты из слов 1–5 главы бесед против иудеев. Всего в «Маргарит» входят шесть бесед на эту тему, суть которой заключается в объяснении антиохийским христианам, почему не стоит следовать иудейским обычаям – придерживаться их постов, праздников, суеверий.

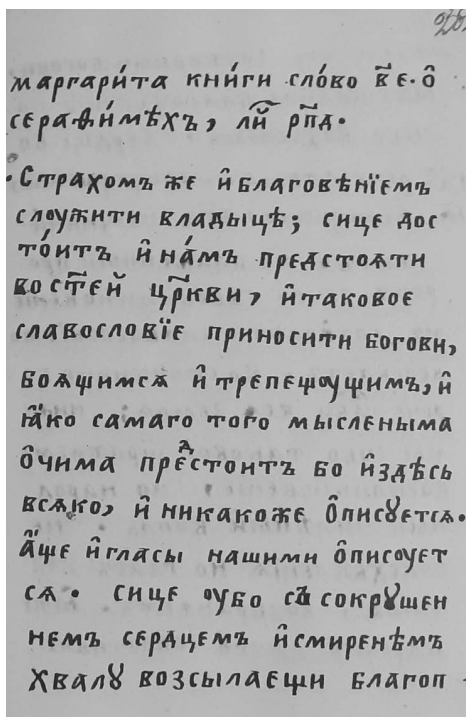

Рис. 3. «Маргарит». Л. 20. ОРКП НБ ТГУ. В-5496

Анализ содержания отрывков из «Маргарита» в данном сборнике показывает, что писца интересовали темы, вполне традиционные для старообрядческого мировоззрения. Так, из слова 3 против иудеев Мозжерин обратил внимание на фрагменты о странствовании (л. 31 «...и странствовати, яко убо три предречены быша пленения: ово убо

четреста лет имея, ово же семьдесят, другое же три полточию. Сие довольно нам от сего показано есть»). Также есть ряд выписок о том, что в период гонений необходимо возносить молитвы не обязательно в храме, но можно вести и домашнюю службу (л. 37 об.–38: «... яко не к тому во едином граде, ниже во едином месте понужени будут собиратися вси человецы, но в дому седя кождо послужит божеству...»; л. 42 об.–43: «... храм ли желаеши видети, не потецы в сонмище, но буди ты храм...»).

Важной деталью является фрагмент с известными словами Христа «возмите иго мое на себе»; в сборнике В-5494 соответствующая выписка из «Маргарита» находится на л. 17–17 об. Если остальные цитаты характерны для идеологии страннического согласия в целом, то выписки о кресте могут указывать на близость взглядов писца с идеологией странников-иерархитов и их главного идеолога – Никиты Семёнова. Как отмечал исследователь страннического согласия А.И. Мальцев, «в сочинениях Никиты Семёнова идеалы пустынножительства увязывались со своеобразной трактовкой «креста Христова». Ссылаясь на Священное Писание, Никита отмечает: «Антихрист будет всякого принуждать к принятию тоговы печати на чело и на десную руку, а крест животворящий устроит в запрении». «Крест, – считает он, – образует по Евангелию житие и все Христово подобие, яко же сам Христос рече: аще кто хошет вослед мене итти – и возмет крест, и последует ми» [7: 199].

Сборник В-5496 включает фрагмент второго слова из главы «О серафимах», которая в оригинале имеет шесть слов. Они были произнесены Златоустом в рамках экзетических комментариев к книге пророка Исаии и 2-й книге Паралипоменон. Согласно исследованию Е.Т. Казениной, ключевая тема второго слова данной главы – радость и благоговение перед Богом.

Также в состав этого сборника входят слова из приложения к «Маргариту», имеющему общее заглавие «Слова еже суть к Маргариту приложени». В оглавлении источника они являются словами под номерами 11 и 13. Примеры выписок из сборников представлены в примечаниях¹.

Обсуждение результатов. Таким образом, в ходе работы были выявлены выписки из состава «Маргарита», входящие в круг интересов крестьянина-старообрядца Игнатия Мозжерина, являвшегося их составителем и владельцем. К сожалению, Мозжерин не оставил собственных комментариев, поэтому судить о его взглядах можно лишь на основании цитат, которые он поместил в свои сборники. В целом эти цитаты характеризуют его как представителя страннического согласия (наиболее важные работы по этому вопросу представлены в

пристатейной библиографии к статье «Беспоповцы» [1: 702–724]); об этом свидетельствует обращение к темам ухода от мира, ярко выраженные эсхатологические ожидания и т.д. Однако конкретизировать его принадлежность к одному из многочисленных течений внутри странничества довольно затруднительно. Некоторый намек дает лишь приведенная выше цитата из «Маргарита» о кресте; она позволяет предполагать принадлежность писца именно к странникам-иерархитам, сторонникам Никиты Семёнова. Начало проповеднической деятельности Никиты Семёнова как раз относится к 1850–1860-м гг., а описываемые сборники были изъяты у Мозжерина в 1859 г.

При этом обнаруженные в составе сборников записи хозяйственного характера, также выполненные Мозжериним, указывают на то, что маловероятна его принадлежность к странникам-безденежникам. Иерерахиты, напротив, денег не отвергали, но предписывали получение и распоряжение деньгами отводить епископу и наставникам – примерно такую картину мы и наблюдаем по материалам рассматриваемых рукописей.

Закключение. Если обобщить все приведенные выше наблюдения, получается следующая картина. В целом фрагментарный характер выписок в рассмотренных сборниках не позволяет сделать окончательные и однозначные выводы, но можно предположить, что Игнатий Мозжерин мог являться одним из последователей Никиты Семёнова.

Широкое использование текстов Иоанна Златоуста старообрядцами давно и хорошо известно. Однако здесь обращает на себя внимание некоторое типологическое сходство ситуаций, в которых актуализировался текст «Маргарита». Е.Т. Казенина указывала, что создание этого сборника в Антиохии происходило в условиях активных богословских споров; перевод текста на русский язык пришелся также на время, когда на Руси активно действовали сторонники ересей стригольников и жидовствующих. Если же говорить о сборниках Мозжерина, то их появление относится к периоду становления в Урало-Сибирском регионе странников-иерерахитов, которое также привело к богословским дискуссиям. Нельзя исключать, что рассматриваемые рукописи могли служить для нужд полемики – и в их составе снова обнаруживаются цитаты из «Маргарита». Разумеется, более детальное сравнение описанных ситуаций требует более детального анализа, но сходство их также представляется очевидным.

Примечания

1. Примеры выписок из книги «Маргарит» в рукописных сборниках Игнатия Мозжерина, сверка осуществлялась по изданию 1641 г. [4]: В-5494:

Глава «Против иудеев», слово 1: л. 15: «Что же есть недуг; праздники окаянных, и страстных жидов хотят приходить части исодружни трубам. Скинопигия, посты и мнози от иже с нами в чиненых и наша глаголющих мудрствовать, ови на видение празник их грядут, ови же и сопразднут им, и постам приобщаются. И сей лукавый обычай хошу от церкви отгнати...» (л. 65–65 об. издания);

Глава «Против иудеев», слово 4: л. 40–40 об.: «Братие, не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте. И иже к сим уstraшены, безвременного сего страхования пременяюще, накажите чесого подобает бояться, и страховати. Ни живота сего, но еже не растлити храм Божий. Ради иже тамо повелении. Ради иже к жидовству совести. Ради безвременного сего назирательства...» (л. 136 издания);

Глава «Против иудеев», слово 5: л. 44 об.: «Довляше убо показавшу от пророк всех. Яко еже творити что таково вне Иерусалима, законпреступление некое есть и нечестие пременитися от вещи. Аще бо истинно бы было еже всюду хвалящися шепчут, яко восприимут паки град» (л. 138 издания).

В-5496:

Глава «О серафимах», слово 2: л. 20: «Страхом же и благовением служити владыце; сице достоин и нам предстояти во святой церкви, и таковое славословие приносить богу, боящимся и трепещущим, и яко самаго того мысленыма очима предстоит бо и здесь всяко, и никакже же описуется» (л. 184 издания);

Глава «О лжеучителях», слово 13, лл. 26 об.–27: «Но якоже сия возвестив, и на среду привед, удивив и уstraшив. Покажи нам прочее спасения образы. Дажь язвам исцеления. Якоже известил еси удивляющая, и лютая и жестокая, рцы и радостотворимая. Се спастися хошу, что сотворю; како спасуся, и кии образ восприиму; к кому прибегну; много бо согрешних, и делом, и словом, и умом, самохотением, во дни и в нощи, и по всея часы» (л. 593 об. издания).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.А., Мальцев А.И. Беспоповцы // Православная энциклопедия. Т. IV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 702–724.

2. Есипова В.А. Старообрядческая библиотека в составе собрания Томской духовной семинарии // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 3. С. 36–42.

3. Зайцев Д.В., Пролыгина И.В. и др. Иоанн Златоуст // Православная энциклопедия. Т. XXIV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. С. 159–250.

4. Иоанн Златоуст. Маргарит. М.: Печатный двор, 1641. 844 л.
5. Казенина Е.Т. «Маргарит» и историко-культурная ситуация на Руси XV–XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4. С. 57–66.
6. Казенина Е.Т. Иоанн Златоуст и его духовное наследие в древнерусской культуре: дис. ... канд. культурологии. М., 2002. 199 с.
7. Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 266 с.
8. Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ (ОРКП НБ ТГУ). В-5494. Сборник старообрядческий о вере. XIX в. 70 л.
9. ОРКП НБ ТГУ. В-5496. Сборник старообрядческий о вере. XIX в. 102 л.
10. Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М.: Знак, 2003. 720 с.
11. Сергеев А.Г. Маргарит // Православная энциклопедия. Т. XLIII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. С. 431–433.
12. Сергеев А.Г. Рукописная традиция «Дионисиева Маргарита» // *Slavia orthodoxa*: Език и култура: сб. в честь на проф. Р. Павлова. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2003. С. 351–357.
13. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: каталог. Вып. 4: XIX в., вторая половина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 644 с.
14. Черторицкая Т.В. Маргарит // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я / отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1989. С. 100–102.

REFERENCES

1. Ageeva, E.A. & Maltsev, A.I. (2002) *Bespopovtsy* [Bezpopovtsy Old Believers]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 702–724.
2. Esipova, V.A. (2021) *Staroobryadcheskaya biblioteka v sostave sobraniya Tomskoy dukhovnoy seminarii* [Old Believer Library as a part of the collection of Tomsk Theological Seminary]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 36–42.
3. Zaytsev, D.V., Prolygina, I.V. etc. (2010) John Chrysostom. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 24. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 159–250.
4. John Chrysostom. (1641) *Margarit*. Moscow: Pechatnyy dvor.
5. Kazenina, E.T. (2002) “Margarit” i istoriko-kul'turnaya situatsiya na Rusi XV–XVI v. [“Margarit” and the historical and cultural situation in Rus in the 15th – 16th centuries]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 4. pp. 57–66.
6. Kazenina, E.T. (2002) *Ioann Zlatoust i ego dukhovnoe nasledie v drevnerusskoy kul'ture* [John Chrysostom and his spiritual heritage in ancient Russian culture]. Culturology Cand. Diss. Moscow.

7. Maltsev, A.I. (1996) *Starovery-stranniki v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Old Believers-Wanderers in the 18th – first half of the 19th centuries]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.

8. Anon. (n.d.) *Sbornik staroobryadcheskiy o vere* [Collection of Old Believers about Faith]. 19th century. The Rare Books and Manuscripts Department, Tomsk State University Research Library. B-5494.

9. Anon. (n.d.) *Sbornik staroobryadcheskiy o vere* [Collection of Old Believers about Faith]. 19th century. Rare Books and Manuscripts Department, Tomsk State University Research Library. B-5496.

10. Picchio, R. (2003) *Slavia Orthodoxa. Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa. Literature and language]. Moscow: Znak.

11. Sergeev, A.G. (2016) Margaret [Margarit]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 43. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 431–433.

12. Sergeev, A. (2003) Rukopisnaya traditsiya “Dionisieva Margarita” [The manuscript tradition of “Dionysian Margarit”]. In: *Slavia orthodoxa: Ezik i kultura*. Sofia: [s.n.]. pp. 351–357.

13. Esipova, V.A. (2018) *Slavyano-russkie rukopisi Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Slavonic-Russian manuscripts of Tomsk State University Research Library]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University.

14. Chertoritskaya, T.V. (1989) Margaret [Margarit]. In: Likhachev, D.S. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [The Dictionary of Scribes and Bookishness of Old Rus']. Vol. 2. Leningrad: Nauka. pp. 100–102.

Есипова Валерия Анатольевна – доктор исторических наук, зав. сектором отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (Россия).

Valeiya A. Esipova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: esipova_val@mail.ru

Балаганова Дарья Юрьевна – главный библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (Россия).

Daria Yu. Balaganova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: darya_drozzhzhina@lib.tsu.ru

УДК 39+94(439)+94(470)+910.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/8

А.Ф. Гильфердинг о русинах

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Александр Фёдорович Гильфердинг (2 (14) июля 1831, Варшава, Мазовецкое воеводство Царства Польского, Российская империя – 20 июня (2 июля) 1872, Каргополь, Олонецкая губерния, Российская империя) – российский государственный деятель, дипломат, славист-филолог, фольклорист, историк, этнограф, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1856), действительный статский советник (1865). В 1852 г. окончил историко-филологический факультет Московского императорского университета. В 1853 г. защитил диссертацию на степень магистра. В 1856 г. за научные заслуги был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук. В 50-е гг. изучал историю, быт, язык и творчество балтийских славян. В 1856–1859 гг. служил российским консулом в Боснии, затем в Азиатском департаменте МИДа и государственной канцелярии. В 1864 г. был назначен в Комиссию по делам Царства Польского. Участвовал в выработке законоположений о сельском населении, административной организации русской части Польши (Холмщины и Подляшья), её судебном устройстве. Активно участвовал в разработке устава об устройстве учебных заведений. Опубликовал ряд статей по польскому вопросу. Вместе с князем В.А. Черкасским внёс большой вклад в разработку документов по организации системы училищ для русинов-униатов Холмщины и Подляшья. Активно участвовал в славянофильском движении. С 1868 г. возглавлял Санкт-Петербургское отделение Славянского благотворительного общества. С 1870 г. был председателем этнографического отделения Русского географического общества. В 1871 г. совершил поездку на север России и записал более 300 былин. Во время второго путешествия на север в 1872 г. заразился тифом и умер. В ряде своих работ учёный затронул русинскую проблематику.

Ключевые слова: Александр Гильфердинг, славяноведение, славянофильство, русины, Австро-Венгрия, Россия, Польша, русский народ

Alexander Hilferding on Rusins

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Alexander Fedorovich Hilferding (July 2 (14), 1831, Warsaw, Masovian Voivodeship, Kingdom of Poland, Russian Empire – June 20 (July 2), 1872, Kargopol, Olonets Governorate, Russian Empire) – a Russian statesman, diplomat, Slavic philologist, folklorist, historian, ethnographer, corresponding member of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg (1856), actual state councillor (1865). In 1852, Hilferding graduated from the Faculty of History and Philology of Moscow Imperial University. In 1853, he defended his master's dissertation and in 1856 was elected a corresponding member of the Imperial Academy of Sciences. In the 1850s, Hilferding studied the history, life, language, and creativity of the Baltic Slavs. In 1856–1859, he served as a Russian consul in Bosnia, then in the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, and the State Chancellery. In 1864, he was appointed to the Commission for the Affairs of the Kingdom of Poland. Hilferding participated in the development of regulations on the rural population and administrative organization of the Russian part of Poland (Kholmshchyna and Podlasie) and its judicial structure. He actively participated in the development of the laws on educational institutions and published a number of articles on the Polish question. Together with Prince Vladimir Cherkassky, he made a great contribution to the development of documents on a system of schools for the Rusin-Uniates in Kholmshchyna and Podlasie. Hilferding actively participated in the Slavophile movement. Since 1868, he headed the St. Petersburg branch of the Slavic Charitable Society. Since 1870, he was chairman of the Ethnographic Department of the Russian Geographical Society. In 1871, Hilferding traveled to the north of Russia and recorded more than 300 epics. During his second trip to the north in 1872, he contracted typhus and died. A number of his research papers discuss Rusin issues.

Keywords: Alexander Hilferding, Slavic studies, Slavophilism, Rusins, Austria-Hungary, Russia, Poland, Russian people

Личность российского дипломата и ученого-слависта А.Ф. Гильфердинга была довольно известной в дореволюционной России и за рубежом, но, к сожалению, после 1917 г. из-за его славянофильских убеждений и изменений в политической жизни страны имя учёного стало

редко упоминаться. С возобновлением с 40-х гг. XX в. в СССР/России изучения славянской тематики к нему стал вновь проявляться интерес. С 60-х гг. начинается изучение его научного наследия. Большинство работ о нём написано было Л.П. Лаптевой [35: 257].

Биографические сведения об А. Гильфердинге и основных его научных трудах содержатся в многочисленных энциклопедических справках (см., напр.: [7; 8; 15; 24; 25; 29; 32; 33]), некрологах, памятных речах и статьях (см., напр.: [3–6; 9; 11; 13; 30; 39; 47]), предисловиях и биографических очерках к его произведениям (см., напр.: [12; 17; 38]), в статьях современных российских исследователей Л.П. Лаптевой (см., напр.: [34–37]), Л.М. Аржаковой [10], И.Б. Гаврилова и В.А. Калитина [16], В.А. Калитина [26] и др. В 2012 г. А.В. Черных защитил докторскую диссертацию «Общественно-политическая и научная деятельность А.Ф. Гильфердинга» [53], выпустил ряд статей (см., в частности, [49]) и монографий, посвящённых научной и общественно-политической деятельности учёного [50–52].

Перечень дореволюционных работ о А. Гильфердинге и его трудах приведён в «Источниках словаря русских писателей» С.А. Венгерова [14: 757–759].

Большинство его работ по славянскому вопросу были переизданы в 2009 г. «Институтом русской цивилизации» [20].

История рода Гильфердингов слабо изучена. Большинство исследователей сходятся во мнении, что предки А.Ф. Гильфердинга переселились в Россию из Германии¹.

Дед Александра Фёдоровича Гильфердинга – Иван Фёдорович Гильфердинг (1771–1836), преподаватель немецкого языка и переводчик, родился в Москве. Учился в Московском университете, в 1790 г. произведён в студенты. 1 апреля 1791 г. поступил на военную службу сержантом в Азовский мушкетёрский полк. Участвовал в подавлении польского восстания 1794 г., в сражении под Крупчицким монастырём, в Бресте и Кобылке и в штурме Праги 24 октября. В этот же день был произведён в прапорщики. 14 ноября 1795 г. назначен полковым адъютантом. В конце 1796 г. уволился по болезни в чине подпоручика. В 1797 г. стал учителем немецкого языка в Московском университете. Также преподавал немецкий язык в старшем классе Екатерининского института (1806–1816) и в университетском благородном пансионе (1815–1824). В октябре 1821 г. произведён в коллежские советники. Получил личное дворянство. Был женат на Виктории Матвеевне Ге (1775–1852). У них было восемь детей: Фёдор (1798–1864), Анна (1798–1834), Александр (1800–1816), Варвара (1802–1847), Аделаида (1804–1878), Павел (1806–1816), Николай (1812–1862), Пётр (1815–?) [25: 204–205; 41: 349].

Его отец – Фёдор Иванович Гильфердинг в 1815 г. окончил курс в Благородном пансионе при Московском университете со званием студента. До 1818 г. слушал лекции в том же университете. Через год поступил в коллегия иностранных дел актуариусом² и в 1822 г. произведён в переводчики. В 1824 г. причислен к канцелярии министра. В 1829 г., во время турецкой кампании, назначен секретарём конференции при переговорах о мире с Оттоманской Портой в Адрианополе. Затем был прикомандирован к генерал-фельдмаршалу графу И.И. Дибичу для особых поручений. С ноября 1829 г. по август 1830 г. управлял его канцелярией. В декабре 1830 г. был снова командирован к графу И. Дибичу. В 1831 г., во время польского восстания, возглавлял дипломатическую канцелярию главнокомандующего действующей армии И. Дибича, после его смерти – нового командующего графа И.Ф. Паскевича. Дипломатической канцелярией он руководил до 1836 г. Затем стал чиновником особых поручений 5-го класса при главнокомандующем армии И. Паскевиче. В 1839 г. был произведён в статские советники, 12 октября 1843 г. – в действительные статские советники. В 1849 г., во время венгерского похода, вновь заведовал дипломатической канцелярией действующей армии. В Варшаве Ф. Гильфердинг стал членом главного попечительского совета благотворительных учреждений Царства Польского и председателем частного попечительного совета Варшавского Института св. Казимира. 8 ноября 1849 г. был назначен директором департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел, а 16 августа 1851 г. – управляющим Государственным Архивом Министерства иностранных дел с оставлением в должности директора департамента. 16 декабря 1852 г. был произведён в тайные советники. 17 октября 1858 г. назначен сенатором. 25 октября переведён в Совет Министерства иностранных дел. В сенате был он сначала в 5-м, а с 1859 г. – в 4-м департаментах. В сентябре 1862 г. исполнял должность товарища министра иностранных дел. Награждён орденами Святого Станислава 1-й степени (1846), Святой Анны 1-й степени (1849), Святого Владимира 2-й степени (1855), Белого Орла (1858) [7].

В 1830 г. Ф. Гильфердинг женился на Амалии Яковлевне де Витте (умерла в 12 февраля 1846 г.) [7: 207].

Ф. Гильфердинг в молодости познакомился с поэтами Д.В. Веневитиновым и А.С. Хомяковым. Позднее, благодаря сыну, он сошёлся с кружком славянофилов. И.С. Аксаков писал о нём: «...мы знали лично Федора Ивановича, мы высоко ценили прекрасные качества его души, его верное чутье добра и правды, его радушную, искреннюю приветливость к людям поколений младших, живое участие во всех современных общественных интересах; старость его не охладила

Портрет А.Ф. Гильфердинга.

Источник: Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. 2-е изд.: в 3 т. Т. 1. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1894. XXII, 597 с., 1 л. фронт. (портр.)

и не уединила, молодёжи было тепло и привольно в его гостеприимном доме». Ф. Гильфердинг похоронен в Санкт-Петербурге, на Выборгском католическом кладбище [7: 207].

Отец А. Гильфердинга «многие годы служил директором дипломатической канцелярии при наместнике в Царстве Польском, князе Варшавском, графе Паскевиче-Эриванском. Таким образом, в Варшаве А.Ф. провёл годы отрочества и юности. Рано потеряв мать, нашёл он в отце самый нежный, самый заботливый уход его воспитанием и образованием» [4: 453].

До 17 лет Александр воспитывался дома. Отец дал ему прекрасное домашнее образование. Мальчик изучил не только древние и основные западноевропейские языки, но и славянские. Среди его учителей был славяновед И.И. Паплонский, под влиянием которого он увлёкся историей славян. Среди бумаг

А. Гильфердинга нашлась тетрадка с заглавием «Краткий очерк истории славянских народов в IX и X столетии». В этой юношеской работе говорится о расселении славянских племён, об основании первых славянских государств, проповеди Кирилла и Мефодия [15: 560; 33: 195; 34: 121]. Его окружали лучшие воспитатели и учёные, бывшие в то время в Варшаве. Особенно преуспел Александр в изучении иностранных языков: французским, немецким и английским языками он владел как родным, успешно изучил древнегреческий, латинский, затем – санскрит [4: 453].

2 апреля 1846 г. в возрасте 15 лет по прошению своего отца А. Гильфердинг был присоединён к Православной Церкви [16: 110].

В 1848 г. А. Гильфердинг поступил на историко-филологический факультет Московского императорского университета. В то время здесь были представлены два направления: западники и славянофилы.

Большинство преподавателей университета были западниками. Даже те, кто во многом разделял взгляды славянофилов, дистанцировались от них. Близки к славянофилам были С.П. Шевырёв и О.М. Бодянский [33: 195]. Хотя в то время в университете «царствовало либеральное направление западников, с Грановским во главе, Гильфердинг предпочёл дружбу с кружком славянофильским, с Хомяковым, К. Аксаковым, Самариным и братьями Киреевскими». Благодаря А.С. Хомякову, который сам занимался этой темой, А. Гильфердинг стал исследовать вопрос отношения славянского языка к санскриту. Изучать санскрит он стал под руководством К.А. Коссовича [54: 769–770]. Из университетских профессоров на него влияние имел только В.И. Григорович, временно преподававший в университете славянский язык³ [29].

В 1852 г. А. Гильфердинг закончил университетский курс кандидатом. Имя его стояло первым в списке окончивших в этот год историко-филологический факультет [4: 453–454]. Он поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел [15: 560].

А. Гильфердинг продолжает заниматься научной деятельностью. Первым его научным трудом стала работа «О сродстве языка славянского с санскритским», напечатанная в 1853 г. в «Известиях II-го Отделения Академии наук» и отдельной книгой. В этом же году вышла и его магистерская диссертация «Об отношении языка славянского к языкам родственным» [9: 903].

В 1854 г. он опубликовал в «Московских ведомостях» «Письма об истории сербов и болгар» (продолжение было напечатано в «Русской беседе»; в «Собрании сочинений» эта работа появилась в исправленном виде). В этом же году в «Москвитянине» была помещена его «История балтийских славян» (продолжение в «Архиве» Калачова; в «Собрании сочинений» напечатано найденное в рукописи дальнейшее изложение до смерти Генриха III) [29].

Для изучения истории балтийских славян и написания работ на эту тему А. Гильфердинг в 1854 г. совершил поездку по Северной Германии, в Померанию, где изучал следы славянского населения, некогда населявшего этот край. Его первая работа о балтийских славянах – «Исследования о балтийских славянах» – печаталась в 1854–1855 гг. в «Москвитянине». В 1855 г. он ездил Ганноверский Вендланд (Hannoversches Wendland или Wendland – Люхов-Данненберг, район в Нижней Саксонии), в 1856 г. – на четыре недели к кашубам. На основании имевшихся источников (средневековых сказаний, летописей, хроник и т.д.) он, помимо «Истории балтийских славян» (1855. Т. 1), опубликовал «Памятники наречия залабских древлян и глинян» (1856), «О наречии померанских словенцев и кашубов» (ИОРЯС. 1859–1860. Т. 8. Вып. 1), «Борьба славян с немцами

на Балтийском Поморье в средние века» (История балтийских славян. [Т. 1] Ч. 2) Архив исторических и юридических сведений, относящихся до России, за 1860–1861 гг. 1861. Кн. 3.), «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря» (ИОРЯС. 1862). До его работ сведения по истории балтийских славян присутствовали в некоторых работах немецких учёных, которые, к сожалению, были слабо знакомы со славянской историей и языком, а также в «Славянских древностях» П.И. Шафарика. Благодаря А. Гильфердингу знания по истории балтийских славян значительно расширились [9: 904; 35: 261–263]. В своих трудах по истории балтийских славян исследователь затронул и историю лужицких сербов, побывав в 1855 г. в их землях. Отдельно им он посвятил работу «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии (письмо А.И. Кошелеву» (Русская беседа. 1856. Кн. 1.) [35: 274–275].

После окончания Крымской войны и заключения Парижского трактата (18 (30) марта 1856 г.) А. Гильфердинг стал консулом в Боснии. В течение трёх лет службы он изучал край, проводя время в разъездах. Результатом его наблюдений стала монография «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (СПб., 1859), представляющая очерк прошедшего и настоящего этих стран. В ней был представлен большой археологический и этнографический материал. Он также занялся собиранием рукописей, которое пополнилось во время поездки в конце 60-х годов в Македонию. В 1858 г. А. Гильфердинг издал анонимно на французском языке брошюру «Les slaves occidentaux» (Западные славяне) [4: 454–455; 29]. Продолжают и дополняют южнославянскую тему его работы «Славянские народы Австрии и Турции» (1860), «Чем поддерживается православная вера у южных славян» (1860), «Историческое право хорватского народа» (1860), «Государственное право сербского народа в Турции» (1861) и т. д. [35: 273].

Варвара Францевна Гильфердинг (Ридель), жена А.Ф. Гильфердинга.

Источник: Этнография русского севера и фольклор. URL: <https://www.booksite.ru/folk/7-2-6.html> (дата обращения: 12.09.2023)

В 1858 г., находясь за границей, А. Гильфердинг женился Варваре Францевне Ридель (1833–1909), с которой познакомился ещё в Москве [12: XIV]. У них родился сын. Он скончался от менингита в Женеве 27 апреля 1867 г. [26: 139]. Его супруга умерла 30 марта 1909 г. в возрасте 76 лет [26: 140].

В 1859 г. А. Гильфердинг стал столоначальником азиатского департамента МИДа. В ведении департамента находились и славянские земли, принадлежащие Турции. В 1861 г. он перешёл на службу в канцелярию Государственного совета Российской империи на должность экспедитора. С 27 февраля 1863 г. работал помощником статс-секретаря Государственного совета А.П. Заблоцкого-Десятовского в департаменте Государственной экономии канцелярии, став одним из ближайших сотрудников председателя департамента К.В. Чевкина. С 1864 г. он параллельно участвовал в деятельности Комитета по делам Царства Польского. А. Гильфердинг составил, в частности, проект преобразования учебных заведений в Польше, в 1871–1872 гг. внёс вклад в законодательную работу «по устройству судебной части в Царстве Польском». С 1865 г. служил в Главном комитете об устройстве сельского населения. В это же время, в 60–70-х гг., он был цензором в Петербургском почтамте. 31 декабря 1865 г. А. Гильфердинг получил чин действительного статского советника [4: 455, 459–460; 15: 560; 29; 33: 195–196].

Когда во главе реформ в Царстве Польском стал Н.А. Милютин, А. Гильфердинг стал его помощником. Он написал ряд проектов, в т. ч. проект преобразования ведомства народного просвещения с целью ослабить влияние католической церкви в деревне (позже был напечатан в «Славянском обозрении», 1892), участвовал в создании проектов «О поземельном устройстве крестьян», административной организации русской части Польши и др. Его хотели назначить директором комиссии народного просвещения (в то время образовательные учреждения Привисленских губерний не подчинялись Министерству народного просвещения), но назначили Ф.Ф. Витте. В связи с польским мятежом 1863 г. написал ряд статей (они затем вошли в Т. 2 его «Собрания сочинений»). Первая статья «За что борются русские с поляками» вышла в апреле 1863 г. в «Русском инвалиде». Вторая – «В чём искать разрешение польскому вопросу?» – в июле, третья – «Положение и задача России в Царстве Польском» – в декабре. Статьи были перепечатаны газетой «День» [23: 291; 29: 685; 35: 280]. Тогда же появилась его анонимная брошюра «The Polish Question» на английском языке [29]. Его статьи по польскому вопросу переиздавались и позже в различных сборниках. В частности, «В чём искать разрешение польскому вопросу?» и «За что борются русские

с поляками» были напечатаны в «Сборнике статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России» (1885. Вып. 1) [42: 19–39, 50–69].

Говоря о статьях А. Гильфердинга о польском вопросе, редактор газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков писал: «г. Гильфердинг пришёл к тому убеждению, что Царство Польское не только не может быть отделено от России, но, напротив, должно теснее, чем когда-либо, быть соединено с нею. В этом совершенно здравомысленно г. Гильфердинг видит единственный способ к разрешению польского вопроса, – разрешению столько же благоприятному для польских народонаселений, сколько и для России. В образец того положения, в каком должны находиться польские губернии, он берет губернии Остзейские, которые в политическом отношении ничем не разнятся от других губерний Российской Империи, но не подвергаются ни малейшим стеснениям ни в вероисповедании, ни в языке, ни в особенностях своего юридического быта. Ничего не может быть основательнее такого взгляда, и можно пожалеть только о том, что автор высказывает его с какою-то странною натугой, как будто бы он вынес этот взгляд из каких-то неисследованных пропастей премудрости или как будто бы он добыл его с ожесточённого боя против тьмы предрассудков и недоразумений. К изложению этого верного взгляда он приступает, отмахиваясь от какого-то воображаемого мнения, которое будто бы требует такого соединения польских губерний с остальными русскими владениями, которое должно силою отнять у них все особенности их быта и вопреки существенным различиям в религии, законах и обычаях подвести их под всеумерщвляющий уровень административного и юридического однообразия. Нигде, сколько нам известно, подобное мнение не высказывалось. Если киргизские и башкирские орды живут у нас беспрепятственно по своим обычаям и верованиям, то можно ли ожидать, чтобы в польских губерниях потребовалось изменять существующие там узаконения и обычаи? Государственное единство не значит мёртвое однообразие частей; полное государственное единство совместимо с полною свободой и самостоятельностью частей, лишь бы только эта самостоятельность не заключала в себе фальшивого стремления образовать особое государственное тело» [28: 1].

С 29 декабря 1856 г. А. Гильфердинг состоял членом-корреспондентом Императорской Академии наук. 23 октября 1869 г. на заседании отделения русского языка и словесности академик И.И. Срезневский предложил представить его за научную деятельность на звание академика. Выборы были назначены на 5 декабря. За кандидатуру А. Гильфердинга проголосовали 15 чел., против – 18. М.И. Семевский

считал, что это были происки немецких сочленов академии, которые не могли простить учёному «служение его славянству и антинемецким интересам» [33: 204].

Такого же мнения придерживался и Ф.И. Тютчев, посвятив этому событию стихотворение, датированное 17 декабря 1869 г. и напечатанное в газете «Голос». В нём он, в частности, написал:

Спешу поздравить с неудачей:
Она – блистательный успех,
Для вас почётна наипаче
И назидательна для всех.
Что русским словом столько лет
Вы славно служите России,
Про это знает целый свет,
Не знают немцы лишь родные [46: 212].

А. Гильфердинг с 1858 г. был действительным членом Императорского Русского географического общества (ИРГО), в 1870 г. стал председателем его этнографического отдела [15: 560; 33: 196]. В 1860 г. по предложению К.С. Аксакова его избрали членом Общества любителей российской словесности [33: 204].

После открытия в 1868 г. Санкт-Петербургского отделения Московского славянского благотворительного комитета (Санкт-Петербургский комитет Славянского благотворительного общества) в 1869 г. был избран его председателем. Через год после открытия отдел насчитывал 240 членов. Была создана издательская комиссия. Отделение собирало деньги для лужицкой Матицы, чешского театра, на Кирилловскую премию, на издания в память Гуса, весь состав вступил в сербсколужицкую Матицу, заплатив ей за членство, финансировал славянские учебные заведения, помогал некоторым славянам в устройстве их на учёбу в России. А. Гильфердинг также помогал зарубежным славянам лично. Он «внёс необычное оживление в деятельность общества, искусно руководил прениями, вдохновлял своими речами, умел находить людей, направлять их деятельность». По инициативе А. Гильфердинга в Праге впервые была открыта православная церковь [33: 196; 35: 291–292, 297–298].

В 1868 г. А. Гильфердинг начал издавать собрание своих сочинений. Издал только два тома. Также он задумал написать обширный труд «История славян», начало которого было опубликовано в «Вестнике Европы» (1868. № 7, 9). Он выпустил «Общеславянскую азбуку с приложением образцов славянских наречий» (1870), брошюру «Гус. Его отношение к православной церкви» (1871) [9: 904; 15: 560–561].

После смерти А.С. Хомякова учёный занялся выпуском Полного собрания сочинений своего учителя. Под редакцией А. Гильфердинга вышли третий (1871) и четвёртый (1873) тома, посвящённые всемирной истории. Четвёртый том вышел уже после смерти А. Гильфердинга, т. к. он не успел отпечатать три последние листа. В предисловии издателей отдаётся дань проделанной им работе: А. Гильфердинг «привёл рукопись, почти не обделанную и не просмотренную Хомяковым, в порядок внешний, а содержание её в стройную систему». Он «старался проверить каждое историческое положение, каждую историческую гипотезу Хомякова по источникам и по новейшим данным науки», для чего долгое время проводил в библиотеках и переписывался с разными учёными, несколько раз корректировал тексты и составил все примечания «от ред.» и «от изд.» [48: I]. Сам же А. Гильфердинг в своём предисловии пояснил, что «рукопись автора осталась в черновом виде и состоит из 21 тетрадки или 284 полулистов почтовой бумаги, мельчайшего, как сказано, письма» [48: II]. Приняв на себя редактирование «Исторических записок» Хомякова в 1862 г., он выпустил их только через 10 лет. Причиной этого, как объяснил А. Гильфердинг, были частые и постоянные отлучки «и затруднения, проистекавшие от способа печатания в одной из московских типографий». С другой стороны, по его мнению, если бы сочинение Хомякова вышло вскоре после кончины, во время борьбы «литературных партий со славянофильством», вряд ли оно «было бы оценено беспристрастно». «В настоящее время, когда основные мысли славянофильства сделались общим достоянием мыслящих русских людей, а разные их преувеличения отпали, эти черновые тетради Хомякова будут лучше поняты и вернее оценены» [48: XIV–XV].

Как этнограф А. Гильфердинг прославился своей деятельностью по собиранию русских былин. Открытые П.Н. Рыбниковым, они «возбуждали у некоторых учёных сомнения». Чтобы их развеять, исследователь в апреле–мае 1871 г. отправился в Олонецкую губернию, вернувшись оттуда с богатейшим материалом. За 48 дней поездки собрал 318 былин (некоторые содержали свыше 1 000 стихов), рукопись объёмом более 2 000 страниц. Он выслушал 70 певцов. О своём путешествии он писал в статье «Олонецкая губерния и её народные рапсоды», дав характеристику края и певцов (Вестник Европы. 1872. Кн. 3). Зимой 1871/1872 г. некоторые из исполнителей былин (Т.Г. Рябинин, В.П. Щеголёнок, И.А. Касьянов) приезжали к нему в Петербург, пели у него, а Рябинин выступал и в Императорском Русском географическом обществе и в Славянском комитете. По ходатайству учёного Рябинин был награждён золотой медалью ИРГО [9: 905–906; 15: 561; 17: III–IV; 33: 196–197].

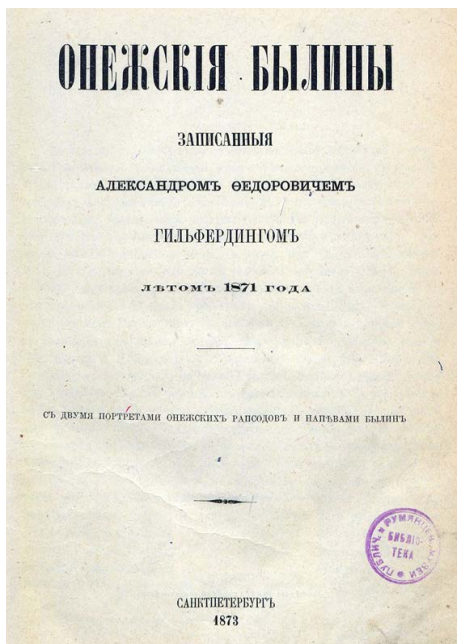
И. Касьянов, вспоминая о встречах с исследователем, отметил его простоту в общении: «он человек очень скромный, смиренный и ласковый, и размышляю про себя: “Должно быть господа, что чин выше, то и добрее, не как наши уездные господа; придёшь, за каким-либо случится делом, то он наскочет, как зверь на рогатину, не взирая ни на какие твои справедливости”». Поразил крестьянина тот факт, что А. Гильфердинг щедро заплатил певцам за былины, а позже и за их исполнение в Петербурге. Удивило его и то, что дома у А. Гильфердинга его супруга («генеральша») сама наливала им, простым мужикам, чай [27: 696–698].

8 июня 1872 г. А. Гильфердинг снова поехал на север, на этот раз он хотел посетить южные уезды Архангельской губернии. Доехав до Вознесенской пристани, он пересел на трешкот (небольшое деревянное

беспалубное речное судно), чтобы послушать народный говор. В Вытегре ему стало плохо, но он не стал лечиться и продолжил путь. Прибыв в Каргополь, он слёг и через пять дней скончался от брюшного тифа. 4 июля его тело было привезено в Санкт-Петербург и похоронено на кладбище Ново-Девичьего монастыря [4: 452; 9: 906; 33: 197].

За свою службу был награждён орденами Св. Анны 3-й ст. (1858), Св. Владимира 3-й ст. (1870), Св. Станислава 1-й ст. (1872), золотой медалью за устройство крестьян в Царстве Польском, бронзовыми – в память войны 1853–1856 гг. и в память об усмирении Польского мятежа 1863–1864 гг. [43: 393–394].

Как отметил в некрологе М. Семевский, «учёные и публицистические труды покойного были весьма разнообразны и многочисленны. В течение 20 лет (с 1852–1872 годов)

Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года.

С двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин. СПб.:

[типография Императорской Академии наук], 1873. LVI с., 1336 стб., 3 л. портр., нот.

они появлялись в весьма многих органах нашей печати, а именно: в “Известиях II Отделения Академии наук”, “Записках Географического общества”, “Русской беседе”, “Дне”, “Русском инвалиде”, “Русском вестнике”, “Вестнике Европы”, “Отечественных записках”, “Русском слове”, “Москвитянине”, “Архиве исторических и практических сведений”, “Московских ведомостях”, “Голосе”, “Заре”, “Энциклопедическом словаре”, и в “Русской Старине»» [4: 463].

Первое (однотомное) издание «Онежских былин» вышло в 1873 г. Оно было начато при жизни А. Гильфердинга и закончено уже после его смерти. Второе издание вышло в 1896 г. От первого оно отличалось форматом и количеством томов (три тома), и очерком К.Н. Бестужева-Рюмина о А. Гильфердинге. В советские времена первое научное издание «Онежских былин» подготовил Институт антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР по инициативе председателя Фольклорной комиссии М.К. Азадовского. В 1938 г. Издательство АН СССР выпустило второй том, в 1940 г. – третий. Первый том был завершён летом 1941 г., сдан в набор и в сентябре 1941 г. подписан к печати, но в условиях военного времени и осады Ленинграда не вышел. Увидел свет он только в 1949 г. [2: 42, 48].

По мнению А.Н. Пыпина, «Онежские былины» – «последний, по истине монументальный и драгоценный труд Гильфердинга» [40: 34].

Как сказал ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии, архимандрит Хрисанф (Ретивцев) при погребении А. Гильфердинга: «Не часто и не во множестве являются среди нас лица, подобные умершему, с которым так неожиданно расстаёмся мы ныне навеки... Его смерть есть потеря не для близких только его сердцу, не для друзей его только. Это потеря общественная. Говоря это, мы, конечно, высказываем лишь общую мысль, общее чувство всех окружающих в настоящую минуту его гроб. Да, имя умершего, как общественного деятеля, известно всей мыслящей России, оно не безызвестно и за её пределами, во всех тех странах, где слышится наша родная, славянская речь – от севера Карпат и до нашего старинного “синего моря»» [30: 253].

К.Н. Бестужев-Рюмин в очерке, посвящённом А. Гильфердингу, опубликованном в первом томе второго издания «Онежских былин», написал: «Александр Феодорович Гильфердинг принадлежит к числу замечательных деятелей шестидесятых годов и общественных, и литературных. Его непродолжительная жизнь (он скончался на 42 году) посвящена была деятельности в одном направлении, согрета одним желанием: будить сознание и в родной земле, и во всём славянстве. Оттого его знал весь славянский мир, и в России он встречал более сочувствия, чем противодействия. Его характер ровный, изящный, его

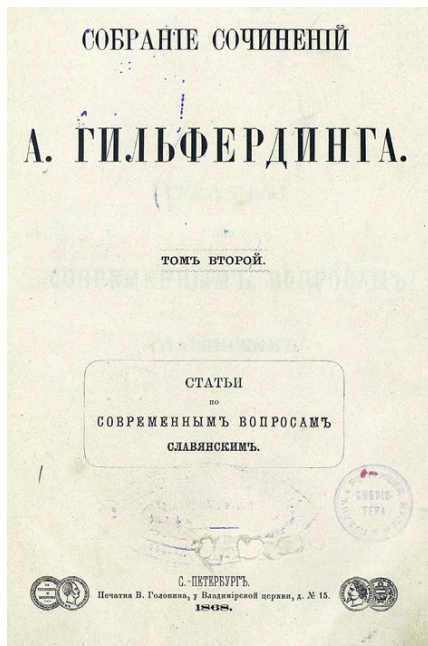
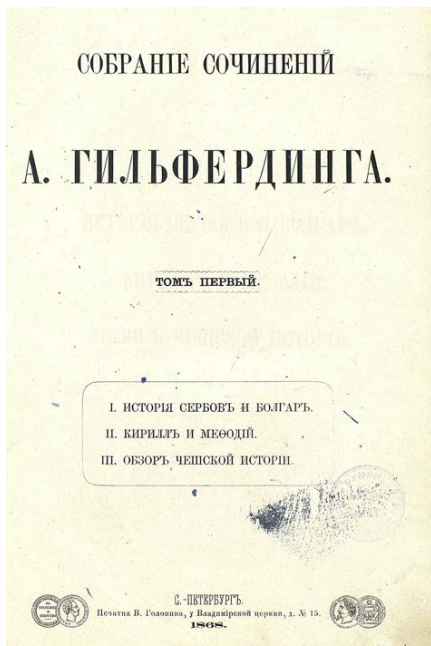
ум ясный, чуждый крайностей, доставили ему особое положение. Лучшим доказательством такого его значения служит общее сочувствие к нему, выразившееся единодушно к нему людьми всех партий по случаю его кончины, последовавшей, как известно, в то время, когда он собирал остатки народного творчества в Олонецком крае и изучал быт местного населения» [12: VII].

И.В. Ягич причислял А. Гильфердинга «к самым блестящим представителям первого поколения учёных, воспитанных в русских университетах, после водворения славяноведения» [54: 774].

14 февраля 1873 г. состоялось торжественное собрание петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, посвящённое памяти А.Ф. Гильфердинга. Т.И. Филиппов произнёс речь о московских годах жизни учёного, О.Ф. Миллер – о его заслугах в собирании памятников народного творчества, В.И. Ламанский – о его трудах по славяноведению, К.Н. Бестужев-Рюмин – о его исторических работах [12: XXII].

5 мая 1873 г., к годовщине смерти А. Гильфердинга, Ф. Тютчев написал стихотворение:

Хоть родом он был не славянин,
Но был славянством всем усвоен,

Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений [22; 23]

И честно он всю жизнь ему служил,
Он много действовал, хоть мало жил,
И многого ему принадлежит почин –
И делом доказал, что в поле и один
Быть может доблестный и храбрый воин [46: 259].

После смерти А. Гильфердинга осталась библиотека из более 6 тыс. томов. Бумаги покойного, по его завещанию, были разобраны К.Н. Бестужевым-Рюминым, В.И. Ламанским и А.С. Будиловичем. Часть рукописей, собранных учёным во время службы консулом в Боснии и поездках по славянским землям, он передал в 1868 г. Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. В 1873 г. библиотека приобрела у его наследников вторую часть собрания. Остальное купил известный купец-коллекционер А.И. Хлудов [4: 465; 8: 478; 15: 561].

Л. Лаптева писала, что, «русская наука обязана А.Ф. Гильфердингу возникновением в ней новой области – истории славян» [35: 299].

Как упоминалось выше, А. Гильфердинг сыграл большую роль в разработке реформ в Царстве Польском, в т. ч. и реформы образования. Как отмечал Е.М. Крыжановский, возглавлявший в то время учебную дирекцию Седлецкой губернии, А. Гильфердинг вместе с князем В.А. Черкасским принимал участие в разработке всех важных документов по организации системы отдельных училищ для русинов-униатов Холмщины и Подляшья [44: 128].

Во втором томе «Славянского обозрения» за 1892 г. редактор-издатель журнала А. Будилович поместил материалы из переписки кн. Владимира Александровича Черкасского (в то время помощника статс-секретаря Н.А. Милютина, главного директора правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском) и Н.А. Милютина (в то время статс-секретаря Его Императорского Величества по делам Польши) по вопросу о реформе учебной части в Царстве Польском. В составлении данного проекта принимал активное участие А. Гильфердинг. А. Будилович, говоря о школьном уставе, который можно назвать милютинским, упомянул, что «при выработке его принимали близкое участие и князь Черкасский, а также известный наш славяновед А.Ф. Гильфердинг» [1: 297–298].

Основные положения устава, как писал А. Будилович, заключались в следующем: «...школы должны руководиться требованиями педагогики, а не политики; язык преподавания должен соответствовать материнскому языку учеников, следовательно быть польским для поляков, немецким для немцев, литовским для литовцев, русским для русских, особенно в школах народных и учительских семинариях; в школах смешанного состава преподавание ведётся на языке

государственном, который должен быть основательно изучаем и во всех прочих местных школах; школы должны иметь всенародный, а не сословный характер, и подчиняться контролю государственному, а не ксёндзовскому или поместному; образование не должно иметь узкоприкладного характера, а отвечать всем разумным потребностям народа и всем ступеням развития» [1: 298].

В «Общей объяснительной записке об устройстве учебной части в Царстве Польском (лето 1864 г.)», которая в журнале приводится полностью, в начале даётся краткая историческая справка об общественном воспитании в Польше, организации образовательного процесса в Царстве Польском, начиная с времени правления императора Александре I, после польского мятежа 1830–1831 гг. В записке отмечалось, что «общественное образование было политическим орудием в руках наших с 1831 по 1861 год; в 1861 г. оно обратилось как политическое же орудие против нас». В записке рекомендовалось «решительно отказаться от мысли обрусить поляков в Ц-е. [Царстве Польском] искусственными мерами». Указывалось, что «для этого у нас нет достаточного средства. Притом опыт показал, что за превосходнейшим знанием русского языка и даже полным наружным обрусением весьма часто скрывается непримиримая вражда к России. Надобно повторить: никакое внешнее знание, искусственно прививаемое, не сблизит с Россией поляков высших сословий, ибо они могут сблизиться с нею только тогда, когда при значительном ослаблении польского элемента в наших западных губерниях нельзя будет мечтать о восстановлении Польши в её прежнем значении и когда с уничтожением, или по крайней мере с закрытием вреднейших католических монастырей, как мужских, так и женских, иссякнет главный источник религиозного фанатизма и ослабеет нить, управляющая польскими умами из Рима». Предлагалось оградить училища в Царстве Польском от религиозной пропаганды и монашеских орден. Отмечалось, что «даже в униатских селениях холмской епархии фелицианки⁴ обучают грамоте крестьянских мальчиков и девочек». Для польских училищ достаточно будет ввести русский язык как один из необходимых предметов общего образования [1: 300–319].

В отзыве В. Черкасского на имя главного директора народного просвещения Ф.Ф. Витте от 1 января 1865 г., в частности, подчёркивалось, что греко-униаты русины, кроме холмской духовной семинарии, «не имеют ни одного среднего учебного заведения, в котором они могли бы получать соответственное своим насущным потребностям образование» [1: 321].

Высшее русское дворянское сословие края, указывалось в отзыве, уже давно изменило своей вере и своему племени. Из-за отсутствия

русских средних учебных заведения не могут появиться образованные люди из среды низших сословий, «способные поддержать и укрепить свою падающую народность». Отсутствие русских средних учебных заведений приводит желающих к получению образования в польском духе, что «неизбежно влечёт за собой постепенное, но верное ополячивание всего русского племени». «Даже греко-униатское духовенство, единственное ныне образованное сословие русского или русинского народа в Ц. П. и последний оплот его самобытного развития, вынуждено получать образование в польских уездных училищах и гимназиях». Сыновья греко-униатских священников, чтобы поступить в холмскую духовную семинарию, должны первоначально обучаться в польских светских училищах и гимназиях. Некоторые оканчивают полный курс обучения в тех же гимназиях, после чего поступают в варшавскую главную школу. Во всех польских уездных училищах и гимназиях русский язык преподаётся поверхностно, греко-униатский закон и обряд вообще не преподаются греко-униатским воспитанникам. Поэтому неудивительно, что «польский язык и обычаи пустили глубокие корни даже в среде греко-униатского духовенства, в ущерб русской народности и языку, такие глубокие корни, что даже в семейном быту, в проповедях униатским духовенством употребляется ныне один польский язык» [1: 321–322].

Предлагалось «на основании равноправия народностей» из 37 ныне существующих средних учебных заведений часть предоставить греко-униатам. Учитывая, что поляков-католиков 3 550 000, русских греко-униатов 225 000, предлагалось выделить последним от двух до трёх учебных заведений от общего количества [1: 322].

В выдержках из «Дневника княгини Е.А. Черкасской» в июле 1864 г. упоминается о А. Гильфердинге, «который казался особенно способным к этому делу по своему образованию, уму, знакомству с Польшей, относительному знанию польского языка и литературы». Милютин и Черкасский хотели, чтобы он стал главным директором Комиссии народного просвещения в Царстве Польском. «Для этого Гильфердинг был привлечён в Варшаву; ему было поручено составление проектов о преобразовании университета; ожидали благоприятного времени. Но, увы! Берг успел забежать вперёд и рекомендовать человека, дружного с Треповым, и на поддержку которого они оба рассчитывали. Это был Витте, бывший киевский попечитель. Берг воспользовался свиданием с Государем на железной дороге, чтобы выпросить назначение Витте и подать Государю адрес от польского духовенства. Князь и Милютин считали принятие второго и назначение первого большими ошибками. Берг и Трепов очень радовались приезду Витте» [1: 324–325].

В ряде своих работ А. Гильфердинг касается русинской проблематики.

В 1856 г. в «Русской беседе» (№ 1) в разделе «Смесь» вышло его письмо к издателю-редактору журнала, известному русскому публицисту и общественному деятелю А.И. Кошелеву «О русской литературной деятельности в Галиции в 1855 г.», датированное мартом 1856 г. В нём А. Гильфердинг сообщает, что получил письмо «от многозаслуженного, добродушного патриарха западного славянства, В.В. Ганки». Чешский славист, деятель Чешского возрождения пообещал участвовать в «Русской беседе» и прислал письмо о русской деятельности в Галиции в 1855 г., присланное ему из Львова «одним из лучших галицких учёных и поборников русской народности» Я.Ф. Головацким. В начале материала А. Гильфердинг даёт перевод письма В. Ганки о сообщаемых им «последних открытиях по части глагольской письменности; этот вопрос занимает теперь весь учёный мир славянский». Далее он приводит «без малейшего изменения» письмо Головацкого, написанное на русском языке [18: 36].

А. Гильфердинг напоминает, что «в Галиции начали писать по-русски немного лет тому назад, русские люди там ещё не привыкли владеть своим языком» и выражает надежду, что «бог даст им силы и твёрдости, и духовное общение с Великою Россией вызовет к новой жизни отделённый от неё историей и заглохший край Малороссии» [18: 38].

Я. Головацкий отметил, что русская словесность в 1855 г. была «менее плодovitа», чем в прошлых годах. Сократилось количество часописов (журналов). С № 32 «по причине нерадивого издательства и произошедшего оттуда равнодушия публики» перестало выходить «ежедневное литературно-забавное издание ред. Николая Савчинского» «Зоря Галицкая». «Семейная библиотека» «дотянулась до V тетради, захромала» и неизвестно, будет ли издаваться дальше. «Вестник», «издаваемый в Вене (под псевдонимом Валием Зборовским) чрез Юлия Выслобоцкого держится на ногах, но может быть не на собственных». Этот журнал «носит три личины»: Политического Вестника, Отечественного сборника и Сельской школки. К журналам также можно причислить правительственные издания законов: «Вестник законов державных» (на русском и немецком языках издаётся с 1849 г. в Вене), «Вестник законов краевых» (во Львове) для «русских в Галиции», «Вестник для русинов угорских» (в Будине). С 1854 г. издаётся на немецком, польском и русском языках «Полицейский доноситель» «Львовской цесарско-королевской полицейской дирекции» [18: 38].

В 1853 г. «Общество Галицко-русской Матицы» выпустило «Галицко-русский исторический сборник». Продолжения «всё ещё ожидает

публика». Матица также печатает большой «Молитвослов для мирских», который «будет изукрашен иконками резными на стали в Вене» и «Науку по пчеловодству» Льва Трещакковского, действительного члена львовского агрономического общества и греко-католического «приходника в Рудне» [18: 38–39].

Из частных лиц «мало кто что напечатал», за исключением «случайных стишков». «Самое важное сочинение» Дениса Зубрицкого – «Аноним Гнезденский и Иоанн Длугош». В книге приведены выписки из сочинений польских историков с 1337 по 1387 г. на латыни, относящиеся к истории Галицко-Владимирской Руси, «с русским переводом и примечаниями, исследованиями и замечаниями» сочинителя. Труд этот «напечатал сей ветеран-историк на собственном своём иждивении только двести экз.». В Перемышльской типографии в упоминаемом году печатались «некие мелкие сочинения». Вышел месяцеслов «Перемышлянин на год 1856», но в нём «менее занимательных статей, как в прошлых годах» [18: 39].

«Угорские (т. е. венгерские) русины хотя реже, но выступают с сочинениями большого объёма» [18: 39]. Стефан Мустиянович, греко-католический «парох и декан в Пилипце Ужгородской (Унгварской) епархии» издал в ставропигийском институте во Львове «два достопримечательных душеполезных сочинения», а также подготовил к печати свои «Проповеди на все недели целого года». И.И. Раковский, священник и редактор «Вестника краевых законов» на русском языке в Буде (Будине) перевёл «Апостольское послание Пия IX, папы римского». Оно было напечатано в Будине в 1855 г. В этом же году во Львове вышел и русский перевод [18: 39–40].

Также было издано «менее учебников русских», чем в прошлых годах. Я. Головацкий считал 1855 г. годом «совершенного застоя в литературной деятельности» [18: 40]. Автор заключает: «Несчастный год, поправший Галицию неурожаем, дороговизной, губительной язвой на людей и помором на скот, а литературу злобными односторонними, краткозракими, самолюбивыми людьми! Чья вина в том, осудит история, пред коея зорким глазом и беспристрастным судом не скроется ни тихая благородная ревность и искреннее самопожертвование, злокозненная тайная злоба» [18: 41].

В статье «Развитие народности у западных славян» во втором томе Собрания сочинений («Западные славяне» в «Русской Беседе», 1858. Т. 4. Раздел «Обозрение», без указания автора (***)), вышедшей вначале в Париже на французском языке (*Les Slaves Occidentaux*), А. Гильфердинг пишет в т. ч. о возрождении русской народности Галиции после событий 1848 г. Учёный напоминает, что «в восточной половине Галиции живёт более 2 миллионов малорусов, говорящих

на том же наречии, как поселяне волынские и подольские. Они сами называют себя русскими (*русин* в единственном числе, *русские* во множественном) и принадлежат к униатскому исповеданию, принимаемому ими за православную веру. Кроме того, в северо-восточных округах Венгрии, пограничных в Галиции находится до 625 000 этих малороссиян». Исследователь отметил, что все они принадлежат к низшему сословию. Дворяне в Восточной Галиции – поляки, в русских округах Венгрии – мадьяры [23: 68].

До 1848 г. австрийские власти не признавали существования русской народности (русинов. – С.С.). Когда «один галицкий патриот» Я. Головацкий захотел в 1837 г. издать небольшой альманах на народном наречии (имеется в виду «Русалка Днестровая» – С.С.), Львовская цензура это запретила. Пришлось издавать альманах в Венгрии, где цензура в то время была либеральнее. «Учёный старец» Д.И. Зубрицкий «принялся за разработку отечественных памятников и начал восстанавливать историю русской народности в Галиции». Хотя он

РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

Помните одно: только искренне основанное
дружество, то и древо неодолимо: только
искренне не брезать, к чему притягивать?
Отеч. журн. т. 1. М. Моск. 1858.

1858.

IV.

ТРЕТИЙ ГОДЪ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Сомова,
на Мясницкой улицѣ.
1858.

ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ.

Мы недавно получили от одного из друзей наших Французскую рукопись, подъ заглавіемъ: «les Slaves Occidentaux», которая теперь печатается за границею. «Русская Бесѣда» положила себѣ за правило не помѣщать въ своихъ книжкахъ переводныхъ статей. Однако же она охотно отступаетъ отъ этого правила въ отношеніи къ означенному сочиненію, касающемуся вопросовъ, столь близкихъ намъ и столь мало еще извѣстныхъ Русской публикѣ. Притомъ же надо замѣтить, что обзоръ это не заимствовано изъ чужихъ показаній, а есть плодъ личныхъ наблюденій автора надъ Славянскими племенами. Конечно, «Русская Бесѣда» не можетъ ручаться за справедливость всѣхъ его мнѣній и оцѣнокъ; но она увѣрена, что читатель будетъ ей благодаренъ за сообщеніе статьи, въ которой современное движеніе единоплеменниковъ нашихъ на Западѣ представлено въ болѣе полной и цѣлостной, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ, извѣстныхъ намъ, сочиненіяхъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Полонія. Поляки и ихъ роль въ Славянскомъ вопросѣ. Возрожденіе Славянскихъ народностей въ Австріи.

Въ послѣднее время стали много говорить о вступленіи Славянскаго племени въ кругъ Европейской дѣятельности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это племѣ, долго оставшееся неизвѣстнымъ Западу и даже болѣе у него въ презрѣніи, должно принять важное участіе. IV.

*** (Гильфердинг А.Ф.) Западные славяне // Русская Беседа. Кн. 12. 1858. Т. 4. Обзорение. С. 1–28.

писал по-польски, «но по крайней мере указал молодому поколению исторические права и значение русской стихии в этом крае» [23: 69].

В 1848 г. возникло движение и в Галиции. Всем славянским народам в Австрийской империи «дано было официальное признание и обещано введение её наречия в местное делопроизводство». Русские галичане захотели использовать вместо польского языка, господствующего в крае, свой язык. Австрийские власти вначале, напуганные революционным движением львовских и краковских поляков, стали покровительствовать галицко-русской народности. Галиция в 1848 г. разделилась на два враждебных лагеря: революционный польский и охранительный русский. Русские галичане основали во Львове Галицко-русскую матицу для литерного развития «народной стихии» и Русский народный дом для образования народа. Также было основано несколько газет на малорусском и «отчасти даже великорусском языке». Развитию «русской стихии» способствовало освобождение в 1848 г. крестьян в Галиции. Это вызвало противодействие поляков, которые стали называть «русскую или русинскую народность в Галиции выдумкой австрийских бюрократов» [23: 69].

Деятельность галицко-русской партии нашла сочувствие у населения. Многие сельские общины внесли пожертвования в учреждение Галицко-русской матицы и львовского Народного дома. Периодические издания на русском наречии стали распространяться в деревнях, где никогда не видели печатной продукции на родном языке. Началось возрождение также и среди русинов Венгрии [23: 70].

В статье «Венгрия и славяне», опубликованной в «Русской Беседе» в 1860 г., написанной как рецензия на второе издание труда Шарля-Луи Шассена о Яноше Хуньяди (Jean de Hunyad, récit du XV-e siècle, précédé de La Hongrie, son génie et sa mission. Étude historique par Charles-Louis Chassin. Deuxième édition. Paris, 1859), учёный пишет, что «водворение мадьяр на среднем Дунае имело неисчислимые последствия для западного славянского мира» [23: 121], «последствия огромные, роковые для целой половины славянского племени, для всей средней полосы Европы, от Эльбы до Немана, от Адриатического до Черного моря» [23: 123–124]. «Племя, совершенно чуждое славянам и всей Европе, разделило западный славянский мир на две половины, северную и южную, и не оставило между ними ни одной точки соприкосновения» [23: 121].

Далее А. Гильфердинг говорит о последствиях прихода мадьяр: «Отделённые друг от друга и разъединённые между собой, славяне и северной и южной группы не в силах были сделаться самостоятельными деятелями европейского просвещения наравне с великими народами романскими и германскими. Северная группа, отрезанная

мадьярами (вначале язычниками, а впоследствии католиками) от Греции и Болгарии, не могла отстоять православия против усилий римского и немецкого духовенства и с католицизмом приняла весь строй романо-германской жизни. Чехи, поляки, лужичане нравственно, а частью и политически поработились Западной Европе, а балтийские славяне, которые не хотели такого порабощения, должны были остаться неподвижными при своём язычестве и были истреблены Западной Европою; поляки же, чехи и лужичане, вследствие слабости своих сил, сравнительно с силами тяготевшего над ними романо-германского мира, не в состоянии были спасти природных основ своей славянской жизни даже в глубине народных масс: начала романо-германского мира, несомые католицизмом, проникли у них всюду, завладели всем народом, всеми его понятиями, всем его бытом». Из «четырёх народностей» северной группы славян уцелело только три [23: 122].

Появление мадьяр на Среднем Дунае вынудило северо-западных славян примкнуть к романо-германскому католическому Западу, который «заглушил в них свободное развитие славянской жизни». Юго-западные славяне (болгары и сербы), отрезанные от романо-германского Запада, были привязаны к «гниющему организму Византии». Они «сохранили православное христианство с народным богослужением и народною письменностью; но и они не в состоянии были развиваться самобытно и плодотворно» [23: 123].

По мнению А. Гильфердинга, французский автор, рассуждая об историческом значении мадьяр, предпочитает этого не замечать, проявляя неуважение и невнимание к славянскому миру, желая сочинить для мадьяр «какую-то первенствующую <...> роль на востоке Европы» [23: 124–125]. А. Гильфердинг отметил сходство государственного устройства мадьяр с древним политическим устройством западных славян, живших здесь до прихода мадьяр [23: 129].

А. Гильфердинг напомнил, что «при переходе за Карпаты многие русские пошли за мадьярским вождём, поселились в Венгрии и верно служили её государям: "Потомство их, говорит летописец, живёт там до нынешнего дня" (Аноним, reg. Belae notarius, гл. 10). Нет никакого основания отвергать это сказание; но, как бы то ни было, обширные поселения русских людей (малороссов) в Венгрии восходят до отдалённой древности, и эти русские жили постоянно в дружбе с мадьярами. Даже события 1848 года не поколебали её, сколько нам известно» [23: 131]. «Венгерские русины могли сохранить православное исповедание неприкосновенным во все время самостоятельности Венгрии и обращены были в унию только ревностью австрийского правительства (окончательное их присоединение к униатам совершилось в 1768 году)» [23: 134].

В завершение рецензии автор отметил: «Магьярский народ прожил всю свою историческую жизнь среди славянского мира. Несравненно слабейший, по малочисленности и одинокости своей в Европе, он в прежние века держался тем, что умел ладить с окружающими его жилища, а отчасти обитающими с ним вместе славянскими народами, разъединёнными между собою не только во внешней деятельности, но и во внутреннем сознании. Ныне славянские народы устремились к умственному и нравственному единению и к общей самостоятельной деятельности. Недавний опыт доказал магьярам, что они бессильны воспрепятствовать этому движению. Поставленные судьбою среди славянского мира, они должны учиться ладить с ним при новом его направлении, как ладили с ним в былые времена» [23: 149–150].

В статье «Славянские народы в Австрии и Турции» (впервые опубликована в журнале «Народное чтение» в 1860 г.) А. Гильфердинг рассказывает о «народах – братьях русских и любящие русских, как братьев», которые вместе с русскими «составляют одно славянское племя». Он напоминает, что «в старину все славяне были одним народом, а потом разделились на русских, болгар, сербов, хорватов, словенцев, словаков, чехов, лужичан и поляков; прежний общий славянский язык разделился на столько же наречий, которые, однако, все очень похожи одно на другое» [23: 3–4].

В то же время российской общественности, за исключением поляков, мало что известно об остальных семи народах, которые «зовут нас своими братьями». Далее он описывает причины этого. Во-первых, из-за того, что заграничные славяне не имеют своих государств, а находятся под властью других народов, немцев и турок. «Немцы и турки господствуют и распоряжаются в их землях, и потому слышно только про немцев и турок, а что делается со славянами под их управой – это менее заметно» [23: 4].

«Во-вторых, слишком много людей на Руси привыкли смотреть на мир Божий не так, как он есть, а так, как его показывают нам иностранцы – французы, англичане и немцы, от которых мы думаем позаимствовать всякую премудрость; иностранцы же стараются как можно меньше говорить о славянах, для того чтобы, по возможности, скрыть их от наших глаз и от глаз всего человечества. В том их расчёт, особенно расчёт немцев, и понять этот расчёт очень легко.» Австрия – самое большое из немецких государств. Но в ней проживает всего 8 млн немцев, славян же – 17 млн. «Немцы располагают этими славянами, как им выгоднее, и им было бы неловко, если бы про это знали, особенно в России, где живут братья их подданных славян: потому их прямой расчёт – стараться скрыть от нас даже их существование. И действительно, в немецких книгах, журналах и га-

зетах про эти семнадцать миллионов славян нет и помину, тогда как про маленький немецкий народец, живущий в Шлезвиге и Голштинии, под управлением датского короля, немцы столько исписали, что всех сочинений об этом в десять лет не перечесть» [23: 4].

В европейской части Турции турок насчитывается едва ли один миллион, а славян, подвластных им, миллионов восемь. «Иностранцы боятся дружбы этих восьми миллионов славян с нами, потому что Россия сделалась бы от этого ещё сильнее. Цель французов, а в особенности англичан и немцев, та, чтобы мы чуждались турецких славян; они хотят добиться того, чтобы турецкие славяне перестали надеяться на Россию» [23: 4–5].

Но нам необходимо знать о них, «они родные братья наши». Судьба зарубежных славян печальна. «Они все находятся под властью чужих держав и чужих народов. Другие народы, даже самые маленькие, например датчане, которых всего 2 1/2 миллиона, голландцы, которых три миллиона, бельгийцы, которых 4 1/2 миллиона, – независимы, управляются своими законами, учатся в школах на своём языке. А двадцать семь с лишком миллионов славян живут под чужою властью, под чужими законами, должны учиться на чужом языке. Из них семнадцать миллионов принадлежат, как я сказал, Австрии, восемь миллионов Турции; остальные два с лишним миллиона приходятся на долю Пруссии, а 60 тысяч живут в Саксонском королевстве. Вне России только 125 тысяч славян, именно в Черногории, сохраняют свою независимость» [23: 5].

Заграничные славянские народы имели отдельные и независимые государства. Первые были покорены немцами словенцы в Каринтии, Штирии и Крайне в 788 г. Земли словаков, населяющих северную Венгрию, были захвачены мадьярами в 907 г. «Лужичане, которые сами себя называют сербами, хотя живут далеко на север от собственных сербов, в нынешнем Саксонском королевстве, покорены были немцами в 1002 году». Хорваты, обитающие на северо-востоке от Адриатического моря, были покорены венграми в 1091 г. Земли болгар, населяющих северо-восточную и среднюю части Европейской Турции, т. е. собственную Болгарию и большую часть Румелии, захватили турки в 1393 г. Сербы, занимающие северо-западную часть Европейской Турции и соседние края Австрии, лишились государственной независимости в 1389 г. и окончательно были покорены турками в 1463 г. Часть сербских земель перешла во владения Австрии в 1690 г. Чехи, жители Богемии и Моравии, т. е. северо-западной части Австрийской империи, стали подданными австрийского государя в 1526 г., а в 1620 г. были лишены своих прав. В 1795 г. пало польское государство и «земли, населённые собствен-

но польским племенем, присоединены были тогда к двум немецким державам, к Пруссии и Австрии» [23: 6–7].

В Сербии в 1804 г. Георгий Черный освободил часть своей родины от турок. «Первым делом освобождённого народа было вспомнить, что у него есть братья одного с ним происхождения и одной веры, и отправить посольство в Россию – просить союза и покровительства. Вскоре затем русский отряд пришёл в Сербию и помог Георгию Черному изгонять турок» [23: 7].

Упомянул учёный и о 1848 г., «когда во всех почти державах Западной Европы произошли восстания, в Австрии немцы и венгры взбунтовались против своего государя и отняли у него почти всю власть; при этом они не хотели признать за славянскими народами, их соседями, тех же прав, какие они сами имели, а напротив, требовали, чтобы они, славяне, переделали себя в немцев и венгров. Славянские народы стали им сопротивляться, и для того, чтобы сопротивляться успешнее, определили собраться в один город и договориться между собою». Далее А. Гильфердинг пишет, что Прагу

съехались «лучшие люди от всех славян австрийских: чехов, словаков, поляков, галицких малороссов, словенцев, хорватов, сербов». Хотя славяне поддерживали монархию, австрийское правительство приказало разогнать Славянский съезд. Но несмотря на такое отношение со стороны австрийского правительства, славяне продолжали оставаться его защитниками. Славяне, живущие в Венгрии с оружием в руках, выступили против восставших венгров, за австрийского императора. Но благодарности от Австрии славяне так и не увидели [23: 10–12].

Исследователь отметил, что в то же время «славяне составляют главную силу Австрии. Большую часть своих доходов она получает от них. Они составляют большую часть, а в военное время две трети её войска». В мирное время национальный состав австрийской армии был таким: чехов и словаков было 126 700 чел.,

Могила А.Ф. Гильфердинга на Новодевичьем кладбище.

Источник: Санкт-Петербург, Рождество (12-я часть).

Новодевичье кладбище и монастырь. URL: <https://ogbors.livejournal.com/1131912.html> (дата обращения: 18.09.2023)

словенцев – 29 900, хорватов – 36 400, сербов – 25 000, поляков – 49 500, русских (из Галиции) – 65 900 чел. Всего славян в армии было 333 400 чел. Кроме того, существовали пограничные с Турцией поселения, населённые сербами и хорватами, мужское население которых, способное носить оружие, было обязано идти на войну. Сербов там проживало 310 000, хорватов – 550 000. В военное время они могли выставить более 100 000 чел. [23: 12].

Представителей других народов в австрийской армии в мирное время было 313 800 чел. (немцев – 168 800, итальянцев – 74 900, румын или молдаван – 27 300, мадьяр или венгров – 42 800) [23: 12–13].

В монографии «Судьба прежних славянских государств (По поводу тысячелетия России)» (1862) А. Гильфердинг пишет, что во времена гуситских войн «чехи беспрестанно ищут связи с православными жителями земли Галицкой, упорно добиваются непосредственных (помимо католической Польши) сношений с полу-русскою Литвой и с её, в то время почти православным двором, предлагают престол св. Вячеслава князьям Литовским» [21: 44].

В книге «Гус. Его отношение к православной церкви» (1871) учёный ссылается на Далимилову хронику, датируемую 1310–1314 гг., где говорится, что «архиепископ велиградский Мефодий, который крестил чешского князя Боривоя», был русин, обедню служил по-славянски. Он считал, что «эта нелепость, будто просветитель Чехии был русином», заключает в себе важное свидетельство: русские были в этом регионе единственным народом, исповедовавшим православие, и мнение, что человек, обративший чехов в христианство, был русский, «доказывает, что они ещё в то время не забыли о православном начале своей веры»⁵ [19: 26–27].

А. Гильфердинг, несмотря на загруженность на государственной службе, находил время для научных исследований. Его приоритетными направлениями были изучение истории западных славян и собирание русских былин. Однако в своих работах он поднял и русинскую проблематику, с которой, судя по своим публикациям, был хорошо знаком. Работая в Комитете по делам Царства Польского, учёный разработал ряд проектов. Его предложения по преобразованию ведомства народного просвещения в дальнейшем заложили основу для создания учебных заведений на русском языке для русинов-униатов Холмщины и Подляшья.

Примечания

1. В первой чешской национальной энциклопедии «Slovník naučný», вышедшей под редакцией Ф.Л. Ригера, сообщается, что предки

А.Ф. Гильфердинга переселились в начале XVIII в. в Москву из Германии [55: 788]. В.В. Кожин утверждает, что «он происходил из рода немецких – саксонских – евреев. Отец его, Ф.И. Гильфердинг, был тесно связан с Нессельроде, также выходцем из Саксонии. По-видимому, не без участия последнего он оказался на русской службе, был директором дипломатической канцелярии в Варшаве (где и родился Александр), а затем занял весьма важный пост директора департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел и архива этого министерства» [31: 301]. О том что «предки Гильфердинга приехали в Россию из Германии, из Саксонии, ещё при Петре Великом», пишет С.В. Лебедев в предисловии к изданному сборнику работ А. Гильфердинга «Россия и славянство». Он же отметил, что предки учёного прибыли из той части Саксонии, которую ранее населяли полабские славяне [38: 6]. Если это так, то вполне понятен интерес А. Гильфердинга к истории балтийских славян. То, что предки Гильфердинга происходили из Саксонии, сообщает и Л.П. Лаптева [35: 258]. В то же время в «Русском биографическом словаре» указывается, что дед учёного, И.Ф. Гильфердинг «происходил из венгерских дворян, католического вероисповедания». В Россию переселился дед И. Гильфердинга в царствование императрицы Елизаветы Петровны [25: 204].

2. Канцелярский служащий в государственных учреждениях, регистрирующий акты или их составляющий.

3. К.Н. Бестужев-Рюмин писал, что осенью 1873 г. В.И. Григорович передал ему два письма от А. Гильфердинга, чтобы он отдал подлинники в публичную библиотеку, а также использовал их «по усмотрению». К. Бестужев-Рюмин «затруднился напечатать их»: Гильфердинг был недолго учеником Григоровича, только первое полугодие 1850 г., больше был учеником О.М. Бодянского, и прямое заявление А. Гильфердинга, что он признаёт себя учеником Григоровича, могло обидеть Бодянского. Поэтому опубликовал он их на страницах «Русской старины» только в 1880 г. [11: 431].

4. Конгрегация Сестёр Св. Феликса, третьего ордена Св. Франциска, известная как Сёстры-Фелицианки, была основана Блаженной Марией Ангелой Трушковской в Польше в 1855 г.

5. Ряд исследователей считают, что предки русинов были крещены ранее 988 г. Первый этап был с I по VIII в., когда славяне, анты, а позже племена уличей и тиверцев контактировали на северо-западе Причерноморья с античным миром и Восточной Римской империей. Речь в этом случае, вероятно, идёт об ограниченном количестве крещёных. Второй этап связан с миссионерской деятельностью Кирилла и Мефодия в Великой Моравии (вторая половина IX в.), охватившей население Карпатской Руси (см.: [45]). А. Гильфердинг в свой «Исто-

рии сербов и болгар» предположил, что власть Великой Моравии во времена Святополка (Святоплука) простиралась «по северному берегу Дуная до его поворота, и далее на восток, до северных притоков Тисы и Карпатских гор», в том числе и на северный их склон (вероятно, в состав державы входил и Краков) [22: 75], т. е. охватывала значительную часть территории Карпатской Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Б. (Будилович А.С.) Из переписки кн. В.А. Черкасского и Н.А. Милютина. Реформа учебной части в Царстве Польском. III // Славянское обозрение. 1892. Т. 2. Июль–август. С. 295–335.

2. Азадовский М.К. «Онежские былины» Гильфердинга (вступительная статья и подготовка текста К.М. Азадовского) // Русская литература. 2008. № 4. С. 41–50.

3. Аксаков И.С. Речь о А.Ф. Гильфердинге, В.И. Дале и К.И. Невоструеве // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика / сост., вступит. ст. и ком. А.С. Курилова. М.: Современник, 1981. (Библиотека «Любителям российской словесности»). С. 256–263.

4. Александр Фёдорович Гильфердинг. Род. 2 июля 1831 г. † 20 июня 1872 г. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1872. Т. 6. Вып. 10. Октябрь. С. 452–470.

5. Александр Фёдорович Гильфердинг (Род. 1831 г. 2 июля, ум. 20 июня 1872 г.) // Всемирная иллюстрация. 16 декабря 1872 г. № 207. Т. 8. № 26. С. 398.

6. Александр Фёдорович Гильфердинг (некролог) // Московские епархиальные ведомости. 1872 г. 9 июля. № 28. С. 207–208.

7. Александрович Е. Гильфердинг, Федор Иванович // Русский биографический словарь. В 25 т. Издание Императорского Русского Исторического Общества. Т. 5: Гербенский – Гогенлоэ. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. С. 206–207.

8. Алексеев А.И. Гильфердинг // Православная энциклопедия. Т. XI: Георгий – Гомар. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 478–479.

9. А.П. Некролог. Александр Федорович Гильфердинг // Вестник Европы. 1872. Август. Кн. 8. С. 902–907.

10. Аржакова Л.М. А.Ф. Гильфердинг – полонист // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2010. Вып. 1. С. 65–71.

11. Бестужев-Рюмин К.Н. Александр Фёдорович Гильфердинг. † 20 июня 1872 г. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1880. Т. 29. Вып. 10. Октябрь. С. 431–433.

12. Бестужев-Рюмин К.Н. Александр Фёдорович Гильфердинг // Гиль-

фердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. В 3 т. 2-е изд. Т. 1. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894. С. VII–XXII.

13. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1882. [6], 358 с.

14. *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей / собр. С.А. Венгеров. В 4 т. Т. 1: Аарон – Гоголь. СПб.: типография Императорской академии наук, 1900. 757–759.

15. *Власова З.И.* Гильфердинг Александр Фёдорович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1: А–Г / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 560–561.

16. *Гаврилов И.Б., Калитин В.А.* А.Ф. Гильфердинг и С.П. Шевырев: малоизвестные страницы из истории московского университета (по архивным материалам) // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 108–129.

17. *Гильтебрандт П.* Предисловие // Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года. С двумя портр. онеж. рапсодов и напевами былин. СПб.: [тип. Академии наук], 1873. С. III–IV.

18. *Гильфердинг А.Ф.* О русской литературной деятельности в Галиции в 1855 г. (Письмо к А.К. Кошелеву) // Русская беседа. 1856. № 1. Смесь. С. 36–41.

19. *Гильфердинг А.Ф.* Гус. Его отношение к православной церкви. СПб.: Типография Майкова, 1871. [4], 79 с.

20. *Гильфердинг А.Ф.* Россия и славянство / сост.: С.В. Лебедев; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 496 с.

21. *Гильфердинг А.Ф.* Судьба прежних славянских государств (По поводу тысячелетия России). М.: Типография Бахметьева, 1862. 139 с.

22. *Гильфердинг А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 1. I. История сербов и болгар; II. Кирилл и Мефодий; III. Обзор чешской истории. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. [6], 440, II с.

23. *Гильфердинг А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 2: Статьи по современным вопросам славянским. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. [4], 494, VI с.

24. *Гильфердинг Александр Фёдорович* // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды (биобиблиографический словарь). Т. I. Минск: Издательство БГУ, 1976. С. 70–72.

25. *Гильфердинг, Иван Фёдорович* // Русский биографический словарь. В 25 т. Издание Императорского Русского Исторического Общества. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. Т. 5: Гербенский – Гогенлоэ. С. 204–205.

26. *Калитин В.А.* Новые биографические данные об А.Ф. Гильфердинге // Русская литература. 2011. № 1. С. 137–142.

27. *Касьянов И.А.* Воспоминание крестьянина об А.Ф. Гильфердинге // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1872. Т. 6. Вып. 12. Декабрь. С. 694–698.

28. Катков М.Н. Москва, 3-го декабря // Московские ведомости. 1863. 4 декабря. № 264. С. 1–2.
29. К. Б.-Р. (Бестужев-Рюмин К.Н.) Гильфердинг, Александр Федорович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. VIII^а: Германия – Го. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1893. С. 685.
30. К некрологу А.Ф. Гильфердинга. Надгробное слово архимандрита Хрисанфа (Ретивцева), ректора Санкт-Петербургской духовной семинарии // Московские епархиальные ведомости. 1872 г. 13 августа. № 33. С. 253–254.
31. Кожин В.В. Тютчев. М.: Молодая гвардия, 2009. 468, [3] с., [16] л. ил., портр. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 1393 (1193)).
32. Краткие сведения об писателях и учёных, умерших в 1872 г. Гильфердинг, Александр Фёдорович // Русский архив. 1874. № 9. С. 1099–1101.
33. Лавров П. Гильфердинг, Александр Федорович // Русский биографический словарь. В 25 т. Издание Императорского Русского Исторического Общества. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. Т. 5: Гербенский – Гогенлоэ. С. 195–204.
34. Лаптева Л.П. Гильфердинг Александр Фёдорович // Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М.: Наука, 1979. С. 121–125.
35. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 848 с.
36. Лаптева Л.П. Русский славист А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) и его взгляд на польский вопрос // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. С. 91–102
37. Лаптева Л.П. Сотрудничество А.Ф. Гильфердинга с журналом «Русская беседа» (1856–1860 гг.) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуняна. М., 2014. С. 115–127.
38. Лебедев С.В. Предисловие // Гильфердинг А.Ф. Россия и славянство / сост.: С.В. Лебедев; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 5–31.
39. Лобода А.М. Памяти А.Ф. Гильфердинга (К двадцатипятилетней годовщине его смерти) // Этнографическое обозрение. Издание Имперского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. 1897. № 4. С. 89–98.
40. Пыпин А.Н. История русской этнографии. В 4 т. Т. 2: Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. VIII, 428 с.
41. Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Отдел первый. Дворянство жалованное и выслуженное. / под ред. Л.М. Савелова. М.: Издание Московского дворянства, [1914]. IX, 686 с.
42. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Запад-

ной России. Вып. 1 / сост. и изд. С. Шолкович, чл. Вил. арх. комис. и засл. преп. В.Р. уч-ща. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1885. XVIII, 327 с.

43. Список гражданским чинам четвёртого класса. Исправлен по 1-е февраля 1872 года. СПб.: Типография Правительствующего сената, 1872. [1], 30, 1151, 42 с.

44. Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147. DOI: 10.17223/18572685/70/7

45. Суляк С.Г. Начало христианизации Карпато-Днестровской Руси // Русин. 2015. № 4 (42). С. 267–307. DOI: 10.17223/18572685/42/19

46. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем. В 6 т. Т. 2: Стихотворения, 1850–1873. М.: Классика, 2003. 640 с.: 16 с. ил.

47. Филиппов Т.И. В память А.Ф. Гильфердинга (Читано в собрании СПб. Славянского Комитета 14 февраля 1873 г.) // Славянофильство: pro et contra. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2009. С. 389–394.

48. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 4: Записки о всемирной истории. Ч. 2 (Обзор всемирной истории) / изд. под ред. [и с предисл.] А.Ф. Гильфердинга. М.: Типография П. Бахметева, 1873. 1040 с.

49. Черных А.В. Вклад А.Ф. Гильфердинга в развитие Отечественной сла-вистики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4. Ч. 1. С. 190–192.

50. Черных А.В. Государственная, дипломатическая и общественно-по-литическая деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831–1872). Липецк: Гравис, 2017. 399 с.: карты, портр.

51. Черных А.В. Научная деятельность и публицистика А.Ф. Гильфердинга (1831–1872), посвящённые южным, западным и восточным славянам. Ч. 1. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2021. 548 с.: ил., портр.

52. Черных А.В. Научная деятельность и публицистика А.Ф. Гильфердинга (1831–1872), посвящённые южным, западным и восточным славянам. Ч. 2. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2021. 236 с.: ил., портр.

53. Черных А.В. Общественно-политическая и научная деятельность А.Ф. Гильфердинга: 1831–1872: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 282 с.: ил.

54. Ягич И.В. История славянской филологии // Энциклопедия славянской филологии / под ред. орд. акад. И.В. Ягича. Вып. 1. СПб.: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1910. [4], VIII, 961 с.

55. Slovník naučný. Díl 3. F – Chyžice / redaktor: Dr. František Ladislav Rieger; spoluredaktor dílu třetího: Jakub Malý. V Praze: Nakladatel I.L. Kober, 1863. 1169 s.

REFERENCES

1. A.B. (Budilovich, A.S.) (1892) Iz perepiski kn. V.A. Cherkaskogo i N.A. Milyutina. Reforma uchebnoy chasti v Tsarstve Pol'skom. III. [From the correspondence of Duke V.A. Cherkasky and N.A. Milyutin. The educational reform in the Kingdom of Poland. III]. *Slavyanskoe obozrenie*. July–August. Vol. 2. pp. 295–335.
2. Azadovskiy, M.K. (2008) “Onezhskie byliny” Gil'ferdinga (vstupitel'naya stat'ya i podgotovka teksta K.M. Azadovskogo) [The “Onega epics” by Hilferding (the introductory article and preparation of the text by K.M. Azadovsky)]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 41–50.
3. Aksakov, I.S. (1981) Rech' o A.F. Gil'ferdinge, V.I. Dale i K.I. Nevostrueve [We're talking about A.F. Hilferding, V.I. Dal, and K.I. Nevostruev]. In: Aksakov, K.S. & Aksakov, I.S. *Literaturnaya kritika* [Literary Criticism]. Moscow: Sovremennik. pp. 256–263.
4. Anon. (1872) Aleksandr Fedorovich Gil'ferding. Rod. 2 iyulya 1831 g. † 20 iyunya 1872 g. [Alexander Fedorovich Hilferding. Born July 2, 1831 † June 20, 1872]. *Russkaya starina. Ezheimesyachnoe istoricheskoe izdanie*. Vol. 6(10). pp. 452–470.
5. Anon. (1872) Aleksandr Fedorovich Gil'ferding (Rod. 1831 g. 2 iyulya, um. 20 iyunya 1872 g.) [Alexander Fedorovich Hilferding (Born 1831, July 2; died June 20, 1872)]. *Vsemirnaya illyustratsiya*. 207(8). № 26. 16th December. p. 398.
6. Anon. (1872) Aleksandr Fedorovich Gil'ferding (nekrolog) [Alexander Fedorovich Hilferding (obituary)]. *Moskovskie eparkhial'nye vedomosti*. 9th July. pp. 207–208.
7. Aleksandrovich, E. (1916) Hilferding, Fedor Ivanovich. In: Polovtsov, A.A. (ed.) *Russkiy biograficheskiy slovar'*: v 25 t. [Russian Biographical Dictionary: in 25 vols]. Vol. 5. Moscow: G. Lissner i D. Sobko. pp. 206–207.
8. Alekseev, A.I. (2006) Hilferding. In: His Holiness Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. XI. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 478–479.
9. A.P. (1872) Nekrolog. Aleksandr Fedorovich Gilferding [Obituary. Alexander Fedorovich Hilferding]. *Vestnik Evropy*. 8. pp. 902–907.
10. Arzhakova, L.M. (2010) A.F. Gil'ferding – polonist [A.F. Hilferding as a polonist]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2*. 1. pp. 65–71.
11. Bestuzhev-Ryumin, K.N. (1880) Aleksandr Fedorovich Gil'ferding. † 20 iyunya 1872 g. [Alexander Fedorovich Hilferding. † June 20, 1872]. *Russkaya starina. Ezheimesyachnoe istoricheskoe izdanie*. 29(10). pp. 431–433.
12. Bestuzhev-Ryumin, K.N. (1894) Aleksandr Fedorovich Gil'ferding [Alexander Fedorovich Hilferding]. In: Hilferding, A.F. *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [The Onega

epics recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871: in 3 vols]. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. VII–XXII.

13. Bestuzhev-Ryumin, K.N. (1882) *Biografii i kharakteristiki. Tatishchev, Shletser, Karamzin, Pogodin, Solov'ev, Eshevskiy, Gil'ferding* [Biographies and characteristics. Tatishchev, Shletser, Karamzin, Pogodin, Soloviev, Eshevsky, Hilferding]. St. Petersburg: V.S. Balashev.

14. Vengerov, S.A. (1900) *Istochniki slovarya russkikh pisateley* [Sources of the Dictionary of Russian writers]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 757–759.

15. Vlasova, Z.I. (1989) Gil'ferding Aleksandr Fedorovich [Hilferding Alexander Fedorovich]. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. A Biographical Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 560–561.

16. Gavrilov, I.B. & Kalitin, V.A. (2018) A.F. Gil'ferding i S.P. Shevyrev: maloizvestnye stranitsy iz istorii moskovskogo universiteta (po arkhivnym materialam) [A.F. Hilferding and S.P. Shevyrev: Little-known pages from the history of Moscow University (based on archival materials)]. *Khristianskoe chtenie*. 6. pp. 108–129.

17. Giltebrandt, P. (1873) Predislovie [Preface]. In: Hilferding, A.F. (ed.) *Onezhskie byliny, zapisannyye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda* [The Onega epics recorded by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. III–IV.

18. Hilferding, A.F. (1856) O russkoy literaturnoy deyatelnosti v Galitsii v 1855 g. (Pis'mo k A.K. Koshelevu) [About Russian literary activity in Galicia in 1855 (Letter to A.K. Koshelev)]. *Russkaya beseda*. 1. pp. 36–41.

19. Hilferding, A.F. (1871) *Gus. Ego otnoshenie k pravoslavnoy tserkvi* [Gus. His attitude towards the Orthodox Church]. St. Petersburg: Maykov.

20. Hilferding, A.F. (2009) *Rossiya i slavyanstvo* [Russia and the Slavs]. Moscow: Institute of Russian Civilization.

21. Hilferding, A.F. (1862) *Sud'ba prezhnikh slavyanskikh gosudarstv (Po povodu tysyacheletiya Rossii)* [The fate of the former Slavic states (On the occasion of the millennium of Russia)]. Moscow: Bakhmetiev.

22. Hilferding, A.F. (1868) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. St. Petersburg: V. Golovin.

23. Hilferding, A.F. (1868) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. St. Petersburg: V. Golovin.

24. Anon. (1976) Gilferding Aleksandr Fedorovich [Hilferding Alexander Fedorovich]. In: Bulakhov, M.G. *Vostochnoslavjanskije yazykovedy (biobibliograficheskiy slovar')* [East Slavic linguists (a bio-bibliographic dictionary)]. Vol. I. Minsk: Izdatel'stvo BGU. pp. 70–72.

25. Anon. (1916) Gil'ferding, Ivan Fedorovich [Hilferding, Ivan Fedorovich].

In: Polovtsov, A.A. (ed.) *Russkiy biograficheskiy slovar'*: v 25 t. [Russian Biographical Dictionary: in 25 vols]. Vol. 5. Moscow: G. Lissner i D. Sobko. pp. 204–205.

26. Kalitin, V.A. (2011) Novye biograficheskie dannye ob A. F. Gil'ferdinge [New biographical data about A.F. Hilferding]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 137–142.

27. Kasyanov, I.A. (1872) Vospominanie krest'yanina ob A. F. Gil'ferdinge [A peasant's memory of A.F. Hilferding]. *Russkaya starina. Ezheimesyachnoe istoricheskoe izdanie*. 6(12). pp. 694–698.

28. Katkov, M.N. (1863) Moskva, 3-go dekabrya [Moscow, December 3]. *Moskovskie vedomosti*. 4th December. pp. 1–2.

29. K. B.-R. (Bestuzhev-Ryumin, K.N.) (1893) Gil'ferding, Aleksandr Fedorovich [Hilferding, Alexander Fedorovich]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. Vol. VIIIa. St. Petersburg: I.A. Efron. p. 685.

30. Retivtsev, Kh. (1872) K nekrologu A.F. Gil'ferdinga. Nadgrobnoe slovo arkhimandrita Khrisanfa (Retivtseva), rektora Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy seminarii [To the obituary of A.F. Hilferding. Funeral homily of Archimandrite Chrysanthus (Retivtsev), rector of the St. Petersburg Theological Seminary]. *Moskovskie eparkhial'nye vedomosti*. 13th August. pp. 253–254.

31. Kozhinov, V.V. (2009) *Tyutchev*. Moscow: Molodaya gvardiya.

32. Anon. (1874) Kratkie svedeniya ob pisatelyakh i uchenykh, umershikh v 1872 g. Gil'ferding, Aleksandr Fedorovich [Brief information about writers and scientists who died in 1872. Hilferding, Alexander Fedorovich]. *Russkiy arkhiv*. 9. pp. 1099–1101.

33. Lavrov, P. (1916) Gil'ferding, Aleksandr Fedorovich [Hilferding, Alexander Fedorovich]. In: Polovtsov, A.A. (ed.) *Russkiy biograficheskiy slovar'*: v 25 t. [Russian Biographical Dictionary: in 25 vols]. Vol. 5. Moscow: G. Lissner i D. Sobko. pp. 195–204.

34. Lapteva, L.P. (1979) Gil'ferding Aleksandr Fedorovich [Hilferding Alexander Fedorovich]. In: Dyakonov, V.A. et al. (eds) *Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoy Rossii. Biobibliograficheskiy slovar'* [Slavic studies in pre-revolutionary Russia. A biobibliographical dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 121–125.

35. Lapteva, L.P. (2005) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke* [History of Slavic studies in Russia in the 19th century]. Moscow: Indrik.

36. Lapteva, L.P. (2003) Russkiy slavist A. F. Gil'ferding (1831–1872) i ego vzglyad na pol'skiy vopros [Russian Slavist A.F. Hilferding (1831–1872) and his view on the Polish question]. In: Volkov, V.K., Marney, D.P. & Nosov, B.V. (eds) *Rossiysko-pol'skie nauchnye svyazi v XIX–XX vv.* [Russian-Polish scientific relations in the 19th–20th centuries]. Moscow: Indrik. pp. 91–102

37. Lapteva, L.P. (2014) Sotrudnichestvo A.F. Gil'ferdinga s zhurnalom “Russkaya beseda” (1856–1860 gg.) [Cooperation A.F. Hilferding with the magazine “Russkaya beseda” (1856–1860)]. In: Danchenko, S.I., Makarova, I.F. & Frolova, M.M. (eds)

Slavyane i Rossiya: slavyanskije i balkanskije narody v periodicheskoj pechati [Slavs and Russia: Slavic and Balkan peoples in periodicals]. Moscow: RAS. pp. 115–127.

38. Lebedev, S.V. (2009) Predislovie [Preface]. In: Hilferding, A.F. *Rossija i slavyanstvo* [Russia and the Slavs]. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 5–31.

39. Loboda, A.M. (1897) Pamyati A.F. Gil'ferdinga (K dvadtsatipyatiletny godovshchine ego smerti) [In memory of A.F. Hilferding (On the twenty-fifth anniversary of his death)]. In: *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 89–98.

40. Pypin, A.N. (1891) *Istoriya russkoj etnografii: v 4 t.* [History of Russian ethnography: in 4 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

41. Savelov, L.M. (ed.) (1914) *Rodoslovnaya kniga dvoryanstva Moskovskoy gubernii* [The genealogical book of the Moscow province nobility]. Moscow: Izdanie Moskovskogo dvoryanstva.

42. Sholkovich, S. (ed.) (1885) *Sbornik statej, raz"yasnyayushchikh pol'skoe delo po otnosheniyu k Zapadnoj Rossii* [Collected articles explaining the Polish case in relation to Western Russia]. Vol. 1. Vilna: A.G. Syrkin.

43. Russia. (1872) *Spisok grazhdanskim chinam chetvertogo klassa* [List of civil ranks of the fourth class]. Corrected on February 1st, 1872. St. Petersburg: The Ruling Senate.

44. Sulyak, S.G. (2022) Evfimy Kryzhanovskij on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie. *Rusin*. 70. pp. 104–147 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/7

45. Sulyak, S.G. (2015) The beginning of Christianization of Carpatho-Dniestrovian Rus'. *Rusin*. 4(42). pp. 267–307 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/19

46. Tyutchev, F.I. (2003) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 6 t.* [Complete works and letters: in 6 vols]. Vol. 2. Moscow: Klassika.

47. Filippov, T.I. (2009) V pamyat' A.F. Gil'ferdinga (Chitano v sobranii SPb. Slavyanskogo Komiteta 14 fevralya 1873 g.) [In memory of A.F. Hilferding (read in the meeting of the St. Petersburg Slavic Committee on February 14, 1873)]. In: Fateev, V.A. (ed.) *Slavyanofil'stvo: pro et contra* [Slavophilism: pro et contra]. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 389–394.

48. Khomyakov, A.S. (1873) *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]. Vol. 4. Moscow: P. Bakhmetev.

49. Chernykh, A.V. (2011) Vklad A.F. Gil'ferdinga v razvitie Otechestvennoj slavistiki [A.F. Hilferding's contribution in the development of Russian Slavic studies]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 4(1). pp. 190–192.

50. Chernykh, A.V. (2017) *Gosudarstvennaya, diplomaticheskaya i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' A.F. Gil'ferdinga (1831–1872)* [State, diplomatic and socio-political activities of A.F. Hilferding (1831–1872)]. Lipetsk: Gravis.

51. Chernykh, A.V. (2021a) *Nauchnaya deyatel'nost' i publitsistika A.F. Gil'ferdinga (1831–1872), posvyashchennye yuzhnyim, zapadnyim i vostochnym slavyanam* [Sci-

entific activity and journalism of A.F. Hilferding (1831–1872), focusing on the southern, western and eastern Slavs]. Elets: Elets State University.

52. Chernykh, A.V. (2021b) *Nauchnaya deyatel'nost' i publitsistika A.F. Gil'ferdinga (1831–1872), posvyashchennye yuzhnyim, zapadnyim i vostochnym slavyanam* [Scientific activity and journalism of A.F. Hilferding (1831–1872), focusing on the southern, western and eastern Slavs]. Elets: Elets State University.

53. Chernykh, A.V. (2012) *Obshchestvenno-politicheskaya i nauchnaya deyatel'nost' A.F. Gil'ferdinga: 1831–1872* [Social, political and scientific activities of A.F. Hilferding: 1831–1872]. History Cand. Diss. Moscow.

54. Yagich, I.V. (1910) *Istoriya slavyanskoy filologii* [History of Slavic philology]. In: Yagich, I.V. (ed.) *Entsiklopediya slavyanskoy filologii* [Encyclopedia of Slavic Philology]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

55. Rieger, F.L. (ed.) (1863) *Slovník naučný*. Díl 3. V Praze: Nakladatel I.L. Kober.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(571)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/9

Профессура, областники и национальные отношения в позднеимперской Сибири*

А.О. Степнов¹, С.А. Некрылов²

Томский государственный университет

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: brothe.numb1@gmail.com

²E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Авторское резюме

Характеризуются взаимоотношения представителей институтов знания и власти в Сибири конца XIX – начала XX в. В историографии нет единого подхода к проблеме отношений власти и знания в императорской России; их специфика зависит от конкретного исторического периода и региона. Существовавшая в сознании столичных сановников угроза «сибирского сепаратизма» в 1887 г. заставила их усомниться в необходимости открытия Императорского Томского университета. Тем не менее молодая профессура, прежде всего университета и технологического института в Томске, поддерживала контакты с идеологами сибирского областничества. Эти контакты нередко компрометировали их. На отдельных учёных известное влияние оказали представления областников о бедственном положении сибирских инородцев под властью русского царя. Нарратив «вымирания» инородцев для профессоров зачастую был средством критики имперской политики в Сибири, способом накопления политического капитала. Современные историки ставят под сомнение этот нарратив, но в исследуемую эпоху он носил априорный характер, подталкивая учёных к не всегда корректным обобщениям особенностей национальных отношений в регионе. Недостаток знаний о действительном положении инородцев в Сибири был существенной предпосылкой становления этого нарратива. Подчеркивается, что тот

* Исследование характера отношений институтов знания и власти в позднеимперской Сибири, влияния этих отношений на историографию, на образ сибирских инородцев в сознании современников осуществлено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-01149, <https://www.rscf.ru/project/23-78-01149/>; исследование влияния национальной политики Российской империи в Сибири на деятельность профессоров Императорского Томского университета выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

же дефицит знаний и компрометирующие контакты с областниками способствовали радикализации образа сибирской профессуры в восприятии власти. Однако это недоверие было порождено отдельными, хотя и наиболее яркими профессорами, талантливыми публицистами и трибунами. Инородцы в восприятии профессуры, подобно профессуре в восприятии чиновников, были закрытым объектом. Данная неопределённость не только повлияла на историографию национальных отношений в Азиатской России, но и манифестировала четкие пределы в сотрудничестве власти и представителей институтов знания в этом регионе поздней имперского периода.

Ключевые слова: Сибирь, отношения власти и знания, инородцы, областники, профессора, национальные отношения

Professors, Oblastniki, and national relations in the late Imperial Siberia*

Aleksei O. Stepnov¹, Sergei A. Nekrylov²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Abstract

The article describes the relations between representatives of educational institutions and authorities in Siberia in the late 19th – early 20th centuries. There is no single approach to the problem of relations between power and knowledge in Imperial Russia; their specificity depends on the historical period and region. The threat of “Siberian separatism” in the minds of metropolitan officials in 1887 made them doubt the need to open Imperial Tomsk University. Nevertheless, young professors at the University and Technological Institute in Tomsk maintained discreditable contacts with the ideologists of Siberian Oblastnichestvo. Some scientists were well influenced by the ideas of Oblastniki about the plight of Siberian non-Russians under the rule of

* The study of the relations between the institutions of knowledge and power in the late imperial Siberia, the influence of these relations on historiography, on the image of Siberian non-Russians in the minds of contemporaries is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-78-01149, <https://www.rscf.ru/project/23-78-01149/>; the study of the influence of the national policy of the Russian Empire in Siberia on the activities of professors at the Imperial Tomsk University is supported by the Development Program of Tomsk State University (Priority 2030).

the Russian Tsar. The professors used the “extinction” narrative to criticize the imperial policies in Siberia and accumulate their political capital. Though modern historians cast doubt on this narrative, it was seen as a priori in the period under study, which pushed scholars to incorrect generalizations about the national relations in the region. The narrative of extinction developed mainly due to the lack of knowledge about the actual situation with non-Russians in Siberia. Together with discrediting contacts with Oblastniki, it contributed much to the radicalized image of Siberian professoriate. However, this mistrust was generated by individual, yet the most brilliant professors, talented publicists and spokesmen. The professors viewed non-Russians as a closed object, just like officials viewed professors themselves. This uncertainty influenced the historiography of national relations in Asian Russia and demonstrated the limits in the cooperation between the authorities and representatives of educational institutions in Siberia of the late imperial period.

Keywords: Siberia, relations of power and knowledge, non-Russians, Oblastniki, professors, national relations

Одна из актуальных проблем современной историографии связана со спецификой отношений власти и знания в императорской России. Рассуждая о политике позднеимперской России на восточных окраинах, А.В. Ремнёв отмечал, что её государственные деятели зачастую не останавливались перед сотрудничеством с образованными политическими ссыльными [23: 26–27]. Но границы этого сотрудничества кажутся очень четкими. Тезис, в своё время выдвинутый Н. Найтом [36], убеждает в том, что русский интеллигент, в отличие от своего западного коллеги, так и не стал надёжным союзником власти в государственном творчестве, нацеленном на создание иерархической композиции национального ядра империи и её колониальной периферии. Не переоценивал масштаб и последствия названного сотрудничества и сам Ремнёв. Хотя бескомпромиссность тезиса Найта была смягчена возражениями оппонентов [10; 35; 39], проблема себя не исчерпала – у нас всё ещё нет достаточных оснований для обобщения всего разнообразия отношений власти и знания, порожденных опытом императорской России в кавказском, волго-уральском, центрально-азиатском, сибирском и дальневосточном регионах.

В 1897 г. русские собеседники путешествовавшего по Сибири французского слависта Ж. Легра охарактеризовали местных старожилов фразой «Они ничего не уважают». Легра отмечал в дневнике: «Такая общность взглядов между ними и мной поразительна... Оно (выражение “Они ничего не уважают”. – А.С., С.Н.) отражает всю разницу в моральном восприятии русского и сибиряка. Этот последний,

привыкший жить один в глубине лесов, защищаясь против враждебной природы, против зверья, против воров, против представителей администрации, тем менее совестливых, чем дальше они находятся от надзора вышестоящих чиновников, привык рассчитывать только на самого себя. Сибирский крестьянин – страшный эгоист, и для него зачастую не существует ни Бога, ни закона, ни обычаев, ни традиций: “он ничего не уважает”» [5: 123]. Потребовалось немного времени, чтобы Легра изменил свое мнение, когда один из таких сибиряков выразил готовность пожертвовать своей скромной снедью, чтобы отблагодарить француза за ничтожную услугу. Легра признавался после этого: «Представление о них входит в совершенное противоречие с впечатлением, которое у меня сложилось об их соотечественниках (сибиряках. – А.С., С.Н.)...» [5: 125].

Образ «страшного эгоиста», который оборачивается своей противоположностью, является в высшей степени характерным для сибирского пространства в целом. Та же амбивалентность прослеживается в образах различных этнических групп региона, в коллективном портрете его интеллигенции – областнической и университетской. Представления о межэтническом ландшафте позднеимперской Сибири связаны с историей её интеллигенции: из трудов последних мы нередко черпаем эти представления. Образы сибирских инородцев были отмечены дихотомией процветание/вымирание. И образ интеллигенции подчас кажется раздвоенным: с одной стороны, в эпоху освоения Сибири она была опорой для власти, а с другой – её оппонентом и, больше того, недругом. Данная двойственность объединяет областников и профессоров, однако в своих отношениях две эти группы выдерживали известную дистанцию, обусловленную предысторией открытия в 1888 г. первого в Азиатской России университета.

Идеологи сибирского областничества ещё с 1860-х гг. пропагандировали идею создания в Сибири университета. Впрочем, сам замысел впервые возник в начале XIX в. Н.М. Ядринцев в 1874 г. в беседах с Н.Г. Казнаковым (с 1875 г. – генерал-губернатор Западной Сибири) призывал его с должным вниманием отнестись к этому начинанию. 25 апреля 1875 г. ходатайство Казнакова об открытии первого сибирского университета было благосклонно принято Александром II. В 1878 г. император учредил сибирский университет, и проект вступил в стадию длительной реализации.

Ядринцев сыграл определённую роль в выборе города для строительства университета – Томска. Не входящий в высшие государственные круги, он стремился участвовать в создании университета через продлившуюся с 1876 по 1882 г. переписку с устройтелем Императорского Томского университета (ИТУ), попечителем Запад-

но-Сибирского учебного округа (ЗСУО) В.М. Флоринским. Ядринцеву не удалось присутствовать на состоявшейся в Томске 26 августа 1880 г. торжественной церемонии закладки университета. В письме Флоринскому от 22 октября того года он выразил надежду, что собираемые им в ходе экспедиции на Алтай материалы «составят достояние музеев университета» [12: 156 об.]. В те дни Ядринцев строит планы по созданию «научно-литературного органа» в Томске, составляет археологические и этнографические, «включая, конечно, и инородцев», альбомы и ждет открытия университета – «источника и оградителя духовной жизни близкого нам края» [15: б.л.].

Мы не обнаружили ответных писем Флоринского, но кажется очевидным, что начинания Ядринцева не встретили его сочувствия. В своих воспоминаниях Флоринский признавался, что никаких альбомов и коллекций от Ядринцева так и не получил, а идею о создании «научно-литературного органа» отверг: «...я откровенно ответил, что, познакомившись с составом томской интеллигенции, нахожу подобное предприятие преждевременным и едва посильным» [29: 102]. В письме Флоринскому от 19 мая 1881 г. Ядринцев сетовал на то, что последователю сибирского областничества А.В. Адрианову «препятствуют» в его инициативах собрать геологическую коллекцию для музеев строившегося ИТУ. Ядринцев отмечал в том письме: «Если так дело пойдет, будет весьма грустно. Создание университета будет вялое, анархичное, без участия местных лучших сил и патриотов края. Интеллигенция края гонится, и её услуги не нужны» [15: б.л.]. На последнее письмо Ядринцева, написанное 29 октября 1882 г., Флоринский не ответил [29: 103].

25 января 1886 г. на страницах «Московских ведомостей» было напечатано анонимное письмо, в котором сообщалось о тревожных признаках развития «сибирского патриотизма», о поддержке сепаратистских течений финансируемой местными купцами сибирской прессой (газетами «Восточное обозрение», «Сибирь», «Сибирская газета»), о пагубной влиятельности в регионе нигилистов и социалистов. Одним из читателей этого номера был К.П. Победоносцев; вскоре он переслал его императору, и тот усомнился в своевременности открытия университета в Томске [22: 66, 67, 74, 75]. На этом фоне 11 февраля 1887 г. состоялось особое совещание, на котором Флоринскому и министру внутренних дел Д.А. Толстому стоило немалых усилий отстоять идею открытия ИТУ, в составе, правда, только одного медицинского факультета. «Дело о сибирском сепаратизме» 1865 г. сохранилось в памяти чиновников. В сочетании с названным письмом в «Московских ведомостях» это воспоминание наверняка производило особый эффект: по свидетельству Флоринского, Побе-

доносцев на совещании предрекал, что сибирский университет станет «центром социализма» [13: 17].

В таких условиях трудно было помышлять о допуске областников в число профессоров и прочих членов преподавательского состава ИТУ: ни Ядринцев, ни Адрианов, ни даже легендарный Г.Н. Потанин так и не стали частью университетского сообщества Сибири. Не было их и среди профессоров учрежденного в 1896 г. Томского технологического института (ТТИ), основанного в 1899 г. Восточного института во Владивостоке, открытых в 1910 г. Сибирских высших женских курсов.

22 июля 1888 г., в день открытия Томского университета, в своей речи Флоринский подчеркнул: «Национальное самосознание, как плод духовной возмужалости русского народа, как залог самостоятельности русской мысли и русской науки, должно лечь в основу нашего учебного заведения» [24: 266–267]. Об областниках Флоринский не обмолвился ни словом, а в своих воспоминаниях с видимым скепсисом высказывался о «сибирских патриотах», о мифологизированной причастности областников к созданию Томского университета.

В трудах классиков теории наций и национализма начальная стадия зарождения национального самосознания традиционно связывается с университетами. Думается, что «битва» за университет в Сибири объяснялась прежде всего теми дивидендами, на которые рассчитывали стороны этого противостояния с их различными видениями национального будущего Сибири. Исход противостояния был неочевиден; понадобилась воля такого человека, как Флоринский, чтобы пройти между Сциллой сопротивления петербургских чиновников и Харибдой (предположительно) предосудительных устремлений областников. Нужно ли добавлять, что на всякого сибирского профессора, осмелившегося поддерживать отношения с областниками, впрямь падала тень подозрения.

Всё же местная профессура не избегала контактов с областниками. В.А. Обручев, первый декан горного отделения ТТИ, до приезда в Томск работал в Восточной Сибири и в первой половине 1890-х гг. участвовал в организованной Г.Н. Потаниным экспедиции в Монголию. В последующем их близкое знакомство продолжилось, несмотря на известные риски, которые возникали для Обручева [6: 87], и без того отмеченного подозрением попечителя ЗСУО Л.И. Лаврентьева. Один из первых профессоров открытого в 1898 г. юридического факультета ИТУ, историк русского права И.А. Малиновский, в 1913 г. вынужденный по решению министра народного просвещения Л.А. Кассо перейти на работу в Варшавский университет, перед отъездом сделал прощальный коллективный снимок – в компании с Потаниным и братьями П.И. и А.И. Макушиными [8: 325]. Томский меценат и просветитель

П.И. Макушин с 1881 г. был издателем «Сибирской газеты», закрытой в 1888 г. по инициативе Флоринского. Эта газета была упомянута в скандальной публикации «Московских ведомостей» 1886 г. Компания братьев Макушиных, Потанина и Малиновского была объединена совместной работой в другой «оппозиционной» газете – «Сибирская жизнь». Малиновский одно время был её редактором.

Сибирь стала своего рода «идеологией» для местной профессуры. Неудивительно, что патриарх сибирских исследований Потанин стал символом этой «идеологии»; авторитет его был незыблем. В компании Потанина сибирские профессора в 1902 г. праздновали очередную годовщину присоединения Сибири к России. На торжествах, кроме Малиновского, присутствовали ординарный профессор кафедры ботаники ИТУ В.В. Сапожников и вскоре уволенный из университета, а затем заслуживший репутацию своеобразного диссидента, экстраординарный профессор по кафедре государственного права ИТУ М.А. Рейснер [9: 67]. Доклады всех участников были связаны с сибирской тематикой – интегральной частью научной деятельности первых сибирских профессоров.

25 мая 1907 г. в квартире В.В. Сапожникова, тогда ректора ИТУ, собрались И.А. Малиновский и В.А. Обручев, директор ТТИ Е.Л. Зубашев, профессора этого института П.А. Казанский и М.Э. Янишевский; присутствовали и Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов, а также Н.Я. Новомбергский, с 1906 г. – приват-доцент, а с 1911 г. – ординарный профессор по кафедре полицейского права ИТУ. В тот день участники собрания приняли решение об открытии «особого Общества изучения Сибири» [25] (головной отдел Общества изучения Сибири и улучшения её быта был создан в 1908 г. в Петербурге), деятельность которого началась только в 1909 г. Председателем этого общества был Потанин, его членами – также областники П.М. Головачев и П.В. Вологодский.

21 марта 1910 г. профессор Сапожников в здании Томского общественного собрания принимал поздравления коллег по случаю 25-летия своей научно-педагогической деятельности. Празднование началось с речи Потанина; он поставил Сапожникова в один ряд с Палласом, Максимовичем и Гmeliным [9: 27, 28]. В 1916 г., по случаю состоявшегося годом ранее 80-летия Потанина, Обручев посвятил ему очерк, опубликованный отдельным изданием [19]. В нем внимание уделено преимущественно научной и, в частности, экспедиционной деятельности юбиляра; мало было сказано об общественно-политическом амплуа Потанина. Более пространный текст Обручев посвятил своему именитому коллеге в дальнейшем, уже в советское время. Так Обручев писал о периоде обучения Потанина в Сибирском кадетском корпусе (Омск): «Хотя корпус был закрытым учебным заведением,

но, как упоминалось, сношения с внешним миром у кадетов были... Постепенно у некоторых кадетов стал оформляться горячий протест против вопиющего факта пребывания в крепостной кабале русского крестьянства и против колониальной политики русского царизма в Сибири, обрекавшей на вымирание местные национальности, именовавшиеся «инородцами» [18: 24].

Инородческий вопрос действительно занимал Потанина и областников в целом. В литературе устоялось мнение о том, что нарратив «вымирания» инородцев был создан областнической интеллигенцией; он был ценен как солидный аргумент в пользу колониального положения Сибири в составе Российской империи [11: 148; 26: 204]. Считается, что наиболее полемично это положение сформулировано в трудах Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, И.И. Серебrenникова, П.М. Головачева [26: 205], хотя авторитетный М.В. Шиловский более сдержанно оценивает взгляды областников на инородческий вопрос [32: 102–106].

С одной стороны, данное противоречие может быть объяснено разницей стилистики в публицистических и научных трудах областнической интеллигенции. С другой стороны, мы видим элементы этого нарратива («бедственное положение аборигенов», «грабёж со стороны купцов и промышленников», «племена, обречённые на смерть» и т. д.) также и в научных работах. Так или иначе, нарратив «вымирания» инородцев, даже и не столь однозначно находящий отражение при вдумчивом прочтении трудов областников, был частью нечто большего, чем действительность, – он был частью представлений об этой действительности и представлений об областниках. Этими представлениями современники обменивались между собой, эти представления наложили отпечаток на историографию, эти представления затронули и сибирских профессоров.

В 1895 г. в Тобольске состоялось заседание Физико-медицинского общества, на котором выступил профессор медицины А.И. Якобий; его доклад был посвящён «угасанию инородческих племён». В обзоре доклада отмечалось: «Факт вымирания инородцев по Якобию не подлежит сомнению. То же самое засвидетельствовано было путешественниками ещё прошлого столетия, каковы Гмелин, Паллас... Факт угасания, по профессору, выражается в количественном уменьшении инородцев и в падении их благосостояния. Со времени появления русских в пределах инородческих обитаний начинают уменьшаться промыслы инородцев, сокращается улов зверя и рыбы, падает кедровый промысел, и инородцы беднеют и подвергаются вымиранию» [21]. Разумеется, в своём исследовании профессор использовал материалы изданной в 1891 г. книги Н.М. Ядринцева «Сибирские инородцы, их

быт и современное положение». Как видно, газетная заметка апеллирует к картине региона в целом после присоединения к России, между тем исследования Якобия касались отдельных народов Севера.

Начиная с XVIII в., русские учёные-путешественники, встречавшиеся с коренными народами Сибири, описывали их под влиянием философии Просвещения. Иерархия народов, европоцентристские представления о стадийном развитии заставляли учёных верить в то, что «диким» народам ещё предстояло дорасти до ступени цивилизации и стать частью имперского народа [37: 59–60; 38: 174]. Эти представления нашли отражение и в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. В XIX в., с ростом популярности учения Дарвина, акценты зачастую расставлялись иначе, и предложенные английским биологом законы создавали другую оптику восприятия судьбы инородцев. Так, например, в газетной заметке описывалось содержание доклада Якобия: «Их (инородцев. – А.С., С.Н.) сравнительно меньшая приспособленность к жизни делает то, что, входя в соприкосновение с более культурными народами, они подвергаются процессу угасания, вымирания. Здесь наблюдается та же борьба за существование и результаты её, какая имеет место во всем животном и растительном мире». И далее: «Инородец дик, прост и непосредствен, русский же, входящий с ним в соприкосновение, культурен лишь настолько, чтобы приспособиться к жизни и извлекать материальные выгоды из всего существующего, не рассуждая, животное ли это, растение или же объект неорганической природы» [21]. Действительно, в своём труде Якобий подчёркивал: «Если сопоставим, в общем и в деталях, приведённые факты угасания видов животных по закону зоологической борьбы за существование с фактами угасания инородческих племён, ясно, что процесс угасания инородческих племён есть частный случай зоологического закона борьбы за существование, его отживающий отсвет в истории культуры людей» [33: 15]. В другой своей работе Якобий зафиксировал это нарождавшееся противоречие между прогрессивными перспективами ассимиляции и социал-дарвинистским синдромом: «Инородческое население Тобольского севера вековым опытом приспособилось к условиям страны, живет мирным слоем полукочевой, полубродячей жизни, несомненно вступило на путь обрусения, желательный с точки зрения государства, и управляется милостивым законом империи, для него изданным. Казалось бы, всё благополучно, а между тем все главные четыре инородческих промысла с каждым годом приходят в больший и больший упадок, а население беднеет и дает признаки угасания» [34: 38]. Данное противоречие требовало объяснения; этим объяснением стал названный нарратив «вымирания» со всеми присущими ему элементами; зача-

стью этот нарратив носил априорный характер – сквозь его призму учёные наблюдали за инородцами и прогнозировали их будущее.

Свою посвящённую гилякам публикацию на страницах «Сибирской жизни» в 1904 г. Н.Я. Новомбергский предварил словами: «По общим отзывам исследователей жизнь ссыльного населения представляет здесь тягостную картину нищеты и неустройства. Ещё в худшем положении находятся инородцы – эти первые насельщики острова» [16]. Ссылка на «общие отзывы» выглядит в статье Новомбергского не совсем убедительной, тем более, что из его исследования трудно понять причины и детали «худшего положения» коренных народов Сахалина.

В 1901–1902 гг. Новомбергский служил мировым судьёй 3-го участка Владивостокского суда. Тогда он собирал свои наблюдения об инородцах российского Дальнего Востока. Эти наблюдения легли в основу его книги «Остров Сахалин», после издания которой в 1903 г. Новомбергскому было временно запрещено замещать государственные должности [20: 180]. Не обошёл стороной Новомбергский в своей книге и инородческий вопрос. «Инородцы вымирают» [17: 162], – отмечал он. Новомбергский не привел ссылку на источник, позволявший подтвердить эту динамику¹. Кажется, однако, что учёного не удивила тенденция «вымирания» – он определённо ожидал ее обнаружить: «Иначе и быть не могло: рыболовные участки у них (гиляков. – А.С., С.Н.) отняла тюрьма, охоту на зверя подорвали поселенцы, при этом водка и эксплуатация на каждом шагу. Что касается айнов, населяющих южный Сахалин, то они, как передавал господин Фелицын, приходили ещё в 1875 г. в пост Корсаковский с просьбой помочь им дать работы, дать картофельных семян. Начальство на эти просьбы не обратило внимание, и айны стали переселяться в Японию на остр. Матсмай. И вот те самые японцы, от ига которого спасал айнов г. Невельской, заводят для них в Санпоро и Хакодате школы, больницы, оспопрививальные, поощряют огородничество и скотоводство. Если бы завоеватель был в состоянии прозреть, с какой стороны грозит инородцам рабство, быть может, он не приложил бы своей руки к этому губительному процессу» [17: 162–163]. До передачи южной части Сахалина Японии по условиям Портсмутского мирного договора оставалось всего несколько лет.

Н.Я. Новомбергский, изучая жизнь на Сахалине, шёл по следам своего великого предшественника – А.П. Чехова, посетившего этот остров в 1890 г. В очерке писателя мы встречаем более скептическое отношение к цифрам, отражающим динамику численности обитавших на севере Сахалина гиляков. Чехов замечает, что данные «Ведомостей о числе инородцев», согласно которым в 1889 г. гиляков осталось

всего 320, составлялись «канцеляристами, не имеющими ни научной, ни практической подготовки и даже не вооруженными никакими инструкциями». Не будучи профессиональным этнографом, Чехов проявил присущую большому писателю чуткость и наблюдательность, когда установил связь между менталитетом гиляков и особенностями сбора информации об их численности: «...делается это (сбор сведений о численности. – А.С., С.Н.), конечно, начальническим тоном, грубо, с досадой, между тем как деликатность гиляков, их этикет, не допускающий высокомерного и властного отношения к людям, их отвращение к всякого рода переписям и регистрациям требуют особого искусства в обращении с ними» [30: 208].

Однако было бы заблуждением считать, что Чехов избежал влияния априорных нарративов при восприятии сибирских инородцев. Об этом можно судить со слов писателя из его очерка: «Численный состав айно, живущих на Сахалине, не определён точно, но не подлежит сомнению, все-таки, что племя это исчезает, и, притом, с необыкновенною быстротой» [30: 278]. Всё же объяснения этого «исчезновения» эпидемиями Чехов убедительными не находил; скорее он предполагал, что уменьшение числа селений и численности айнов могло быть связано с их миграциями на соседние острова [30: 280]. Гипотеза о переселении айнов на Матсмай (Мацумаэ), таким образом, признавалась достоверной как Чеховым, так и Новомбергским; разница состояла лишь в оценке влияния на этот процесс русских «завоевателей». Чехов подчеркивал, что о разного рода «притеснениях и обидах» (убийства, нанесения увечий, «покушение на целомудрие») айнов со стороны русских «говорят как об отдельных и в высшей степени редких случаях» [30: 280].

Сомнение в особенностях сбора и, главное, анализа причин изменения численности инородцев, кажется, более должен быть присущ учёному, чем писателю. В действительности, в данном случае, мы видим обратное. Чехов рассуждал: «...как велико это уменьшение (гиляков. – А.С., С.Н.)? От чего оно происходит? ...За неимением надёжных цифровых данных наши толки о губительном влиянии русского нашествия основаны на одних лишь аналогиях и очень возможно, что влияние это до сих пор было ничтожно, равно почти нулю...» [30: 208].

М.В. Шиловский, рассуждая о ранних областниках, справедливо отмечал, что решение инородческой проблемы было отягощено недостатком статистических сведений и этнографических исследований [32: 47]. Данная проблема, в общем, сохраняла свою остроту и на рубеже XIX–XX вв. Сибирская интеллигенция, профессора и областники оказались в своего рода замкнутом круге: вопросы будущего края зависели от его научной картины, а научная картина, находившаяся

ещё только в стадии становления, пускай и динамичного, в свою очередь, нагружалась представлениями об этой будущности и не в последнюю очередь политическими устремлениями интеллигенции – создателей этой картины. Вопрос о том, какой быть Сибири в будущем, вращался и становился органичной частью вопроса о том, какой она является в настоящем. Тревожная неопределённость будущего стала неопределённостью настоящего, а мир Сибири, который был так близок к героям нашего исследования, оказывался разорванным между противоречивыми образами, далекими от однозначности, объективности. Складывается впечатление, что этот образ неподвластен рациональному восприятию; эти противоречия наложили свой отпечаток и на советскую и постсоветскую историографию.

Исследователи истории медицины в Сибири Н.П. Федотов и Г.И. Мендрина ссылаются на «большинство дореволюционных авторов» (в т. ч. на областников), делая вывод о «неблагоприятных демографических процессах», характерных для кочевых народов и этносов, занимавшихся охотой, собирательством и рыболовством. Не делают, впрочем, авторы исключения и для оседлых народов. Трагической в их монографии выглядит судьба хантов, селькупов, манси (вогулов), ненцев и т. д. Говоря о самых многочисленных коренных народах Сибири – бурятах и якутах (о которых трудно было сказать, что они вымирают) – Федотов и Мендрина отмечают, что «если обычно население в стране удваивается в течение 50 лет, то в Якутии и Бурятии на это потребовалось 100 лет» [28: 20]. Однако современная историография оперирует данными о том, что с 1816 по 1897 г. численность коренного населения Сибири увеличилась с 220 до 413 тыс. душ мужского пола (на 87,7 %). За то же время доля пришлого населения увеличилась на 354,8 %, а удельный вес аборигенного населения в общей численности населения Сибири снизился с 25 % в 1816 г. до 15 % в 1897 г. (данные приведены по: [3: 113]). Растворение в массе русских переселенцев только создавало иллюзию деградации и ущемлений. Между тем инородцы в это время были органичной частью сибирского социума [31]. Разумеется, эти данные противоречат нарративу «вымирания» инородцев и подтверждают его во многом априорный характер в трудах не только областников, но и отдельных представителей сибирской профессуры.

Противоречие между двумя историографическими нарративами является лишь кажущимся и исчезает при дифференцированном подходе. Некоторые коренные народы Сибири действительно уменьшались в численности в императорский период (ительмены, юагиры, эвенки, кеты, манси (вогулы)). Вместе с тем это критически не повлияло на инородческое население в целом, а темпы прироста

русских и аборигенов Сибири XVII – начала XX в. были приблизительно – 1,5–2 % [11: 148]. Учитываются теперь при оценке демографической динамики инородцев (на что в свое время обратил внимание Чехов) и миграционные и ассимиляционные процессы.

Было бы, однако, заблуждением думать, что все современники однозначно воспринимали нарратив «вымирания» инородцев, и Чехов здесь является не единственным исключением. Так, В.М. Флоринский отмечал: «В русской прессе нередко высказывались предположения, что наши северные инородцы некогда были многочисленны и могучи, но теперь они быстро вымирают под влиянием господствующего над ними племени. В таком мнении, очевидно, кроется историческая ошибка. Какова была численность и сила финских народностей Северной Сибири до эпохи русского владения, об этом не сохранилось достаточных исторических данных. Но мы знаем, что в начале XVII в. горсть русских казаков была в состоянии почти беспрепятственно подчинить себе всю обширнейшую сибирскую территорию вплоть до Камчатки и Берингова моря. Это показывает, что северные инородцы были в то время далеко не многочисленны, а культурный уровень их стоял так же низко, как и ныне. Из этого следует заключить, что вымирание, или, точнее сказать, крайне медленное размножение, северных финских племён не имеет непосредственной связи с влиянием русской культуры. Крайне медленный прирост их естественно приписать суровому климату страны и низкому уровню развития её исконных обитателей. При таких неблагоприятных условиях скорее надобно удивляться тому, как северные инородцы могли поддерживать здесь свой род в течение целых тысячелетий, а не тому, что размножение их почти не двигается вперёд» [29: 138]. Сравним эти слова с текстом И.А. Малиновского: «Под влиянием соприкосновения с русским населением некоторые инородцы совершенно исчезли; некоторые – удаленные от этой колонны русского населения, сохранили свою этнографическую чистоту» [7: 63].

Метафора «чистоты» точно характеризует этнический ландшафт позднеимперской Сибири, в которой эта «чистота» (на этот раз как неизведанность) нарушалась зачастую не самыми приятными для самодержавного центра сведениями. Эта была своего рода метонимия – название трагедией одного этноса судьбы всех сибирских инородцев. Частные и, безусловно, имевшие место трагедии транслировались на весь регион в ходе обобщений и допущений, и эти общие представления, в свою очередь, тенью падали на частные случаи – фрагменты неизведанного этнического ландшафта региона. Так, например, Н.Я. Новомбергский писал об очередной ярмарке в Тобольской губернии: «Мы не знаем, чем кончилась эта ярмарка:

выгодно ли инородцы ликвидировали свою добычу, с большим-ли барышом покупали капиталисты, но эти ярмарки так похожи одна на другую, что можно безошибочно допустить мысль о прежних выгодах одних и потерях других... Здесь тоже были битвы, но нет следов крови, не видно трупов» [4: 305].

Справедливыми будут указания на то, что и наши примеры недостаточны для того, чтобы судить о сибирских профессорах в целом. Аналогично, как мы убедились ранее, возникают затруднения с оценкой взглядов областников на инородческий вопрос, их роли в становлении нарратива «вымирания». Однако интеллектуальное сообщество Сибири было тесным в рассматриваемый период. В условиях дефицита работ, содержащих сведения об инородцах, каждая из них неизменно притягивала к себе внимание и вызывала резонанс. Профессора, близкие к областническим кругам и очевидно испытывавшие влияние областнической идеологии, были яркими публицистами и талантливыми трибунами. В иных условиях из них наверняка получились бы блистательные публичные политики. И.А. Малиновский в 1905 г. был одним из организаторов томского отделения партии «Народной свободы»; в 1907 г. он выдвинут кандидатом в депутаты 3-й Государственной думы. Малиновский был одним из тех популярных профессоров, которых студенты после благотворительных вечеров приглашали с просьбой выступить перед ними [8: 333]. Н.Я. Новомбергский запомнился учащейся молодежи «своим красноречием и сочностью речи, пересыпанной цитатами из художественной литературы» [2: 406]. Ему так и не удалось сделать государственную карьеру при старом режиме; в послереволюционное время он избирался в Сибирскую областную думу, был товарищем министра туземных дел во Временном Сибирском правительстве и товарищем министра внутренних дел в Российском правительстве Колчака. Так описал в своих воспоминаниях Новомбергского студент Л.В. Арнольдов: «...высокий, бритый и красивый, в традиционном сюртуке, человек, который в условиях парламентского строя непременно сделал бы карьеру народного трибуна...» [1: 97].

И Малиновский, и Новомбергский нередко читали публичные лекции в сибирских городах. Объединяет их и то, что оба прошли этап профессиональной социализации на западных окраинах Российской империи. Уроженец Волынской губернии Малиновский был выпускником Императорского университета Святого Владимира (Киевского), а Новомбергский окончил Варшавский университет, после чего некоторое время прослужил в Варшавской губернии. По всей видимости, это сыграло определённую роль в том обострении

национального вопроса, которое допускалось ими уже в сибирский период их жизни.

Сибирские профессора не добились зачастую желаемого представительства во власти или даже существенного влияния на нее. Парадоксальным образом использование инородческого вопроса как инструмента накопления политического капитала только отдаляло и профессоров, и областников от возможности прикоснуться к власти. В 1892 г. В.М. Флоринский сделал запись в своём дневнике: «Меня занимает вопрос: с какой целью распускаются такие бредни о наших инородцах, являющихся как бы жертвой русской эксплуатации? Думается мне, что дурную славу о русском правительстве и народе распускают наши недруги, – те люди, которым хотелось бы видеть Россию в модном европейском наряде и унизить всё, что ещё у нас коренного русского» [14: 41].

Та напряжённая атмосфера, в которой в 1887 г. решалась судьба первого сибирского университета, во многом определила курс его развития в дальнейшем. Зачастую одержимые конспирологическими ожиданиями чиновники не могли допустить и мысли об открытии дверей высших учебных заведений перед областниками; но они были не в состоянии запретить контакты молодой сибирской профессуры с областнической интеллигенцией. Между тем, как видно из процитированной записи того же Флоринского, нарратив «вымирания» инородцев витал в воздухе позднеимперской Сибири. Он же впитался в ткань публицистических и научных трудов не только областников, но и некоторых профессоров. Будучи априорным, этот нарратив стал угрозой той миссии, которую предусматривал Флоринский для Томского университета как оплота русской нации и русского национального самосознания.

Сами чиновники оказались в ловушке другой априорности – представления о радикальных политических намерениях учёных. В.М. Флоринский, а затем и его преемники в должности попечителя ЗСУО А.И. Судаков и Л.И. Лаврентьев не всегда обладали достоверными источниками о настроениях и намерениях учёных – последние научились тщательно скрывать свою повседневность, несмотря на доносы, осведомителей и перлюстрацию (подробнее об этом авторы статьи пишут в: [27]). Но знание заменили пессимистические ожидания: сообщество сибирских профессоров для чиновников стало приблизительно тем же, что инородцы были для сибирских профессоров – закрытым объектом, чей образ зачастую был оторван от аутентичного прототипа. Априорно отражённый в трудах и речах ярких учёных нарратив «вымирания» инородцев мог быть приписан намерениям и убеждениям профессуры в целом. Между тем в трудах

других учёных, исследовавших инородцев Сибири, этот нарратив мог отсутствовать, а о том, находил ли он сочувствие среди большинства интеллектуалов, мы просто не знаем и вряд ли когда-либо сможем узнать. Не знали об этом и чиновники, хотя сами они, по всей видимости, зачастую были убеждены в обратном, не замечая несовершенств коммуникационной среды их взаимодействия с профессурой. Это была тоже своего рода метонимия – название бескомпромиссностью отдельных профессоров сообщества всех сибирских профессоров.

Н. Найт оперировал случаем В.В. Григорьева для того, чтобы показать границы применения понятия «ориентализм» к истории Российской империи; его оппонент А. Халид использовал другой пример (Н.И. Ильминского) для того, чтобы усомниться в этом. Учёные в Сибири, несмотря на свой часто радикальный подход к вопросу об инородцах и о колониальном статусе Зауралья, получали предложения о сотрудничестве с властью и нередко охотно их принимали, выполняя задания сибирских губернаторов, различных министерств, Переселенческого управления, Горного департамента, Кабинета Его Императорского Величества. В глазах власти ставка на единое и неразрывное с Россией национальное будущее Сибири была слишком высока, чтобы расширить эти отношения до партнерских, ведь всего лишь один учёный, усомнившийся в господствовавшем во власти взгляде на национальный ландшафт региона, делал усомнившимися в этом всех учёных. Дилемма между Григорьевым и Ильминским оказывается ложной в условиях совмещения в образе сибирского профессора двух амплуа – союзника и «недруга» власти, а в образе коренного населения региона двух нарративов – процветания и вымирания.

Примечания

1. Данные о численности гиляков Н.Я. Новомбергский приводит со ссылкой на работу Н.К. Бошняка – 3 270 душ обоего пола (Бошняк К.Н. Экспедиция в Приамурский край // Морской сборник. 1858. № 13. С. 189). Между тем данные о численности гиляков спустя 40 лет после этого (2 тыс. душ) приведены без ссылки на источник (см.: [17: 162]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольдов Л.В. Жизнь и революция. Шанхай: Книгоиздательство А.П. Малыш и В.П. Камкина, 1935. 278 с.

2. Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 368–406.

3. Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 456 с.
4. К вопросу о северных инородцах Тобольской губернии // Новомбергский Н. По Сибири. Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию и сельскому хозяйству. СПб.: Типография Дома призрения малолетних бедных, 1903. С. 304–326.
5. Легра Ж. В Сибири [Дневник французского путешественника. 1897]. Тюмень; Томск: Изд-во ТГУ, 2021. 348 с.
6. Лозовский И.Т. В.А. Обручев в Томске. Томск: Изд-во НТЛ, 2000. 180 с.
7. Малиновский И. Лекции по истории русского права. Вып. II: История государственного права. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 437 с.
8. Малиновский И.А. Маруся и дети. Воспоминания // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 286–340.
9. Меркулов С.А. Профессор Томского университета Василий Васильевич Сапожников (1861–1924). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 128 с.
10. Миллер А.И. Российская империя, ориентализм и процессы формирования нации в Поволжье // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 393–406.
11. Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.
12. Национальный музей республики Татарстан. Отдел хранения изобразительных и документальных источников (НМРТ. ОХИДИ). Ед. хр. КППи-117959/822.
13. НМРТ. ОХИДИ. Ед. хр. КППи-117959/106.
14. НМРТ. ОХИДИ. Ед. хр. КППи-117959/109.
15. НМРТ. ОХИДИ. Ед. хр. КППи-117959/811.
16. Новомбергский Н. Инородцы острова Сахалина // Сибирская жизнь. 1904. 11 марта.
17. Новомбергский Н. Остров Сахалин. СПб.: Типография Дома призрения малолетних бедных, 1903. 251 с.
18. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 288 с.
19. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин: краткий очерк его жизни и деятельности. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерев и К°, 1916. 23 с.
20. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.
21. Прошлое и настоящее Сибири // Томский листок. Томск. 1895. 11 июня.
22. Ремнёв А.В. Михаил Никифорович Катков в поисках «сибирского сепаратизма» // Личность в истории Сибири XVIII–XX вв.: сб. биографических очерков. Новосибирск: Сова, 2007. С. 64–80.

23. *Ремнёв А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
24. Речь, произнесённая при открытии Императорского Томского университета, 22 июля 1888 г. // Статьи и речи Василия Марковича Флоринского. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1903. С. 263–269.
25. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1907. 26 мая.
26. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
27. *Степнов А.О., Некрылов С.А.* Университетская профессура и чиновничество позднеимперской России: к проблеме отношений (на материалах по истории Императорского Томского университета) // Былые годы. 2022. № 17 (3). С. 1301–1312.
28. *Федотов Н.П., Мендрин Г.И.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 260 с.
29. *Флоринский В.М.* Заметки и воспоминания. 1875–1880 // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 13–229.
30. *Чехов А.* Остров Сахалин (из путевых заметок). М.: Типо-литография Высочайше утвержденного Товарищества И.Н. Кушерева и К°, 1895. 520 с.
31. *Шерстова Л.И.* Тюркоязычное население Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.: административное устройства и этноконфессиональные процессы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 108–110.
32. *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск: Сова, 2008. 270 с.
33. *Якобий А.И.* Угасание инородческих племён Севера. СПб.: Типография Дома призрения малолетних бедных, 1893. 68 с.
34. *Якобий А.И.* Угасание инородческих племён Тобольского севера. СПб.: б.и., 1900. 38 с.
35. *Khalid A.* Russian History and the Debate over Orientalism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1, № 4. P. 691–700.
36. *Knight N.* Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59, № 1. P. 74–100.
37. *Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca; London: Cornell University Press, 1994. 456 p.
38. *Slocum J.W.* Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // *Russian Review*. 1998. Vol. 57, № 2. P. 173–190.
39. *Todorova M.* Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1, № 4. P. 717–728.

REFERENCES

1. Arnoldov, L.V. (1935) *Zhizn' i revolyutsiya* [Life and Revolution]. Shanghai: A.P. Malyk i V.P. Kamkin.
2. Grechishchev, K.M. (2014) Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.) [From the life of Tomsk University students (before 1900)]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk University Press.
3. Dameshek, L.M. (2018) *Sibirskie inorodtsy v imperskoy strategii vlasti (XVIII – nachalo XX v.)* [Siberian Non-russian peoples in the Imperial Strategy of Power (18th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Ottisk.
4. Novombergskiy, N. (1903) *Po Sibiri. Sbornik statey po krest'yanskomu pravu, narodnomu obrazovaniyu i sel'skomu khozyaystvu* [Across Siberia. A collection of articles on peasant law, public education and agriculture]. St. Petersburg: House of Charity for Poor Young Children.
5. Legras, J. (2021) *V Sibiri* [In Siberia]. Tyumen; Tomsk: Tomsk State University.
6. Lozovskiy, I.T. (2000) V.A. *Obruchev v Tomske* [V.A. Obruchev in Tomsk]. Tomsk: NTL.
7. Malinovskiy, I. (1907) *Leksii po istorii russkogo prava* [Lectures on the History of Russian Law]. Vol. 2. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.
8. Malinovskiy, I.A. (2014) Marusya i deti. Vospominaniya [Marusya and children. Memoires]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Merkulov, S.A. (2012) *Professor Tomskogo universiteta Vasilij Vasil'evich Sapozhnikov (1861–1924)* [V.V. Sapozhnikov (1861–1924), professor of Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Miller, A.I. (2003) Russian Empire, Orientalism, and Processes of Nation-Building in the Volga Region. *Ab Imperio*. 3. pp. 393–406. (In Russian).
11. Mironov, B.N. (2017) *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiyskoy imperii* [Management of Ethno-Confessional Diversity in the Russian Empire]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
12. The National Museum of the Republic of Tatarstan. Department of Manuscripts and Art Sources (NMRT. OKhIDI). File KPPI-117959/822.
13. The National Museum of the Republic of Tatarstan. Department of Manuscripts and Art Sources (NMRT. OKhIDI). File KPPI-117959/106.
14. The National Museum of the Republic of Tatarstan. Department of Manuscripts and Art Sources (NMRT. OKhIDI). File KPPI-117959/109.
15. The National Museum of the Republic of Tatarstan. Department of Manuscripts and Art Sources (NMRT. OKhIDI). File KPPI-117959/811.

16. Novombergskiy, N. (1904) Inorodtsy ostrova Sakhalina [Non-Russians of Sakhalin]. *Sibirskaya zhizn'*. 11th March.
17. Novombergskiy, N. (1903) *Ostrov Sakhalin* [Sakhalin]. St. Petersburg: The House of Charity for Poor Young Children.
18. Obruchev, V.A. (1947) *Grigoriy Nikolaevich Potanin. Zhizn' i deyatel'nost'* [G.N. Potanin. Life and Work]. Moscow, Leningrad: USSR AS.
19. Obruchev, V.A. (1916) *Grigoriy Nikolaevich Potanin: kratkiy ocherk ego zhizni i deyatel'nosti* [G.N. Potanin: A Short Sketch of His Life and Work]. Moscow: I.N. Kushnerev i Ko.
20. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'*. [Professors of Tomsk University. A Biographical Dictionary]. Vol. I. Tomsk: Tomsk State University.
21. *Tomskiy listok*. (1895) Proshloe i nastoyashchee Sibiri [Past and Future of Siberia]. 11th June.
22. Remnev, A.V. (2007) Mikhail Nikiforovich Katkov v poiskakh "sibirskogo separatizma" [M.N. Katkov in search of Siberian separatism]. In: Kirillov, A.K. (ed.) *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII–XX vv.* [Personality in the history of Siberia in the 18th – 20th centuries]. Novosibirsk: Sova.
23. Remnev, A.V. (2004) *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vv.* [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power, the 19th – early 20th centuries] Omsk: Omsk State University.
24. Florinsky, V.M. (1903) *Stat'i i rechi Vasiliya Markovicha Florinskogo* [Articles and Speeches]. Kazan: Imperial University.
25. *Sibirskaya zhizn'*. (1907). 26th March.
26. Dameshek, I.L. et al. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia within the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. Stepnov, A.O. & Nekrylov, S.A. (2022) The relations between the University professorship and the bureaucracy in the late Imperial Russia (based on the history of the Imperial Tomsk University). *Bylye Gody*. 17(3). pp. 1301–1312. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2022.3.1301
28. Fedotov, N.P. & Mendrina, G.I. (1975) *Ocherki po istorii meditsiny i zdoravookhraneniya Sibiri* [Essays on the History of Medicine and Healthcare in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Florinskiy, V.M. (2014) Zametki i vospominaniya. 1875–1880 [Notes and Memoires. 1875–1880]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
30. Chekhov, A. (1895) *Ostrov Sakhalin (iz putevykh zametok)* [Sakhalin Island (From Travel Notes)]. Moscow: I.N. Kushnerev i Ko.
31. Sherstova, L.I. (2013) Turkish speaking population of the Tomsk province at the turn of the 20th century: Administrative Structure and Ethnoconfes-

sional Processes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 369. pp. 108–110. (In Russian).

32. Shilovsky, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the socio-political life of the region in the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: Sova.

33. Yakobi, A.I. (1893) *Ugasanie inorodcheskikh plemen Severa* [Extinction of non-Russian peoples of the North]. St. Petersburg: The House of Charity for Poor Young Children.

34. Yakobi, A.I. (1900) *Ugasanie inorodcheskikh plemen Tobol'skogo severa* [Extinction of non-Russian peoples in the North of the Tobolsk Governorate]. St. Petersburg: [s.n.].

35. Khalid, A. (2000) Russian History and the Debate over Orientalism. *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 1(4). pp. 691–700.

36. Knight, N. (2000) Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? *Slavic Review*. 59(1). pp. 74–100.

37. Slezkine, Y. (1994) *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca and London: Cornell University Press.

38. Slocum, J.W. (1998) Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of "Aliens" in Imperial Russia. *Russian Review*. 57(2). pp. 173–190.

39. Todorova, M. (2000) Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 1(4). pp. 717–728.

Степнов Алексей Олегович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Россия).

Alexei O. Stepnov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: brothe.numb1@gmail.com

Некрылов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета (Россия).

Sergei A. Nekrylov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: medicinahistory@yandex.ru

УДК 027.1:027.7(571.16)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/10

Книжное собрание историка и филолога-слависта П.А. Кулаковского в Научной библиотеке Томского государственного университета

Е.В. Ивановская

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: ivanovskaya_e@lib.tsu.ru

Авторское резюме

Книжное собрание Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913) сформировалось как личная библиотека учёного и профессора, удовлетворявшая его профессиональным и духовным интересам. В ходе своих путешествий по славянским странам, а также работы долгое время в Польше, Платон Андреевич приобретал литературу, необходимую для его исследовательской работы. После его смерти личная библиотека учёного была разделена: часть поступила в библиотеку Академии наук (1914), а часть – в библиотеку Томского университета (1915). В данный момент работа по изучению книжного собрания Платона Андреевича Кулаковского в университетской библиотеке только начата, но уже удалось выявить около трёх тысяч экземпляров книг, журналов, газет. Среди них значится значительное число сербских, болгарских и чешских периодических изданий XIX – начала XX в., которых на данный момент выявлено 116 названий.

Ключевые слова: Платон Андреевич Кулаковский, личная библиотека, издания на славянских языках

The book collection of the historian and philologist-Slavist Platon Kulakovsky in the Tomsk State University Research Library

Ekaterina V. Ivanoskaya

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: ivanovskaya_e@lib.tsu.ru

Abstract

The book collection of Platon Kulakovskiy (1848–1913) was compiled as his personal library to suit his professional and moral interests. During his trips to Slavic countries and work in Poland, Kulakovskiy acquired the literature necessary for his research work. After his death, his personal library was split, with one part sent to the library of the Academy of Sciences (1914), and the other – to the library of Tomsk University (1915). Kulakovskiy's book collection in the university library is an active area of research so far, yet it has already been possible to identify about three thousand copies of books, magazines, and newspapers, among which there is a significant number of Serbian, Bulgarian, and Czech periodicals of the 19th – early 20th centuries, with 116 titles having been identified.

Keywords: Platon Kulakovsky, personal library, publications in Slavic languages

Изучение книжных коллекций, хранящихся в фондах библиотек, всегда представляет собой интересный и порой чрезвычайно сложный процесс. Как правило, дарственные коллекции растворялись и растворяются среди всего массива библиотечных фондов, располагаясь по отдельности или небольшими группами на разных полках. Принадлежность отдельных экземпляров к тому или иному книжному собранию часто зафиксирована в инвентарных книгах, иногда в каталогах библиотек. Но зачастую более информативную картину дают сами издания, которые могут обладать отличительными чертами: специфическим переплётом, экслибрисом, дарственной или владельческой надписью, оттиском штемпеля или иной информацией, что помогает идентифицировать прежнего владельца.

Изучение исследовательской литературы и проведение мониторингов фонда отдела основного фонда Научной библиотеки Томского государственного университета (НБ ТГУ) за 2017–2023 гг. позволили выявить ряд документов, принадлежавших ранее раз-

личным ученым, профессорам, общественным деятелям, педагогам. Среди них оказалась книжная коллекция историка, филолога, публициста и общественного деятеля Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913), обогатившая фонд НБ ТГУ славянскими изданиями XIX – начала XX в.

П.А. Кулаковский окончил Московский университет в 1870 и до 1884 г. с перерывами преподавал русский язык в гимназиях Владимира и Москвы. В 1876–1877 гг. ездил в заграничную командировку в Прагу, Люблян, Загреб, где занимался изучением западнославянской литературы. В этот период он установил крепкие связи со многими учёными и общественными деятелями. С осени 1878 до 1882 г. он занимал кафедру русского языка и словесности в белградской «Великой школе», путешествовал по Сербии и Болгарии. С 1884 г. стал преподавателем Императорского Варшавского университета сначала на кафедре лектуры русского языка, а с 1892 г. – кафедры славяноведения. С 1886 по 1892 г. являлся редактором журнала «Варшавский дневник». В 1893 г. совершил командировку в Загреб, где занимался историей хорватского возрождения. В 1894 г. защитил диссертацию на степень доктора по теме «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения». В 1902 г., получив должность главного редактора «Правительственного вестника», П.А. Кулаковский переезжает в Санкт-Петербург. В 1907 г. он занял должность товарища председателя Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества и содействовал созыву съезда представителей всех славянских обществ России в 1909 г. В период с 1908 по 1911 г. он занимал должность главного редактора и руководителя еженедельного журнала «Окраины России». С 1908 г. Платон Андреевич вернулся к преподавательской деятельности – читал лекции по славяноведению в Санкт-Петербургском историческом институте и Женском педагогическом институте.

За свою плодотворную, активную научную и общественную жизнь Платон Андреевич Кулаковский собрал большую и ценную библиотеку. Она не сохранилась как единое целое, а была разделена на две части после его смерти в 1913 г. Одна часть этого книжного собрания в количестве около 1 200 названий поступила в Славянский фонд библиотеки Российской Академии наук (БАН) в 1914 г. [4: 27; 6: 20], а другая в 1915 г. поступила в библиотеку Императорского Томского университета [7: 123]. Кроме этого массива документов есть часть изданий, которые Платон Андреевич ещё при жизни передал Санкт-Петербургскому Славянскому Благотворительному обществу; эта часть волилась в фонды Славянского отдела БАН в 1923 г. [5: 51–52].

Единого каталога на библиотеку П.А. Кулаковского не сохранилось, а также отсутствуют какие-либо перечни приобретённых изданий в библиотеках БАН и НБ ТГУ. Однако книжное собрание Платона Андреевича обладает рядом отличительных особенностей, что позволяет идентифицировать большую часть изданий, а именно владельческие знаки, оставленные на обложках и титульных листах книг, владельческий штампель и особенность переплётов. Кроме того, как в БАН, так и в НБ ТГУ значительную часть изданий можно выявить благодаря записям: в «Книге поступлений» за 1914 г. в БАН [2: 136] и Инвентарным книгам в НБ ТГУ за 1915–1919 гг.

Об изданиях из библиотеки П.А. Кулаковского, хранящихся в Славянском отделе БАН, можно узнать из работ Санкт-Петербургских исследователей С.А. Жабревой и О.В. Гусевой. В данной работе пойдет речь о той части библиотеки учёного, которая попала в Томский государственный университет.

Библиотека П.А. Кулаковского поступила в НБ ТГУ ориентировочно в 1915 г. Сведений о том, кто передал эту часть книжного собрания учёного, не сохранилось, как и данных о количестве передаваемых документов. Из отчёта Императорского Томского университета за 1915 г. мы знаем следующее: «В отчётном году занумерована и записана в инвентарь часть (973 назв. в 1 078 том. на сумму 788 р. 96 к.) библиотеки, пожертвованной покойным проф. П.А. Кулаковским» [7: 123]. Можно сделать предположение, что само книжное собрание Платона Андреевича могло приехать в Томск ещё в 1914 г., но из-за переезда университетской библиотеки в собственное здание осенью того года бумаги или документы на неё могли затеряться. После просмотра инвентарных книг НБ ТГУ удалось установить, что записывали документы с 30 июня 1915 по 1919 г. в несколько этапов. Отдельные издания продолжали вливаться в общий фонд ещё в течение нескольких десятилетий после записи основного массива документов. На данный момент удалось выявить более 3 тыс. экземпляров, относящихся к библиотеке П.А. Кулаковского.

Отличительные признаки

Выявление документов П.А. Кулаковского из общего массива документов НБ ТГУ, помимо данных из инвентарных книг, стало возможным благодаря ряду отличительных признаков, что позволило атрибутировать каждое издание и причислить его к коллекции учёного. В первую очередь это присутствие на титульном листе или издательской обложке овального оттиска печати синего цвета «Из книг П.А. Кулаковского» или владельческой записи черными чернилами «ПКулаковский» (рис. 1).

Рис. 1. Оттиск печати

Внешней отличительной чертой этого собрания является то, что большая часть изданий имеет полукожаные переплёты, которые позволяют идентифицировать издание, принадлежащее данному владельцу. В нижней части корешков стоит оттиск инициалов владельца. На большинстве изданий стоит золотое тиснение, преимущественно буквами кириллического шрифта («П.К.»), но на некоторых изданиях встречается тиснение и латинским шрифтом («Р.К.» или «Р.А.»). Основываясь на исследованиях С.А. Жабревой по библиотеке П.А. Кулаковского, хранящейся в Славянском фонде БАН [3: 167–173], а также сплошного просмотра всех выявленных изданий из фонда НБ ТГУ, можно выделить четыре условные группы владельческих переплетов Платона Андреевича и обозначить примерные хронологические рамки их создания.

Первая группа – полукожаные переплёты коричневого или болотного цвета, переплёты с тканевым корешком серого цвета с тиснением латинским шрифтом «Р.К.» или «Р.А.». Эти переплеты предположительно были созданы в период 60–70-х гг. XIX в. в России.

Вторая группа – мягкий переплёт, сделанный не позднее 1885 г., предположительно в Варшаве. Переплёт составной: верхняя и нижняя крышка выполнены из картона, оклеенного бумагой. Гладкий корешок выполнен из коленкора без орнаментов и владельческих помет. В верхней части корешка могут встречаться ярлычки.

К третьей группе можно отнести экземпляры, переплетённые предположительно в период с 1892 по 1902 г., когда Платон Андреевич жил и работал в Варшаве. Книги и журналы, переплетённые в этот период, имеют составной переплёт: корешок – полукожаный, верхняя и нижняя крышка оклеены бумагой. Корешок имеет четыре выпуклых бинта, выделены полосы золотого тиснения. В нижней части корешка тиснение буквами кириллического шрифта «П.К.». На некоторых переплётах сохранился ярлык мастерской Л. Миерницкого, которая работала в Варшаве с 1873 г. и переплетала документы для библиотеки Варшавского университета [8: 160].

Четвертая группа – экземпляры, переплетённые в период с 1902 по 1913 г., когда П.А. Кулаковский переехал из Варшавы в Санкт-Петербург и получил должность в Министерстве внутренних дел Российской империи. Здесь мы видим составной полукожаный переплёт, верхняя и нижняя крышки которого оклеены бумагой. Корешок выполнен из кожи коричневого цвета, гладкий, бинты невыпуклые, выделены полосы золотого тиснения. В нижней части корешка тиснение буквами кириллического шрифта «П.К.».

Деления на эти четыре группы условные. Связаны они с внешними отличительными особенностями переплётных, которые позволяют с определенной долей уверенности говорить о времени и месте их создания. Это впоследствии поможет понять, где были созданы те или иные переплеты, в какой период времени шло более активное оформление данного книжного собрания.

Характеристика книжного собрания

Основная часть библиотеки, хранящаяся в НБ ТГУ, состоит из документов по филологии и истории на болгарском, сербском, польском и русском языках. Хронологический охват изданий этого собрания – с 1815 по 1913 г. В ходе изучения части книжного собрания, хранящегося в НБ ТГУ, выяснилось, что сюда попал значительный массив периодических изданий на сербском, болгарском, польском, чешском и русском языках. На данный момент насчитывается 116 названий, изданных преимущественно во второй половине XIX – начале XX в., но встречаются журналы первой половины XIX в. Наличие такого массива периодических изданий можно обусловить тем, что научные интересы П.А. Кулаковского были связаны с языком и литературой южнославянских народов, а также с тем, что за годы своей жизни он совершил ряд длительных путешествий по славянским землям, во время которых неоднократно посещал чешские, болгарские, сербские, хорватские и черногорские земли, что, соответственно,

нашло отражение в его книжном собрании. Здесь, прежде всего, привлекает внимание первый сербский альманах «Забавник. Сочинение Д. Давыдовича», вышедший в Белграде. В библиотеке Кулаковского имеются номера за 1815–1816, 1819, 1821, 1833–1835 гг. Ещё одним интересным изданием является сербский литературный «Альманах (Банатский)», издававшийся в Темишваре (Тимишоаре) в 1827–1828 гг. В начале альманаха размещались календарь, географическая и генеалогическая информации, разные статьи и короткие рассказы, статистические данные и т. д. Помимо этих журналов в описываемом книжном собрании есть такие периодические издания, как: «Альманах (Србско-Далматинский)» (Корлштадт, 1836–1838), «Любитель Просвещения. Србско-Далматинский магазин» (1839–1871, 1873), «Летопис. Матице Српске» (1825–1834, 1837–1848, 1850–1876, 1879–1911), «Србска Зора. Забавник. Беч» (1836–1837), «Ура́ниа. Издао Д.П. Тирол. Београд» (1838), «Hrvatski pokret. Zagrebu» (1848) и др.

Наличие дарственных надписей на книгах из библиотеки П.А. Кулаковского помогает не только отнести издание к данному книжному собранию, но и свидетельствует о широких контактах учёного с сербскими, болгарскими, польскими и русскими деятелями, о глубоком уважении, которое они испытывали к российскому учёному, посвятившему себя изучению славянских народов. Так, на пяти книгах Никиты Дучича (1832–1900), архимандрита, сербского общественно-го деятеля, стоят его дарственные надписи: «Кулаковскому. С изразима истинитога поштованью Биоград 1891 год. Писац», «Својему Много поштованому пријателю, професору П. Кулаковскому от Писца» и др.

На книге «Драматски списи. Књ. 2» (Загреб, 1885) сербского писателя и публициста, редактора чешско-русского журнала в 1872 г. «Slovanský svět» Манойло Джорджевича Призренаца (1851–1896) мы видим запись «Г.П. Кулаковскому на память от автора в Загребе 15 авг. 1885 М. Ђорђевића». В библиотеке Платона Андреевича есть журнал «Slovanský svět» за 1872 г., что свидетельствует о тесных связях с М.Д. Призренацем.

Встречаются и более интересные дарственные записи. Например, на книге русского генерала и военного историка Михаила Михайловича Бородинки (1852–1919) «История Финляндии» (СПб., 1912) написано «Сердечноуважаемому Платону Андреевичу Кулаковскому на добрую память и “критический зубок” от М. Бородинки 28. окт. 1912» (рис. 2).

В данном книжном собрании есть издания, которые присылались Кулаковскому для рецензии. Например, работа А.Н. Куломзина «Доступность начальной школы в России» (СПб., 1904), на страницах которой стоит оттиск штемпеля «для рецензии».

Встречаются среди книг данного собрания экземпляры из других владельческих библиотек. Например, на переплёте журнала «Наука. Периодическое списание» (Пловдив, 1883) наклеен ярлык «Библиотека С.С. Бобчева №».

П.А. Кулаковский активно занимался редактированием ряда периодических изданий: «Варшавского вестника» (1886–1892), «Правительственного вестника» (1902–1905), «Окраин России» (1906–1911). В 1902 г. Кулаковский переехал в Петербург, где был главным редактором газеты «Правительственный вестник» до 1905 г. [1]. В собрании НБ ТГУ имеется два указателя к этой газете за 1902–1903 гг., которые точно ранее принадлежали Платону Андреевичу, так как на них стоят оттиски

штемпеля владельца. В фонде присутствуют подшивки газеты «Правительственный вестник» за 1902–1905 гг. в полукожаных переплётах. На этих изданиях нет оттиска владельческого штемпеля, а также отличительных внешних особенностей коллекции, кроме приписки карандашом «Главному редактору» на первой странице подшивки и тиснения на передней крышке «первый/второй/третий/четвёртый год редакции П. Кулаковского». Можно сделать предположение, что эти подшивки газет могли принадлежать самому Платону Андреевичу.

В 1906 г. П.А. Кулаковский основал газету «Окраины России», выходившую до 1911 г. В НБ ТГУ имеется полный комплект этого периодического издания, принадлежащий Платону Андреевичу.

Научных работ самого П.А. Кулаковского представлено очень мало. В Научной библиотеке ТГУ хранятся «Славянские съезды и польский вопрос» (СПб., 1910), «Славянский съезд в Софии» (СПб., 1911), «Вопрос о Варшавском университете и польский школьный законопроект 1907 г.» (СПб., 1913)», которые он печатал в приложении к журналу «Окраина России» – «Русский русским». В фондах университетской библиотеки также хранится его работа «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» (Москва, 1882), за который Платон Андреевич был удостоен степени магистра славяноведения.

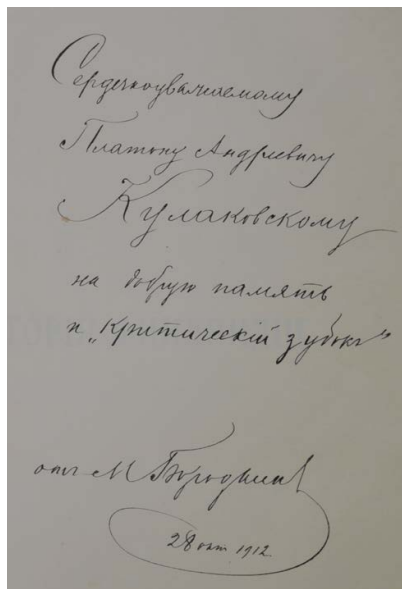

Рис. 2. Дарственная надпись
М. Бородин

До настоящего времени библиотека П.А. Кулаковского, хранящаяся в НБ ТГУ, не являлась объектом специального исследования, и в данный момент делаются первые шаги на пути к её изучению. Но уже сейчас можно сказать, что это очень интересное собрание книг по славяноведению, которое расширяет представление о личности её владельца, его научных и дружеских контактах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев Н.С. Объективный ученый-славист, боевой публицист-консерватор проф. П.А. Кулаковский // Материалы для виртуального Музея Славянских Культур: сб. науч. статей / сост., отв. ред. И.И. Калиганов. М., 2020. Вып. 1. С. 64–70. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/2020_materialy_kulakovskiy.pdf (дата обращения: 10.30.2023).

2. Жабрева С.А. Деятельность П.А. Кулаковского, отраженная в экземплярах Славянского фонда БАН // Петербургская библиотечная школ. 2019. № 2 (67). С. 135–137.

3. Жабрева С.А. Конволюты из личного собрания Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913) в Славянском фонде БАН // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения. Вып. 2. СПб., 2019. С. 167–173.

4. Жабрева С.А. П.А. и Ю.А. Кулаковские: коллеги и братья // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25–26 мая 2021 г. / отв. ред. Е.С. Узенева, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 24–28.

5. Жабрева С.А. Штампы и пометы книжных собраний и частных коллекций в библиотеке Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 2 (62). С. 51–53.

6. Отчет о деятельности библиотеки Императорской академии наук за 1914 г. Петроград: Издание Императорской академии наук, 1915. [4], 106 с., [2] л. потр.

7. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1915 г. Томск, 1916. 145 с.

8. Pokorzyńska E. Z dziejów intrologatorstwa warszawskiego XIX i 1. połowy XX wieku. Katowice, 2009. 590 p.

REFERENCES

1. Gusev, N.S. (2020) P.A. Kulakovsky: Objective slavic researcher, polemical conservative journalist. In: Kaliganov, I.I. (ed.) *Materialy dlya virtual'nogo Muzeya Slavyanskikh Kul'tur* [Materials for the virtual Museum of Slavic Cultures]. Vol. 1. Moscow: Institute of Slavic Studies

RAS. pp. 64–70. [Online] Available from: https://inslav.ru/sites/default/files/2020_materialy_kulakovskiy.pdf (Accessed: 30th October 2023).

2. Zhabreva, S.A. (2019) Deyatel'nost' P.A. Kulakovskogo, otrazhennaya v ekzempl'yakh Slavyanskogo fonda BAN [Activities of P.A. Kulakovsky, reflected in copies of the Slavic Fund of the Library of the Academy of Sciences]. *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*. 2(67). pp. 135–137.

3. Zhabreva, S.A. (2019) Konvolyuty iz lichnogo sobraniya Platona Andreevicha Kulakovskogo (1848–1913) v Slavyanskom fonde BAN [Convolutures from the personal collection of Platon Kulakovsky (1848–1913) in the Slavic collection of the Library of the Academy of Sciences]. In: Mamontova, G.A. (ed.) *Lichnye biblioteki v sostave fondov rossiyskikh knigokhranilishch: problemy izucheniya* [Personal libraries in the collections of Russian book depositories: Problems of study]. Vol. 2. St. Petersburg: RNL. pp. 167–173.

4. Zhabreva, S.A. (2021) P.A. i Yu.A. Kulakovskie: kollegi i brat'ya [P.A. and Yu.A. Kulakovsky: colleagues and brothers]. In: Uzeneva, E.S. & Khavanova, O.V. (eds) *Slavyanskiy mir: obshchnost' i mnogoobrazie* [Slavic World: Community and Diversity]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 24–28.

5. Zhabreva, S.A. (2018) Shtampy i pomety knizhnykh sobraniy i chastnykh kollektsiy v biblioteke Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva [Stamps and markings of book collections and private collections in the library of the St. Petersburg Slavic Charitable Society]. *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*. 2(62). pp. 51–53.

6. Imperial Academy of Sciences. (1915) *Otchet o deyatel'nosti biblioteki Imperatorskoy akademii nauk za 1914 g.* [Report on the activities of the library of the Imperial Academy of Sciences for 1914]. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.

7. Imperial Tomsk University. (1916) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1915 g.* [Report on the state of Imperial Tomsk University for 1915]. Tomsk: [s.n.].

8. Pokorzyńska, E. (2009) *Z dziejów introligatorstwa warszawskiego XIX i 1. połowy XX wieku*. Katowice: [s.n.].

Ивановская Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом основного фонда Научной библиотеки Томского государственного университета (Россия).

Ekaterina V. Ivanovskaya – Tomsk State University (Russia).

E-mail: ivanovskaya_e@lib.tsu.ru

УДК 93/94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/11

Архимандрит Виталий (Максименко) о славянском единстве и украинском вопросе*

Е.О. Ковалева

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9
E-mail: st055567@student.spbu.ru

Авторское резюме

В современной историографии предпринята попытка отнести архимандрита Виталия (Максименко), являвшегося руководителем самого многочисленного отдела Союза русского народа, Почаевского, к украинскому национальному движению. В статье оспаривается эта точка зрения и на основе анализа ряда исторических источников (материалов периодических изданий, редактором которых являлся о. Виталий, а также отдельных его брошюр) реконструируются взгляды архимандрита на вопрос славянского единства и украинскую проблему. Выдвигается тезис о том, что его позиция была основана на идее существования единого русского народа, разделившегося на три ветви – великороссов, малороссов и белорусов. Признавая этнографические различия между великороссами и малороссами, о. Виталий являлся последовательным противником политического украинского национализма, проявления которого виделась ему в навязывании крестьянскому населению Волыни «особого» украинского языка и своеобразных трактовках его истории и литературы. Языковая проблема, с точки зрения архимандрита, состояла в том, что внедряемый украинскими националистами язык, претендовавший на роль украинского, был искусственно создан исключительно с целью отделения малороссов от общерусского корня, а подлинным местным языком для крестьян Волыни являлся малорусский говор (малорусское наречие). Восстание Богдана Хмельницкого и Переяславскую раду о. Виталий считал событиями общерусской истории, поэтому часто писал о них в своих работах с целью укрепления народного единства. Не оставалась без внимания в изданиях архимандрита Виталия и проблема галицких русинов, проживавших

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00071, <https://rscf.ru/project/23-28-00071/>

на территории Австро-Венгрии и подвергшихся особенно сильным притеснениям в годы Первой мировой войны. Их он считал «единокровными и единоверными братьями», призывал оказывать им всяческую помощь с целью укрепления общерусского единства.

Ключевые слова: Волынь, Виталий (Максименко), Союз русского народа, черносотенцы, славянское единство, украинский вопрос

Archimandrite Vitaly (Maksimenko) about Slavic unity and the Ukrainian question*

Elizaveta O. Kovaleva

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: st055567@student.spbu.ru

Abstract

Modern historiography has attempted to link Archimandrite Vitaly (Maksimenko), the head of the largest department of the Union of the Russian People, Pochaevsky, to the Ukrainian national movement. The article challenges this point of view and reconstructs Archimandrite Vitaly's views on the Slavic unity and the Ukrainian question, based on a range of historical sources (materials of periodicals edited by Fr. Vitaly, and some of his leaflets). The author puts forward the thesis that Archimandrite Vitaly's position was based on the idea of single Russian people split into three branches – the Great Russians, the Little Russians and the Belorussians. Recognizing the ethnographic differences between Great Russians and Little Russians, Fr. Vitaly was a consistent opponent of political Ukrainian nationalism, which manifested in the imposition of a “special” Ukrainian language on the peasant population of Volhynia and unique interpretations of its history and literature. According to Fr. Vitaly, the language problem was that the language imposed by Ukrainian nationalists, claimed to be Ukrainian, yet it was artificially created solely for the purpose of separating the Little Russians from the all-Russian root, while the true local language for Volhynian peasantry was the Little Russian dialect. Fr. Vitaly considered the Uprising of Bohdan Khmelnytsky and the Pereyaslav Rada to be events of all-Russian history. Therefore, he often wrote about these events in his works to strengthen the people's unity. He also paid attention to the

* The research was supported by the Russian Science Foundation, Project № 23-28-00071, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00071/>

question of Galician Rusins, who lived in Austria-Hungary and were subjected to severe oppression during WWI. Fr. Vitaly regarded them as "one-blood and like-faith brothers" and urged for rendering every possible support to them to strengthen the all-Russian unity.

Keywords: Volhynia, Vitaly (Maksimenko), Union of Russian people, Black-Hundreders, Slavic unity, Ukrainian question

Архимандрит Виталий (Максименко) (в миру Василий Иванович Максименко) – известная личность в рамках истории Российской православной церкви и политической жизни Волынской губернии начала XX в., архиепископ Восточно-Американский и Джерзейситский, член Синода Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), основатель Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле. До революции являлся архимандритом Свято-Успенской Почаевской лавры, возглавлял типографию при обители и был редактором ряда её изданий (журналов «Волынские епархиальные ведомости», «Русский инок», «Почаевский листок», газет «Почаевские известия» и «Волынская земля»), с 1906 г. стал руководителем Почаевского отдела Союза русского народа (СРН) – массовой черносотенной организации. Общее число записавшихся в отдел переваливало за 100 тыс. чел., что было невероятным для такого небольшого местечка, как Почаев [16: 36–38]. После раскола СРН в 1909 г. отдел стал де-юре самостоятельным, переименовался в Почаевский СРН, но идейно тяготел к Всероссийскому Дубровинскому Союзу русского народа. В это же время был принят собственный устав отдела.

В первом же пункте устава было обозначено: «Почаевский Союз русского народа поставляет себе неуклонною целью развитие народного русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний Волыни и соседних губерний, для общей работы на пользу дорогого нашего Отечества – России единой и неделимой» [19: 156]. В другом месте также подчёркивалось, что Союз «не делает различия между великороссами, белорусами и малороссами» [19: 158]. Несмотря на это, в современной историографии сделана попытка причисления архимандрита Виталия и Почаевского отдела СРН к украинскому национальному движению.

Так, в недавно вышедшей монографии К.К. и К.И. Федевичей на основании того, что в изданиях о Виталия упоминаются места украинской исторической памяти (Битва под Берестечком 1651 г.), использовался украинский язык «для продвижения монархических идей» [27: 81] и с нейтральной коннотацией употребляются термины «Украина» и «Малороссия», а Тарас Шевченко назван «найвідомішим

малороссийским стихотворцем» [27: 84], авторы делают вывод о том, что архимандрит Виталий поддерживал идею существования отдельной украинской нации. Такая позиция нередко встречается и в рамках современного информационного пространства, поэтому для нас представляется важным дать объективные ответы на следующие вопросы: каких взглядов придерживался архимандрит Виталий в отношении проблемы славянского единства? Какие идеи использовал в агитации местных крестьян относительно украинского вопроса? Ведь свою позицию он транслировал на огромную аудиторию, поскольку влияние Почаевского отдела распространилось не только на Волынскую, но и Бессарабскую, Киевскую и Подольскую губернии [24: 171–172].

Взгляды о. Виталия основывались на представлениях о едином русском народе, позже разделившемся на три ветви – великороссов, малороссов и белорусов. Единство, по мнению архимандрита, было нарушено татаро-монгольским нашествием. Из восточной части русского народа, попавшей в зависимость от Золотой Орды, «выковались... великороссы», создавшие Московское государство, а западная часть находилась под властью Польши [5: 8]. Архимандрит Виталий считал, что представители Малороссии были обмануты польским королём, обещавшим соблюдать их права наравне с поляками, поэтому долго не поднимали крупных восстаний и не были против подписания Люблинской унии 1569 г. Однако после этого им было объявлено, что «искони русская земля Киевского, Подольского и Волынского края – то не русская земля, а панская» [5: 9], затем их перевели фактически на рабское положение, заставляли день и ночь работать «на жида и ляха» [5: 10]. Позже к экономическому и социальному гнёту добавился религиозный фактор. Отдельные выступления были подавлены силой, поэтому до активизации казачьего движения местное население не могло «и слова сказать под вольной польской конституцией в защиту своих прав» [5: 15]. Казаки, с точки зрения о. Виталия, были людьми, в которых «кипела горячая русская кровь», сумевшие под руководством Богдана Хмельницкого избавиться от польской власти и воссоединиться с Россией.

Необходимо отметить, что фигура Богдана Хмельницкого, события Берестецкой битвы 1651 г. и Переяславской рады 1654 г. были наиболее популярными сюжетами украинской истории, к которым обращался архимандрит на страницах своих газет и журналов. Впрочем, сам о. Виталий никогда не делил историю на «русскую» и «украинскую», а воспринимал эти события как места общей исторической памяти. Им он посвящал как статьи, так и свои отдельные брошюры [3; 4]. Часто на страницах почаевских изданий публиковали

изображения на эту тематику. Но здесь важен контекст – размещение подобных материалов было призвано сплотить население, а не ставило цели поддержания украинской национальной идеи. В этом ключе значение Берестецкой битвы виделось архимандриту в том, что она, «как гром, заставила востепениться весь русский народ и стать под знамя, она заставила вождей отбросить легкомысленные мечты о самостоятельности Украины или о союзе с неверными бусурманами, а искать помощи у единокровного и единоверного русского белого царя» [3: 4].

Продолжением этой идеи стало сооружение храма-памятника на месте гибели казаков. По одной версии, в начале XX в. в районе с. Пляшева поляк Ожаровский при осушении территории для прокладки канала обнаружил огромное количество казацких костей и воинских доспехов. По другой версии, их нашёл сам о. Виталий, совершавший с крестьянами крестный ход по Дубенскому уезду в 1908 г. [5: 3]. По инициативе архимандрита здесь начали проводить раскопки и готовить место для захоронения останков.

В урочище Журавлиха к 1910 г. выстроили подземную церковь, а позже здесь появился Свято-Георгиевского храм-мавзолей (окончательно строительство было завершено в 1914 г.). Возведение храма сильно замедляли финансовые трудности и нехватка рабочих рук. Архимандрит Виталий призывал население не быть равнодушными и принять физическое участие в этом деле, у себя в Почаевской лавре он активно принимал добровольцев, желавших потрудиться [7: 1]. Параллельно собирали денежные пожертвования. Большую часть средств на постройку выделил СРН, который к 1910 г. почти приобрёл казацкие могилы [4: 9]. В 1912 г. Николай II пожертвовал 10 тыс. руб. [1: 2].

После начала работ по строительству «Казацких могил» о. Виталий стал инициатором организации ежегодных крестных ходов в эти места. О сборах «на поминки» казаков население чаще всего оповещали через периодические издания и с церковного амвона. Иногда призывы принять участие в крестном ходе излагались в стихотворной форме на суржике: «Зійшло сонычко. / Весело лучи роспустило. / Всим людям православным / Воно возвистило. / Каже воно русским людям: / “Вставайте, вставайте!” / Вже давно ждуть диды ваши, – / Честь вы им оддайте» [23: 2].

Статьи и изображения на историческую тематику, приуроченные к юбилейным датам или просто с целью просвещения крестьянства, часто появлялись на страницах почаевских изданий. Так, например, в 1909 г. были опубликованы материалы о Владимире Мономахе с иллюстрацией его вокняжения в Киеве. Показательно, что и Влади-

мир Мономах, и его предшественник на киевском столе Святополк Изяславич названы в статье «русскими князьями», управлявшими «Русской землёй» [2: 7].

Что касается стремлений украинцев к «самостийности», то в одной из публикаций «Волинской земли» они были названы «уродливым явлением», а разногласия между малороссами и великороссами – «семейным разладом» [9: 1]. «Все славянские ветви, живущие в России, – отмечалось в статье, – должны составлять одну нацию» [21: 1].

Отрицательно архимандритом Виталием оценивались идеи изучения украинской литературы и языка. Относительно литературы в одной из статей говорилось, что вопрос о её изучении в гимназиях не может рассматриваться всерьёз, поскольку вся она «состоит из Шевченка» [21: 1]. При этом архимандрит не отрицал таланта и заслуг «вполне самобытного и национального» поэта, называл его «певцом Украины», однако негативно относился к его участию в Кирилло-Мефодиевском обществе (считал его одним из основателей) и в этом отношении называл поэта «украинофилом» и «мазепинцем» [17: 17].

Другой известный деятель литературы, имеющий малорусские корни, Н.В. Гоголь, напротив, причислялся к «великим национальным писателям», которому удалось доказать, что автор такого масштаба должен творить непременно на общем для всех русском языке и «опроверг все теории необходимости создания нового искусственного языка, вместо уже исторически сложившегося» [21: 2].

Относительно украинского языка отмечалось, что это язык сепаратистов, который используется «демонстративно» небольшой группой лиц (украинской интеллигенцией). Родной же язык местного населения – это «малорусский язык, народный, бытовой русский говор – очень красивый и певучий» [21: 2]. Отдавая ему должное, все же отмечалось, что он не подходит для передачи сложных терминов. Поэтому предлагалось использовать русский литературный язык, представляющий собой синтез великорусских, малорусских и белорусских говоров. Малороссийский говор, действительно, часто использовался в публикациях газет и журналов Почаевской типографии, но почаевские черносотенцы не пытались этим поддержать украинское движение. В либеральной украинской газете «Рада» отмечалось, что о. Виталий часто читал проповеди на украинском, однако в «инших випадках виступати проти української мови» [12: 2].

Стоит отметить, что язык Виталия отличался от языка М.С. Грушевского. Большинство заметок, опубликованных в его изданиях, написаны на местном разговорном языке – суржике. В 1910 г. на II съезде волинских союзных старост и ревнителей некий Полищук предложил издавать газету на украинском языке или создать отдельный раздел

в «Почаевском листке», чтобы публиковать там статьи на украинском. Но эту идею отклонили, «дабы не поддерживать обособленность малороссов и великороссов» [29: 299]. Кроме того, в этом не видели необходимости, поскольку считали, что за три века единения Малороссии с Россией население научилось понимать русский язык.

В понятие «украинец» о. Виталий вкладывал, скорее, не этнический, а национально-политический смысл. Так, в одной из статей подчёркивалось, что под этим невинным термином скрывается враг русской национальности и русского государства, мазепинец [21: 2]. Тем не менее архимандрит признавал этнографические различия между населением. В качестве примера можно рассмотреть следующую публикацию [22: 2], где среди славянских народов представлены и малороссы, и великороссы, и белорусы, и русины, и другие этносы, изображённые в национальных костюмах. В одной из статей «Прибавлений к Почаевскому листку» давалось описание облика крестьян-малороссов Волины, причём подчёркивалось, что они внешне сильно отличаются, например, от тех же херсонских крестьян: «Большинство, как мужчины, так и женщины малорослы, бледны, бескровны и худосочны. У них мелкие черты лица и маловыразительные лица. Большинство имеет смиренный, забитый, малокультурный вид» [11: 2]. Подобные этнографические отличия трактовались о. Виталием как региональные особенности.

Значительный объём материалов в изданиях о. Виталия посвящён галицким русинам. Сам термин «русины» использовался не столь часто, обычно фигурировали следующие обозначения: «русские галичане», «русский галицкий народ», «русские», «червоноруссы» и т. д., которых архимандрит считал единокровными и единоверными братьями [26: 2], терпящими, как и жители Волины, усиление влияния поляков и немцев в этом регионе. Стоит отметить, что ненависти к последним как к этносам архимандрит не испытывал, он выступал против передачи земель польским и немецким помещикам и распространения католического вероучения [13: 46–64]. Архимандрит с тревогой предупреждал: «галичан через два-три поколения ожидает та же участь, что и прочих западных славян: они поглощены будут немцами» [26: 1]. Он также обращал внимание на случаи притеснения русского населения в Галиции со стороны поляков. Так, в одной из статей описывалась ситуация применения силы к русскому мальчику со стороны польского учителя за незнание польского языка [8: 3].

Русинская тематика публикаций была расширена с началом Первой мировой войны, поскольку Галиция оказалась в зоне боевых действий [25: 49]. В 1915 г. в «Волынской земле» опубликовали следующие тревожные заметки с призывами о помощи местному пострадавшие-

му населению: «То, что переживают русские православные люди... не поддаётся описанию и передаче на словах. Уничтожено всё до основания; не пощадили изверги австрийцы ни школы, ни даже православного храма» [18: 4]. Как далее отмечалось в публикации, лишённые крыши над головой галичане вынуждены были ютиться по 30–35 человек в небольших уцелевших амбарах, голодая, без теплой одежды. Такое бедственное положение было связано и с политической позицией, поскольку австрийское правительство обвиняло их в русофильских взглядах.

Другая опасность виделась архимандриту со стороны украинофильского движения в этом регионе. Оно, по мысли о. Виталия, являлось орудием в руках краевой администрации Галиции, состоящей из поляков и венского правительства, направленным против России с целью посеять рознь между русскими [15: 2]. Практическим результатом деятельности этого движения в годы Первой мировой войны стали украинские сечевые стрельцы – воинские формирования в составе армии Австро-Венгрии, набиравшиеся из украинцев, имеющих антирусские взгляды. Их о. Виталий охарактеризовал как «плоды деятельности г.г. Грушевских, имеющих в Киеве и Малороссии немало друзей и платных агентов, работающих в пользу “самостийной Украины” с Габсбургом на троне» [14: 16].

В своих обращениях архимандрит призывал не только оказывать помощь русским жителям Галиции, но и сплотиться вокруг СРН для отстаивания русской славянской самобытности [26: 2]. Отец Виталий понимал, что для этой цели населению нужны лидеры, которые будут нести эти идеи в массы, и он рассчитывал, что таковыми станут представители православного духовенства. Такой выбор был не случайным, ведь именно за сельскими батюшками, с которыми крестьяне регулярно виделись и общались, население последовало бы охотнее. Видный политик В.В. Шульгин, избравшийся от Волынской губернии в Государственную думу, так оценивал способности местной электоральной базы (малограмотного крестьянства) к восприятию сложной информации: «Печать? Но эти люди газет не читают. Печатные прокламации? И не прочтут и не поймут. Что же остаётся? Остаются батюшки! Их не меньше ста лиц в нашем уезде. Они есть в каждом селе, и все в совокупности они знают чуть ли не поимённо всю толщу народа... Батюшки – это ключ к положению» [30: 28].

В одной из статей «Волынской земли» в качестве примера приводилась деятельность «Холмского православного братства», которое стремилось содействовать «укреплению и преуспеянию православия и русского самосознания в Холмской Руси» [10]. Братство распространяло следующие заповеди: «1. Помни, что ты

русский, кость из кости русского народа. 2. Помни, что твоя родина – Холмская Русь, из покон веков земля русская. 3. С своими братьями говори только по-русски. Русский язык – красив, силен, звучен, и им следует гордиться... 5. Помни, что русские люди, принявшие католическую веру, – это твои братья родные по крови: не отталкивай их от себя, а, наоборот, приближай к себе, влияй на них, и убеждай их, что, независимо от вероисповедания, они должны считать себя русскими людьми» [20: 4].

Таким образом, архимандрит Виталий придерживался идеи существования единого русского народа, внутри которого выделял великоросские, малорусские, белорусские, в отдельных случаях русинские ветви. Он уважительно относился к их традициям и обычаям, признавал этнографические различия между ними, в том числе существование местных говоров. Термины «украинец / украинцы» и производные от него он считал придуманными сепаратистами с определёнными политическими целями. На страницах своих изданий он активно призывал население к сплочённости, для противостояния ряду угроз: Австро-Венгрии, польским и немецким помещикам, евреям-ростовщикам, ксёндзам и «мазепинцам». Обращение к событиям истории использовалось им с целью укрепления народного единства. Не отказался о. Виталий от своих взглядов и после эмиграции. В воспоминаниях он отмечал, что русский народ, независимо от места его проживания, «в России и на окраинах в Польше, Галичине, на Карпатах, в Америке и в рассеянии по всему свету», это единый организм, в котором «душа и кровь одна – русская» [6: 7].

Пробуждая в малокультурном волынском крестьянстве национальное чувство, архимандрит Виталий невольно приоткрывал двери для последующей агитации украинских националистов, которые те же исторические примеры, уже знакомые простонародью, превращали из событий общерусской истории в страницы украинского прошлого. Как известно, после крушения монархии и распада черносотенных организаций «черносотенная “массовка” не последовала за своими бывшими вождями» [28: 596] – члены Почаевского СРН массово переместились в лагерь украинских социалистов-революционеров. Но все же основная причина перехода с общерусских на украинские позиции заключалась не в действии национальной агитации, не в том, что архимандрит Виталий и Почаевский СРН накануне революции активно просвещали простонародье, пробуждая в нём патриотизм и национальные чувства, а в том, что вышедшие на сцену под украинскими знамёнами в 1917 г. политические силы предложили местному крестьянству быстрое и, как казалось, эффективное решение социально-экономических проблем (прежде всего, земельного вопроса).

ЛИТЕРАТУРА

1. 25 мая на Казацких могилах под Берестечком // Волынская земля. 1912. № 49. 2 июня. С. 2.

2. Венчание на царство Владимира Мономаха // Прибавление к Почаевскому листку. 1909. № 37. С. 7.

3. *Виталий (Максименко)*. Значение Берестечкой битвы в деле освобождения Малороссии и объединения России и наш долг пред историей. Библиотека Волынского союза русского народа. № 16. Почаев, 1911. 8 с.

4. *Виталий (Максименко)*. Казацкие могилы под Пляшевой. Библиотека Волынского союза русского народа. № 29. Почаев, 1911. 16 с.

5. *Виталий (Максименко)*. Крест под Берестечком. О славном украинском гетмане Зиновии-Богдане Хмельницком и Берестечкой битве 18–30 июня 1651 г. Библиотека Волынского союза русского народа. № 16. Почаев, 1912. 44 с.

6. *Виталий (Максименко)*. Мотивы моей жизни. N.Y.: Holy Trinity Monastery, Jordanville, 1955. 207 с.

7. *Виталий, арх.* Принимаются послушники и добровольцы // Волынская земля. 1912. № 100. 4 августа. С. 1.

8. Глумление над русскими // Волынская земля. 1912. 22 апреля. № 19. С. 3.

9. *Гузыль Ф.* Русская рознь // Волынская земля. 1912. 6 мая. № 29. С. 1–2.

10. *Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни. Воспоминания. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2248> (дата обращения: 03.10.2023).

11. *Енохин С.* Русское крестьянство на Волини // Прибавление к Почаевскому листку. 1909. № 33. С. 2.

12. 3 газет та журналів // Рада. 1911. № 162. С. 2.

13. *Иванов А.А., Ковалева Е.О.* Деятельность архимандрита Виталия (Максименко) на Волини: политический экстремизм или противодействие стихийному радикализму? // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2023. № 2 (50). С. 46–64.

14. К войне в Галиции русских с русскими // Почаевский листок. 1915. № 33. С. 16.

15. О притеснениях русского народа в Галиции // Волынская земля. 1912. 22 мая. № 39. С. 2.

16. *Омельяничук И.В.* Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев: НИУРО, 2000. 168 с.

17. Памяти Т.Г. Шевченко // Почаевский листок. 1911. 21 февраля. № 6. С. 17.

18. Помогите многострадальной меньшей братии нашей – Галичанам // Волынская земля. 1915. 30 января. № 24. С. 4.

19. РГИА. Ф. 592. Государственный Крестьянский поземельный банк. Оп. 44. Д. 734. Дело о согласовании деятельности Банка с обществом взаимного кредита «Почаево-Волынский народный кредит» и об участии общества в деле ликвидации немецкого землевладения в Волынской губернии.

20. Русские заповеди в Холмщине // Волинская земля. 1912. 28 апреля. № 23. С. 4.
21. *Северянин*. Украиноманский бред // Волинская земля. 1912. 22 мая. № 39. С. 1–2.
22. Славянские народы // Почаевские известия. 1909. 17 марта. № 714. С. 2.
23. *Степанюк Д.* Призыв на козацки могилы // Прибавление к Почаевскому листку. 1909. № 29. С. 2.
24. *Суляк С.Г.* За веру, царя, Отечество и землю крестьянам. (О деятельности отделов Союза русского народа в Хотинском уезде Бессарабской губернии) // Русин. 2018. Т. 54, № 4. С. 169–188.
25. *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
26. Туча с запада // Волинская земля. 1912. 13 апреля. № 11. С. 1–2.
27. *Федевич К.К., Федевич К.І.* За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархисти і український національний рух (1905–1917 роки) / пер. з рос. К. Демчук. Київ: Критика, 2017. 308 с.
28. *Чемакин А.А.* Куда исчезли черносотенцы? Электоральная статистика как источник для исследования национальной идентичности украинского крестьянства в начале XX в. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 3. С. 592–605. DOI: 10.21638/spbu24.2023.305
29. *Шевцов А.В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. 557 с.
30. *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920 год. М.: Новости, 1990. 828 с.

REFERENCES

1. *Volynskaya zemlya*. (1912) 25 maya na Kazatskikh mogilakh pod Berestechkom [May 25 on the Cossack graves near Berestechko]. 2nd June. p. 2.
2. *Pribavlenie k Pochaevskomu listku*. (1909) Venchanie na tsarstvo Vladimira Monomakha [The Coronation of Vladimir Monomakh]. 37. p. 7.
3. Vitaliy (Maksimenko). (1911a) Znachenie Berestechkoy bitvy v dele osvobozhdeniya Malorossii i ob'edineniya Rossii i nash dolg pred istoriei [The significance of the Battle of Berestechko in the liberation of Malorossiya and the unification of Russia, and our duty to history. Library of the Volhynian Union of the Russian People]. *Biblioteka Volynskogo soyuza russkogo naroda*. 16. p. 8.
4. Vitaliy (Maksimenko). (1911b) Kazatskie mogily pod Plyashevoy [The Cossack graves near Plyasheva]. *Biblioteka Volynskogo soyuza russkogo naroda*. 29.
5. Vitaliy (Maksimenko). (1912) Krest pod Berestechkom. O slavnom ukrainском getmane Zinovii-Bogdane Khmel'nitskom i Berestechkoy bitve 18-30 iyunya 1651 g. [The cross near Berestechko. About the glorious Ukrainian Hetman Bohdan-Zinoviy Khmel'nitsky and the Battle of Berestechko, June 18-30, 1651]. *Biblioteka Volynskogo soyuza russkogo naroda*. 16.

6. Vitaliy (Maksimenko). (1955) *Motivy moey zhizni* [Motifs of my life]. Jordanville, N.Y.: Holy Trinity Monastery.
7. Vitaliy, Arch. (1912) Prinimayutsya poslushniki i dobrovol'tsy [Novices and volunteers are welcomed]. *Volynskaya zemlya*. 4th August. p. 1.
8. *Volynskaya zemlya*. (1912) Glumlenie nad russkimi [Mockery of Russians]. 22nd April. p. 3.
9. Guzyl, F. (1912) Russkaya rozn' [Russian Discord]. *Volynskaya zemlya*. 6th May. pp. 1–2.
10. Evlogiy (Georgievskiy). (n.d.) *Put' moey zhizni: Vospominaniya* [My Life's Journey: The Memoirs]. [Online] Available from: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2248>. (Accessed: 20th October 2023).
11. Enokhin, S. (1909) Russkoe krest'yanstvo na Volyni [The Russian peasantry in Volhynia]. *Pribavlenie k Pochaevskomu listku*. 33. p. 2.
12. *Rada*. (1911) Z gazet ta zhurnaliv [From newspapers and magazines]. 162. p. 2.
13. Ivanov, A.A. & Kovaleva, E.O. (2023) Deyatel'nost' arkhimandrita Vitaliya (Maksimenko) na Volyni: politicheskii ekstremizm ili protivodeystvie stikhiynomu radikalizmu? [Activities of archimandrite Vitaly (Maksimenko) in Volhynia: Political extremism or counteraction of spontaneous radicalism?]. *Vestnik MGPU. Seriya "Istoricheskie nauki" – MCU Journal of Historical Studies*. 2(50). pp. 46–64. (In Russian). DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04
14. *Pochaevskiy listok*. (1915) K voyne v Galitsii russkikh s russkimi [To the war of Russians with Russians in Galicia]. 33. p. 16.
15. *Volynskaya zemlya*. (1912) O pritesneniyakh russkogo naroda v Galitsii [About oppression of the Russian people in Galicia]. 22nd May. p. 2.
16. Omelyanchuk, I.V. (2000) *Chernosotennoe dvizhenie na territorii Ukrainy (1904–1914 gg.)* [The Black Hundred movement in Ukraine (1904–1914)]. Kiev: NIURO.
17. *Pochaevskiy listok*. (1911) Pamyati T.G. Shevchenko [In memory of T.H. Shevchenko]. 21st February. p. 17.
18. *Volynskaya zemlya*. (1915) Pomogite mnogostradal'noy men'shey bratii nashey – Galichanam [Help our long-suffering lesser brethren – to Galicians]. 30th January. p. 4.
19. The Russian State Historical Archive (RGIA). (s.n.) *Delo o soglasovanii deyatel'nosti Banka s obshchestvom vzaimnogo kredita "Pochaivo-Volynskiy narodnyy kredit" i ob uchastii obshchestva v dele likvidatsii nemetskogo zemlevladieniya v Volynskoy gubernii* [The case of the coordination of the Bank's activities with the Mutual Loan Society "PochaivVolhynian People's Loan" and the participation of the society in the elimination of the German land tenure in Volhynia]. Fund 592. List 44. File 734.
20. *Volynskaya zemlya*. (1912) Russkie zapovedi v Kholmshchine [Russian commandments in Kholmshchina]. 28th April. p. 4.

21. Severyanin. (1912) Ukrainomanskiy bred [The Ukrainoman drivell]. *Volynskaya zemlya*. 22nd May. pp. 1–2.
22. *Pochaevskie izvestiya*. (1909) Slavyanskije narody [Slavic peoples]. 17th March. p. 2.
23. Stepanyuk, D. (1909) Prizyv na kozatski mogily [Calls to the Cossack graves]. *Priboavlenie k Pochaevskomu listku*. 29. p. 2.
24. Sulyak, S.G. (2018) For Faith, Tsar, Fatherland and land to peasants (on the activities of the of Bessarabian province). *Rusin*. 4. pp. 169–188 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/10
25. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusins during World War I and the Time of Troubles (Russian Smuta)]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65.
26. *Volynskaya zemlya*. (1912) Tucha s zapada [A thundercloud from the west]. 13th April. pp. 1–2.
27. Fedevich, K.K. & Fedevich, K.I. (2017) *Za Viru, Carja i Kobzarja. Malorosijs'ki monarhisty i ukrai'ns'kyj nacional'nyj ruh (1905–1917 roky)* [For Faith, Tsar and Kobzar. The Little Russian monarchists and Ukrainian national movement (1905–1917)]. Kiev: Krytyka.
28. Chemakin, A.A. (2023) Where did the Black Hundreds disappear? Electoral statistics as a source for the study of the national identity of Ukrainian peasantry in the early 20th century. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 13(3). pp. 592–605. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu24.2023.305
29. Shevtsov, A.V. (1998) *Izdatel'skaya deyatel'nost' russkikh nesotsialisticheskikh partiy nachala XX veka* [Publishing activities of Russian non-socialist parties of the early twentieth century]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
30. Shulgin, V.V. (1990) *Gody. Dni. 1920 god* [Years. Days. 1920]. Moscow: Novosti.

Ковалева Елизавета Олеговна – аспирант, лаборант-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Elizaveta O. Kovaleva – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: st055567@student.spbu.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/12

Сибирские корни славянского единства

М.В. Шиловский

Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

E-mail: istorik.novosib@gmail.com

Авторское резюме

Анализируется участие славян (белорусов, украинцев, поляков) в освоении Сибири в XVII – начале XX в. После похода Ермака служилые люди «литовского списка» участвовали в процессе включения новых территорий в состав Российского государства. Большую часть их составляли военнопленные участники войн между Московским царством и Речью Посполитой, отправленные на службу за Урал. Они несли службу практически во всех сибирских городах, постепенно ассимилируясь в среду русских поселенцев и заводя свое хозяйство. С конца XVIII в. жители из вошедших в состав Российской империи польских территорий, осуждённых за уголовные и политические преступления, высылались на каторгу и поселение исключительно в Сибирь. Большинство, будучи амнистированными, возвращались на родину, но часть их в местах поселения пускали прочные корни. Самая массовая по количеству участвующих в ней выходцев из западных губерний миграция приходится на конец XIX – начало XX в. Постепенно происходила адаптация новоселов к климату и условиям жизни в Азиатской России. Перечисленные факторы способствовали выработке взаимного доверия, а хозяйственные связи перерастали в родственные. Из представителей польской диаспоры оставались окончательно или на длительный срок в основном переселенцы и трудовые мигранты.

Ключевые слова: Сибирь, украинцы, белорусы, поляки, «литва», служилые люди, переселенцы, самобытность

Siberian Roots of Slavic Unity

Mikhail V. Shilovskiy

Institute of History of the Russian Academy of Sciences

8 Nikolaeva street, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: istorik.novosib@gmail.com

Abstract

The paper analyzes the participation of Slavs (Belarussians, Ukrainians, Poles) in the development of Siberia in the 17th – early 20th century. After Ermak's campaign, the service people of the "Lithuanian list" participated in the incorporation of new territories into the Russian state. The majority of them were prisoners of war, participants in the wars between the Muscovite kingdom and the Polish-Lithuanian Commonwealth, sent to serve in the Urals. They served in almost all Siberian cities, gradually assimilating with Russian settlers and starting their own farms. From the late 18th century residents from the Polish territories that became part of the Russian Empire, convicted of criminal and political crimes, were sent to hard labor and settlement exclusively in Siberia. Having been amnestied, most of them returned to their homeland, but those deeply rooted in their settlements remained in Siberia. The most massive migration (in terms of the number of migrants from the Western provinces) took place in the late 19th – early 20th century. The new settlers gradually adapted to the climate and living conditions in Asian Russia. The listed factors contributed to the development of mutual trust, and economic ties developed into family ties. Those members of Polish diaspora who chose Siberia as their permanent or long-term residence were for the most part resettlers or labour migrants.

Keywords: Siberia, Ukrainians, Belarussians, Poles, "Lithuanians", service people, resettlers, identity

Истоки славянского (восточнославянского) единства уходят ко времени правления Ивана III (1462–1505), когда турки-сельджуки разгромили Византийскую империю. Тогда же ими были завоеваны остальные православные государства. Единственной суверенной православной державой оставалось Московское царство, которое стало рассматриваться властью, обществом и православной церковью как центр христианского мира, правопреемницей Византии. Отсюда логично вытекала концепция «Москва – третий Рим» (Московское царство как преемник Римской и Византийской империй, павших из-за уклонения от истинной веры, «Два Рима подоша, а третий стоит, а четвертому не быти»). Соответственно, на Москву ложилась ответственная задача объединения славянских общностей.

Последовательным сторонником и проповедником славянского единства выступал хорват по национальности и католик по вероисповеданию Юрий Крижанич (1618–1683), который в течение 15 лет находился в ссылке в Тобольске (1661–1676). В ряде произведений, написанных в Сибири, прежде всего в «Политике», он обосновывал необходимость объединения славян посредством просвещения, создания единого «всеславянского» языка. Россия, по его мнению, должна была возглавить этот процесс, а также «вызволить западных славян из-под гнета политики “онемечивания”» [16: 191].

Обозначенная миссия осложнялась попытками папской курии насадить католичество, опираясь на Польшу. В 1439 г. московский митрополит, грек Исидор на Флорентийском соборе от имени Русской православной церкви (РПЦ) подписал унию об объединении православной и католической церкви под руководством римского папы. По приказу Ивана III иерарха с престола свергли, и РПЦ отвергла соглашение. После заключения в 1596 г. Брестской унии поляки-католики, с одной стороны, рассматривались как часть славянского племени, с другой – как враги православия. Данное обстоятельство отразилось на отношении к подданным Речи Посполитой со стороны властных структур Московского царства.

Включение Сибири в состав Российского государства и её освоение от похода дружины Ермака (1582) и до начала XX в. осуществлялся преимущественно русскими. Вместе с тем в нём активно участвовали украинцы, белорусы и поляки, подданные Речи Посполитой, попавшие в плен или перешедшие на русскую службу. Не случайно в фундаментальном труде «Сибирь как колония» (1882, второе издание 1892 г.), подводившему итоги 300-летнего освоения Сибири, Н.М. Ядринцев применительно к главным «колонизаторам» постоянно, как равноценные, употребляет дефиниции «славянское племя», «славяно-русское племя», «славянская колония», «русская народность», «русский крестьянин» [22: 40, 100, 101, 507, 508].

К концу XVII в. в Западной Сибири насчитывалось около 10 тыс. служилых людей, в том числе 3 170 чел. «литовского списка» (белорусов, поляков, украинцев, литовцев) [11: 223]. Оказались они здесь в качестве военнопленных вследствие постоянных войн в XVII в. между Московским царством и Речью Посполитой, отправленными на службу за Урал. «Процесс включения новых сибирских земель в состав России требовал большого количества людских ресурсов, – замечает А. Люцидарская, – поэтому власти находили должное место для каждого ссыльного. Этнический состав военнопленных был необычайно пёстрым... Термин “литва” одинаково мог применяться к выходцу из-под Кракова и уроженцу Полоцка» [5: 116, 119]. После

окончания войн осуществлялся обмен военнопленными. Однако часть из них, адаптировавшись к сибирским условиям, «на размен идти не стремилась». Активно приспосабливались к местным условиям шляхтичи из-под Смоленска, Могилева, Полоцка. Как правило, они свободно владели русским языком, легко обращались в православие, поскольку принятие православной веры являлось обязательным условием «верстания» в сибирскую службу. Укоренившиеся в сибирских городах служилые люди «литовского списка» смешивались с местным населением.

Колоритный образ такого служилого воспроизводит на основе письменных источников П.М. Головачев: «Иван Васильев сын Болтовский: томский сын боярский сказал, родом он польской земли, взят в Невеле и привезен к Москве, а как был размен и он в свою землю не пошел и по челобитью пожалован в дети боярские в Томске. Оклад учинен на Москве: денег 14 рублей, хлеба 12 четей ржи и овса, 3 пуда соли и служит в Томске 15 лет. Детей у него два сына: Мишка 9 лет, Афонька 5 лет, пашни за ним нет. С собой молод, только беден» [18: 6]. Одной из причин оседания в далекой сибирской стороне являлись материальные соображения. «Для многих из них Сибирь стала местом, где они могли существенно повысить свой материальный и социальный статус в условиях большой личной свободы. В этом плане примечателен ответ шляхтича Калышского воеводства, взятого в плен под Витебском в 1654 г., который при размене пленными «не похотел идти к польскому королю в рабью землю» и остался служить в Кузнецком остроге в чине сына боярского [15: 16]. «Над созданием общего отчества русских малороссы и белорусы трудились не менее великороссов», – отмечалось в декларации «Общества студентов малороссов и белоруссов Единство русской культуры» в Праге» (1925) [7: 197].

Представители выходцев из Речи Посполитой несли службу практически во всех сибирских городах, постепенно ассимилируясь в среду русских поселенцев и заводя свое хозяйство [17: 76–77]. В дальнейшем, как установила Т.С. Мамсик на примере приписных крестьян Бердской, Кривошековской, Кайлинской и Чаусской волостей в Среднем Приобье, бывшие служилые иноземные казаки и дети боярские в первой четверти XVIII в. были выделены в особую сословную группу разночинцев. В итоге часть томских служилых людей «литовского списка» попали в число казенных крестьян, приписанных в середине XVIII в. к Колывано-Воскресенским заводам Кабинета Его Императорского Величества. Численность семей среди них только белорусского происхождения составила в 1730-е гг. до 5 тыс. душ обоего пола, потомки которых до сих пор проживают в пригородных

сельских районах Новосибирска [6: 217; 15: 33–34]. Аналогичная ситуация имела место еще раньше в Таре. Здесь, после окончания очередной войны с Польшей, в состав гарнизона включили около сотни пленных. Все они приняли православие, утратили сословный статус, были поверстаны в казаки, посадские и крестьяне [4].

Впрочем, не всегда ссыльные оставались в Сибири или дожидались возвращения на родину «по посольскому договору и вечному доканчанью». Имели место попытки организации массовых побегов, самый массовый относился к 1634 г. Тогда прибывшая в Томск для усиления гарнизона большая партия «литовских людей» (150 чел.) вместе с «староверстанными» составила заговор «пограбить казну... и взяв лошадиное стадо, бежать степью мимо Тары на Волгу и приматца [пробираться. – М.Ш.] в Литву». Всего в заговоре приняли участие около 50 служилых людей и примерно 25 крестьян. Их сдал местным властям пашенный крестьянин. «За такую великую измену и за воровской лихой завод, которые в том воровском деле большие пущие заводчики – 12 человек велели повесить» [12].

В последующем таких массовых попыток организации побегов только ссыльными поляками было еще две: в 1832–1833 гг. («Омское дело») и в 1866 г. на строительстве Кругобайкальского тракта. В первом случае сосланные участники восстания 1830–1831 гг. и военнослужащие расформированной польской армии, отправленные для продолжения службы в частях Отдельного Сибирского корпуса, готовили массовое вооружённое выступление. У части из них возникла мысль о «поисках свободы путем массового побега через Бухарию в Индию, а оттуда в Европу» [9: 57]. После подавления Январского восстания 1863–1864 гг. в Сибирь сослали около 20 тыс. её участников. Часть из них, задействованная на строительстве Кругобайкальского тракта, 25 июня 1866 г. предприняли вооружённую попытку освобождения. Участники акции планировали массовый уход польских ссыльных в Монголию и Китай, продвижение к Тихому океану и перемещение в третьи страны [8].

С конца XVIII в. жители из вошедших в состав Российской империи территорий Речи Посполитой (поляки, белорусы, украинцы), осуждённые за уголовные и политические преступления, высылались на каторгу и поселение исключительно в Сибирь. Большинство из них, будучи амнистированными, возвращались на родину, но часть их из категории «простых» в местах поселения «нередко быстро пускали прочные корни – брали ссуды, обзаводились добротной усадьбой, домашним скотом, активно искали занятия по своим способностям. Здесь они создавали новые семьи, а по большей части «выписывали» «старые», занимались предпринимательством, делали служебную или

научную карьеру» [2: 367–368]. Приехала в Сибирь и определенная часть вернувшихся домой. В ситуации обостряющегося аграрного населения они присоединились к потоку мигрантов, направлявшихся в Азиатскую Россию. «Те же, кто уже побывал в Сибири в ссылке, лучше ориентировались в возможностях устройства в далёком и суровом крае, – замечали С.М. Токть и А.А. Крих. – У многих из них там уже жили родственники и знакомые, на помощь которых они могли рассчитывать. Таким образом, нехватка земли и средств к существованию подталкивала некоторых бывших повстанцев уже добровольно отправляться на восток» [20: 318].

Самая массовая по количеству участвующих в ней поляков, белорусов, украинцев миграция приходится на конец XIX – начало XX в. Согласно подсчетам М. Бережновой, «в 1895 г. переселенческий поток из Европейской России в Сибирь по сравнению с предыдущим годом удвоился; но переселенцев из Белоруссии стало больше в пять раз! После открытия движения по Сибирской железной дороге путь стал легче и дешевле. В 1896 г. из Белоруссии в Сибирь переселилось 11 с половиной тысяч человек, а это больше, чем в 1895 г., в 14 раз» [1: 133]. Оформилась специализация расселения на новых местах с учетом природно-климатических условий. Белорусы оседали преимущественно в таёжных урманах Тарского и Тюкалинского уездов Тобольской губернии, украинцы – в степных районах Алтая и Степного края, поляки – в городах и таёжной зоне Томской и Иркутской губерний. Постепенно происходил процесс адаптации новоселов к приемам хозяйственной деятельности старожилов. Последние лучше знали территорию, образ жизни и специфику хозяйственной деятельности аборигенов. Перечисленные факторы способствовали выработке взаимного доверия и восприятия знаний и опыта живущих смежно. Такие хозяйственные связи перерастали в родственные, и складывался «тип социальной структуры сибирской деревни, элементами которого были небольшие соседские и, как правило, однофамильные, т. е. кланово-родовые сообщества» [15: 45–46].

Существенный вклад внесли поляки в развитие товарно-денежных отношений в городах Азиатской России. Как правило, высоко было их представительство среди фотографов, кондитеров, колбасников, ювелиров, врачей, аптекарей, содержателей гостиниц, т. е. в областях, получивших распространение с конца XIX в. [21]. Например, в Иркутске, по сведениям на 1879 г., доля поляков среди колбасников, садовников, врачей, провизоров доходила до 30–50 %. «Кроме перечисленных профессий, бывшие ссыльные занимались разведкой и добычей золота, выполняли посреднические функции в торговле и банковском деле» [2: 364–365].

Параллельно пришлые славяне в плане духовной культуры ассимилировались с местными обычаями и традициями старожилов. Процесс проникновения культур и традиций был взаимным. Переселенцы рождались с крестьянами, браки шляхты католического вероисповедания с православными крестьянками становились в начале XX в. все более частыми, дети от них крестились в православных церквях. «Их дети, внуки и правнуки уже считают себя русскими, хотя и помнят о своем польско-дворянском происхождении» [20: 321].

Таким образом, в ходе более чем трёхсотлетнего освоения сибирских просторов активное участие в нем приняли поляки, белорусы, украинцы. К 1917 г. в Сибири проживало 472,3 тыс. украинцев [10: 483], 40–70 тыс. поляков (1914 г.) [14: 396], 174,7 тыс. белорусов (1904 г.) [15: 65]. Особенности и итоги адаптации их авторами коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи» определили следующим образом: «В Сибири шел активный процесс консолидации славянского (и не только славянского) населения в «большую русскую нацию». Украинцы и белорусы сохраняли довольно долго свой язык, черты бытовой культуры, но в условиях Сибири она оказывались рассеянными (хотя и проживали часто отдельными поселениями) среди выходцев из великорусских губерний, сибирских старожилов и сибирских и дальневосточных народов. Они селились зачастую в городах, работали на золотых приисках и стройках. В результате они были более восприимчивыми к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали большую, чем на исторической родине, приверженность идее общероссийской идентичности» [19: 69].

В районах компактного оседания в XVII–XVIII вв. представители служилого сословия «литвы-белорусов» с начала XIX в. эволюционируют в зажиточную группу крестьян-старожилов. Так, в Кайлинской волости Томского уезда по состоянию на вторую четверть XIX в. потомки служилых людей славянского происхождения составляли около трети общего числа семей. Труд трёх поколений колонистов способствовал превращению ареала их проживания в аграрно-освоенную территорию со всеми признаками экономического расцвета. Пришельцы из Речи Посполитой, пережив пленение и ссылку, сменив вероисповедание, освоив русский язык, адаптировались к суровым природно-климатическим условиям края. «От своих предков они усвоили не только принципы формирования хозяйства и социальной самоорганизации, но, что не менее важно, их устойчивые политические государственнические ориентации» [15: 51–52].

Украинцы длительное время сохраняли национальную самобытность, прежде всего используя в разговорной практике родной язык.

В топонимике сельских поселений Новосибирской области названия многих из них указывают на место выхода основателей – Полтавка, Черниговка, Киевка и т. д. В многолюдных селах и деревнях новоселы из малороссийских губерний компактно проживали в своеобразных национальных микрорайонах, получивших название «Хохлы». Заимствуя у сибиряков-старожилов приемы обработки земли, переселенцы стремились расширить посевы гречихи и подсолнуха, активно занимались гончарным промыслом. «Национальный украинский колорит наиболее отчётливо прослеживался в характере жилищных и хозяйственных построек, – замечала Л.А. Кутилова. – Большинство украинских поселений в Томской губернии имели типичный малороссийский вид: избы, мазаные глиной, крытые соломой или дерном и, нередко, покрашенные в два цвета: коричневым – внутри двора, белым – снаружи» [3: 141]. Постепенно эти различия нивелировались, а потом сошли на нет. У белорусов этот процесс происходил быстрее. И о национальных корнях потомкам напоминают семейные предания и специфика разговорной речи.

Существенно отличалась ситуация в плане адаптации и ассимиляции у поляков. Нивелировка произошла применительно к осевшим в Сибири служилым людям «литовского списка». В последующем, особенно к началу XX в., здесь оставались окончательно или на длительный срок переселенцы и трудовые мигранты. Большая часть ссыльных (уголовных и политических), военных, чиновников, беженцев, военнопленных возвращались на родину. Сохранению национальной идентичности и консолидации польской диаспоры способствовали конфессиональный фактор (католичество), образование, благотворительность, отрицательные стереотипы во взаимоотношениях с представителями других диаспор и сибиряками.

Стремление вернуться в воссозданную в конце 1918 г. Польшу преобладало у мигрантов, попавших в Сибирь не по своей воле, и военнопленных. Так, бывший легионер 5-й дивизии польских стрелков С. Богданович родился в 1900 г. недалеко от Бреста, а затем в 1910 г. перебрался к отцу, высланному в г. Троицк Оренбургской губернии за участие в революции 1905–1907 гг. После разгрома соединения в районе станции Клюквенная под Красноярском он оказался в плену, а в 1921 г. как репатриант уехал в Польшу [13: 96]. В свою очередь военнослужащие упомянутой дивизии примерно в равной пропорции делились на бывших военнопленных австро-венгерской и германской армии, а также подданных России, мобилизованных в русскую армию. Первые во главе с полковником В. Чумой стремились домой и не считали нужным оставаться в Сибири в то время, когда в Польше закладывались основы национальной государственности. Вторые

под руководством командира дивизии полковника К. Румши считали необходимым участвовать в боевых действиях против большевиков [10: 364, 366]. И те и другие оказались в Польше, но первыми туда прибыли сторонники комдива, прорвавшиеся во время боевых действий под Ключвенной на восток. Их «оппоненты» сдались красным и смогли выехать на родину в 1921 г. после заключения договора о репатриации. Таким образом, подавляющая часть оказавшихся в Сибири в конце XIX – начале XX в. поляков вернулась на родину.

В целом время пребывания украинцев, белорусов, поляков в Сибири, а также причины зависели от времени их прибытия в регион, социального статуса (военнопленный, ссыльный, переселенец), степени включённости в повседневную жизнь. Быстрее и эффективнее эти процессы происходили в среде украинцев и белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бережнова М.* Рассказы о белорусском хозяйстве в урмане, или Первые шаги на новой родине... // Тобольск и вся Сибирь. Кн. 30: Белорусы в Сибири: в 2 т. Тобольск: Издательский отдел ТРОБФ «Возрождение», 2019. Т. 1. С. 131–150.
2. *Иванов А.А., Кузнецов С.И.* К вопросу о пребывании ссыльных поляков – участников Январского восстания в Иркутской губернии (1863–1883 гг.) // Сибирская ссылка. Вып. 8. Иркутск: Оттиск, 2017. 560 с.
3. *Кутилова Л.А.* Украинцы на землях Томского переселенческого района // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. Т. IX. С. 136–144.
4. *Лещенко Р.Ф.* Белорусы-переселенцы в Сибири (конец XVI–XVII вв.) // Белорусы в Сибири. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2000. С. 10–27.
5. *Люцидарская А.* Участие белорусов в освоении Сибири в XVII – начале XVIII в. // Белорусы в Сибири. Т. 1. Тобольск: Издательский отдел ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2019. 720 с.
6. *Мамсик Т.С.* Первопоселенцы Новосибирского Приобья: По материалам XVII – середины XIX в. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012. 254 с.
7. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
8. *Митина Н.П.* Во глубине сибирских руд. К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. М.: Наука, 1966.
9. *Нагаев А.С.* «Омское дело» 1832–1833 гг. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 208 с.
10. *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.

11. *Недбай Ю.Г.* Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1998. 272 с.
12. *Оглоблин Н.Н.* Заговор Томской «литвы» в 1634 г. // Белорусы в Сибири. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2000. С. 87–100.
13. *Оплаканская Р.В.* Сибирское общество в период Гражданской войны (Образ времени в воспоминаниях иностранного легионера) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3. С. 95–100.
14. *Островский Л.К.* Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2018. 488 с.
15. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. 2-е изд. Новосибирск: Наука-Центр, 2002. 241 с.
16. *Пушкарёв Л.Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1984. 213 с.
17. *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 196 с.
18. Сибирская старина. Томск, 1997. № 12.
19. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
20. *Токть С.М., Крих А.А.* Минская шляхта в Беларуси и Сибири // Вестник Омского университета. 2012. № 2. С. 315–321.
21. *Шиловский М.В.* Сибирские поляки-предприниматели до 1917 г. (по материалам «Краткой Энциклопедии по истории купечества и коммерции в Сибири») // Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной научно-практической конференции. Томск, 1999. С. 82–84.
22. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 556 с.

REFERENCES

1. Berezhnova, M. (2019) Rasskazy o belorusskom khozyaystve v urmane, ili Pervye shagi na novoy rodine... [Tales of the Belorussian household in the urman, or the First steps in the new homeland...]. In: *Tobol'sk i vsya Sibir'* [Tobolsk and all Siberia]. Vol. 30. Vol. 1. Tobolsk: Vozrozhdenie. pp. 131–150.
2. Ivanov, A.A. & Kuznetsov, S.I. (2017) K voprosu o prebyvanii ssyl'nykh polyakov – uchastnikov Yanvar'skogo vosstaniya v Irkutskoy gubernii (1863–1883 gg.) [On the Polish Exiles – Participants of the January Uprising in the Irkutsk Province (1863–1883)]. In: *Sibirskaya ssylka* [Siberian Exile]. Vol. 8. Irkutsk: Ottisk.
3. Kutilova, L.A. (1996) Ukraintsy na zemlyakh Tom'skogo pereselencheskogo rayona [Ukrainians on the lands of the Tomsk resettlement area]. *Trudy Tom'skogo*

gos. ob'edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya. 9. pp. 136–144.

4. Leshchenko, R.F. (2000) Belorussy-pereselentsy v Sibiri (konets XVI–XVII vv.) [Belorussians-resettlers in Siberia (late 16th – early 18th century)]. In: *Belorussy v Sibiri* [Belarusians in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 10–27.

5. Lyutsidarskaya, A. (2019) Uchastie belorusov v osvoenii Sibiri v XVII – nachale XVIII v. [Participation of Belarusians in the development of Siberia in the 17th – early 18th century]. In: *Belorussy v Sibiri* [Belarusians in Siberia]. Vol.1. Tobolsk: Vozrozhdeniye Tobolska.

6. Mamsik, T.S. (2012) *Pervoposelentsy Novosibirskogo Priob'ya: Po materialam XVII – serediny XIX v.* [First settlers of the Novosibirsk Ob River Area. On the materials of the 17th – mid-19th century]. Novosibirsk: SB RAS.

7. Miller, A.I. (2008) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on Methodology of Historical Study]. Moscow: NLO.

8. Mitina, N.P. (1966) *Vo glubine sibirskikh rud. K stoletiyu vosstaniya pol'skikh ssyl'nykh na Krugobaykal'skom trakte* [In far Siberia's deepest soil. On the centennial of the uprising of Polish exiles on the Circum-Baikal Highway]. Moscow: Nauka.

9. Nagaev, A.S. (1991) “Omskoe delo” 1832–1833 gg. [The “Omsk Case”, 1822–1833]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.

10. Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskoy perelome (1917–1922 gg.)* [Ethnic Minorities of Siberia and Far East at the historical turning point (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.

11. Nedobay, Yu.G. (1998) *Kazachestvo Zapadnoy Sibiri v epokhu Petra Velikogo* [Cossacks of Western Siberia during the Era of Peter the Great]. Omsk: Omsk State University.

12. Ogloblin, N.N. (2000) Zagovor Tomskey “litvy” v 1634 g. [Conspiracy of the Tomsk “Lithuanians” in 1634]. In: *Belorussy v Sibiri* [Belarusians in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 87–100.

13. Oplakanskaya, N.N. (2017) Sibirskoe obshchestvo v period Grazhdanskoy voyny (Obraz vremeni v vospominaniyakh inostrannogo legionera) [Siberian society during the Civil War (Image of the epoch in the memoirs of the foreign legionnaire)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 3. pp. 95–100.

14. Ostrovskiy, L.K. (2018) *Polyaki v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy chetverti XX veka* [Poles in Western Siberia in the late 19th – first half of the 20th century]. 2nd ed. St. Petersburg: Aletyya.

15. Bochanov, G.A. et al. (2002) *Ocherki istorii belorusov v Sibiri v XIX–XX vv.* [Essays on the History of Belorussians in Siberia in the 19th – First Quarter of the 20th century]. 2nd ed. Novosibirsk: Nauka-Tsentr.

16. Pushkarev, L.N. (1984) *Yuriy Krizhanich. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Yuriy Krizhanich. An Essay on the Life and Creative Work]. Moscow: Nauka.

17. Rezun, D.Ya. & Shilovskiy, M.V. (2005) *Sibir', konets XVI – nachalo XX veka:*

frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov [Siberia, late 16th – early 20th century: Frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes]. Novosibirsk: Sova.

18. *Sibirskaya starina*. (1997) 12.

19. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia within the Russian Empire]. Moscow: NLO.

20. Tokt, S.M. & Krikh, A.A. (2012) *Minskaya shlyakhta v Belarusi i Sibiri* [The Minsk Shlyakhta in Belarus and Siberia]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2. pp. 315–321.

21. Shilovskiy, M.V. (1999) *Sibirskie polyaki-predprinimateli do 1917 g. (po materialam "Kratkoy Entsiklopedii po istorii kupechestva i komertsii v Sibiri")* [Siberian Polish entrepreneurs before 1917 (on the materials of "Brief Encyclopedia of the History of Merchantry and Commerce in Siberia")]. In: Khanevich, V.A. (ed.) *Sibirskaya poloniya: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Siberian Polonia: Past, present, future]. Tomsk: [s.n.]. pp. 82–84.

22. Yadrintsev, N.M. (2003) *Sibir' kak koloniya* [Siberia as a Colony]. 2nd ed. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.

Шиловский Михаил Викторович – доктор исторических наук, заведующий сектором Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, профессор Новосибирского государственного университета (Россия).

Mikhail V. Shilovskiy – Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University (Russia).

E-mail: istorik.novosib@gmail.com

УДК 94(47)083+94(438).071
UDC
DOI: 10.17223/18572685/73/13

Украинский вопрос на страницах русской правовой периодической печати (1914 – февраль 1917 г.)

Д.И. Стогов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина)

Россия, 197022, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5,
литера Ф

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается позиция ведущих русских правовых периодических изданий в период с 1914 г. по февраль 1917 г. по украинскому вопросу. Проанализировав введённые в научный оборот публикации периода 1914 – начала 1917 г., автор приходит к выводу о том, что правые газеты и журналы подчёркивали необходимость жёсткого пресечения украинского сепаратизма (мазепинства), обращали внимание на факты недооценки местными чиновниками этой проблемы. Установлено, что правые не смогли выработать единой чёткой программы, направленной на преодоление мазепинства, ограничиваясь общими рассуждениями о «вреде» идей «самостийников», а также настаивая на необходимости организации русской пропаганды на юго-западе страны. Изучение периодической печати позволяет определить взгляды правых на происхождение мазепинства. Как правило, они разделяли точку зрения об австро-венгерском происхождении этого явления, отмечали важную роль в формировании украинства польской шляхты, духовенства католической и униатской церквей. Правые полагали, что простые малороссы и русины отрицали идеи мазепинства, социальной базой которого являлась местная интеллигенция и униатское духовенство Галиции. Установлено, что часть правых изданий выступала за развитие украинского языка и культуры в рамках единого государства («Гражданин», «Колокол»), другие издания («Почаевский листок», «Киевлянин») высказывались за преподавание в школах юго-запада России на литературном русском языке и за полное соединение местного населения с русским народом. Анализ публикаций в правовых изданиях позволяет выявить противоречие: видя опасность мазепинства для российской

государственности, многие правые верили в сравнительно лёгкую преодолимость украинского сепаратизма.

Ключевые слова: Российская империя, Австро-Венгрия, Галиция, Буковина, Первая мировая война, русины, консерватизм, униатство, публицистика, правые

The Ukrainian question in the Russian right-wing periodicals (1914 – February 1917)

Dmitrii I. Stogov

St. Petersburg State Electrotechnical University

5 Professor Popov Street, Saint Petersburg, 197022, Russia

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Abstract

The article examines the stance towards the Ukrainian question in the leading Russian right-wing periodicals from 1914 to February 1917. Having analyzed the publications from 1914 to early 1917, the author concludes that the right-wing newspapers and magazines emphasized the need for a tough suppression of Ukrainian separatism (“mazepinstvo”) and criticized local officials who underestimated this problem. The right-wingers could not develop a single clear program aimed at overcoming “mazepinstvo”, arguing in general about the “harmful ideas of nativism” and insisting on a more active Russian propaganda in the south-west regions. According to the right-wingers, “mazepinstvo” had an Austro-Hungarian origin, with the important role of the Polish gentry and the Catholic and Uniate clergy in the formation of “Ukrainism.” The right-wingers believed that ordinary Little Russians and Rusins generally denied “mazepinstvo”, which was supported by the local intelligentsia and the Uniate clergy of Galicia. Some of the right-wing publications advocated the development of the Ukrainian language and culture within a single state (*Grazhdanin*, *Kolokol*), while others (*Pochaevsky listok*, *Kievlyanin*) promoted the literary Russian as the language of southwestern school and the complete union of the local population with Russian people. The analysis of right-wing publications has revealed a contradiction: seeing the danger of “mazepinstvo” for the Russian statehood, many right-wingers believed that Ukrainian separatism could be relatively easily surmounted.

Keywords: Russian Empire, Austria-Hungary, Galicia, Bukovina, World War I, Rusins, conservatism, Uniatism, journalism, right-wingers

Продолжающаяся по сей день дискуссия о судьбе Украины актуализирует обращение к событиям более чем столетней давности, когда, в условиях начавшейся Первой мировой войны и политического кризиса Российской империи, активизировалось украинское движение.

Различные политические силы царской России (консерваторы, либералы, левые) не оставляли без внимания украинский вопрос. Правые силы, среди которых выделяются крайне правые (черносоптенцы) и умеренно правые (националисты), последовательно отстаивали идеи единой и неделимой России, видели в мазепинстве (как в то время называли украинское политическое движение, от имени гетмана Ивана Мазепы, перешедшего в разгар Северной войны на сторону шведского короля Карла XII) угрозу существованию российской государственности.

Позиция правых по украинскому вопросу неоднократно рассматривалась современными исследователями. Касаясь идеологии русских националистов, Д.А. Коцюбинский отмечает, что их воззрения на украинскую проблему были противоречивыми: с одной стороны, они характеризовались непризнанием украинцев отдельной нацией (ими делался вывод о «полной беспочвенности» «мазепинства»), а с другой стороны – признанием «крайней опасности» украинского движения [17: 295]. А.В. Репников подчёркивает, что «украинский» и «белорусский» вопросы для правых «были искусственными» [27: 316], а «малорусы, белорусы и великорусы рассматривались ими как единый народ» [27: 317]. А.В. Репников и А.А. Иванов отмечают, что под «украинской проблемой» правые подразумевали «стремление Германии и Австро-Венгрии при помощи местных националистов-сепаратистов (“мазепинцы”) отколоть от Российской империи малороссийские земли» [24: 26]. А.Ю. Минаков указывает, что правые разработали ряд предложений с целью противостояния мазепинству (речь шла не только о репрессивных мерах [39: 25], но и об усилении роли православия в жизни народа [39: 22–23], о создании народных русских школ [39: 23]). Вместе с тем историк подчёркивает, что правые так и не выработали системной целостной программы по украинскому вопросу [39: 22]. В статье А.А. Иванова, А.Э. Котова, Д.Г. Янченко и Д.В. Овсянникова предпринята попытка рассмотреть эволюцию отношения русских консерваторов к украинскому национализму в период с середины XIX до начала XX в.; правые постепенно осознавали опасность украинства для сохранения единства страны [43: 138]. О позиции правых по украинскому вопросу пишет в недавно вышедшем исследовании А.А. Иванов [25: 189–193]. А.А. Чемакин подверг критике концепцию К.К. Федевича об украинизации черносотенного движения [42].

Русская правая печать предреволюционных лет в контексте изучения украинского вопроса неоднократно в той или иной степени рассматривалась современными исследователями – А.В. Глушковым [7], В.М. Камневым, А.Э. Котовым и А.А. Чемакиным [15; 33], В.П. Зиновьевым и В.В. Казаковым [12], Д.И. Стоговым [36] и др. В частности, В.М. Камнев, А.Э. Котов и А.А. Чемакин рассматривают редакционную политику газеты «Киевлянин» (по политическим взглядам близкой к «Киевскому клубу русских националистов» и к Киевскому отделению «Всероссийского национального союза») по украинскому вопросу и отмечают, что издание с симпатией относилось к концепции «трёх русских народов», писало о «трёх проявлениях одного русского народа» [15: 36]. В.П. Зиновьев и В.В. Казаков, проанализировав ряд публикаций всеславянского журнала русофильской направленности «Славянский век» (издавался на русском языке в Вене), пришли к выводу, что редакция издания придерживалась концепции, согласно которой насаждению украинства среди галицких русинов и борьбе с русской культурой способствовали в первую очередь австро-венгерские власти [12: 125]. Между тем до настоящего времени отсутствует комплексное исследование, посвящённое позиции правых газет и журналов в предреволюционный период по украинскому вопросу.

Хронологические рамки настоящей работы определяются, во-первых, началом Первой мировой войны, обострившей национальные противоречия, в том числе на юго-западе России, и периодом, непосредственно предшествовавшим Первой мировой войне (январь – июль 1914 г.; нижняя временная граница), а во-вторых – временным периодом, непосредственно предшествовавшим Февральской революции 1917 г., фактически поставившей крест на издании правых газет и журналов (верхняя временная граница).

В статье рассматривается позиция по украинскому вопросу ряда русских правых периодических изданий («Русское знамя», «Земщина», «Гражданин», «Колокол», «Новое время», «Московские ведомости», «Гроза», «Киевлянин», «Почаевский листок») в период с января 1914 г. по февраль 1917 г. Большинство рассмотренных источников введено нами в научный оборот.

Отметим, что количество материала на украинскую тему, опубликованного в правых изданиях в период с января 1914 г. по февраль 1917 г., то увеличивалось, то уменьшалось в зависимости, прежде всего, от текущей политической и военной ситуации. Сравнительно много статей, заметок, фельетонов на означенную тему вышло в свет в период, непосредственно предшествовавший Первой мировой войне (начало 1914 г.), когда политические противоречия в Европе накалялись, а также на начальном этапе Первой мировой войны (вто-

рая половина 1914 г. – первая половина 1915 г.), когда значительная часть Галиции, населённая русинами, была занята русскими войсками и появилась надежда на полноценное включение этой территории в состав Российской империи. В 1915–1916 гг., после потери русскими Галиции, интерес к данной проблеме заметно снизился, что наглядно видно по сравнительно небольшому количеству публикаций в правых изданиях, так или иначе касающихся украинского вопроса.

Проведя анализ некоторых публикаций, выделим черты, характерные практически для всех газетных и журнальных статей, заметок, фельетонов. Главная объединяющая черта – тезис о триединстве русского народа. В частности, печатный орган крупнейшей черносотенной организации – Всероссийского Дубровинского Союза русского народа – газета «Русское знамя» утверждала, что «Малороссия и Великая Россия – едины и неделимы», и напоминала об историческом значении Переяславской Рады, принявшей решение о воссоединении с Россией [21]. В церковно-политической газете «Колокол» (издатель – миссионер, публицист, участник монархического движения В.М. Скворцов) можно встретить утверждение о «двух давно сросшихся ветвях одного и того же славянского дерева (великороссах и малороссах)» [5].

Присоединение в 1914 г. Восточной Галиции к Российской империи трактовалось как возвращение местного населения (русинов) «в объятия родной матери» [3]. На русское происхождение Галиции и Буковины указывала и черносотенная газета «Земщина» (редактор С.К. Глинка-Янчевский, издатель (с 1915 г.) – лидер «обновленческого» Союза русского народа Н.Е. Марков) [35]. О «православно-русском самосознании» писал черносотенный журнал «Почаевский листок» (издавался в Почаевской лавре архимандритом Виталием (Максименко)) [2]. «Русские бежали к русским» – такими словами охарактеризовала газета «Новое время» (издание Товарищества А.С. Суворина «Новое время») прибытие в Одессу беженцев-галичан, спасавшихся от боевых действий [8]. Эта же газета в одном из номеров опубликовала всеподданнейшую поздравительную телеграмму Русского народного совета Прикарпатской Руси, в которой говорилось о «великом и святом деле собирания Русской земли воедино» [6]. Газета «Московские ведомости» (редактор – черносотенец Б.В. Назаревский) подчёркивала, что «всякие поползновения создать новый “русско-украинский” народ должны встретить самый беспощадный отпор» [4: 2].

Отметим, что практически во всех рассмотренных нами изданиях говорится о едином русском народе, который волею судьбы оказался несколько веков назад расколотым. Начавшаяся Первая мировая война, казалось, могла поставить точку в многовековом расколе русских.

Истоки политического украинства. Большинство рассмотренных изданий обращали внимание на то, что политическое украинское движение искусственно взращивалось австро-венгерскими властями на подконтрольной Австро-Венгрии территории Восточной Галиции и Буковины при активной поддержке местной польской шляхты в целях раскола единого русского народа, создания своего рода «антироссии» с далеко идущими целями – последующим отрывом Малороссии, в том числе «Матери городов русских», Киева, от России.

К примеру, в начале 1914 г. газета «Колокол», касаясь празднования столетия со дня рождения Т.Г. Шевченко, которого она охарактеризовала как «возбудителя бунта и вдохновителя обособленчества от великой России», указывала, что «мазепинцы – покорные слуги Австрии», издают большую часть своих газет и журналов на деньги «враждебного нам государства», и эти периодические издания призывают несколько десятков малороссов «к измене в пользу Австрии на случай военного столкновения России и последней» [34]. Газета считала недопустимым чествование памяти Шевченко, полагая, что местные власти проявили слабость, разрешив празднования. Об австро-венгерской основе украинской пропаганды писала газета «Новое время» в заметке «Германская пропаганда». Автор статьи, корреспондент из Букареста, пишет о немецкой пропаганде в Румынии, которая не встречает, «к сожалению, никакого сопротивления с нашей стороны» [22]. В Швейцарии, как утверждает автор, с подачи немцев продавались украинские издания («L'Ukraine», «Revue ucraïnienne» и др.), распространявшие «заведомо ложные <...> сведения» [22]. Указывалось, что Вена после начала войны ещё более укрепилась в роли идеологического центра украинства [22]. Украинских «самостийников» газета «Московские ведомости» именует «слугами Берлина и Вены» [4: 2].

Публицист Яков Нивич в статье газеты «Колокол» под названием «Правда о “мазепинцах”» вступил в полемику с либеральной газетой «Русская воля», которая утверждала о якобы имевшем место «угнетении» культуры русской Украины. Я. Нивич считал, что языковые ограничения в отношении российских малороссов вводились как ответ на проукраинскую австрийскую политику, которая «отравляла жизнь Галичины» [20]. Он отметил, что вследствие деятельности «пан-германистов» мазепинское движение пустило глубокие корни [20].

С поддержкой теории австро-венгерского происхождения украинского сепаратизма выступила и газета «Русское знамя». Издание утверждало, что австрийцы, используя языковые, религиозные, культурные особенности галицких русинов, породили «урода», получившего название мазепинщина [38].

Газета напоминала, что официальные Вена и Будапешт ревностно поддерживали в довоенное время это политическое течение, а эрцгерцог австрийский Франц-Фердинанд прямо выражал надежду на то, что со временем будет создано «великое герцогство Киевское» [21]. Соответственно, автор заметки надеялся, что в связи с занятием русской армией Восточной Галиции на её территории будут полностью «разрушены очаги австрофильской заразы» [21].

В публикации говорилось и об искусственном происхождении украинского языка, который, как указывала газета, разительно отличается от малорусских и русинских говоров. Высказывалась мысль о том, что украинский язык, названный автором «тарабарской мовой», изобретён венгерским Министерством народного просвещения «с целью заставить хохлов совершенно потерять ненавистный русский облик» [21].

Автор одной из публикаций «Колокола», возмущаясь созданием в конце 1913 г. во входившем в то время в состав Австро-Венгрии Львове музея имени ярких представителей антироссийского движения в Галиции, Шептицких, отмечал, что сепаратистские замыслы о «самостийной Украине» постепенно проникают и на территорию Российской империи, растут и ширятся [10].

На австрийское происхождение украинства указывал и «Почаевский листок» в статье с характерным названием «Австрийский плач по Галиции» [1: 16].

Вполне рядовыми на страницах правой печати стали и рассуждения о колоссальной роли униатства и католицизма в становлении украинства наряду с ведущей ролью австро-венгерских властей [21]. «Почаевский листок» подчёркивал, что «местный язык служил вместе с унией у австрийцев способом к пропаганде сепаратизма от России даже Малороссии, столь страстно желанной для швабов» [1: 16]. Газета «Гроза» (редактор-издатель – черносотенец Н.Н. Жеденов) в заметке под названием «За день» высказала идею, что «украинцы отличаются от малороссов тем, что украинцы принадлежат к католикам и униатам, а малороссы – православные» [11: 3]. На наличие прямой связи католичества и униатства с украинством обращала внимание и газета «Земщина» [26].

В публикациях русских правых газет и журналов на украинскую тему религиозной составляющей уделяется особая роль. Подчёркивалось, что навязанное католиками униатство привело к отрыву местного населения от единой русской культуры, говорилось о необходимости освобождения галичан от униатства. Впрочем, газета «Колокол» подчёркивала, что присоединение галицийских униатов к православию должно быть делом добровольным [37].

На страницах правой, в особенности крайне правой, черносотенной печати зачастую также содержатся негативные суждения в отношении еврейства и его влияния на жизнь Юго-Западной Руси. Газета «Русское знамя» поддержала резолюцию черносотенного Русского собрания о непринятии галицких иудеев в русское подданство [16]. Выступала газета и против признания иудеев «патриотами» России [28], и против отмены черты оседлости для иудеев в Киеве [29].

Итак, в большинстве случаев правая периодическая печать видела истоки политического украинства в антироссийской деятельности австро-венгерских властей, католического и униатского духовенства, еврейства. Были, однако, и некоторые исключения. Так, на страницах газеты-журнала консервативного направления «Гражданин» (редактор-издатель – организатор известного правого политического салона князь В.П. Мещерский) содержится нехарактерная для большинства правых теория происхождения мазепинства, которое, по мнению издания, выдуманно не поляками и не австрийцами, а «хитренькими хохлами» с целью «заслужить себе добавочный гонорар» [32: 4].

Отношение правой периодической печати к культурной самоидентичности населения Юго-Западного края. Правые издания придерживались различных точек зрения на проблему сохранения украинского языка и украинской культуры. Часть газет и журналов (например, «Гражданин») высказывали мнение о том, что царским властям не следует препятствовать развитию малороссийской (украинской) культуры как таковой. По мнению «Гражданина», власти делали серьёзную ошибку, запрещая малороссийские колядки в школах Киевской губернии, тогда как одновременно в сельские библиотеки Киевщины широким потоком шла либеральная литература (в частности произведения Л.Н. Толстого [32: 3]), разлагавшая, как считали правые, общество, потворствуя росту в нём антимонархических настроений. При этом, отмечал автор публикации «Гражданина», в библиотеках Киевской губернии отсутствовали какие бы то ни было украинские книги. «Малорусскую старину» «Гражданин» характеризует как «прекрасную и ни для кого не опасную», а чиновников, запрещающих местным детям петь малороссийские колядки, – «фанатическими обрусителями», работающими «для будущей все-российской революции» [32: 4]. Автор публикации выразил мысль о неразрывной связи с Великой Россией всех русских Юго-Западной Руси – не только малороссов, но и даже галицких мазепинцев (несмотря на их антироссийские устремления, сохранивших в условиях польского и затем австро-венгерского владычества русскую идентичность, «ментальность») [32: 4].

Преследование малороссийской народной культуры, по мнению

издания, неизбежно приведёт к самым негативным последствиям. В качестве отрицательного примера автор приводит ситуацию с насильственной мадьяризацией венгерских русинов [32: 4]. Недооценивая опасность для общерусского единства проблемы украинского сепаратизма, автор в большей степени высказывал опасения в связи с обезбоживанием местного населения, которое, как утверждал он, постепенно «перестанет верить даже в Рождество» и увлечётся идеями Л.Н. Толстого и К. Маркса. «На месте исконных малорусских обычаев является что-то новое. Но гадкое и странное», – резюмирует автор публикации [32: 4]. Отметим, что позиция издания по отношению к украинской культуре во многом перекликается с позицией некоторых современников событий, сторонников украинской идеи. Так, С.Ф. Русова в докладе на Первом Всероссийском съезде по семейному воспитанию (Санкт-Петербург, 2 января 1913 г.) призвала обеспечить начальное обучение украинского населения на родном языке [30: 371].

Схожая (хотя и не столь ярко выраженная, как в «Гражданине») точка зрения встречается и на страницах «Колокола». Авторы ряда публикаций, размещённых в этой газете, подчёркивали важность сохранения в присоединённой восточной Галиции полной свободы совести, выступая против каких-либо жёстких мер по отношению к униатству [41], призывая к «миру, свободе и братской любви, а не утеснению, прижимкам и раздору» [41]. В этой связи «Колокол» считал радикальными требования «Галицко-русского общества» во главе с Д.Н. Вергуном, выступавшим, как считала газета, за «подавление национального движения среди галицких “украинцев”» [19].

Представители другой группы правых газет и журналов («Киевлянин», «Почаевский листок» и др.) считали, что галицкое (русинское) население, в течение многих столетий испытывавшее на себе сильное польское, венгерское, еврейское влияние, должно постепенно максимально очиститься от него, активно изучать литературный русский язык и в полной мере слиться с «коренной Русью». «Почаевский листок» указывал на необходимость «уничтожения униатства» [1: 15]. В одной из статей «Киевлянина» говорилось о том, что «никакого малорусского или “украиньско-руського” народа нет, а есть только южно-русская ветвь единого русского народа» и что «укаинофильское движение представляет собой явление в такой же степени вредное, как и беспочвенное» [33: 2]. Редактор «Киевлянина» Д.И. Пихно и печатавшийся в этой газете председатель «Киевского клуба русских националистов» А.И. Савенко, являвшиеся создателями «Киевского клуба русских националистов», выступали против преподавания украинского языка в школе [14: 358] и за репрессии по отношению

к украинскому политическому движению, хотя Савенко признавал национально-культурные особенности малороссов [18: 169].

Обращает на себя внимание тот факт, что подобные идеи «освобождения» от украинства в значительно большей степени встречаются именно в тех правых периодических изданиях, которые выходили непосредственно на территории Юго-Западной Руси.

Вместе с тем стоит отметить, что практически все правые периодические издания, в том числе и те, которые писали о важности сохранения украинской культурной самобытности, не сомневались в необходимости жёсткой борьбы с любыми проявлениями украинского сепаратизма, подчёркивали важность сохранения единства русского народа.

Правая периодическая печать и пути преодоления политического украинства. Правые периодические издания, резко критикуя политическое украинство, мазепинство, неоднократно касались вопроса, связанного с необходимостью противодействия украинскому сепаратизму. Особое место в правых газетах и журналах уделено важности пророссийской пропаганды. Так, газета «Колокол» приветствовала в начале 1914 г. создание новой газеты «Киев», призванной освещать текущие политические события в «русском национальном духе» [10]. Автор заметки подчёркивал необходимость «осведомления всей России» об опасности мазепинского движения [10]. Корреспондент «Нового времени» высказывался за российскую контрпропаганду в нейтральных европейских странах (в противовес германской и австро-венгерской) [22].

Особое внимание в деле преодоления украинского сепаратизма уделялось бывшим австро-венгерским землям восточной Галиции. «Колокол» писал о необходимости учреждения благотворительных обществ в Львове и других галицких городах, о важности объявления всероссийского церковного сбора на нужды местного населения [37]. Указывалось на важность искоренения в этом регионе «германского государственного начала» [41]. Высказывались идеи о необходимости назначения на присоединённых территориях чиновников из великорусских регионов, дабы они вливали «государственную струю в Галицкий край» [23]. «Колокол» выступал против принудительного отчуждения помещичьей земли в Галиции. Земельный вопрос предполагалось решать в духе Столыпинской аграрной реформы [40].

«Почаевский листок» обращал внимание на важность культурной (в том числе языковой) интеграции галичан с остальной Россией [1: 15]. Таким образом, говорилось о полной экономической и политической интеграции присоединённых территорий с остальной Россией.

Правые газеты и журналы в большинстве своём полагали, что про-

блема украинского сепаратизма сравнительно легко преодолима, что подавляющему большинству простых малороссов и русинов чужды идеи обособления от России [31]. Газета «Колокол» отмечала, что «простые хохлы» посылают мазепинцев к «бісової матери», тогда как местная интеллигенция гораздо охотнее воспринимает идеи украинства, считая обидным «малороссийское своё происхождение» [9].

Газета «Русское знамя» утверждала, что большинство галичан после их присоединения осенью 1914 г. к России признали себя русскими и многие из них приняли православие, а также писала о том, что мазепинские идеи воспринимали в основном «горсточка местной интеллигенции», но не простой народ [21].

На тот факт, что к мазепинцам на Лемковщине, освобождённой в конце 1914 г. от австрийцев, до войны принадлежали преимущественно представители местной интеллигенции (учителя, священники), а также жандармы, обращают внимание «Московские ведомости» [13].

Проанализировав некоторые публикации, размещённые в правых периодических изданиях периода 1914 – начала 1917 г., мы приходим к выводу о том, что, осуждая на словах проявления украинского сепаратизма и указывая на недостаточное внимание властей к данной проблеме, правые не смогли выработать единой комплексной программы по противодействию мазепинству. Правая печать ограничивалась общими рассуждениями о важности русской пропаганды на юго-западе страны, а также контрпропаганды в противовес германо-австрийской и мазепинской пропаганды в нейтральных странах.

Природа украинского сепаратизма, как правило, виделась правыми периодическими изданиями в политике австро-венгерских властей, в позиции польской шляхты, духовенства католической и униатской церквей. В качестве исключения встречается точка зрения о малороссийском происхождении украинства («Гражданин»). Утверждалось, что простые малороссы и русины в подавляющем большинстве не поддерживали мазепинские идеи, считая их главной социальной базой местную интеллигенцию.

Ряд правых периодических изданий («Гражданин», «Колокол»), осуждая проявления украинского сепаратизма, полагали важным дальнейшее развитие украинского языка и украинской культуры; другие издания («Почаевский листок», «Киевлянин») проявляли большую радикальность, настаивали на обязательном преподавании в школе на литературном русском языке, призывали малороссов и русинов полностью слиться с «коренной Русью».

Анализ правой периодики свидетельствует об определённой недооценке опасности мазепинства для единого Российского государства. На наш взгляд, в публикациях правой печати содержится некоторое

противоречие. С одной стороны, многие авторы справедливо указывают на опасность украинства для российской государственности, но с другой стороны, утверждают, что эта проблема легко преодолима – стоит только изолировать мазепинскую интеллигенцию и униатское духовенство от широких народных масс и активно развивать русскую народную школу, как украинский сепаратизм будет преодолен. Последующие трагические события XX – начала XXI в. показали, что в своих расчётах правые оказались весьма наивны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Австрийский плач по Галиции // Почаевский листок. 1914. 22 декабря. № 43–44. С. 15–16.
2. Борцы за Православие в Галиции // Почаевский листок. 1914. 22 декабря. № 43–44. С. 5–7.
3. В объятиях родной матери // Колокол. 1914. 23 августа. № 2491. С. 1.
4. Волков Л. Облужная книга // Московские ведомости. 1915. 12 (25) марта. № 58. С. 1–2.
5. Высоцкий И. Санкт-Петербург, 26 февраля. Услужливость «дурней» // Колокол. 1914. 26 февраля. № 2348. С. 1.
6. Высочайшая телеграмма русскому народному совету Прикарпатской Руси // Новое время. 1916. 23 декабря (1917. 5 января). № 14657. С. 3.
7. Глушков А.В. Газета «Киевлянин» и прогрессивные националисты, 1915–1917 годы // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2012. Вып. 1 (18). С. 271–277.
8. Грибовский В. Внутренние известия. Беженцы-галичане в Одессе // Новое время. 1917. 13 (26) января. № 14676. С. 7.
9. Давыдов Я. Редакционные малороссы // Колокол. 1914. 23 февраля. № 2346. С. 2.
10. Е-въ. Уния и «самостийна Украина» (по поводу музея имени Шептицких во Львове) // Колокол. 1914. 16 января. № 2315. С. 3.
11. За день // Гроза. 1914. 17 сентября. № 628. С. 2–3.
12. Зиновьев В.П., Казаков В.В. Журнал «Славянский век» о положении русинов Галиции в конце XIX – начале XX в. // Русин. 2016. № 1 (43). С. 120–127. DOI: 10.17223/18572685/43/8
13. Из Лемковщины // Московские ведомости. 1914. 12 декабря. № 288. С. 3.
14. Кальченко Т. Киевский клуб русских националистов // Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм / гл. ред., сост. О.А. Платонов; сост. А.Д. Степанов. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. С. 358–360.
15. Камнев В.М., Котов А.Э., Чемакин А.А. Русский либеральный консерватизм: киевская версия // Studia Culturae. 2018. № 35. С. 32–44.

16. *Климов Н.И.* Воссоединенная Русь // Русское знамя. 1915. 17 января. № 13. С. 2.
17. *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
18. *Миллер А.И.* Несколько возражений М.В. Дмитриеву // Вопросы истории: научный журнал. 2002. № 12. С. 168–169.
19. Народные вождения // Колокол. 1914. 10 сентября. № 2505. С. 1.
20. *Нивич Я.* Правда о «мазепинцах» // Колокол. 1917. 26 января. № 3199. С. 2.
21. *Нь.* На злобы дня // Русское знамя. 1915. 27 марта. № 68. С. 2.
22. *О.М.* Внешние известия. Германская пропаганда // Новое время. 1916. 12 (25) августа. № 14524. С. 4.
23. Основы русской государственности в Галиции // Колокол. 1914. 30 ноября. № 2573. С. 1.
24. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А.В. Репников. 652 с.
25. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2022. Т. 1. Консервативные партии / А.А. Иванов. 599 с.
26. «Подвиги» мазепинцев // Земщина. 1914. 10 сентября. № 1778. С. 4.
27. *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М.: РОССПЭН, 2014. 527 с.
28. *Росс.* Защитники «угнетенного племени» // Русское знамя. 1915. 22 января. № 17. С. 2.
29. *Росс.* Ходатайство об отмене черты оседлости // Русское знамя. 1915. 25 февраля. № 45. С. 2.
30. *Русова С.Ф.* Национализация дошкольного воспитания // Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30 декабря 1912 – 6 января 1913 г. СПб.: Типо-литография Н.Л. Ныркина, 1914. Т. 2. С. 367–373.
31. Русско-государственное устройство Галиции // Колокол. 1915. 28 марта. № 2665. С. 1.
32. *С.Г.* Тайновед // Гражданин. 1914. 2 февраля. № 5. С. 2–4.
33. *Савенко А.* Клуб или партия? // Киевлянин. 1914. 9 января. № 9. С. 2–3.
34. Санкт-Петербург, 13 февраля. Т.Г. Шевченко и «мазепинцы» // Колокол. 1914. 13 февраля. № 2339. С. 1.
35. Собрание Руси // Земщина. 1914. 2 сентября. № 1771. С. 3.
36. *Стогов Д.И.* Русская правоконсервативная периодическая печать начального этапа Первой мировой войны о русинах // Русин. 2022. № 69. С. 130–145. DOI: 10.17223/18572685/69/7
37. *Трегубов А.* «Отторженное воссоединим!» // Колокол. 1914. 6 сентября. № 2502. С. 1.

38. У соседей. Галиция // Русское знамя. 1914. 17 сентября. № 209. С. 2.
39. Украинский вопрос в русской патриотической мысли / сост., предисл., послесл., примеч. А.Ю. Минакова. М.: Книжный мир, 2016. 800 с.
40. Устроение Галиции // Колокол. 1915. 29 апреля. № 2692. С. 1.
41. Ф-н. К. Русская политика в Галиции (из бесед) // Колокол. 1914. 16 октября. № 2510. С. 1.
42. Чемакин А.А. Украинская «Чёрная сотня»? Концепция К.К. Федевича как попытка «украинизации» Союза русского народа // Русин. 2021. № 63. С. 205–222. DOI: 10.17223/18572685/63/11
43. Ivanov A.A., Kotov A.E., Yanchenko D.G., Ovsjannikov D.V. Ukrainian Question in the Russian Conservative Thought. The end of XIXth – early XXth century // Bylye Gody. 2017. Vol. 43. Is. 1. P. 129–138.

REFERENCES

1. *Pochaevskiy listok*. (1914a) Avstriyskiy plach po Galitsii [The Austrian lament for Galicia]. 22nd December. pp. 15–16.
2. *Pochaevskiy listok*. (1914b) Bortsy za Pravoslavie v Galitsii [Fighters for Orthodoxy in Galicia]. 22nd December. pp. 5–7.
3. *Kolokol*. (1914a) V ob'yatiyakh rodnoy materi [In the arms of his own mother]. 23rd August. p. 1.
4. Volkov, L. (1915) Oblyzhnaya kniga [The Lying Book]. *Moskovskie vedomosti*. 12th March. pp. 1–2.
5. Vysotskiy, I. (1914) Sankt-Peterburg, 26 fevralya. Usluzhlivost' "durney" [St. Petersburg, February 26. The helpfulness of fools]. *Kolokol*. 26th February. p. 1.
6. *Novoe vremya*. (1916a) Vysochayshaya telegramma russkomu narodnomu sovetu Priкарпатской Руси [The Highest telegram to the Russian People's Council of Carpathian Rus]. 23rd December. p. 3.
7. Glushkov, A.V. (2012) Gazeta "Kievlyanin" i progressivnye natsionalisty, 1915–1917 gody [The newspaper "Kyivlyanin" and progressive nationalists, 1915–1917]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. "Istoriya"*. 1(18). pp. 271–277. (In Russian).
8. Gribovskiy, V. (1917) Vnutrennie izvestiya. Bezhtentsy-galichane v Odesse [Internal news. Galician refugees in Odessa]. *Novoe vremya*. 13th January. p. 7.
9. Davydov, Ya. (1914) Redaktsionnye malorossy [Editorial Little Russians]. *Kolokol*. 23rd February. p. 2.
10. E-v. (1914) Uniya i "samostiyna Ukraina" (po povodu muzeya imeni Sheptytskikh vo L'vove) [Exercises and "independent Ukraine" (about the Sheptytsky Museum in Lviv)]. *Kolokol*. 16th January. p. 3.
11. *Groza*. (1914) Za den' [During the day]. 17th September. p. 3.
12. Zinoviev, V.P. & Kazakov, V.V. (2016) Magazine "Slavic Century" on the

- situation of the Ruthenians of Galicia in the late 19th – early 20th centuries. *Rusin*. 1(43). pp. 120–127. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/8
13. *Moskovskie vedomosti*. (1914) Iz Lemkovshchiny [From Lemkivshchina]. 12th December. p. 3.
14. Kalchenko, T. (2003) Kievskiy klub russkikh natsionalistov [The Kiev Club of Russian Nationalists]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Bol'shaya entsiklopediya russkogo naroda. Russkiy patriotizm* [The Great Encyclopedia of the Russian people. Russian patriotism]. Moscow: Entsiklopediya russkoy tsivilizatsii. pp. 358–360.
15. Kamnev, V.M., Kotov, A.E. & Chemakin, A.A. (2018) Russkiy liberal'nyy konservatizm: kievskaya versiya [Russian Liberal Conservatism: The Kiev version]. *Studia Culturae*. 35. pp. 32–44.
16. Klimov, N.I. (1915) Vossoedinennaya Rus' [Reunited Russia]. *Russkoe znanya*. 17th January. p. 2.
17. Kotsyubinskiy, D.A. (2001) *Russkiy natsionalizm v nachale XX stoletiya: rozhdenie i gibel' ideologii Vserossiyskogo natsional'nogo soyuza* [Russian Nationalism in the early 20th century: The Birth and Death of the Ideology of the All-Russian National Union]. Moscow: ROSSPEN.
18. Miller, A.I. (2002) Neskol'ko vozrazheniy M.V. Dmitrievu [Several objections to M.V. Dmitriev]. *Voprosy istorii*. 12. pp. 168–169.
19. *Kolokol*. (1914b) Narodnye vozhdeleniya [People's desires]. 10th September. p. 1.
20. Nivich, Ya. (1917) Pravda o “mazepintsakh” [The truth about the “mazepintsy”]. *Kolokol*. 26th January. p. 2.
21. N. (1915) Na zloby dnya [On the spite of the day]. *Russkoe znanya*. 27th March. p. 2.
22. O.M. (1916) Vneshnie izvestiya. Germanskaya propaganda [External news. German propaganda]. *Novoe vremya*. 12th August. p. 4.
23. *Kolokol*. (1914c) Osnovy russkoy gosudarstvennosti v Galitsii [The foundations of Russian Statehood in Galicia]. 30th November. p. 1.
24. Repnikov, A.V. (2014a) *Pervaya mirovaya voyna v otsenke sovremennikov: vlast' i rossiyskoe obshchestvo. 1914–1918: v 4 t.* [The First World War in the assessment of contemporaries: the government and Russian society. 1914–1918: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
25. Shelokhaev, V.V. (2022) *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – nachala XX v.: v 3 t.* [Political parties of Russia. The late 19th – early 20th century: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
26. *Zemshchina*. (1914a) “Podvigi” mazepintsev [The “Feats” of Mazepintsy]. 10th September. p. 4.
27. Repnikov, A.V. (2014b) *Konservativnye modeli rossiyskoy gosudarstvennosti* [Conservative models of Russian Statehood] Moscow: ROSSPEN.
28. Ross. (1915a) Zashchitniki “ugnetennogo plemeni” [Defenders of the “oppressed tribe”]. *Russkoe znanya*. 22nd January. p. 2.

29. Ross. (1915b) Khodataystvo ob otmene cherty osedlosti [Petition for the abolition of the pale of settlement]. *Russkoe znamya*. 25th February. p. 2.
30. Rusova, S.F. (1914) Natsionalizatsiya doshkol'nogo vospitaniya [Nationalization of preschool education]. *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s'ezda po semeynomu vospitaniyu* [Proceedings of the First All-Russian Congress on Family Education]. St. Petersburg, December 30, 1912 – January 6, 1913. Vol. 2. St. Petersburg: N.L. Nyrkin. pp. 367–373.
31. *Kolokol*. (1915a) Russko-gosudarstvennoe ustroenie Galitsii [Russian-state structure of Galicia]. 28th March. p. 1.
32. S.G. (1914) Taynovod [Mystery Scientist]. *Grazhdanin*. 2nd February. pp. 2–4.
33. Savenko, A. (1914) Klub ili partiya? [Club or party?]. *Kievlyanin*. 9th January. pp. 2–3.
34. *Kolokol*. (1914d) T.G. Shevchenko i “mazepintsy” [T.G. Shevchenko and “mazepintsy”]. 13th February. p. 1.
35. *Zemshchina*. (1914b) Sobiranie Rusi [Gathering of Russia]. 2nd September. p. 3.
36. Stogov, D.I. (2022) Russian right-wing conservative periodical press about Rusins at the beginning of WWI. *Rusin*. 69. pp. 130–145 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/69/7
37. Tregubov, A. (1914) “Ottorzhennoe vossoedinim!” [“Let’s reunite the rejected!”]. *Kolokol*. 6th September. p. 1.
38. *Russkoe znamya*. (1914) U sosedey. Galitsiya [The neighbors. Galicia]. 17th September. p. 2.
39. Minakova, A.Yu. (ed.) (2016) *Ukrainskiy vopros v russkoy patrioticheskoy mysli* [The Ukrainian question in Russian Patriotic Thought]. Moscow: Knizhnyy mir.
40. *Kolokol*. (1915b) Ustroenie Galitsii [The Dispensation of Galicia]. 29th April. p. 1.
41. F-n., K. (1914) Russkaya politika v Galitsii (iz besed) [Russian politics in Galicia (from conversations)]. *Kolokol*. 16th October. p. 1.
42. Chemakin, A.A. (2021) The Ukrainian “Black Hundred”? K.K. Fedevich's concept as an attempt to “Ukrainize” the Union of the Russian People. *Rusin*. 63. pp. 205–222 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/63/11
43. Ivanov, A.A., Kotov, A.E., Yanchenko, D.G. & Ovsjannikov, D.V. (2017) Ukrainian Question in the Russian Conservative Thought. The late 19th – early 20th century. *Bylye Gody*. 43(1). pp. 129–138.

Стогов Дмитрий Игоревич – доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина) (Россия).

Dmitrii I. Stogov – St. Petersburg State Electrotechnical University (Russia).

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

УДК 94(47)+94(477)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/14

Ф.Т. Бредихин (Грозный): путь от черносотенца до украинского атамана*

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

После Февральской революции 1917 г. черносотенные организации, в которых состояли сотни тысяч крестьян Правобережной Украины, прекратили своё существование, но их бывшие участники никуда не исчезли. Многие из рядовых активистов Чёрной сотни примкнули к украинскому движению. Статья, подготовленная на основе материалов шести российских, украинских и американских архивов, посвящена биографии Фёдора Терентьевича Бредихина – члена Союза русского народа, ставшего в годы Гражданской войны одним из руководителей украинской банды атамана И.Т. Струка. Великоросс, выходец из Оренбургской губернии, Бредихин в начале 1900-х гг. приобрёл участок земли недалеко от местечка Горностайполь Киевской губернии. В 1911 г. он вместе с местными крестьянами организовал аграрные беспорядки, вызвавшие в самовольном захвате земли соседнего помещика Майера. Несмотря на свои лоялистские заявления, Бредихин был арестован, а в 1914 г. выслан в Сибирь. Вернувшись в 1917 г., он был избран главой Горностайпольского волостного исполнительного комитета и подбивал крестьян на самовольную рубку дров в помещичьих лесах, а в конце 1918 г. стал одним из организаторов и сотником банды Струка, громившей помещичьи усадьбы на Чернобыльщине и затем перешедшей к массовым убийствам еврейского населения. При этом местных крестьян, ориентированных на Бредихина еще с начала 1910-х гг., нисколько не смущала смена его риторики с «черносотенной» на «украинскую». Биография Бредихина, известного также в повстанческой среде под псевдонимом «Грозный», даёт богатый материал для понимания национально-политических процессов, происходивших в украинской деревне в 1910-е гг., а также мировоззрения малороссийского крестьянства.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00071, <https://rscf.ru/project/23-28-00071/>

Ключевые слова: Ф.Т. Бредихин, Гражданская война, Украина, Чёрная сотня, атаманщина, политический бандитизм

Fyodor Bredikhin (Grozny): The path from a Blackhundredist to a Ukrainian ataman*

Anton A. Chemakin

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

After the revolution of 1917, the Black Hundred, which consisted of hundreds of thousands of peasants from the Right-Bank Ukraine, ceased to exist, but their former members were there to stay. Many of the Black Hundred rank-and-file activists joined the Ukrainian movement. This article draws on six Russian, Ukrainian, and American archives and focuses on the biography of Fyodor Bredikhin, a member of the Union of the Russian People, who became a leader of the Ukrainian gang of Ataman Ilya Struk during the Civil War. A Great Russian from the Orenburg province, Bredikhin acquired a plot of land near Gornostaipol in Kiev province in the early 1900s. In 1911, together with local peasants, he organized agrarian riots, accompanied with unauthorized seizures of land belonging to the neighboring landowner Mayer. Despite his loyalist statements, Bredikhin was arrested and exiled to Siberia in 1914. Upon his return in 1917, he was elected head of the Gornostaipol volost executive committee and incited peasants to unauthorized logging in the landlord's forests. In the late 1918, he was an organizer and sotnik (centurion) in Struk's gang, which devastated landlord estates in Chernobyl region and then turned to Jewish massacres. Local peasants, who had been loyal to Bredikhin since the early 1910s, were not confused with the change of his rhetoric from the "Black Hundred" to "Ukrainian." The biography of Bredikhin, also known among the rebels under the pseudonym "Grozny", provides rich material for understanding the national-political processes in the Ukrainian countryside of the 1910s, as well as the worldview of the Little Russian peasantry.

Keywords: Fyodor Bredikhin, Civil War, Ukraine, Black Hundred, warlordism (atamanshchina), political banditry

* The study was funded by the Russian Science Foundation, Project № 23-28-00071, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00071/>

Февральская революция 1917 г. вызвала к жизни новые политические силы и похоронила значительную часть партий и движений, существовавших при «старом режиме». Несмотря на это, активисты старых партий никуда не исчезли и пытались найти себе применение в новых условиях, примыкая порой к самым неожиданным группировкам. Одним из наиболее интересных примеров подобных «переходов» является, на наш взгляд, участие бывших черносотенцев Киевской, Волынской и Подольской губерний в украинском движении. Тема эта, в принципе, не новая. Так, например, ещё заместитель министра иностранных дел Украинской Народной Республики (УНР) А.Д. Марголин старался переложить часть вины за массовые убийства еврейского населения на «provокаторов из российского черносотенного лагеря, погромщиков по убеждению, желающих одновременно скомпрометировать погромами украинское движение» [10: 311]. Признавая наличие бывших черносотенцев в украинских войсках, он стремился всячески от них отмежеваться, чуть ли не утверждая, что они были туда специально засланы врагами украинства. Современный историк К.К. Федевич, наоборот, полагает, что уже дореволюционные активисты черносотенного движения из малороссийских губерний могут рассматриваться в качестве правого крыла украинского движения [18].

Ранее мы уже показывали, что бывшие члены сельских черносотенных организаций Киевской губернии на выборах 1917 г. голосовали преимущественно за украинских эсеров [23: 215]. Но сухая статистика без ссылок на персональные примеры не всегда бывает убедительной, поэтому мы решили обратиться к судьбам конкретных людей. Большинство лидеров черносотенных организаций, а также черносотенцев, происходивших из интеллигентной среды, остались на своих прежних позициях, в украинский же лагерь переходили или активисты низового и среднего звена, или крестьяне, порой просто-напросто не понимающие разницы между Союзом русского народа и Украиной и влекомые жадой земельного передела. В силу понятных причин они не оставили воспоминаний, что затрудняет работу исследователя. Несмотря на это, ряд примеров найти все же удалось. Так, на севере Киевской губернии летом 1919 г. действовал отряд атамана Сикорского, до революции состоявшего в Союзе русского народа (СРН) [11: 65]. Крестьянин хутора Боровая Васильковского уезда Киевской губернии Тимофей Герасимович Прибыщенко, согласно материалам советского расследования, до революции был черносотенцем и «состоял членом союза истинно-русских людей», а с приходом Петлюры стал поддерживать его, говоря, что «це наш батько, а мы его сыны», «взошло солнце не с востока, а с запада,

пришёл наш батько-Петлюра спасать нашу неньку-Украину». В эти дни Прибыщенко, согласно показаниям атамана Батрака (Гончара), «выступал как ярый украинец до шовинизма, цитируя из Кобзаря». После прихода советской власти тот же Прибыщенко организовал в Боровой ревком, стал председателем местного исполкома, собрал вокруг себя бандитов и начал накладывать контрибуции на зажиточное население, а кроме того, «запрещал говорить на украинском языке». Ему даже удалось вступить в Коммунистическую партию, но впоследствии он всё же был разоблачён и приговорён к расстрелу [26: 5507–5509back].

Подробнее всего нам удалось изучить биографию Фёдора Терентьевича Бредихина – одного из самых примечательных черносотенцев, оказавшихся в годы Гражданской войны в украинском лагере, известного также под псевдонимом «Грозный». Именно его судьбе и посвящено данное исследование. Наиболее подробная характеристика Бредихину была дана в «Докладной записке о бандитизме на Правобережье Украины за время с ноября 1920 г. по апрель 1921 г.», составленной заместителем начальника Особого отдела Киевского военного округа Ивановым: «Сподвижник *Струка* – Бридихин Федот (sic!) Терентьевич, крестьянин 50 л[ет], великоросс, крупный кулак Горностайпольской вол[ости]. До революции Бридихин был членом Союза русского народа. Во время войны сослан в Сибирь за кражу леса, в начале революции оттуда возвращается, убеждает крестьян, что был сослан в Сибирь за политические дела, и избирается председателем волости. После освобождения Киевщины от гетмана и петлюровцев красными войсками отдаётся приказ об аресте Бридихина за его прежнюю бандитскую деятельность, но ему удаётся бежать вместе со своим сыном Сашей» [20: 2]. Именно на основании этой справки, в целом адекватной и соответствующей действительности, хотя и содержащей ряд неточностей, о Бредихине писали советские и украинские историки. Так, например, в официальной истории Всеукраинской Чрезвычайной комиссии, выпущенной под эгидой КГБ УССР, из того факта, что «крупный кулак Бредихин», помощник действовавшего на Чернобыльщине атамана Ильи Тимофеевича Струка, был членом СРН, делался вывод, что «петлюровские банды, прикрываясь “украинским” флагом, не стеснялись сотрудничать с “великодержавной” российской контрреволюцией» [9: 231]. В статье А.Е. Тамма Бредихин упоминался среди других атаманов, установивших «тесные связи с белополяками» и продолжавших «свиристовать на Украине» [17: 49]. Украинский публицист Р.Н. Коваль неоднократно упоминает Бредихина в своих книгах, но при этом вслед за Ивановым ошибочно называет его Федотом [5: 77, 176, 203, 218, 285; 6: 403].

Фёдор Терентьевич Бредихин, родившийся в 1872 или 1873 г., был мещанином города Орска Оренбургской губернии [22: 1, 3, 96]. Он служил полковым писарем в 15-м Стрелковом Его Королевского Величества короля Черногории Николая I полку 4-й Стрелковой бригады, расквартированной в Одессе, дослужился до фельдфебеля [2: 3; 18: 1], а затем работал в различных имениях в Оренбургской, Херсонской, Харьковской и Подольской губерниях и «везде считался безукоризненным и верным слугой» [22: 6 об.–7]. В 1903 г. приобрёл крупный участок земли рядом с деревней Богданы Горностайпольской волости Радомысльского уезда Киевской губернии, который в честь себя и жены Анны Максимовны назвал Феодоро-Анновским имением (часть его владений также находилась около села Сычёвка, расположенного к югу от Богдан, поэтому иногда его называли жителем и данного населенного пункта) [2: 1–3]. «Бредихин этот имеет 200 десятин собственной земли, считает себя адвокатом (которых в старые времена ежедневно бродило около Хмельницкого, в Киеве, не один десяток!), бывший премированный значком союзник, ещё до революции сосланный на север за какие-то тёмные дела» – так характеризовала его газета «Нова рада» в 1917 г. [1]. В данном случае имеется в виду памятник Богдану Хмельницкому на Софийской площади, на которой также располагались судебные учреждения. У этого памятника постоянно толпились разные люди, порой и не имеющие официального статуса присяжного поверенного, но при этом готовые за плату оказать юридические услуги, написать жалобу или прошение для неграмотных крестьян, приехавших в Киев по судебным делам. «Союзниками» же называли членов Союза русского народа. Официального отдела СРН в Горностайполе или Богданах не было, поэтому, вероятно, Бредихин получил свой значок – изображение Георгия Победоносца, поражающего змея, – в Киевском губернском отделе СРН. В 1914 г. Бредихин сам писал, что он – «человек практически ознакомленный в течение долгих лет с юридическими делами и неоднократно выступавший в разных судебных учреждениях по защите обвиняемых, к тому же всегда успешно» [16: 1–1 об.]. Благодаря своей «подпольной» адвокатской практике Бредихин стремился заручиться поддержкой крестьян, членство же в черносотенной организации должно было служить надёжным прикрытием его деятельности, носящей во многом подрывной характер.

8 июня 1911 г. становой пристав 5-го стана Радомысльского уезда Салов получил телеграмму из Горностайполя о том, что крестьяне деревни Богданы производят самоуправный выпас скота на землях, принадлежащих помещику Эдуарду Майеру, и даже покушались на убийство его лесника Трофима Мудрика. На следующий день пристав

прибыл в Богданы, собрал сход и, удостоверившись в виновности крестьян, распорядился подвергнуть задержанию зачинщиков – Ивана и Петра Горгоцов, Терентия, Трофима и Семёна Науменко, Хавхуна, Мороза и Омельченко – с целью прекратить беспорядки в самом их начале. После того как Мудрик смягчил свои показания для облегчения участи задержанных, крестьяне были выпущены на свободу, просидев под арестом пять дней. Опросив некоторых крестьян деревни и служащих в Горностайпольском имении, Салов установил, что виновными в беспорядках, захватах и насилиях руководил живущий неподалеку мещанин Бредихин, человек «вредный для населения и государственного порядка вообще». 24 июня материалы дознания о действиях Бредихина были переданы радомысльскому уездному исправнику, а затем и вышестоящему начальству. 20 июля киевский губернатор А.Ф. Гирс предложил на первый раз ограничиться наложением административного взыскания в высшем размере, если же Бредихин не прекратит преступной агитации среди сельского населения – возбудить ходатайство о воспрещении ему пребывания в Киевской губернии. 23 июля киевский, подольский и волинский генерал-губернатор Ф.Ф. Трепов согласился с Гирсом и постановил подвергнуть Бредихина административному аресту на три месяца за неоднократное подстрекательство крестьян к самовольным выпасам скота в угодьях Майера и захвату принадлежащей ему земли, что было нарушением постановления от 27 ноября 1910 г., запрещающего «подстрекательство ко всякого рода беспорядкам, клонящимся к нарушению государственного порядка и общественного спокойствия». 4 августа Бредихин был арестован и доставлен в волостное правление, а оттуда отправлен по этапу в Радомысль в уездное полицейское управление для отбытия наказания. Впрочем, после обращения к начальнику края его освободили до 15 октября, чтобы дать возможность убрать урожай хлеба со своих полей (позднее отсрочка была продлена до 15 ноября). При этом Бредихин попросил провести новое расследование, которое и было произведено во второй половине августа.

Версия самого Бредихина сводилась к тому, что спор между крестьянами и прежним владельцем земли Константином Пономаренко начался ещё почти 10 лет назад, но в последние годы крестьянам никак не мешали пользоваться той землёй, которую они считали своей. Сам же Бредихин купил у Пономаренко на имя своей жены 100 десятин и в течение трёх лет был арендатором всего Горностайпольского имения. В 1910 г. наследники Пономаренко продали имение Эдуарду Майеру, не нашедшему в наличии того количества земли, которое значится по актам, и начавшему самоуправно захватывать

землю у Бредихина и крестьян. По мнению Бредихина, за всем произошедшим стоял еврей Лазарь Мечник (Мечников), который и был реальным новым владельцем имения (служащие и крестьяне звали его не иначе как «барин»), Майер же являлся подставным лицом. В марте 1911 г. Мечник вместе с землемером попытался отрезать у Бредихина 20 десятин леса, заявляя, что не признаёт никаких сделок и считает этот лес своим. Бредихин стал сопротивляться, и в ответ Мечник пригрозил, что сумеет с ним справиться. По мнению Фёдора Терентьевича, расследование Салова, питавшего к нему неприязнь, было подстроено «жидом Мечниковым», проводилось оно с грубыми нарушениями закона и давлением на крестьян, которых силой принуждали указать на то, что именно Бредихин посылал их захватывать земли Майера и самовольно пасти на них скот. Так, например, урядник Канюка, конфликтовавший с Бредихиным, якобы извратил показания Мудрика, приписав ему обвинение крестьян в покушении на убийство, а пристав Салов убеждал крестьян говорить, что «их научает Бредихин с палками идти разбивать экономию Майера». Себя Бредихин считал полностью непричастным к инциденту, крестьяне же, по его мнению, имели полное право пасти скот на спорных землях до решения суда по этому вопросу. В качестве свидетелей Бредихин просил опросить ряд окрестных помещиков, крестьян деревни Богданы Даниила Савиченко, Ивана Горгоца, Терентия Науменко, Митрофана Косуху, Петра Мороза, Терентия Мороза, Петра Туруна, Онисима Мороза, Дмитрия Мороза, а также крестьян деревни Сычёвка Василия Грощенко, Остапа Грощенко, Григория Будая.

В ходе расследования, проведённого чиновником для особых поручений по крестьянским делам статским советником Чарторижским, заявления Бредихина не подтвердились, напротив, «расследование это заставило признать Бредихина лицом, крайне вредно влияющим на окружающую его крестьянскую среду». Задержанные крестьяне, по свидетельству Салова, находились всецело под влиянием Бредихина, будучи его работниками, они производили у него обработку и уборку посевов со снопа, т. е. за часть урожая. Управляющий горностайпольским имением Иван Золотарёв подтвердил, что, по слухам, вожаком крестьян является Бредихин, который «также заинтересован в выпасе скота в лесах помещика и пользовался этим правом до 1910 года, когда выпас ему был воспрещён». Горностайпольский волостной старшина Давид Онисенко отозвался о Бредихине как о человеке, пользующемся дурной репутацией, – совершая займы и покупая в кредит, он не платил, а также судился за кражу меда, хотя и был в итоге оправдан. Надлежащих документов на владение спорными землями у Бредихина не оказалось – акт о продаже не

был утвержден нотариусом, так как Пономаренко не очистил проданный участок от долговых обязательств. Крестьяне также не имели никаких документов на спорные земли. Получалось, что действия Майера были абсолютно законными, а утверждение Бредихина о том, что реальным собственником имения был Мечник, доказать не представлялось возможным.

В итоге было решено установить за Бредихиным строгое наблюдение и при повторении его вредной деятельности безотлагательно взять под стражу. Пытаясь как-то выкрутиться, Бредихин, видимо, имевший в столице покровителей, подал прошение министру внутренних дел, в котором отрицал все обвинения, а потом ещё и отправил телеграмму в Санкт-Петербург, в которой объяснял всё произошедшее интригой еврея Мечникова. Кроме того, он пытался разжалобить и местные власти, указывая на то, что его 12-летний сын Александр, вынужденный следить за имением, потеряет учебный год. В декабре, после того как жалобу на пристава Салова и урядника Канюку признали неосновательной, ходатайство Бредихина об отмене или уменьшении наполовину административного взыскания было отвергнуто, при этом ему разрешено было отбывать наказание не в находящемся далеко уездном городе Радомысле, а при становой квартире местного пристава. После очередной просьбы Бредихина срок ареста ему был сокращён в два раза в ознаменование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Несмотря на это, он решил скрыться и находился в розыске вплоть до 26 октября 1912 г., когда был задержан чинами Киевского сыскного отделения и отправлен в Плосский полицейский участок Киева. После очередного бредихинского прошения начальник края 13 ноября 1912 г. освободил его от наложенного административного взыскания, и тот вернулся к себе домой. К этому времени, правда, 100 десятин, вызвавшие конфликт, а также находящиеся на них строения были проданы Майером и Мечником [2: 1–5, 10–12, 18, 21–23; 22: 1–3, 6–7, 20–21, 26–27, 32–32 об., 44–48, 59, 61, 68–69 об., 78–79 об.].

Некоторое время Бредихин сидел тихо, но после начала войны вновь начал проявлять активность и 20 августа 1914 г. обратился с прошением к министру юстиции. Указывая на то, что «в настоящую Отечественную войну всякий верноподданный обожаемого своего государя императора и верный сын своей великой матушки России» обязан помогать семьям ушедших на театр военных действий нижних чинов армии, он просил разрешить ему вести дела семейств запасных во всех судебных учреждениях и административных местах. Ближайшие поверенные находились в уездном центре, Радомысле, в 130 верстах от Горностайполя, и поэтому жёнам запасных не к кому было

обратиться за юридической помощью. Бредихин хотел безвозмездно оказывать юридическую помощь семьям фронтовиков, а также вдовам и сиротам, и поэтому просил выдать ему свидетельство на бесплатное ведение дел в их интересах и разрешить написание прошений и жалоб за плату, которая будет поступать в пользу семейств запасных и раненых. В итоге Бредихину отказали, объявив, что с ходатайством о принятии в число частных поверенных он должен первоначально обратиться в то судебное место, при котором он желает вести чужие дела. На докладе о прошении осталась карандашная надпись, принадлежащая, вероятно, министру юстиции И.Г. Щегловитову: «Какие мотивы?» [16: 1–4] По всей видимости, Бредихин путем оказания помощи семействам фронтовиков пытался укрепить свой авторитет в крестьянской среде – или для продолжения земельной тяжбы, или для каких-то более амбициозных целей.

В конце 1914 г. Бредихин был выслан в административном порядке в Нарымский край (север Томской губернии) [3]. Возможно, причиной была новая попытка заняться агитацией крестьян или совершение какого-либо другого проступка, но, вероятнее всего, он был выслан в порядке правил военного времени – как подозрительное лицо. В декабре 1915 г. Бредихин вместе с рядом других ссыльных обратился к начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии М.В. Алексееву с просьбой передать их прошение императору. Ссыльные просили разрешить им проживать в городах Томской губернии под надзором полиции и предоставить право работать на пользу родине и армии, так как в Нарымском крае, в котором нет возможности приложить силы, знание и капитал, они обречены на бездействие. Кроме того, они отмечали, что «17 и 19 статьи вовсе не преследуют карательных целей, а по одной простой подозрительности в неблагонадёжности дают право высылать лишь за пределы военного положения и действия. Понятия подозрительности страшно растяжимы. Многие из нас искренние горячие патриоты [и] скорее ошибочно высланы в Сибирь, да ещё в Нарымский мёртвый край...» [8: 316–317].

Возможность вернуться домой появилась у ссыльных только после Февральской революции 1917 г. Как отмечала газета «Нова рада», в Горностайполе объявился «крикун» Бредихин, который вновь собрал вокруг себя группу сторонников и внёс в общественную жизнь местечка кавардак. Бредихин «вернулся назад, окружив себя ореолом славы мученика-ссыльного за обиженный люд, который он запутывал и теперь запутывает в своей паутине, – теперь вертит горностайпольцами, как сам того хочет, ибо своими демагогическими мерами сумел втереться в общественные дела». Во время базарных дней Бредихин,

его жена и сын-парубок ходили среди людей и агитировали, добывая себе популярность. В один из таких дней Бредихин залез на звонницу и начал выкрикивать: «Слышите, люди добрые, – я вам через три недели, не дожидаясь Учредительного собрания, добуду землю, все панские земли будут ваши!..» Одураченные крестьяне пошли за ним, переизбрали Горностайпольский волостной исполнительный комитет и новым главой выбрали самого Бредихина, который в тот же день начал выдавать билеты на рубку дров в помещичьих лесах, и в них потянулись сотни подвод. Крестьяне вставали в лесах таборами, разводили огонь, рубили деревья и отвозили их или к себе домой, или на базар на продажу. 26 мая 1917 г. в Горностайполь прибыл уездный комиссар, созвал волостное собрание, рассказал про распоряжения Временного правительства касательно земли и леса и попросил спокойно ждать Учредительного собрания, которое решит все вопросы, и большая часть крестьян утихомирилась. Самого Бредихина на собрании не было – в это время он привлекал новых сторонников обещаниями панской земли. По слухам, он даже надеялся избраться в Учредительное собрание (впрочем, ни одна из партий его в свои списки так и не включила) [1].

Несмотря на критику со стороны украинской газеты «Нова рада», бывший черносотенец Бредихин в 1917 г. начинает позиционировать себя как украинца. Если в начале 1910-х гг. он пытался прикрывать свою демагогическую деятельность лоялизмом и монархизмом («Как истинно преданный и верноподданный своего обожаемого Государя Императора, Которому я верю и правдою служил под Георгиевским знаменем <...> где твёрдо усвоил всю святость дисциплины и глубокое чувство почитания Начальства, не мог я, Ваше Высокопревосходительство, забыть данной мной присяги и сделаться подстрекателем...» [22: 20]), то теперь выгоднее стало показывать себя сторонником украинского движения, стремительно набирающего силу.

В сентябре 1917 г. Бредихин избирается членом Киевской губернской украинской рады от Чернобыльщины [19: 18], а в конце 1918 г., во время антигетманского восстания, встаёт под знамёна УНР и становится одним из основателей и сотником повстанческого отряда атамана И.Т. Струка, прежде руководившего «вольным казачеством» в Горностайполе. «Во время восстания Петлюры местная власть гетмана скрылась из Горностайполя, и тогда Струк совместно с Бредихиным (мелкособственник д. Сычёвка, Горностайпольской волости, при Временном правительстве был комиссаром волости) и Химаем (жит[елем] села Воздвиженска-Злодеевки) отправились в штаб Петлюры, получили оружие, организовали повстанческий отряд, приехали в Горностайполь, арестовали начальника почты Сохора

Спектора, Я. Гейдермана, Х. Гороховского, З. Эпштейна, М. Каплана и взяли у них 10 тысяч рублей контрибуции (арест произошел в двенадцать часов ночи). Тогда часть отряда, около 30 человек, была оставлена в Горностайполе во главе с Химаем, а остальная часть отряда уехала в Чернобыль с Бредихиным и Струком», – сообщали горностайпольские общественные деятели [27: 14098back]. Первоначальным ядром отряда стали именно крестьяне Горностайполя и окрестностей, входившие с начала 1910-х гг. в своеобразную «группу поддержки» Бредихина. Отряд начал активно громить помещичьи усадьбы на Чернобыльщине – Меснянкина в Горностайполе (по всей видимости, это была бывшая усадьба Мечника и Майера, умершего еще в 1912 г.), Григоровича-Барского в Оранном, Богданова в Богдановке, Горватта в Хабном, правда, первые трое спаслись, сбежав в Киев, а Горватт заранее уехал в Варшаву [25: 2855]. Смена лозунгов с «черносотенных» на «украинские» крестьян, очевидно, несколько не смутила. Если в 1911 г. Бредихин использовал среди прочего антисемитскую риторику и натравливал жителей Богдан и Сычёвки на «жида Мечникова», то теперь от повстанческого отряда, одним из руководителей которого он был, пострадали усадьбы видных русских националистов и монархистов, депутатов Государственной думы К.П. Григоровича-Барского и профессора С.М. Богданова, а также польского политика-консерватора, экс-депутата Государственной думы и Государственного совета С.А. Горватта. Разобравшись с помещичьими усадьбами, повстанцы весной 1919 г. перешли к массовым убийствам еврейского населения.

Вместе с отрядом Струка Бредихин участвует в захвате Чернобыля, переходит на сторону большевиков, поднимает против них восстание, примыкает к Вооружённым силам Юга России и снова возвращается под знамёна УНР. По состоянию на 9 октября 1920 г. объединённая банда Струка, Бредихина и Орлика (Фёдора Петровича Артеменко) действовала в Максимовичской волости Чернобыльского уезда. По советским данным, она насчитывала 210 человек (70 штыков и 140 сабель) и придерживалась петлюровской ориентации [12: 34]. Последние сведения о сотрудничестве Бредихина со Струком относятся к 28 декабря 1920 г.: «Банда под предводительством *Струка* и *Бредихина* заняла мес[течко] Горностайполь, после чего принялась за поголовное истребление попадавших на улице евреев. Таким образом было убито 50 ч[еловек] мужчин и женщин, ранено 13. После грабежа на ночлег банда ушла за предел Горностайполя, где все перепились до бесчувствия» [20: 2]. Несмотря на подчинение Струку, Бредихин был вполне самостоятельной фигурой – например, в докладе штаба 26-й бригады войск внутренней службы, подготовленном 12 января

1921 г., при перечислении главарей банд упоминались «Бредихин, его сын и другие бывшие помещики» [12: 33 об.].

Вероятно, в первые месяцы 1921 г. у Бредихина и Струка произошёл конфликт, и сотник вместе со своими людьми перешёл к другому атаману, действовавшему в Киевской губернии, – Орлику. В это время банда Бредихина, насчитывавшая 20 штыков и 30 сабель, по-прежнему действовала в районе Горностаюполя [13: 262, 264; 21: 2 об.]. Летом 1921 г. в письме к генерал-хорунжему В.И. Галкину, прибывшему на Киевщину от имени властей УНР для организации восстания, Струк объяснял своё нежелание работать с Орликом «выступлением его сотника-самозванца Бредихина-Грозного, человека с богатым прошлым, который сказал: “я там был, и теперь для нас место там, у большевиков”» [5: 77; 7: 130]. «Грозный» – это псевдоним, которым стал пользоваться Бредихин, самозванцем же Струк его назвал, вероятно, потому, что в Кременчугской губернии (юг бывшей Киевской), в районе Городища, уже имелся атаман Антон Макарович Грозный. Слова же про «богатое прошлое» явно намекали на прежнюю причастность Бредихина к черносотенному движению.

Летом 1921 г. Орлик и его люди действительно вели переговоры с большевиками о переходе на их сторону, но договориться не удалось, и боевые действия возобновились. За несколько месяцев до этого Бредихин ездил в качестве представителя отряда Орлика к Петлюре – видимо, за инструкциями и помощью [4: 140]. В одной из советских сводок отмечается, что в мае 1921 г. банда Грозного, действующая в Овручском районе, на некоторое время переходила в Польшу, где снабжалась савинковской литературой [14: 21 об.]. Помощник Орлика Яков Хоменко на допросе в феврале 1922 г. сообщил, что приказы из-за границы им приносили преимущественно Кирилл Слепенко, сотник Александр и Бредихин-«Грозный». Про Бредихина Хоменко добавил, что тот «поехал в Волынскую губернию, чтобы перебраться [за границу]. Что с ним и где он, я не знаю» [5: 176]. В сводках за весну – лето 1921 г. имеется несколько упоминаний о действиях банды Грозного, но при этом затруднительно сказать, имеется ли в виду Бредихин-Грозный, перешедший со своим отрядом на север Волынской губернии, или это какой-то другой атаман Грозный, изначально действовавший на Волыни. Так, например, в июне 1921 г. отряд Грозного, состоявший из 25 человек, был зафиксирован северо-западнее Овруча [15: 14]. Данных о дальнейшей судьбе Бредихина нам пока обнаружить не удалось – возможно, он смог уйти в Польшу, возможно, был убит в стычке с советскими войсками, но остался неузнанным.

Идеологические метания Бредихина были, очевидно, обусловлены конъюнктурой и стремлением стать вождём местных крестьян – и в

этом нет ничего особо примечательного (может быть, за исключением того, что великоросс, пусть и проживший много лет на Украине, без каких-либо проблем стал одним из руководителей отряда украинских повстанцев). Намного показательнее то, что для крестьян из окрестностей Горностайполя, ориентировавшихся на Бредихина, не было принципиальной разницы, какая риторика – «черносотенная» или «украинско-самостийническая» – будет сопровождать действия, направленные против «панов» и «жидов». Комментируя происходящее на Украине на рубеже 1918–1919 гг., видный русский политический деятель В.В. Шульгин точно подметил, что «большевизм... во все времена облекался в двучленную формулу: “Бей панов, бей жидов”. Осуществление этой двучленной формул всегда имело известную постепенность. Когда большевизм начинался слева – сперва били “панов”, а потом “жидов”. Когда большевизм начинался справа – было наоборот: начинали с “жидов”, а потом переходили на “панов”» [24]. Случай Бредихина и ориентировавшихся на него селян наглядно показывает, что крестьянский социальный радикализм, своеобразный «стихийный большевизм» (а иногда и большевизм в прямом, а не переносном смысле, так как отряд Струка в течение нескольких недель в начале 1919 г. входил в состав Красной армии) превалировал над модерными идеологиями и позволял спокойно менять бело-сине-красный флаг на «жовто-блакитный» или красный, а иногда и по несколько раз переходить из одного лагеря в другой, оставляя в неприкосновенности антипомещичье и антиеврейское ядро своего мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаєнко П. Вразіння комісара // Нова рада. 1917. 9 червня. № 59. С. 3.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Дело производство 2. 1911 г. Д. 7, ч. 123. О наложении административного взыскания на землевладельца Фёдора Бредихина. 1911 г.
3. ГАРФ. Ф. 102. Центральный справочный алфавит. Бредихин Ф.Т. (карточка). 1916 г.
4. ГАРФ. Ф. Р-5784. Оп. 1. Д. 57. Сводки Киевского центра действия по Киевской губернии. 1921 г.
5. Коваль Р.М. Отаман Орлик. Історичний нарис. Київ: Стікс, 2010. 384 с.
6. Коваль Р. Отамани Гайдамацького краю. 33 біографії. Київ: Правда Ярославичів, 1998. 616 с.
7. Козельський Б.В. Шлях зрадництва й авантур (петлюрівське повстанство) / пер. К. Сенік. Харків: Державне видавництво України, 1927. 148 с.

8. Лемке М. 250 дней в царской ставке. Пг.: Государственное издательство, 1920. XVIII, 859 с.
9. Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918–1922) / под ред. Н.М. Голушко. Харьков: Основа, 1990. 344 с.
10. Марголин А. Украина и политика Антанты (Записки еврея и гражданина). Берлин: Издательство С. Ефрон, 1922. 397 с.
11. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25860. Оп. 1. Д. 147. Доклады и донесения сотрудников Центрального бюро связи и информации о бандах Струка, Зелёного и др. 1919 г.
12. РГВА. Ф. 25880. Оп. 2. Д. 106. Краткие характеристики и списки банд, действовавших на территории округа. 1920–1921 гг.
13. РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 31. Материалы о борьбе с бандитизмом на Украине. 1920–1921 гг.
14. РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 163. Материалы о борьбе с бандитизмом в Киевском военном округе. 1921 г.
15. РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 507. Схемы дислокации войск Украины и расположения банд. 1921 г.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 1519. По прошению Бредихина. 1914 г.
17. Тамм А.Е. Деятельность Ф.Э. Дзержинского по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом на Украине в годы Гражданской войны // Научные труды по истории КПСС. 1983. Вып. 126. С. 46–51.
18. Федевич К.К., Федевич К.І. За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки) / пер. з рос. К. Демчук. Київ: Критика, 2017. 308 с.
19. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1115. Оп. 1. Д. 54. Документи Київської губернського українського з'їзду і постанови Українського національного з'їзду Київщини. 1917 г.
20. ЦГАВО Украины. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 17. Докладная записка о бандитизме на Правобережной Украине за время с ноября 1920 г. по апрель 1921 г. 1921 г.
21. ЦГАВО Украины. Ф. 3204. Оп. 2. Д. 46. Список банд, оперировавших на территории Украины в 1921 году. 1921 г.
22. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 442. Оп. 861. Д. 177. О подвержении аресту мещанина Фёдора Терентьева Бредихина. 1911–1912 гг.
23. Чемакин А.А. Украинская «Чёрная сотня»? Концепция К.К. Федевича как попытка «украинизации» Союза русского народа // Русин. 2021. № 63. С. 205–222. DOI: 10.17223/18572685/63/11
24. Шульгин В. Двучленная формула // Россия (Одесское издание). 1919. 31 января. № 9. С. 1.

25. YIVO Institute for Jewish Research (YIVO). Mizrah Yidisher Historisher Arkhiv (RG 80). Folder 31. Bands of pogromists and their leaders. 1921–1924.
26. YIVO. RG 80. Folder 68. Criminal cases of individuals suspected of participating in pogroms and robberies during Denikin's occupation. 1920.
27. YIVO. RG 80. Folder 166. Khornostaipil (Hornostaipol) – Grossulovo (Velika Mikhailovka). 1919–1921.

REFERENCES

1. Gayenko, P. (1917) Vrazhinnya komisara [Commissar's impressions]. *Nova rada*. 9th June. p. 3.
2. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1911) *O nalozenii administrativnogo vzyskaniya na zemlevladel'tsa Fedora Bredikhina* [On the imposition of an administrative penalty on landowner Fedor Bredikhin]. Fund 102. DP 2. File 7. Part 123.
3. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1916) *Tsentrал'nyy spravochnyy alfavit. Bredikhin F.T. (kartochka)* [The central reference alphabet. Bredikhin F.T. (card)]. Fund 102.
4. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1921) *Svodki Kievskogo tsentra deystviya po Kievskoy gubernii* [Reports of the Kiev Action Center on Kiev province]. Fund R-5784. List 1. File. 57.
5. Koval, R.M. (2010) *Otaman Orlik. Istorichniy naris* [Ataman Orlyk. A historical essay]. Kiev: Stiks.
6. Koval, R. (1998) *Otamani Gaydamats'kogo krayu. 33 biografii* [Atamans of the Haydamak's region. 33 biographies]. Kiev: Pravda Yaroslavichiv.
7. Kozelsky, B.V. (1927) *Shlyakh zradnitsva y avantur (petlyuriv's'ke povstanstvo)* [The path of betrayal and adventure (the Petliurist rebellion)]. Kharkov: Derzhavne vidavnytstvo Ukraїni.
8. Lemke, M. (1920) *250 dney v tsarskoy stavke* [250 days in the Tsar's headquarters]. Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
9. Maymeskulov, L.N., Rogozhin, A.I. & Stashis, V.V. (1990) *Vseukrainskaya chrezvychaynaya komissiya (1918–1922)* [All-Ukrainian Extraordinary Commission (1918–1922)]. Kharkov: Osnova.
10. Margolin, A. (1922) *Ukraina i politika Antanty (Zapiski evreya i grazhdanina)* [Ukraine and the politics of the Entente (Notes of a Jew and a citizen)]. Berlin: S. Efron.
11. The Russian State Military Archive (RGVA). (1919) *Doklady i doneseniya sotrudnikov Tsentral'nogo byuro svyazi i informatsii o bandakh Struka, Zelenogo i dr.* [Reports from the staff members of the Central Bureau of Communications and Information about the gangs of Struk, Zeleny and others]. Fund 25860. List 1. File 147.

12. The Russian State Military Archive (RGVA). (1920–1921) *Kratkie kharakteristiki i spiski band, deystvovavshikh na territorii okruga* [Brief characteristics and lists of gangs operating in the district]. Fund 25880. List 2. File 106.

13. The Russian State Military Archive (RGVA). (1920–1921) *Materialy o bor'be s banditizmom na Ukraine* [Materials on the fight against banditry in Ukraine]. Fund 25899. List 3. File 31.

14. The Russian State Military Archive (RGVA). (1921) *Materialy o bor'be s banditizmom v Kievskom voennom okruge* [Materials on the fight against banditry in the Kiev Military District]. Fund 25899. List 3. File 163.

15. The Russian State Military Archive (RGVA). (1921) *Skhemy dislokatsii voysk Ukrainy i raspolozheniya band* [Schemes of the deployment of Ukrainian troops and the location of gangs]. Fund 25899. List 3. File 507.

16. The Russian State Historical Archive (RGIA). (1914) *Po prosheniyu Bredikhina* [At the request of Bredikhin]. Fund 1405. List 544. File 1519.

17. Tamm, A.E. (1983) Deyatel'nost' F.E. Dzerzhinskogo po bor'be s kontrrevolyutsiei i banditizmom na Ukraine v gody Grazhdanskoy voyny [F.E. Dzerzhinsky's activity in the fight against counter-revolution and banditry in Ukraine during the Civil War]. In: *Nauchnye trudy po istorii KPSS* [Academic works on the history of the CPSU]. Vol. 126. pp. 46–51. (In Russian).

18. Fedevich, K.K. & Fedevich, K.I. (2017) *Za Viru, Tsarya i Kobzarya. Malorosiys'ki monarkhisti i ukrains'kiy natsional'niy rukh (1905–1917 roki)* [For Faith, Tsar and Kobzar. The Little Russian monarchists and Ukrainian national movement (1905–1917)]. Kiev: Krytyka.

19. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO). (1917) *Dokumenti Kiivs'koï gubernsk'ogo ukrains'kogo z'izdu i postanovi Ukraïns'kogo natsional'nogo z'izdu Kiïvshchini* [Documents of the Kiev Provincial Ukrainian Congress and resolutions of the Ukrainian National Congress of the Kiev region]. Fund 1115. List 1. File 54.

20. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO). (1921) *Dokladnaya zapiska o banditizme na Pravoberezhnoy Ukraine za vremya s noyabrya 1920 g. po april' 1921 g.* [Report on banditry in the Right Bank Ukraine from November 1920 to April 1921]. Fund 3204. List 1. File 17.

21. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO). (1921) *Spisok band, operirovavshikh na territorii Ukrainy v 1921 godu* [List of gangs operating on the territory of Ukraine in 1921]. Fund 3204. List 2. File 46.

22. The Central State Historical Archive of Ukraine in Kiev (TsGIAK). (1911–1912) *O podverzhenii arestu meshchanina Fedora Terent'eva Bredikhina* [About the arrest of burgher Fyodor Terentyev Bredikhin]. Fund 442. List 861. File 177.

23. Chemakin, A.A. (2021) The Ukrainian “Black Hundred”? K.K. Fedevich's

concept as an attempt to “Ukrainize” the Union of the Russian People. *Rusin*. 63. pp. 205–222 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/63/11

24. Shulgin, V. (1919) Dvuchlennaya formula [Binomial formula]. *Rossiya (Odesskoe izdanie)*. 31st January. p. 1.

25. YIVO Institute for Jewish Research (YIVO). (1921–1924). *Bands of pogromists and their leaders*. Mizrahn Yidisher Historisher Arkhiv (RG 80). Folder 31.

26. YIVO Institute for Jewish Research (YIVO). (1920) *Criminal cases of individuals suspected of participating in pogroms and robberies during Denikin's occupation*. RG 80. Folder 68.

27. YIVO Institute for Jewish Research (YIVO). (1919–1921) *Khornostaipil (Hornostaipol) – Grossulovo (Velika Mikhailovka)*. RG 80. Folder 166.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

УДК 94(47+477)“19/21”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/15

Тифозная эпидемия в Сибири в период Гражданской войны*

В.П. Зиновьев^{1,2}, С.Г. Суляк³

¹ Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

² Тюменский государственный университет

Россия, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6

E-mail: vpz@tsu.ru;

³ Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Гражданская война в России была крупнейшим в истории междоусобным столкновением славян, она сопровождалась перемещением миллионных масс людей – войск, беженцев, военнопленных. Сибирь и Дальний Восток были одним из главных театров военных действий и одним из основных очагов эпидемий. Скученность, антисанитария, нерегулярное и скудное питание создавали условия для распространения заразных болезней. Историки (Г.Х. Рипп, В.С. Познанский, В.Г. Кокоулин, С.Г. Сизов, С.О. Вишневский) рассматривали в основном пик эпидемии в Новониколаевске и Омске. В.А. Шаламов исследовал борьбу с эпидемиями в Восточной Сибири как часть истории здравоохранения региона. Большое число краеведческих и популярных региональных публикаций по истории борьбы с заразными болезнями в Сибири вышло в связи со столетием эпидемии тифа и современной пандемией ковида. Вместе с тем общей картины борьбы с эпидемиями в Сибири в период Гражданской войны пока не сложилось. Авторы настоящей статьи, не пытаясь охватить всю историю борьбы с эпидемиями в Сибири в период Гражданской войны, поставили зада-

* Работа выполнена по Программе развития Томского государственного университета (приоритет 2030) «Власть, медицинская этика и врачебное сообщество между модернизацией и архаизацией общества позднеимперской России». Результаты исследования получены при поддержке гранта Правительства России № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

чей проследить возникновение и развитие крупнейшей из эпидемий – тифозной в 1918–1922 гг., принявшей характер мора по линии Транссибирской магистрали от Челябинска до Читы. Подтверждены наблюдения исследователей, что пик эпидемии повсеместно был связан с отступавшей Белой армией и что основную тяжесть борьбы с болезнью вынесли советские медицинские учреждения и население городов.

Ключевые слова: Гражданская война в России, тифозная эпидемия, Сибирь

The typhoid epidemic in Siberia during the Civil War*

Vasiliy P. Zinoviev^{1,2}, Sergey G. Sulyak³

¹ Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

² Tyumen State University

6 Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russia

E-mail: vpz@tsu.ru;

³ St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

The Civil War in Russia was the largest internecine clash of the Slavs in history, accompanied by the displacement of millions of people – troops, refugees, and prisoners of war. Siberia and the Far East were a main theater of military operations and a main center of epidemics. Congestion, unsanitary conditions, and malnutrition created conditions for the spread of communicable diseases. Historians (Geshel Ripp, Vladimir Poznansky, Vladislav Kokoulin, Sergey Sizov, Stanislav Vishnevsky) mainly considered the peak of the epidemic in Novonikolaevsk and Omsk. Vladimir Shalamov studied the fight against epidemics in Eastern Siberia as part of the history of the regional health care. A large number of local history and popular regional publications on the history of the fight against communicable diseases in Siberia were published in connection

* The work was carried out under the Tomsk State University Development Program (Priority-2030) “Power, medical ethics and the medical community between modernization and archaization of society in the late Imperial Russia.” The results were obtained under the grant of the Russian Federation Government, Project № 075-15-2021-611 “Human and the Changing Space of Ural and Siberia”.

with the centenary of the typhus epidemic and the modern covid pandemic. At the same time, the overall picture of the fight against epidemics in Siberia during the Civil War has not been shaped yet. Without trying to cover the entire history of the fight against epidemics in Siberia during the Civil War, the authors set out to trace the emergence and development of the largest epidemics – typhoid in 1918–1922, which turned to pestilence along the Trans-Siberian railway from Chelyabinsk to Chita. The observations confirm that the peak of the epidemic was ubiquitously associated with the retreating White Army and that the main fight against the disease was led by Soviet medical institutions and urban population.

Keywords: Civil War in Russia, typhoid epidemic, Siberia

Ожесточённая классовая борьба в 1917–1922 гг. на развалинах Российской империи была крупнейшим в истории междоусобным столкновением славян, она углубила экономический кризис, вызвала голод и эпидемические болезни. Гражданская война сопровождалась перемещением миллионных масс людей – войск, беженцев, военнопленных. Скученность, антисанитария, нерегулярное и скудное питание создавали условия для распространения заразных болезней. Сибирь и Дальний Восток были одним из главных театров военных действий и одним из основных очагов эпидемий.

Изучению этого сюжета Гражданской войны историки посвятили немало страниц (В.С. Познанский [14], В.Г. Кокоулин [9], И.О. Казаков [6], О.С. Сизов [19], С.О. Вишневский [2]). Они, однако, рассматривали в основном пик эпидемии в Новониколаевске. Большое число краеведческих и популярных региональных публикаций по истории борьбы с заразными болезнями в Сибири вышло в связи со столетием эпидемии и пандемией ковида. Вместе с тем общей картины эпидемии в Сибири в период Гражданской войны пока не сложилось. Медик Г.Х. Рипп первый исследовал борьбу с эпидемиями в целом по Сибири в период Гражданской войны, но это было только частью его труда по истории военной медицины [15]. С того времени накоплены новые факты [16]. В.А. Шаламов рассмотрел борьбу с эпидемиями в Восточной Сибири как часть истории здравоохранения региона [25; 26].

В настоящей статье авторы делают попытку реконструировать течение тифозной эпидемии в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. Сразу следует сказать, что информация о течении эпидемии отрывочна. Санитарные ведомства воюющих сторон пытались вести статистику, но она неполна и не всегда сопоставима. Заметно стремление вину за распространение заразы свалить на противника, хотя очевидно, что в условиях военных действий ни та ни другая сторона

не имела шансов победить болезнь. Ясно также, что бороться с болезнью, считать потери и устранять последствия эпидемии пришлось победителям – советским властям.

Сибирь в период Первой мировой войны стала прибежищем для сотен тысяч беженцев, военнопленных, иностранных рабочих [27: 168–185]. И без того пестрое население региона увеличилось за счет пленных солдат австрийской армии – венгров, словаков, чехов, поляков, русинов [13], а также китайцев и корейцев. Это вносило дополнительные штрихи в картину войны, разрухи, распространения заразных болезней. Эпидемия смешала беженцев и военнопленных Первой мировой и Гражданской войн.

В отношении санитарии Сибирь XIX – начала XX в. нельзя было отнести к благополучным регионам. Скарлатина, корь, дизентерия, коклюш, брюшной тиф, оспа были обычны [3]. В Сибирь и на Дальний Восток в 1892, 1902 гг. проникла холера, в 1921 г – чума [8; 21; 24].

Во время Первой мировой войны и в начале Гражданской войны ситуация оставалась прежней: десятки и сотни заболевших инфекционными болезнями фиксировались санитарными службами ежемесячно. Все изменилось летом 1919 г., когда армии А.В. Колчака начали отступление, а затем и бег на восток по Транссибирской магистрали. Напуганные антибольшевистской пропагандой вместе с войсками двинулись на восток в надежде добраться до Харбина и Владивостока все, кто не хотел оставаться в стране рабочих и крестьян, – буржуа, дворяне, интеллигенты.

Хронику отступления составить просто по сведениям из энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР». Наступление Восточного фронта началось в апреле 1919 г. Уфа освобождена 16 июня, Челябинск – 24 июля, Тюмень – 11 августа, Курган – 15 августа, Тобольск – 22 октября, Петропавловск – 31 октября, Ишим – 4 ноября, Омск – 14 ноября, Барнаул – 11 декабря (партизанами), Бийск – 13 декабря (партизанами), Новониколаевск, Колывань – 14 декабря, Кузнецк – 18 декабря, Томск – 20 декабря (восстание), Черемхово – 21–28 декабря (восстание), Тайга – 24 декабря, Нижнеудинск – 27 декабря (восстание), Иркутск – 28 декабря (восстание), Мариинск – 28 декабря, Ачинск – 2 января 1920 г., Красноярск – 4–7 января (восстание, партизаны), 15 января – ст. Иннокентьевская (передан белочехами Политцентру А.В. Колчак), 7 февраля – расстрелян в Иркутске А.В. Колчак, заключено Куйтунское соглашение с белочехами о пропуске их во Владивосток, 1 марта – передан белочехами иркутскому ВРК «золотой эшелон», 22 октября – Чита, 14 февраля 1922 г. – Хабаровск, 25 декабря – Владивосток [4: 117, 222, 301, 380, 395, 413, 464, 473, 622, 650, 657].

Эпидемия началась ещё во время Первой мировой войны и длилась до середины 1920-х гг. Но основные драматические события бега колчаковцев разворачивались на Транссибирской магистрали с июля 1919 г. по 1 марта 1920 г. Это восемь месяцев трагедии крупнейших городов Сибири, героизма врачей и сестёр милосердия, усилий всего населения и советских властей по устранению последствий эпидемии. Рассмотрим это по городам Урала и Сибири, двигаясь вслед отступающей Белой армией на восток.

Согласно данным Министерства внутренних дел Омского правительства во всех городах Урала и Сибири в июле 1918 г. было зарегистрировано 92 случая заболевания сыпным и возвратным тифом, в августе – 191, сентябре – 117, октябре – 381, ноябре – 2 494, декабре – 9 938, январе – 11 870 и феврале с 1-е по 22-е число, по одним лишь телеграфным сведениям из 35 городов – 9 690 случаев, а всего за указанное время было зафиксировано 34 773 случая заболевания [19].

В Челябинске «число заболевших равнялось в ноябре 1918 (за две недели) – 427, в декабре – (за полный месяц) – 817, в январе 1919 – 1000, в феврале (за 3 недели) – 827» [19]. Тифозная эпидемия продолжалась летом и осенью 1919 г. и после отступления колчаковских войск. Было организовано четыре дезинфекционных отряда для борьбы с тифом, они окуривали дома и больницы серой. Сотрудник областного архива С.А. Кусков отмечал: «Особенно высокая заболеваемость сыпным тифом была среди военнопленных и беженцев периода Первой мировой войны. Осенью 1919 года в Челябинске выполнялась задача по выселению этой группы населения по деревням Челябинского уезда. В деревнях они за еду работали батраками. Тифозные бараки организовывались и в сельской местности». В декабре 1919 г. в городе ежедневно готовили по 100 гробов. До весны 1920 г. эпидемия держалась на высоком уровне [11: 53–54].

В Кургане эпидемия тифа отмечается историками ещё в 1918 г., началась она в тюрьмах и концентрационных лагерях, однако достигла пика в августе-октябре 1919 г. и связывается исследователями с отступлением Белой армии, военнопленными и беженцами. Тела умерших от тифа лежали вдоль железной дороги, только на крупных станциях они складывались в штабеля [7: 10].

В Петропавловске в конце 1919 г. из 47 тыс. жителей болели 17 тыс., не менее 4 тыс. трупов скопилось в городе к январю 1920 г. Жители устраивали субботники по рытью могил, но большую часть трупов сотрудники Чекатифа сожгли за городом [7: 11]. Таким образом эпидемия уже в Кургане и Петропавловске приобрела характер неуправляемого процесса.

Беженцы с Урала и войска Колчака отступали и по Тюмень-Омской железной дороге. Тюмень также переживала эпидемию. По сообщению историка А.А. Кононенко, умерло от тифа за 1919–1920 гг. 5% жителей. При численности населения города около 40 тыс. чел. это составило приблизительно 2 тыс. чел. При отступлении белые оставили в госпиталях до 1000 пленных красноармейцев, до 100 своих сторонников и до 100 австрийских интернационалистов. С белыми ушли до 38 тыс. горожан, осталось 22 тыс. чел. [10: 300]. Это утверждение исследователя вряд ли точное, так как с 1913 по 1923 г. численность населения города мало изменилась, составляя, по сведениям местных статистиков, соответственно 39 200 и 43 400 жителей. Возможно, им указано число беженцев и военных, прошедших через железнодорожную станцию и речную пристань.

О тех, кто по рекам Сибири был перевезён от Тюмени до Томска, известно из воспоминаний Р.М. Азарх, начальника медчасти 5-й армии РККА. Ей попали в руки рапорт и акты осмотра 4 барж с пленными красноармейцами, шедшими в Томск 5 недель. Осмотр был произведён по настоянию представителей Красного Креста из США и общественности города, так как баржи стали источником заразы для Томска. По документам на баржах должно было быть 10 тыс. чел., при первом осмотре 7 сентября 1919 г. насчитали 3,5 тыс., при втором 14 сентября – 1,8 тыс. чел. Врачи смогли спасти только 83 чел., выдав их за санитаров при тифозных бараках, остальные были расстреляны, умерли от болезней, в основном от тифа [1].

Слухи о такого рода тюрьмах, их затоплении широко были распространены после Гражданской войны. Не побрезговал этими слухами, известный режиссёр Н.С. Михалков в своём фильме «Солнечный удар», утопив баржу с главным героем. По этим слухам, «топили» врагов и красные, и белые. Слухи о затоплении барж со стариками-ссыльнопоселенцами на реке Парабель один из авторов данной статьи слышал от родителей даже в 1960-е гг.

К счастью, историкам удалось найти некоторые документы, касающиеся «барж смерти» на Оби. Это позволяет сравнить слухи и конкретные факты. По сути слухи оказались близки к истине, но документальные подробности были не менее ужасными, чем легенды. Узников плавучих тюрем оказалось не 10 тыс., а 7 076 военнопленных красноармейцев, австрийцев и уголовников. После восстания на барже «Батрак» до Томска из 1 082 заключённых добрались не более 900, на барже «Белая» из 1 646 чел. убыло в дороге за 5 недель 180 чел., с баржи № 4 из 3 085 австрийцев почти всех отправили в концлагерь, 350 больных остались на барже. Кто они были по национальности – неизвестно. Это могли быть немцы, поляки, русины, словаки. На барже

«Вера» было 1 263 пленных красноармейца, здесь каждый день от голода и тифа умирали десятки заключённых. Тюремный госпиталь на воде, организованный военными властями из 6 барж («Белая», № 5, № 8, № 628, две баржи Богословского акционерного общества), фактически превратился в морг. Умерших больных увозили на лодках, но, похоже, выбрасывали и за борт. Жители д. Эушта не брали воду из Томи, а в д. Попадайкиной перестали неводить рыбу из-за вылова трупов. После вмешательства представителей Красного Креста на баржах навели порядок и накормили больных заключённых [22: 60–61].

Потоки отступающих армий и беженцев от Челябинска и Тюмени слились в Омске, и эпидемия тифа затопила столицу колчаковской Сибири. С.Г. Сизов отмечает: «В Омске тифозная эпидемия с конца января 1918 года несколько уменьшилась, но вскоре появился новый очаг и число тифозных больных снова возросло. В ноябре количество больных было (за 2 недели) – 538, в декабре (за полный месяц) – 1477, в январь 1919 – 1773, в феврале (за 3 недели) – 1616 человек. Дальше стало ещё хуже. Помимо тифа распространялись холера, дизентерия, скарлатина и оспа» [19].

Меры правительства Колчака и общественных организаций по борьбе с эпидемией не дали результата, эпидемия нарастала вместе с потоком беженцев. Осенью 1918 г. на ст. Куломзино близ Омска скопилось до 100 тыс. беженцев, через год число беженцев на Транссибирской магистрали достигло 800 тыс. Численность населения сибирских городов из-за наплыва беженцев стала фантастической: в Омске – 500 тыс. чел., Новониколаевске – 195 тыс., Томске – 170 тыс. чел. [17: 329, 339, 340; 18]. После отступления из Омска заболели более 150 тыс. колчаковских солдат и офицеров, многие из которых погибли [20: 432]. «В Омске после взятия его Красной Армией в ноябре 1919 г. было больше 15 тысяч тифозных больных, которые жили по частным квартирам, ежедневно заражая здоровых. Ежедневно в городе умирало от 100 до 200 человек, хоронить которых было просто некому – многие были беженцами из Европейской России и не имели здесь родственников. Горожане просто отвозили такие трупы на городскую свалку», – писал историк В.Г. Кокоулин [9]. Основными источниками инфекции были беженцы и военные части. С 3 по 10 декабря в Омске заболели тифом 489 чел. Для борьбы с тифом по образцу Челябинской была организована Омская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом (Чекатиф); 12 декабря 1919 г. Решением Сибревкома она была преобразована в Сибирскую чекатиф [6: 71]. Именно в это время В.И. Ленин призвал к борьбе с тифом как с главным, наряду с голодом и холодом, врагом советской власти и народа и отметил,

что большинство медицинских работников из «таких, которые видят, что народ борется за своё существование, видят, что он хочет решить своей борьбой основной вопрос спасения всякой культуры, – и эти врачи вкладывают в это тяжёлое и трудное дело не меньше самопожертвования, чем любой военный специалист» [12: 410].

Главным очагом эпидемии стал Новониколаевск, куда сдвинулись разбитые части колчаковской армии. Город считался неблагополучным в санитарном отношении с начала Первой мировой войны, сыпной тиф постоянно отмечался в санитарных сводках, а с ноября 1918 г. приобрёл эпидемический характер. Эпидемия надвинулась с запада по железной дороге вместе с беженцами и отступающими войсками армии Колчака. Согласно подсчётам С.О. Вишневого, по официальной статистике в ноябре-декабре 1918 г. число больных тифом в Новониколаевске последовательно росло: 258 чел. на 10 ноября, 341 – 18 ноября, 453 – 7 декабря и 553 – на 30 декабря 1918 г. В первом квартале 1919 г. в Новониколаевске ежедневно фиксировалось около 700–800 больных всеми видами тифа. С приходом весны размах эпидемии уменьшился: 4 апреля 1919 г. в городе насчитывалось 605, а 1 мая – 401 заражение. В конце лета – осенью 1919 г. она приобрела неконтролируемый характер: 28 июля 1919 г. в городе насчитывалось 493 больных всеми видами тифа, к 19 августа – 796, 7 сентября – 1 311 чел. К 19 ноября 1919 г. тифозная эпидемия в Новониколаевске достигла своего пика: общее число заболевших тифом составило 1 973 чел. Далее эпидемия пошла на спад, но и в январе 1920 г., по словам председателя Томской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом П.К. Голикова, повсюду лежали трупы, «общая картина – не эпидемия, а мор» [2: 22–26].

В Новониколаевске на конец января в среднем (вероятно, в неделю) числилось 4 500 заболевших, в Барнауле – 818, по Барнаульскому уезду – 1 037, в Анжеро-Судженске на 26 января – 1 130, в Томске на 22 января – 12 836 больных [6: 77]. В феврале в Томской губернии учтено 59 236 заболевших, в марте – 28 816, в апреле – 19 386 [6: 110–112]. Итог эпидемии в Томской губернии к 8 марта 1920 г. – «до 73 000 трупов, большая часть которых приходилась на Новониколаевскую железную дорогу и уезд» [23: 37]. В 1920 г. в Сибири тифом болели 576 тыс. чел. [14: 83].

Томская губчекатиф организовала погребение и сжигание, как «наследства» колчаковской армии и эпидемии в Красной армии, среди беженцев и населения губернии, ей пришлось заниматься и последствиями эпидемии в Семипалатинской области. В Степной край отступили части Белой армии, распространив заразу в этом регионе и в Синьцзяне. Кроме тифа населению здесь грозили оспа, холера, чума [14: 79–82].

Когда беженцы и Белая армия откатились в Красноярск, они принесли эпидемию и сюда. «Город загажен, – писала в своих воспоминаниях начальник санчасти 5-й армии РККА Раиса Азарх. – За два года колчаковщины не чистились улицы и дворы, два года люди жили в непрерывном страхе за завтрашний день. Под снегом на свалках сотни незарытых трупов... Страшной угрозой висит над Красноярском забитый сыпнотифозными бывший лагерь для военнопленных, находящийся в восьми километрах от города» [1].

Между Нижнеудинском и Иркутском сибирская Белая армия прекратила своё существование, до Забайкалья к атаману Семенову дошла только 25-тысячная группа генерала Каппеля на треть бо́льшая тифом, обмороженная, голодная, с мощами своего предводителя. Иркутский историк В.А. Шаламов отыскал впечатляющее свидетельство о проходе этой группы войск. Он приводит слова верхнеудинского городского врача М.В. Танского: «...двор наполнился саянами, и через несколько минут больничные палаты представляли одну из картин дантового ада: на свободных кроватях, на полу, между кроватями, не оставляя пяди свободного места, везде, где только можно было приткнуться, лежали больные... По большей части больные оказались сыпнотифозные, в тяжёлом состоянии, но было немало и обмороженных... Два дня висел над городом этот каппелевский кошмар, а на третий день он исчез столь же неожиданно, как и появился. Тяжёлое наследие оставил каппелевский исход». Из семи человек персонала больницы выжили трое, а по уезду пошёл гулять тиф. Поход группы Каппеля занёс тиф туда, где его не было ранее, – в деревню. Шедшая по пятам каппелевцев 5-я армия Советской республики увеличила число больных [26: 123–124].

В Иркутске в 1920 г., по неполным данным, тифом болели 15 070 чел., дизентерией – 2 847, дифтеритом – 2 190, скарлатиной – 332, оспой – 551 чел. В Чите за 1919 г. тифом белели 669 чел., в 1920 г. – 536 чел. Это в 10–15 раз выше довоенного уровня, но в десятки раз меньше, чем в Западной Сибири [26: 124].

К концу апреля 1920 г. эпидемия тифа в Сибири сократилась, чекатыфы были закрыты. Вспышки тифа в 1921 и 1922 гг. повторились, но их подавили средствами губернских отделов здравоохранения [26: 125–127]. Общий итог эпидемии тифа в Сибири подвёл доктор Л.М. Маслов; по его подсчётам, в 1918–1922 гг. из 8 млн жителей Сибири болели тифом 1,5 млн, смертность составила 20%, т.е. 300 тыс. чел. [26: 128]. Эти оценки, конечно, тоже приблизительные, вероятно, они не включали Степной край, но более точных данных нет.

В первом советском романе Владимира Зазубрина «Два мира», в котором показаны без ретуши ужасы Гражданской войны в Сибири,

есть символическая картина тифозного барака, где под одним одеялом на двоих бредят и спорят выздоравливающие рабочий-комиссар и белый офицер из генеральской семьи, а за окном их ждёт разорённый войной край, восстановление которого должно объединить два их мира в один [5: С. 280–281].

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарх Р.М. У великих истоков. М.: Воениздат, 1967. URL: http://militera.lib.ru/memo/0/one/russian/azarh_rm.rar (дата обращения: 19.09.2023).

2. Вишневский С.О. Тифозная эпидемия в Новониколаевске летом 1918 – осенью 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 20–29. DOI: 10.17223/19988613/75/3

3. Глушков С.Е. Эпидемическая смертность населения Западной Сибири в конце имперского периода (конец 1880-х – 1916 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сб. материалов Всерос. молодёжн. науч. конф. Новосибирск: Апельсин, 2016. С. 105–114.

4. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С.С. Хромов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 704 с.

5. Зазубрин В. Два мира. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1988. С. 7–281.

6. Казаков И.О. Власть и общество в период эпидемий холеры 1829–1896 гг. в России и эпидемии тифа 1919–1920 гг. в Западной Сибири: дис. ... магистра истории. Томск: Томский государственный университет, 2013. 112 с.

7. Катанцев Д.В. Характеристика экономической ситуации Курганского уезда в 1919–1932 гг. // Вестник Курганского университета. 2017. № 1. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 13. С. 9–13.

8. Кобзарь В.П. Эпидемия холеры в Приамурье и Маньчжурии в 1902 году // Амурский медицинский журнал. 2019. № 4 (28). С. 90–93.

9. Кокоулин В.Г. Как сибиряки 100 лет назад справились с эпидемией тифа. 2020. С. 1–45. URL: https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_276/01_kokoulin_publicaciya_dokumenta_4.pdf?ysclid=lnoaqy233r278199811 (дата обращения: 13.09.2023).

10. Кононенко А.А. Адаптация населения Тюмени к условиям Гражданской войны // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / редкол.: В.И. Шишкин, Т.И. Морозова [и др.]. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. РАН, 2019. С. 299–304.

11. Кусков С.А. Фонд Челябинского губревкома как источник сведений о здравоохранении Южного Урала // Архив в социуме – социум в архиве: материалы второй регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2019. С. 51–55.

12. Ленин В.И. Доклад ВЦИК и Совнаркома // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 39. С. 387–414.

13. Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И. Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторусов в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 1917. № 3(49). С. 85–100. DOI: 10.17223/18572685/49/6

14. Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. Новосибирск: СО РАН, 2007. 307 с.

15. Рипп Г.Х. Становление советской военной медицины во время военной интервенции и гражданской войны в Сибири (1918–1922 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1978. 39 с.

16. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: статистическое исследование / отв. ред. Г.Ф. Кривошеев. М.: Олма-пресс, 2001. 606 с.

17. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 гг.). Новосибирск, 2008. 440 с.

18. Рынков В.М. Санитарно-медицинские службы на востоке России в антибольшевистский период гражданской войны (вторая половина 1918–1919 гг.) // Чтения памяти профессора Е.П. Сычевского: сб. докл. Благовещенск, 2007. С. 232–250.

19. Сизов С.Г. Эпидемическая ситуация в Белом Омске в 1918–1919 годах и её влияние на повседневную жизнь горожан. URL: www.chitalnya.ru/work/2147154/?ysclid=ln1hd272to738004770 (дата обращения: 16.09.2023).

20. Симонов Д.Г. Гражданская Война на востоке России // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 429–433.

21. Супотницкий М.В. Эпидемии чумы на Дальнем Востоке в 1910–11 и 1921 годах. URL: <http://epidemics.ru/other/104-yepidemii-chumy-na-dalнем-vostoke-v-1910-11-i.html> (дата обращения: 13.09.2023).

22. Темирбулатов Д.Р. «Баржи смерти» в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4 (48) С. 57–62.

23. Федотов Н.П., Бова П.А., Березин В.П. Очерки по истории здравоохранения Томской области: к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции / ред. Д.И. Гольдберг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. 184 с.

24. Фоминых С.Ф., Иванов А.А., Некрылов С.А. Профессора и студенты Императорского Томского университета в борьбе с холерной эпидемией в Томске летом 1892 г. // Сибирский медицинский журнал. Томск, 2007. Т. 22, № 3. С. 116–119.

25. Шаламов В.А. История развития здравоохранения в Восточной Сибири в конце XIX – первой трети XX веков: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2022. 767 с.

26. Шаламов В.А. Становление и развитие советской системы здравоохранения в Восточной Сибири в 1920-е годы. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. 272 с.

27. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2015. 330 с.

REFERENCES

1. Azarkh, R.M. (1967) *U velikikh istokov* [At the great origins]. Moscow: Voenizdat. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/memo/0/one/russian/azarh_rm.rar (Accessed: 19th October 2023).
2. Vishnevskiy, S.O. (2022) The typhoid epidemic in Novonikolaevsk in the summer of 1918 – the autumn of 1919]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 75. pp. 20–29 (in Russian). DOI: 10.17223/19988613/75/3
3. Glushkov, S.E. (2016) Epidemicheskaya smertnost' naseleniya Zapadnoy Sibiri v kontse imperskogo perioda (konets 1880-kh – 1916 gg.) [Epidemic mortality of the population of Western Siberia at the end of the Imperial period (late 1880s – 1916)]. In: *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Current problems of historical research: The view of young scientists]. Novosibirsk: Apelsin. pp. 105–114.
4. Khromov, S.S. (1983) *Grazhdanskaya voyna i voennaya intervensiya v SSSR. Enziklopedia* [Civil War and Military Intervention in the USSR. Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
5. Zazubrin, V. (1988) *Dva mira* [Two Worlds]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatelstvo. pp. 7–281.
6. Kazakov, I.O. (2013) *Vlast' i obshchestvo v period epidemiy kholery 1829–1896 gg. v Rossii i epidemii tifa 1919–1920 gg. v Zapadnoy Sibiri* [The government and society during the cholera epidemics of 1829–1896 in Russia and the typhus epidemic of 1919–1920 in Western Siberia]. History Master's Diss. Tomsk: Tomsk State University.
7. Katanzev, D.V. (2017) Kharakteristika ekonomicheskoy situatsii Kurganskogo uезда v 1919–1932 gg. [Characteristics of the economic situation of Kurgan uезд in 1919–1932]. *Vestnik Kurganskogo universiteta*. 1(13). pp. 9–13.
8. Kobzar, V.P. (2019) Epidemiya kholery v Priamur'e i Man'chzhurii v 1902 godu [Cholera epidemic in the Amur region and Manchuria in 1902]. *Amurskiy meditsinskiy zhurnal*. 4(28). pp. 90–93.
9. Kokoulin, V.G. (n.d.) *Kak sibiryaki 100 let nazad spravilis s epidemiej tifa* [How Siberians coped with the typhus epidemic 100 years ago]. pp. 1–45. [Online] Available from: https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_276/01_kokoulin_publicaciya_dokumenta_4.pdf?ysclid=lnoaqy233r278199811 (Accessed: 13th October 2023).
10. Kononenko, A.A. (2019) Adaptatsiya naseleniya Tyumeni k usloviyam Grazhdanskoy voyny [Adaptation of the Tyumen population to the Civil War]. In: Shishkin, V.I., Morozova, T.I. et al. (eds) *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1922 g.)* [Civil war in the east of Russia (November 1917 – December 1922)]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 299–304.
11. Kuskov, S.A. (2019) Fond Chelyabinskogo gubernskogo istochnik sve-

deniy o zdavookhraneniі Yuzhnogo Urala [The Chelyabinsk Gubrevkom Fund as a source of information about healthcare in the Southern Urals]. In: *Arkhiv v sotsiume – sotsium v archive* [Archive in Society – Society in the Archive]. Chelyabinsk: [s.n.]. pp. 51–55.

12. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 39. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. pp. 387–414.

13. Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinovieva, V.I. (2017) The Carpatho-Russian Council and the formation of military units of the Carpatho-Russians in Siberia during the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3(49). pp. 85–100. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/49/6

14. Poznanskiy, V.S. (2007) *Sotsial'nye kataklizmy v Sibiri: golod i epidemii v 20–30-e gg. XX v.* [A social cataclysm in Siberia: Famine and epidemics in the 1920–30s]. Novosibirsk: SB RAS.

15. Ripp, G.H. (1978) *Stanovlenie sovetskoy voennoy meditsiny vo vremya voennoy interventsii i grazhdanskoy voyny v Sibiri. (1918–1922 gg.)* [The formation of Soviet military medicine during the military intervention and the Civil War in Siberia. (1918–1922)]. History Dr. Diss. Moscow.

16. Krivosheev, G.F. (2001) *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka: statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century: A statistical study]. Moscow: Olma-press.

17. Rynkov, V.M. (2008) *Sotsial'naya politika antibol'shevistskikh rezhimov na vostoке Rossii (vtoraya polovina 1918–1919 gg.)* [The social policy of the anti-Bolshevik regimes in the East of Russia (the second half of 1918 – 1919)]. Novosibirsk: SB RAS.

18. Rynkov, V.M. (2007) Sanitarno-meditsinskie sluzhby na vostoке Rossii v antibol'shevistskiy period grazhdanskoy voyny (vtoraya polovina 1918–1919 gg.) [Sanitary and medical services in the East of Russia during the anti-Bolshevik period of the Civil War (the second half of 1918–1919)]. In: Kuznetsov, D.V. & Buyarov, D.V. (eds) *Chteniya pamyati professor E.P. Sychevskogo* [Readings in memory of Professor E.P. Sychevsky]. Blagoveshchensk: BSPU. pp. 232–250.

19. Sizov, S.G. (2017) Epidemicheskaya situatsiya v Belom Omske v 1918–1919 godakh i ee vliyanie na povsednevnyuyu zhizn' gorozhan [The epidemic situation in Bely Omsk in 1918–1919 and its impact on the daily life of citizens]. In: *Kubanskіe istoricheskie chteniya* [The Kuban Historical Readings]. Proc. of the 8th International Conference. Krasnodar: Krasnodarskiy zentr nauchno-technicheskoy informazii. pp. 73–80. [Online] Available from: www.chitalnya.ru/work/2147154/?ysclid=ln1hd272to738004770 (Accessed: 16th October 2023).

20. Simonov, D.G. (2009) Grazhdanskaya Voyna na vostoке Rossii [The Civil War in the East of Russia]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk: SB RAS. pp. 429–433.

21. Supotnizkiy, M.V. (2011) *Epidemii chumy na Dal'nem Vostoке v 1910–11 i 1921 godakh* [Plague epidemics in the Far East in 1910–11 and 1921]. [Online]

Available from: <http://epidemics.ru/other/104-yepidemii-chumy-na-dalнем-vostoke-v-1910-11-i.html> (Accessed: 13th October 2023).

22. Temirbulatov, D.R. (2011) "Barzhi smerti" v Sibiri v gody grazhdanskoй voyny (1918–1919 gg.) ["Death Barges" in Siberia during the Civil War (1918–1919)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(48). pp. 57–62.

23. Fedotov, N.P., Bova, P.A. & Berezin, V.P. (1967) *Ocherki po istorii zdравookhraneniya Tomskoy oblasti: k 50-letiyu Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Essays on the history of healthcare in the Tomsk Region: To the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution]. Tomsk: Tomsk State University.

24. Fominykh, S.F., Ivanov, A.A. & Nekrylov, S.A. (2007) Professora i studenty Imperatorskogo Tomskogo universiteta v bor'be s kholernoy epidemiei v Tomске letom 1892 g. [Professors and students of Imperial Tomsk University in the fight against the cholera epidemic in Tomsk in the summer of 1892]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*. 22(3). pp. 116–119.

25. Shalamov, V.A. (2022) *Istoriya razvitiya zdравookhraneniya v Vostochnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy treti XX vekov* [The history of the development of healthcare in Eastern Siberia in the late 19th – first third of the 20th centuries]. History Dr. Diss. Irkutsk.

26. Shalamov, V.A. (2022) *Stanovlenie i razvitie sovetskoй sistemy zdравookhraneniya v Vostochnoy Sibiri v 1920-e gody* [The formation and development of the Soviet healthcare system in Eastern Siberia in the 1920s]. Irkutsk: ISU.

27. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [WWI of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Россия).

Vasily P. Zinoviev – Tomsk State University; Tyumen State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47+57):76“1950/1980”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/16

Визуализация национальной идентичности в плакатах Советской Белоруссии 1950–1980-х гг.*

Е.А. Федосов

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

Авторское резюме

Определяются ключевые элементы собирательного образа Советской Белоруссии и тем самым раскрываются основные закономерности визуализации национальной идентичности с опорой на образцы наглядной агитации, изданные в союзной республике за период 1950–1980-х гг. Исходная источниковая база исследования составила 570 плакатов. Каждый из них анализировался на наличие изображений, символов, а также текстовых упоминаний, которые могут трактоваться как отсылки к национальному или гражданскому самосознанию белорусов. Выявлялось тематическое разнообразие сюжетов с наличием подобных отсылок, устанавливалась их взаимосвязь с другими контекстами. Основой исследовательского подхода послужили контент-аналитические методики, а также элементы структурного анализа. Сюжеты, прямо или косвенно конструирующие белорусскую идентичность, образуют выборку, которая составляет примерно 27 % от общего количества рассмотренных образцов агитпропа. Они сводятся к четырём тематическим группам изображений: 1) национально-государственная символика; 2) традиционный орнамент и элементы народного костюма; 3) память о Великой Отечественной войне; 4) успехи республиканской экономики. Первые две функционировали за счёт изобразительных приёмов как таковых, иллюстрируя различные информационные поводы. Вторые две базировались на более устойчивой сквозной контекстуальной основе. При этом между всеми направлениями отсутствовала чёткая сюжетная граница, и зачастую они наслаивались друг на друга, демонстрируя комплексность идеологического воз-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00083, <https://rscf.ru/project/22-78-00083/>

действия на самосознание белорусов. Следует также отметить, что сформировавшиеся образы воспроизводятся и применительно к современной Республике Беларусь.

Ключевые слова: Советская Белоруссия, визуальная пропаганда, плакат, национальная идентичность

National identity visualized in posters of the Soviet Belarus in 1950–1980s*

Egor A. Fedosov

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

Abstract

The article uses visual propaganda samples, printed in the Union Republic during the 1950–1980s, to identify the key elements of the collective image of the Soviet Belarus and thereby disclose the main patterns of national identity visualization. The initial source base for the study consisted of 570 posters, each of which was analyzed in terms of pictures, symbols, and text references which could be interpreted as references to the national or civic identity of the Belarus people. The author reveals the thematic diversity of plots with such references and their interconnections with other contexts. The approach is based on the content and structural analysis. The plots, directly or indirectly constructing the Belarusian identity, form a sample that accounts for approximately 27% of the total number of agitprop samples examined. They come down to four thematic groups of images: 1) national and state symbols; 2) traditional ornament and elements of folk costumes; 3) memory about the Great Patriotic War; 4) successes of the republican economy. The first two groups functioned through visual techniques as such, illustrating various informational reasons. The second two had more sustainable cross-cutting contextual basis. At the same time, there was no clear plot line between all the directions, so they often overlapped each other, demonstrating the complex ideological influence on the self-consciousness of Belarusians. It should also be noted that the formed images are also reproduced in relation to the modern Republic of Belarus.

Keywords: Soviet Belarus, visual propaganda, poster, national identity

* The research is supported by Russian Science Foundation Grant (Project № 22-78-00083), <https://rscf.ru/en/project/22-78-00083/>

В настоящее время Республика Беларусь часто рассматривается не только как братская для России страна, но и как государство, которое проводит политику памяти, наиболее заметно выражающую социокультурную преемственность с советским прошлым. В этой связи представляется актуальным изучение идеологического наследия СССР, которое создавалось и функционировало на белорусской почве, в том числе в форме массового печатного агитпропа. В статье с опорой на образцы наглядной агитации, изданные в союзной республике за период 1950–1980-х гг., выявляются ключевые элементы собирательного образа Советской Белоруссии и тем самым раскрываются основные закономерности визуализации национальной идентичности.

Проблематика, связанная с конструированием белорусского самосознания, нередко оценивается в контексте влияния на этот процесс советского прошлого. В частности, в пособии по идеологии современной Беларуси констатируется, что именно в СССР сложились политические и культурные основы для национальной государственности [7: 39–40]. Как характерная черта президентства А. Лукашенко отмечается курс на «ресоветизацию», которая в основном находит отражение в культивировании памяти о Великой Отечественной войне и партизанском движении [2: 52–54]. При этом исторический опыт конкретных пропагандистских практик, применявшихся ещё в союзной республике, изучен преимущественно в рамках искусствоведческого направления. В частности, имеющиеся публикации о плакате Советской Белоруссии предлагают обзорную характеристику его развития, например, в результате хрущёвской «оттепели», либо на более длительном хронологическом отрезке [9–11]. В подобном ключе выдержана и фундаментальная работа исследователя А.Г. Голубович [4], обладающая несомненной научно-справочной ценностью. Также отдельно следует выделить исследования А. Пигальской, изучавшей агитационную продукцию БССР как форму визуализации позднесоветских повседневных практик [8; 12]. Вместе с тем современная теория политических креолизованных текстов – сложных сообщений, основанных на сочетании вербальных и невербальных элементов, которые призваны усиливать друг друга и комплексно воздействовать на адресата [3; 6], – позволяет рассматривать плакатную агитацию как один из основных инструментов закрепления нарратива об идентичности белорусов на уровне зрительного образно-символического ряда. Отсюда с учётом текущего состояния изучения белорусского агитпропа представляется целесообразным глубже раскрыть интерпретационный потенциал его содержания путём сбора и типологии большого массива визуальных материалов.

Исходная источниковая база данного исследования составила 570 плакатов, которые представлены двумя основными типами, характерными для пропаганды позднего СССР. Прежде всего, это многотиражная печатная продукция крупных издательств, в данном случае республиканского уровня (в среднем достигавшая объёма 10–20 тыс. экземпляров каждого наименования). Её выпуск отличался довольно длительным публикационным циклом и широким территориальным охватом. Также в число рассматриваемых материалов вошла серия «Агітплакат», выпускавшаяся сравнительно меньшим тиражом (в пределах 1–2 тыс. экземпляров каждого наименования), трафаретно-шёлкографским способом с середины 1960-х гг. в Минске Союзом художников БССР по примеру московских коллег¹. Её отличительными чертами являлись более оперативные темпы создания и концентрация преимущественно внутри городского пространства, а также наличие рифмованных куплетов в качестве лозунговой части. Следует особо отметить, что независимо от типа подавляющее большинство анализируемой плакатной продукции издано на белорусском языке. Большую часть источников составили электронные репродукции, представленные на специализированном тематическом интернет-ресурсе «Беларускі плакат» [1].

Основой исследовательского подхода послужили контент-аналитические методики. Каждый из плакатов анализировался на наличие изображений, символов, а также текстовых упоминаний, буквальных или метафорических, которые могут трактоваться как отсылки к национальному или гражданскому самосознанию белорусов. Выявлялось тематическое разнообразие сюжетов с наличием подобных отсылок, устанавливалась их взаимосвязь с другими контекстами. Также к исследованию применялся метод структурного анализа, нацеленный на определение места и роли национально окрашенных образно-символических элементов в изобразительном содержании плакатов.

Если охарактеризовать сюжетные рамки плакатной агитации Советской Белоруссии, то в целом они соответствуют общесоюзным тенденциям, наблюдавшимся в 1950–1980-х гг. Так, лозунговое и изобразительное содержание большинства материалов строилось вокруг промышленной и сельскохозяйственной среды, а главным их героем выступал человек труда, борющийся за досрочное выполнение плана и высокий урожай или же олицетворявший идеалы рабочей чести. Закономерно широко были представлены политические темы, которые обладали актуальным значением, обусловленным приближением, например, выборов или партийных съездов, или апеллировали к коллективной памяти коммунистов – к их числу в основном относятся плакаты, посвящённые годовщине Великого Октября и исполненные в

жанре ленинианы. Заметный пласт составляла воинская и оборонная тематика, а также международная повестка, нашедшая отражение в пропаганде идеалов мира и интернационализма, либо в сатире на империалистические и реваншистские круги Запада. При этом сюжеты, прямо или косвенно конструирующие белорусскую идентичность, могут быть выделены в отдельную выборку, которая составляет примерно 27 % от общего количества рассмотренных образцов агитпропа и включает в себя несколько смысловых групп изображений. Далее подробнее рассмотрим содержательные особенности и частотность проявления связанного с ними образно-символического ряда.

К первой из групп следует отнести примеры использования официальной символики БССР – герба, флага, лент красно-зелёных цветов. На них приходится до 44 % сюжетов, вошедших в выборку. Зачастую подобные изображения имели фоновое значение в плакатах декоративного жанра, приуроченных к выборам в местные советы, юбилеям со дня образования союзной республики или Коммунистической партии Белоруссии, либо анонсировавших отдельные события в области политики, культуры и спорта. Так, исключительно на геральдической и цветовой основе решён плакат В. Краскова с характерным лозунгом «В семье братьев-народов славься, Беларусь, всегда!» (на белор. яз., 1968). В работах И. Радунского «Республика наша строится, дыбится (В. Маяковский)» и «Ввысь поднимайся в красе строительной, моя Беларусь» (оба на белор. яз., 1969 и 1977) полотно флага играет роль главного объекта, который задаёт динамику композиции, то устремляясь к солнцу, то осеняя индустриальную панораму. В качестве довольно необычных примеров можно привести плакаты на международные темы, где республиканское знамя присутствует наряду или даже вместо общегосударственного советского, как на плакате Е. Змитровича «Да здравствует дружба между советским и польским народами!» (на белор. и польск. яз., 1958).

Ко второй довольно многочисленной группе, охватывающей около 46 % от выборки, могут быть отнесены примеры изображения традиционного белорусского орнамента (и это помимо его наличия в несколько изменённом виде на флаге БССР²) или людей в народных костюмах. Данный подход к визуализации получил особое развитие в 1968–1969 гг., т. е. накануне и в ходе празднования 50-летнего юбилея основания Компартии Белоруссии и образования самой союзной республики. Кроме того, он проявлялся в агитационных материалах к общегражданским праздникам: новогодним, Первомайским или Ноябрьским³. Орнаментальные мотивы переносились даже в шрифты. Так, на одном из плакатов Л. Замаха «Все на выборы!» (на белор. яз., 1963) весьма оригинально оформлена надпись, анонсирующая

данное общественно-политическое событие. При этом вся композиция состоит из стилизованного текста на красном и зелёном поле, а также эмблемы серпа и молота, которая служила фоном для фигур избирателей, в то же время весьма определённо напоминала республиканский флаг. Не менее символичное «вплетение» коммунистической символики в национальный орнамент предпринято художником Ю. Лягичевым в работе «К новым трудовым победам!» (на белор. яз., 1969) (рис. 1). Подобные приёмы не исчерпывались только торжественно-декоративными целями. Рубашка с характерной вышивкой нередко могла служить атрибутом героев сюжетов, несущих активный агитирующий посыл: от тружеников сельского хозяйства, борющихся за урожай картофеля, до молодых комсомольцев, олицетворявших движение страны вперёд к коммунизму⁴. Но если сельскохозяйственные сюжеты в большей степени наполнены национальным колоритом, что в целом характерно для всей советской плакатной продукции, то его наличие в облике комсомола, как строителя светлого будущего, указывает на явную попытку наглядно объединить мотивы традиции и прогресса, присущую именно белорусскому агитпропу. К проявлению аналогичной тенденции также следует отнести формирование аллегорического образа Белоруссии (преимущественно женского) в пространстве коммунистической пропаганды, наиболее ярким примером чему может служить плакат П. Лысенко и В. Ткачука «Пятьдесят героических лет закалялась в труде и в боях Советская Беларусь» (на белор. яз., 1969). Здесь центральное портретное изображение

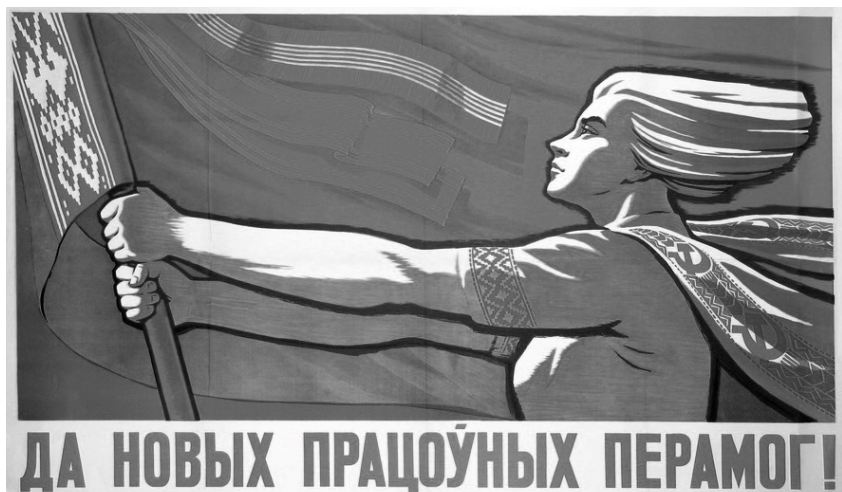

Рис. 1. Худ. Ю. Лягичев. 1969 [1]

женщины в народном костюме играет роль связующего звена в композиции между боевым прошлым и созидательным настоящим республики (рис. 2).

Рис. 2. Худ. П. Лысенко, В. Ткачук. 1969 [1]

Третья группа складывается не столько из изображений определённого характера, сколько из целого контекста, связанного с военной тематикой, которая отражена примерно в 17 % сюжетов исследуемой выборки. Идентичность белорусов переплеталась с памятью о боях-красноармейцах времён Гражданской, а чаще всего Великой Отечественной войны; закреплялось восприятие республики как партизанского края⁵. Образы солдат и партизан, изображённых или портретно, или как обобщённая сила, выступающая в едином строю, нередко служили смысловым спутником для национально-символической аллегории Белоруссии. Ярко выраженный характер такое образное сочетание приобрело в работах Л. Замаха «Вечно молодая в красоте цветения Беларусь приветствует праздник освобождения!» (на белор. яз., 1969) или В. Соколова «Тебе, Беларусь, в веках красоваться...» (на белор. яз., 1975) (рис. 3). Отдельными плакатами отмечались годовщины освобождения белорусских городов от фашистской оккупации. В основном они были посвящены городу-герою Минску, Дзень вызвалення которого, приходившийся на 3 июля 1944 г., по идейному и зрительному посылу вполне сопоставим с Днём Победы в Великой Отечественной войне (рис. 4).

Рис. 3. Худ. В. Соколов. 1975 [1]

В числе несколько нетипичных отсылок к военному прошло-му можно упомянуть также выпуск серии «Агітплакат», подготовленный Р. Малиновским и А. Чуркиным, «Или вы забыли, как мы их били» (на белор. яз., 1969), где, будучи на боевом посту, современный военнослужащий Советской армии указывает на карту окружения немецких войск в Белоруссии в наизидание карикатурному западному милитаристу, размахивающему «ядерной дубинкой».

Наконец, четвертая группа связана с самой распро-странённой в совет-

ской визуальной пропаганде производственной темой, которая в сочетании с определённым национальным колоритом прослеживается в 48 % плакатов рассматриваемой выборки. В случаях, где панорамы заводов и колхозных полей являлись не просто фоном для призывных или праздничных лозунгов, а служили именно смысловой основой сюжета, речь обычно шла о развитии народного хозяйства в Белорусской ССР, её вкладе в общесоюзную и даже мировую индустрию. Так, в ёмкой инфографической манере исполнен плакат Е. Тараса «Промышленность нашей республики за годы советской власти» (на белор. яз., 1959). Визуально лаконична, но не менее информативна и работа И. Радунского «Беларусь – мирным стройкам» (на белор. яз., 1960), где произведённые самосвалы и тракторы показаны на платформах для отправки в различные города и страны, перечисленные на фоновом поле: от Кубы до Вьетнама. Зачастую ассоциируясь с узнаваемыми контурами БелАЗов, республиканские заводские марки не раз ста-

новились темой серии «Агітплакат»⁶. В некоторых случаях это было выражено посредством весьма характерных метафор, как в выпуске со стихотворным текстом Г. Клевко «Зааводом родным горжусь...» (на белор. яз., 1972), в котором грузовики Минского автозавода названы стальными зубрами, что являлось прямой отсылкой к одному из традиционных символов Белоруссии (рис. 5) [5: 49], закрепившемуся и в заводской эмблематике.

А в лозунге одного из образцов сельскохозяйственной наглядной агитации за авторством художника М. Молчана (на белор. яз., 1964) сама республика метафорически уподоблялась цветущему яблоневому саду, зрительно переключаясь с красно-зелёными, т.е. национальными, цветами плодов. В качестве довольно необычного сюжета следует привести работу Ф. Выпаса: «За то, кем стал ты, скажи, белорус, Советской власти спасибо!» (на белор. яз., 1968). Здесь становление нации осмыслено через культурно-технологический скачок между революционным красноармейцем, начинавшим ликбез с букваря (он изображён на дальнем плане), и главным героем плаката – опера-

тором сложного пульта управления современным производством (рис. 6).

Как можно убедиться, основные приёмы визуализации белорусской идентичности в целом оказались уже достаточно апробированы к концу 1960-х гг., более интенсивно применяясь в связи с конкретными информационными поводами, чаще всего юбилейными, будь то годовщина образования КПБ и БССР или освобождения республики от фашистских оккупантов. Устоявшиеся тенденции в дальнейшем практически не предполагали принципиального обновле-

Рис. 4. Худ. Л. Замах. 1969 [1]

Рис. 5. Худ. Л. Чурко. 1972 [1]

ния изобразительного ряда, хотя встречались и любопытные исключения, которые были связаны с сюжетами, уходящими в глубь национальной истории. Средневековая воительница и вместе с тем жница, витязь, крепость, старинные гербы, стилизованные шрифты – всё перечисленное послужило визуальными элементами, например, для вышедших в 1980 г. плакатов о тысячелетней Белоруссии и её древнем городе Турове.

Проведённый анализ показал, что в плакатной агитации Советской Белоруссии 1950–1980-х гг.

прослеживаются четыре наиболее значимых образно-символических направления, призванных формировать самосознание белорусов: национально-государственная символика; традиционный орнамент и элементы народного костюма; память о войне; успехи республиканской экономики. Первые два функционировали за счёт изобразительных приёмов как таковых, иллюстрируя различные информационные поводы; вторые базировались на более устойчивой контекстуальной основе. При этом между ними отсутствовала чёткая сюжетная граница, и чаще всего они наслаивались друг на друга. Порой изображения республиканского герба или орнамента, воинов-освободителей или строителей коммунизма встречаются в рамках одного агитационного произведения, демонстрируя смысловую множественность идеологического воздействия. Следует также отметить, что все вышеперечисленные образы, будучи сформированными в советское время, воспроизводятся и применительно к современной Республике Беларусь, при этом контексты, акценты

и динамика их текущего бытования могут послужить основой для дальнейших сравнительных исследований.

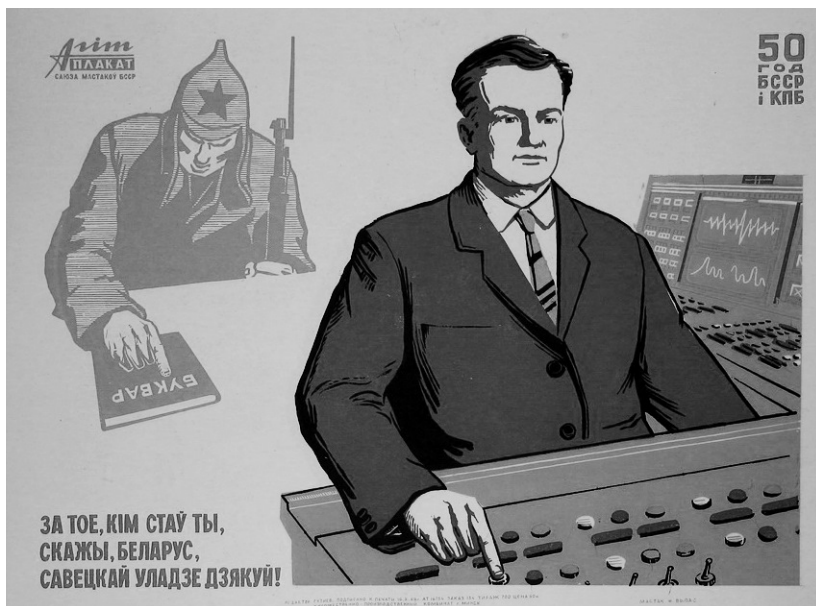

Рис. 6. Худ. Ф. Выпас. 1968 [1]

Примечания

1. Московская серия «Агитплаката» возникла в 1956 г., после чего мастерские по производству аналогичной плакатной продукции заработали в целом ряде городов СССР.

2. В случае с флагом белая вышивка размещалась на красном поле, тогда как в традиционном для белорусов варианте наоборот – красная на белом [5: 50].

3. См., например, худ. П. Калинин «С Новым годом!» (на белор. яз., 1966); худ. Л. Замах «1 мая – праздник труда и мира!» (на белор. яз., 1960) и «Октябрю слава!» (на белор. яз., 1967).

4. См., например, худ. В. Соловьёв «А чем вы встречаете юбилей?» (на белор. яз., 1968); худ. Л. Замах «Коммунизм – это молодость мира и строить его молодым» (на белор. яз., 1960).

5. См., например, худ. Л. Замах «Беларусь – край мой родной, партизанский» (на белор. яз., 1969).

6. См., например, худ. Л. Замах «Промышленность Беларуси на весь мир известной стала» (на белор. яз., 1969); худ. Л. Чурко «Работает – посмотреть любо-дорого...» (на белор. яз., 1974).

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларускі плакат. URL: <http://plakat.unid.by> (дата обращения: 28.09.2023).
2. Бикетова Е.А. Политика памяти в Беларуси: особенности национального дискурса // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 49–59.
3. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 194 с.
4. Голубович А.Г. Белорусский советский плакат. Минск: Беларусь, 2014. 302 с.
5. Имидж Беларуси: становление, состояние, продвижение / под. ред. М.А. Слемнева. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2020. 199 с.
6. Креолизованный текст: смысловое восприятие / отв. ред. И.В. Вашунина. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
7. Лучина В.Н. Основы идеологии белорусского государства. Минск: ИВЦ Минфина, 2017. 69 с.
8. Пигальская А.М. Формы репрезентации повседневности в белорусском плакате 1966–1980: дис. ... д-ра искусствоведения. Вильнюс, 2013. 170 с.
9. Саратовская Н.Н. Белорусский плакат периода хрущёвской «оттепели» // Вісник ХДАДМ. 2005. № 10. С. 112–119.
10. Сизенкова С.В. Генезис и развитие белорусской школы плаката // Национальная культура глазами молодых. Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2023. С. 176–181.
11. Солодовникова Т.В. Содержательные характеристики белорусского плаката как доминирующей формы рекламной коммуникации на территории Беларуси с 1914 по 1990 г. // Труды БГТУ. Сер. 4: Принт- и медиатехнологии. 2021. № 2 (249). С. 147–152.
12. Pigalskaya A. Visual traces of individualization practices in the 1960-70s posters of the BSSR // Acta Academiae Artium Vilnensis. 2014. № 73. С. 123–139.

REFERENCES

1. Belarus. (n.d.) *Belaruski plakat*. [Online] Available from: <http://plakat.unid.by> (Accessed: 28th September 2023).
2. Biketova, E.A. (2020) The memory politics in Belarus: specific of national discourse. *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*. 36. pp. 49–59. (In Russian).

3. Voroshilova, M.B. (2013) *Politicheskiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochleniyu* [Political creolized text: keys to understanding]. Ekaterinburg: USPU.
4. Golubovich, A.G. (2014) *Belorusskiy sovetskiy plakat* [Belarusian Soviet Poster]. Minsk: Belarus'.
5. Slemnev, M.A. (ed.) (2020) *Imidzh Belarusi: stanovlenie, sostoyanie, prodvizhenie* [The image of Belarus: Formation, condition, promotion]. Vitebsk: VSU.
6. Vashunina, I.V. (ed.) (2020) *Kreolizovannyi tekst: smyslovoe vospriyatie* [Creolized text: Semantic perception]. Moscow: Institute of Linguistics of RAS.
7. Luchina, V.N. (2017) *Osnovy ideologii belorusskogo gosudarstva* [The basis of ideology of the Belarusian state]. Minsk: ICC of Ministry Finance.
8. Pigalskaya, A.M. (2013) *Formy reprezentatsii povsednevnosti v belorusskom plakate 1966–1980* [Forms of everyday representation in Belarusian posters in 1966–1980]. Art History Dr. Diss. Vilnius.
9. Saratovskaya, N.N. (2005) The Belarusian poster of the Khrushchev's "thaw." *Visnik KhDADM*. 10. pp. 112–119. (In Russian).
10. Sizenkova, S.V. (2023) *Genezis i razvitie belorusskoy shkoly plakata* [The genesis and development of Belarusian poster school]. In: *Natsional'naya kul'tura glazami molodykh* [National Culture Through the Eyes of Young People]. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts. pp. 176–181 (in Russian).
11. Solodovnikova, T.V. (2021) The content characteristics of Belarusian poster as dominant form of advertising communication on Belarus territory from 1914 to 1990. *Trudy BGTU. Ser. 4, Print- i mediatekhnologii*. 2(249). pp. 147–152. (In Russian).
12. Pigalskaya, A. (2014) Visual traces of individualization practices in the 1960-70s posters of the BSSR. *Acta Academiae Artium Vilnensis*. 73. pp. 123–139.

Федосов Егор Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета (Россия).

Egor A. Fedosov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

УДК 316.752

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/17

Понятие «ценности» в славянском и западном мире: особенности содержания и динамики

И.А. Дунбинский¹, В.В. Кашпур², Е.Ю. Ливенцова³

Томский государственный университет

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: dunbinskiy@mail.ru

² E-mail: vitkashpur@mail.ru

³ E-mail: evg.liv@mail.ru

Авторское резюме

В настоящее время большинство стран постсоветского пространства находятся в транзитном состоянии. Происходит правый консервативный поворот от общественно-политической модели либеральной демократии. Этот процесс порождает запрос на исследование ценностей, которые в русскоязычной среде являются одним из механизмов конструирования общества. Рассматривается динамика изменений трактовок понятия «ценности» от классических работ философов и социологов до новейших современных исследований. Критерием современности является использование в качестве эмпирического инструментария для сбора данных новейших цифровых технологий и методов Big Data. Всего было рассмотрено 138 научно-исследовательских статей, выпущенных с 2010 по 2023 г. (79 – зарубежных и 59 русскоязычных публикаций). Сравниваются различия в понимании ценностей постсоветской и западной научными парадигмами. В заключении, исходя из всего массива проанализированной литературы, сделан ряд выводов.

Ключевые слова: ценности, понятия, терминология, общерусская идентичность, национальная идея, русский мир, славянский мир

The concept of value in the Slavic and Western world: The specificity of content and dynamics

Ilya A. Dunbinsky¹, Vitaliy V. Kashpur²,
Evgeniya Yu. Liventsova³

^{1,2,3} Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: dunbinskiy@mail.ru

² E-mail: vitkashpur@mail.ru

³ E-mail: evg.liv@mail.ru

Abstract

Currently, most countries of the post-Soviet space are being in a state of transit. The right-wing conservative turn away from the socio-political model of liberal democracy brings about a request for the study of values, which serve as mechanisms for constructing society in the Russian-speaking environment. The article aims at studying the dynamics of changes in the interpretation of the concept of value from the classical works of philosophers and sociologists (Plato, Immanuel Kant, Max Weber, Nikolay I. Lapin, Dmitriy A. Leontiev, Vladimir A. Yadov, Talcott Parsons, Milton Rokeach, Ronald Inglehard) to the latest research. The latest digital technologies and Big Data methods are used as empirical tools to review a total of 140 research articles published from 2010 to 2023 (79 foreign and 61 in Russian). The article also compares the differences in the understanding of values between the post-Soviet and Western scholarly paradigms. Based on the entire body of literature analyzed, the authors make a number of conclusions. *Firstly*, according to Western scholars, values are constantly changing; while Russian-speaking scholars study values as stable elements of society. *Secondly*, the dominant goal in foreign articles is the study of values as a tool for managing society, while Russian-speaking scholars study this semantic construct to largely investigate the country's identity. *Thirdly*, drawing on Rokeach, Western scholars interpret values as individual constructs, while for post-Soviet researchers, values are mainly a collective construct. *Fourthly*, comparing the values from Rokeach's list, dominant in the West, and traditional spiritual and moral values approved by the President of the Russian Federation, we can see that they run counter to each other.

Keywords: values, concepts, terminology, all-Russian identity, national idea, Russian world, Slavic world

Введение

В 1990–2000 гг. произошел транзит социума от социалистического общества к общественно-политической модели либеральной демократии. Отметим, что распад СССР привел к тому, что его бывшие граждане столкнулись с колоссальным кризисом самоидентичности. Старые концепты, такие как «советский гражданин», «советские люди», «человек – творец будущего» прекратили существование, а новые, отражающие современную действительность, находятся в процессе своего конструирования. Поскольку пространство идентичности не может оставаться незаполненным, начиная с конца 1980-х гг. в образовавшиеся лакуны входят западные, преимущественно американские ценности. Наблюдается своего рода «макдоналдизация» русского мира [12].

Начиная со второй половины 2010 г. в стране происходит правый консервативный поворот в большей части русского мира, где главной ценностью становится защита традиционных общественных институтов (нация, Церковь, семья) перед угрозой глобализации. Безусловно, это усилило ситуацию транзитивного общества. Начался поиск новых смыслов, которые способны отразить специфику текущего состояния постсоветского пространства. В этой связи кратно увеличивается количество авторов, занимающихся исследованием ценностей, разработкой методологии по их оцениванию.

Целью данной публикации является изучение динамики изменений трактовок понятия «ценности» от классических работ философов и социологов (Платон, И. Кант, М. Вебер, Н.И. Лапин, Д.А. Леонтьев, В.А. Ядов, Т. Парсонс, М. Рокич, Р. Инглхарт) до современных исследований. Если раньше, работая с понятиями ценности, ученые часто использовали традиционные социологические или психологические методы, то, начиная с 2010 г. в статьях это явление анализируется в том числе с использованием технологий и методов Big Data.

Кроме того, сравнивая интерпретации понятия «ценности» в постсоветском и западном научном пространстве, можно также прийти к выводу о различии в подходах к осмыслению ценностей, которое во многом определяется особенностями развития этих цивилизаций, демонстрируя их неповторимое своеобразие.

Выявление особенностей в интерпретации понятия «ценности» классическими и современными исследованиями, а также изучение своеобразия трактовки этого термина в постсоветской и западной научной среде позволят нам сформулировать собственное определение данного понятия.

Методология и источники исследования

Основным методом анализа понятия «ценности» стал сравнительный анализ, который позволил сопоставить как классические работы социологов и философов, изучавших содержание понятия «ценности», так и современные исследовательские статьи. Кроме того, этот же метод позволил изучить особенности восприятия ценностей среди постсоветского и западного научного пространства.

Типологический метод позволил сгруппировать значительное количество разных трактовок понятия «ценности» по содержанию и общему смыслу, что значительно повысило эффективность сравнительного анализа. Кроме того, в работе был использован семиотический метод, который позволил в исследовательских работах вычленять разное смысловое наполнение понятие «ценности».

В качестве источников базы исследования были использованы труды Платона, И. Канта, М. Вебера, Ф. Ницше, Н.И. Лапина, Д.А. Леонтьева, В.А. Ядова, Т. Парсонса, М. Рокича, Р.Ф. Инглхарда [3; 6; 7; 10; 13; 16] как классических исследователей понятия «ценности», а также 138 научно-исследовательских зарубежных и русскоязычных статей, посвящённых изучению современных ценностей (79 – зарубежных и 59 русскоязычных публикаций).

Идентификация современных научных статей по тематике ценностных ориентаций с использованием больших данных производилась при помощи лингвомаркеров, выделенных в результате анализа ключевых публикаций в период с 2010 по 2023 г., освещающих данную проблематику: values, terminal values, instrumental values, value orientation, values monitoring. Поиск публикаций на русском языке дополнительно осуществлялся через российскую библиографическую базу ELibrary и поисковые запросы в Яндекске.

Классические трактовки понятия «ценности»

Интерес к пониманию феномена ценностей наблюдался ещё в Античности. Например, Платон в своём учении о благе выстраивал иерархию элементов блага, стремился к созданию совершенной модели идеального государства, образов и ценностных идеалов, форм существования человека и мироустройства античного общества. В Средневековье сложилась западно-христианская доктрина ценностей – понятия о благе, добре и зле, смысле жизни, счастье, добродетели, в основу которой легли труды Амвросия Медиоланского, Аврелия Августина, Фомы Аквинского [1: 83].

И. Кант в своем учении об абсолютных (категорический императив)

и относительных (гипотетический императив) ценностях, отмечает, что это прежде всего требования, обращенные к воле; цели, стоящие перед человеком; значимость тех или иных факторов для личности. Ценности имеют двойственную природу – метафизическую и экзистенциальную, и делятся на абсолютные и относительные [1: 84].

Во многом именно представления И. Канта о ценностях стали основой для осмысления понятия «ценности» среди советских ученых. Так, одним из первых определение ценностей сформулировал член-корреспондент РАН СССР Н.И. Лапин, которое сводилось к следующему: «...**ценности** – это обобщенные цели и средства их достижения, играющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях» [6: 29].

Схожим образом сформулировали определение человеческих ценностей Д.А. Леонтьев и В.А. Ядов. Так, профессор факультета психологии Московского государственного университета Д.А. Леонтьев, описывая **ценности человека** выделял три ключевые позиции, характерные для него:

1. Общественный идеал – представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни.

2. Воплощение идеала в действиях людей.

3. Мотивационные структуры личности (модели должного), которые побуждают действовать с целью воплощения общественного идеала [7: 14–15].

В диспозиционной концепции регуляции социального поведения директор Института социологии РАН В.А. Ядов обращал внимание, что **ценностные ориентации личности** регулируют поведение и деятельность личности в наиболее значимых ситуациях ее социальной активности, в каких выражается отношение личности к целям жизнедеятельности, к средствам удовлетворения этих целей [16: 154].

В.А. Ядов, конструируя модель иерархии структуры личности, ставил ценностные ориентации в вершину пирамиды, нижний уровень которой занимают фиксированные установки, выше – социальные фиксированные установки, после них – направленность интересов личности и лишь затем – ценностные ориентации. Ценностные ориентации формируются и закрепляются жизненным опытом индивида в ходе социализации и социальной адаптации [1: 91].

Таким образом, с точки зрения ведущих русскоязычных ученых, ценности носят скорее функциональный характер, направленный в первую очередь на регулирование поведения людей. При этом сами ценности во многом являются отражением и неотъемлемой частью текущего общественного порядка, которые во многом способствуют

интеграции в общество, а также мотивации к деятельности для каждой отдельной личности.

Несколько иначе на понятие «ценности» смотрят зарубежные социологи. Так, профессор Гарвардского университета Т. Парсонс описывал **социальные ценности** как высшие принципы (паттерны – ценностные образцы), задающие рамку человеческого поведения и обеспечивающие согласие как в малых общественных группах, так и в обществе в целом. Ценности в контексте ценностных образцов (pattern) – главный связующий элемент социальной и культурной систем [10]. Таким образом, несмотря на некоторую схожесть с определениями русскоязычных ученых, в работе Т. Парсонса помимо социальной стороны ценностей возникает также и их культурный аспект, что объясняется господствующей в то время цивилизационной концепцией развития общества [14].

Значительно индивидуализирует ценности в своем определении профессор университета штата Вашингтон М. Рокич, с его точки зрения, **«ценность»** – это устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения либо конечная цель существования» [13: 22].

Согласно М. Рокичу, ценностная ориентация так или иначе воздействует на любые общественные явления. Отметим, что сам М. Рокич полагал, что человеческие ценности относительно немногочисленны и организованы в единую систему, причём все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в неодинаковой степени. Исходя из этого, он разделил их на два типа:

– **терминальные** – представляют собой некоторые конечные состояния, итоговые цели деятельности личности. Например, наличие хороших и верных друзей, материально обеспеченная жизнь, общественное признание, познание и другие. Терминальные ценности являются мотивирующими в функциональном отношении, поскольку представляют собой конечные сверхцели и стимулируют соответствующее поведение личности;

– **инструментальные** – представляют собой принципы действия индивида, модели и способы его поведения, необходимые и обязательные для функционирования терминальных ценностей. К ним можно отнести эффективность в делах, чуткость, терпимость, аккуратность, воспитанность и др. Например, моральные ценности, которые имеют межличностный характер и нарушения которых вызывают не только деформацию ценностей-целей, но и чувство вины, угрызения совести, осознание ошибок. Инструментальные ценности могут

рассматриваться как мотивирующие потому, что отражаемые ими идеальные способы поведения воспринимаются как целесообразные для достижения желанных конечных целей жизнедеятельности.

Отметим, что концепция М. Рокича в настоящее время является доминирующей парадигмой среди зарубежных ученых-социологов. Тем не менее, важно понимать, что данная концепция ценностей была сформулирована для западной цивилизации в общем, и для американского общества в частности. Она достаточно четко отражает именно специфическую парадигму общества потребления, которая вовсе не является универсальной.

Отчасти развивает идеи М. Рокича профессор Мичиганского университета Р. Инглхарт. Автор выдвинул концепцию культурной эволюции. Согласно своей теории, автор утверждает, что ценности и поведение людей зависят от степени безопасности выживания. Экономическая и физическая нестабильность создает авторитарные режимы, вызывает ксенофобию, жёсткое соблюдение традиций и повиновение сильному лидеру. С точки зрения Р. Инглхарда, процветание и экзистенциальная безопасность послевоенной эпохи привели к движению в защиту окружающей среды, распространению демократии, секуляризации, терпимости к иностранцам, гендерному равенству и терпимости к разводам, гомосексуализму и абортам [3]. Таким образом, исследование Р. Инглхарта во многом фиксирует идею о том, что ценности не только изменчивы, но и на них можно при желании влиять, формируя нужные трактовки понятий в текущий момент времени.

Современные определения понятия «ценности»

Высказанные выше трактовки понятия «ценности» получили свое развитие и в современных научных статьях. Отметим, что статьи отечественных авторов, как правило, ставят перед собой цель либо поиска и обоснования традиционных ценностей русского мира, либо пытаются апробировать методики по фиксации изменений ценностей у различных групп населения.

Так, с 2010 по 2023 г. было издано 59 русскоязычных статей в ведущих рецензируемых журналах, посвящённых изучению ценностей жителей постсоветского пространства (в том числе сербов и русинов) через анализ социальных сетей и больших данных. Из них 30 статей было издано в период 2014–2020 гг., а 29 – с 2021 по неполный 2023 г. Необходимо отметить, что в настоящее время количество публикаций, посвящённых исследованиям ценностей, растёт в арифметической прогрессии ежегодно.

С другой стороны, в среде западного научного сообщества также наблюдается рост публикаций, освящающих и фиксирующих различные аспекты человеческих ценностей. Однако в отличие от русскоязычных, большинство этих статей сосредоточено на изучении механизмов формирования новых ценностей. Последнее во многом объясняется достаточно широким распространением леволиберальной идеологии среди зарубежной интеллектуальной элиты, которая во многом направлена на критику патриархальных устоев, семейных ценностей, а также идеей о том, что многие современные социальные конструкции «устарели».

Так, с 2010 по 2023 г. было издано 79 зарубежных статей в ведущих рецензируемых западных журналах, посвящённых изучению ценностей через анализ социальных сетей и больших данных. Из них 45 статей было издано в период 2011–2020 гг., а 34 статьи – с 2021 по неполный 2023 г. Необходимо отметить, что в настоящее время количество публикаций, посвящённых исследованиям ценностей в англоязычном научно-исследовательском сегменте, также растёт в арифметической прогрессии ежегодно, хотя темпы роста количества публикаций ниже, чем в русскоязычной научно-исследовательской среде.

Исходя из этого, мы можем констатировать, что в настоящее время происходит рост интереса к изучению и поиску методов измерения человеческих ценностей, однако в силу разных общественных запросов исследовательский фокус в самих работах достаточно сильно разнится. Важно подчеркнуть, что и русскоязычные, и зарубежные ученые для анализа изменений ценностей и в целях верификации выдвигаемых теоретических обоснований своих работ в основном опираются на технологии Big Data, а также на исследование интернета и социальных сетей как места, позволяющего получить максимально обширную и репрезентативную выборку человеческих мнений. Таким образом, общая, методологическая, а также источниковедческая базы позволяют провести сравнительный анализ выделенных нами публикаций (таблица).

Динамика изменения количества публикаций по теме анализа человеческих ценностей и методов их фиксации

Год	Количество русскоязычных публикаций по теме	Количество зарубежных публикаций по теме
2011	–	1 статья
2012	–	–
2013	–	2 статьи

Год	Количество русскоязычных публикаций по теме	Количество зарубежных публикаций по теме
2014	3 статьи	3 статьи
2015	–	1 статья
2016	1 статья	2 статьи
2017	3 статьи	7 статей
2018	7 статей	10 статей
2019	7 статей	9 статей
2020	9 статей	10 статей
2021	10 статей	11 статей
2022	14 статей	11 статей
2023	5 статей	12 статей

Отметим, что, несмотря на достаточно большой объём проанализированных статей (140 научных публикаций), достаточно малое количество из них дает прямую интерпретацию используемого понятия «ценности» (25 публикаций, из них 11 – зарубежные, а 14 – русскоязычные статьи). Среди имеющихся публикаций невозможно выделить какое-то единое определение ценностей, так как каждая из представленных статей интерпретирует их по-своему, однако, их можно сгруппировать по общей направленности мысли и после чего сопоставить между собой.

Начнем с **зарубежных публикаций**. Все имеющиеся статьи можно систематизировать на четыре не равные по объёму группы. Так, к первой наиболее широко представленной группе можно отнести статьи, рассматривающие ценности как нечто рукотворное постоянно изменяющееся в зависимости от развития общества: «Изменение технологий влияет на наши ценности, а также, когда скорость технологических улучшений происходит быстрее, чем скорость социального развития, тогда человеческие ценности можно упомянуть как находящиеся в опасности» [20: 1917].

К этой же группе можно отнести статьи, которые предполагают, что ценности не только постоянно изменяются, но и на них можно оказывать определенное влияние для того, чтобы их изменять, задавая определенный вектор развития. Так, наиболее популярной областью исследования сознательного изменения ценностей является осознанное формирование корпоративных ценностей внутри крупных фирм через аналитику Big data, изменение отношения к этим корпорациям пользователей после изменения корпоративных ценностей [18: 1716; 26: 108–109].

Кроме того, часть публикаций направлена на изучение человеческих ценностей для облегчения продаж крупному бизнесу; так, в

частности, представлены статьи, посвященные изучению ценностей для составления максимально эффективных продаж. «Умный туризм опирается на широкое внедрение новых технологий, таких как социальные сети и мобильные технологии, интеллектуальные устройства и датчики для сбора и использования огромного количества данных для создания новых ценностных» [21: 253; 26: 850].

Ко второй группе отнесем публикации, рассматривающие ценности как базовые, терминальные, неизменные характеристики человеческого общества. В большинстве случаев подобного рода статьи посвящены семье и семейным ценностям, подавляющее их большинство написано нашими соотечественниками [19: 100; 27: 645].

К этой же группе можно отнести методологические статьи, которые рассматривают базовые человеческие ценности как неизменный элемент общества и стремятся интегрировать большие данные, программное обеспечение в социум с учетом этих ценностей [24: 3–4].

Третью группу зарубежных публикаций можно сформировать из статей, которые определяют ценности как некоторую систему убеждений. Подчеркнем, что таким образом описываются ценности только в контексте религии и изучения религиозности посредством аналитики Big Data. Более того, одной из ключевых тем подобного рода публикаций является вопрос об эффективном управлении религией как социальным институтом или религиозными людьми в контексте развития бизнеса [17: 385; 23: 25–26].

Отдельным блоком стоят статьи китайских ученых, которые рассматривают ценности в контексте экологических проблем, в первую очередь, своей страны. В своих статьях они рассматривают понятие «ценность» в контексте общепланетарных богатств, что выходит за рамки понимания ценностей как русскоязычных, так и западных ученых. «Дельта Желтой реки также обеспечивает огромную ценность экосистемных услуг, включая круговорот питательных веществ, хранение углерода, а также туристические и рекреационные ценности» [22: 3].

Рассматривая **статьи русскоязычных авторов**, можно также выделить несколько общих групп, в которые можно их объединить. К первой и самой обширной группе относятся публикации, где рассматриваются ценности как некоторые общественные идеалы для человека, которые составляют его систему побуждений. Подчеркнем, что сами ценности в таких статьях неизменны, а исследователи занимаются изучением того, как можно провести оценку значимости ценностей для определённых социальных групп [2: 150–152; 5: 135–136; 15: 112].

Ко второй группе статей можно отнести публикации, которые рассматривают ценности как общекультурные константы, как механизм социализации личности. Подобного рода статьи достаточно прочно связывают исследовательскую работу с научно-педагогической деятельностью, с формированием ценностей у подрастающего поколения [11: 84].

К третьей группе публикаций относятся статьи, которые изучают ценности в контексте поиска особого пути развития русского мира. В подобного рода статьях понятие «ценности» может переопределяться различными образами, например как «культурный код» страны. «В целом мы можем констатировать, что система ценностей современных россиян и их культурный код существенно отличаются от американских и западноевропейских, что необходимо учитывать при реализации разного рода проектов, направленных на укрепление роли и места России в международном сообществе, в формирующейся новой системе координат» [8: 50–52].

К завершающей группе работ, посвященных ценностям, следует отнести статьи, которые, продолжая идеи западной научной мысли, описывают ценности как изменяющийся и изменяемый социальный конструкт, а также предлагают методики по использованию системы ценностей в различных сферах жизни общества. «Рассмотренный дискурс гламура в интернет-пространстве демонстрирует огромный спектр возможностей цифровой среды для продвижения ценностей (в данном случае – ценностей потребления), а также то, как медиадискурс (далёкий, на первый взгляд, от политики) становится дискурсом власти, определяющей ценностные смыслы» [4: 385].

Заключение

Систематизировав все имеющиеся зарубежные и русскоязычные публикации, изучающие ценности, а также сравнив выделяемые в них понятия ценностей можно прийти к некоторым выводам о концептуальных различиях, которые возникают при сопоставлении этих работ.

Во-первых, с точки зрения большинства западных ученых, ценности постоянно изменяются во времени под воздействием современных технологий, идей и т. д. С другой стороны, ученые, работающие в условиях русскоязычной среды, изучают ценности как относительно стабильные элементы общества, которые индивидуальны для каждого общества, но практически не поддаются быстрой трансформации.

Во-вторых, во многом доминирующей целью при изучении ценностей в зарубежных научных статьях является исследование ценностей как инструмента для более качественного управления предприятием,

государством, обществом. Отметим, что подобного рода идеи активно продвигаются как западной леволиберальной повесткой, так и в рамках концепции «новой этики». С другой стороны, русскоязычные ученые, изучая ценности, во многом говорят о сохранении духовно-нравственного состояния жителей постсоветского пространства, о поиске через ценности самоидентичности страны, что во многом объясняется определенным духовным вакуумом, который сложился после распада Советского Союза.

В-третьих, различным является восприятие самих «ценностей», а также отношения ценностей и личности. Так, в западной научной школе, основываясь на работах М. Рокича, ценности индивидуальны, отсюда и их индивидуальное восприятие человеком, следовательно, возможность изменять их содержание. С другой стороны, среди исследователей постсоветского пространства в основном ценности представляют собой коллективный конструкт, который разделяет некоторое количество людей, что придает ему стабильность и препятствует идеям об изменении существующих ценностей.

Наконец, *в-четвертых*, если сопоставить ценности из списка М. Рокича, чья концепция ценностей, как мы отмечали ранее, является доминирующей в западной научной парадигме, и утвержденные Президентом Российской Федерации традиционные духовно-нравственные ценности (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, а также единство народов России), можно заметить, что они идут вразрез с общей индивидуалистической направленностью всей системы М. Рокича [9]. Таким образом, если мы будем говорить о новой модели ценностей для русского мира, то она должна не только учитывать динамические характеристики каждой ценности, но и понимать, как они взаимодействуют друг с другом в плане профицитарности или дефицитарности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елишев С.О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. 2011. № 2 (11). С. 82–96.
2. Забокрицкая Л.Д., Хлебников Н.А., Орешкина Т.А. и др. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте»

- // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 148–167. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.692
3. *Инглхарт Р.Ф.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир : пер. с англ. М.: Мысль, 2018. 334 с.
4. *Каминская Т.Л., Помигуев И.А., Назарова Н.А.* Экологический активизм в цифровой среде как инструмент влияния на государственные решения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 382–407. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.18
5. *Китова Д.А., Китов М.А.* Отношение пользователей социальной сети Twitter к детям: машинный анализ эмоционального фона сообщений // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3. С. 134–141. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-3-114-134-141
6. *Лапин Н.И.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и её регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.
7. *Леонтьев Д.А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13–25.
8. *Николайчук И.А., Якова Т.С., Янглева М.М.* Культурные коды в современном публичном пространстве: метасмыслы и их потребление в России и за рубежом // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. № 1 (45). С. 48–67. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.4
9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 14.10.2023).
10. *Парсонс Т.* О структуре социального действия : пер. с англ. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
11. *Пискова Д.М., Козлова Н.В.* Формирование ценностных отношений студентов: технология кластерного подхода // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 11. С. 81–95. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-11-81-95
12. *Ритцер Дж.* Макдонализация общества 5 : пер. с англ. М.: Издательская и константиновская служба «Праксис», 2011. 592 с.
13. *Рокич М.* Природа человеческих ценностей // Свободная пресса. 1973. № 5. С. 20–28.
14. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории: сб. : пер. с англ. М.: Рольф, 2002. 592 с.
15. *Ушкин С.Г.* Протестные сообщества в социальных сетях: три года наблюдений // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 6. С. 112–118. DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.08
16. *Ядов В.А.* Ценности в кризисном социуме // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 6. С. 154–167.

17. *Bandiyono A.* Fraud Detection: Religion In The Workplace Big Data Analytics // *Jurnal Akuntansi*. 2023. Vol. 27 (2). P. 380–400. DOI: 10.24912/ja.v27i2.1515
18. *Barchiesi M.A., Colladon A.F.* Big data and big values: When companies need to rethink themselves // *Journal of Business Research*. 2021. Vol. 129. P. 714–722. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.10.046
19. *Kalabikhina I.E., Banin E.P.* Database «Pro-family (pronatalist) communities in the social network VKontakte» // *Population and Economics*: 2020. Vol. 4 (3). P. 98–103. DOI: 10.3897/popecon.4.e60915
20. *Kara A., Tekin H.* The Investigation of Human Values Perceived from the Use of Social Media of Secondary School Students // *Universal Journal of Educational Research*. 2017. Vol. 5 (11). P. 1912–1925. DOI: 10.13189/ujer.2017.051108
21. *Kim Yo., Kim C., Lee D.K. et al.* Quantifying nature-based tourism in protected areas in developing countries by using social big data // *Tourism Management*. 2019. Vol. 72. P. 249–256. DOI: 10.1016/j.tourman.2018.12.005
22. *Liu Yu., He K., Qin F.* Remote Sensing Big Data Analysis of the Lower Yellow River Ecological Environment Based on Internet of Things // *Journal of Sensors*. 2021. Vol. 2021. P. 1–11. DOI: 10.1155/2021/1059517
23. *Mico-Sanz J.-L., Diez-Bosch M., Sabate-Gauxachs A. et al.* Mapping Global Youth and Religion. Big Data As Lens to Envision a Sustainable Development Future // *Tripodos*. 2020. Vol. 48. P. 33–52. DOI: 10.51698/tripodos.2020.48p33-52
24. *Nurwidyantoro A., Shahin M., Chaudron M. et al.* Towards a Human Values Dashboard for Software Development: An Exploratory Study // *IEEE International Symposium on Empirical Software Engineering and Measurement (ESEM)*. 2021. Vol. 23. P. 1–12. DOI: 10.1145/3475716.3475770
25. *Vecchio D., Mele G., Ndou V. et al.* Creating value from Social Big Data: Implications for Smart Tourism Destinations // *Information Processing & Management*. 2018. Vol. 54, is. 5. P. 847–860. DOI: 10.1016/j.ipm.2017.10.006
26. *Zeng J., Glaister K.W.* Value creation from big data: Looking inside the black box // *Strategic Organization*. 2017. Vol. 16, is. 2. P. 105–140. DOI: 10.1177/1476127017697510
27. *Zhang N., Chen Z.* Sustainability characteristics of China's Poyang Lake Eco-Economics Zone in the big data environment // *Journal of Cleaner Production*. 2017. Vol. 142, № 2. P. 642–653.

REFERENCES

1. Elishev, S.O. (2011) The study of the concepts of “value”, “value orientations” in an interdisciplinary aspect. *Tsennosti i smysly – Values and meanings*. 2(11). pp. 82–96. (In Russian).
2. Zabokritskaya, L.D., Khlebnikov, N.A., Oreshkina, T.A. et al. (2020) Opportunities to study the values of young people through the profile of the social network “VKontakte.” *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i*

- sotsial'nye peremeny – *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2. pp. 148–167. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.692
3. Inglehart, R.F. (2018) *Kul'turnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
4. Kaminskaya, T.L., Pomiguyev, I.A. & Nazarova, N.A. (2019) Environmental Activism in the Digital Environment as a Tool to Influence Government Decisions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 5. pp. 382–407. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.18.
5. Kitova, D.A. & Kitov, M.A. (2020) The attitude of Twitter users to children: Machine analysis of the emotional background of messages. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 3. pp 134–141. (In Russian). DOI: 10.20323/1813-145X-2020-3-114-134-141
6. Lapin, N.I. (2010) Functionally Orienting Clusters of Basic Values of the Population of Russia and Its Regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 1. pp. 28–36. (In Russian).
7. Leontiev, D.A. (1998) Value representations in individual and group consciousness: types, determinants and changes in time. *Psikhologicheskoe obozrenie – Psychological Review*. 1. pp. 13–25. (In Russian).
8. Nikolaichuk, I.A., Yakova, T.S. & Yanglyayeva, M.M. (2023) Cultural codes in modern public space: meta-meanings and their consumption in Russia and abroad. *Vestnik MGPU. Seriya "Filosofskie nauki" – Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series "Philosophical Sciences"*. 1(45). pp. 48–67. (In Russian). DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.4
9. The Russian Federation. (2022) *Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.11.2022 g. № 809* [On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: President of the Russian Federation dated November 9, 2022, Iss. 809]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> from 09/01/2022 (Accessed: 10th November 2023).
10. Parsons, T. (2000) *O strukture sotsial'nogo deystviya* [On the structure of social action]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii Proekt.
11. Piskova, D.M. & Kozlova, N.V. (2021) Formation of value relations of students: technology of the cluster approach. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 30(11). pp. 81–95. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-11-81-95
12. Ritzer, J. (2011) *Makdonalizatsiya obshchestva* 5 [McDonaldization of Society 5]. Translated from English. Moscow: Praksis.

13. Rokeach, M. (1973) Priroda chelovecheskikh tsennostey [The nature of human values]. *Svobodnaya pressa*. 5. pp. 20–28.
14. Toynbee, A.J. (2002) *Tsivilizatsiya pered sudom istorii* [Civilization before the Court of History]. Translated from English. Moscow: Rolf.
15. Ushkin, S.G. (2014) Protest Communities in Social Networks: Three Years of Observations. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 6. pp. 112–118. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.08
16. Yadov, V.A. (1991) Values in a Crisis Society. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*. 12(6). pp. 154–167. (In Russian).
17. Bandiyono, A. (2023) Fraud Detection: Religion In The Workplace Big Data Analytics. *Journal Akuntansi*. 27(2). pp. 380–400. DOI: 10.24912/ja.v27i2.1515.
18. Barchiesi, M.A. & Colladon, A.F. (2021) Big data and big values: When companies need to rethink themselves. *Journal of Business Research*. 129. pp. 714–722. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.10.046
19. Kalabikhina, I.E. & Banin, E.P. (2020) Database “Pro-family (pronatalist) communities in the social network VKontakte”. *Population and Economics*. 4(3). pp. 98–103. DOI: 10.3897/popecon.4.e60915
20. Kara, A. & Tekin, H. (2017) The Investigation of Human Values Perceived from the Use of Social Media of Secondary School Students. *Universal Journal of Educational Research*. 5(11). pp. 1912–1925. DOI: 10.13189/ujer.2017.051108.
21. Kim, Yo., Kim, C., Lee, D.K. et al. (2019) Quantifying nature-based tourism in protected areas in developing countries by using social big data. *Tourism Management*. 72. pp. 249–256. DOI: 10.1016/j.tourman.2018.12.005
22. Liu, Yu., He, K. & Qin, F. (2021) Remote Sensing Big Data Analysis of the Lower Yellow River Ecological Environment Based on Internet of Things. *Journal of Sensors*. 2021. pp. 1–11. DOI: 10.1155/2021/1059517
23. Mico-Sanz, J.-L., Diez-Bosch, M., Sabate-Gauxachs, A. et al. (2020) Mapping Global Youth and Religion. Big Data As Lens to Envision a Sustainable Development Future. *Tripodos*. 48. pp. 33–52. DOI: 10.51698/tripodos.2020.48p33-52
24. Nurwidyanoro, A., Shahin, M., Chaudron, M. et al. (2021) Towards a Human Values Dashboard for Software Development: An Exploratory Study. *IEEE International Symposium on Empirical Software Engineering and Measurement (ESEM)*. 23. pp. 1–12. DOI: 10.1145/3475716.3475770
25. Vecchio, D., Mele, G., Ndou, V. et al. (2018) Creating value from Social Big Data: Implications for Smart Tourism Destinations. *Information Processing & Management*. 54(5). pp. 847–860. DOI: 10.1016/j.ipm.2017.10.006
26. Zeng, J. & Glaister, K.W. (2017) Value creation from big data: Looking inside the black box. *Strategic Organization*. 16(2). pp. 105–140. DOI: 10.1177/1476127017697510.
27. Zhang, N. & Chen, Z. (2017) Sustainability characteristics of China's Poyang Lake Eco-Economics Zone in the big data environment. *Journal of Cleaner Production*. 142(2). pp. 642–653.

Дунбинский Илья Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Россия).

Ilya A. Dunbinskiy – Tomsk State University (Russia).

E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Кашпур Виталий Викторович – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Томского государственного университета (Россия).

Vitaliy V. Kashpur – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vitkashpur@mail.ru

Ливенцова Евгения Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета (Россия).

Evgeniya Yu. Liventsova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: evg.liv@mail.ru

УДК 316.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/73/18

Характеристика типов этнической идентичности в студенческом сообществе (по материалам опроса в Томском университете систем управления и радиоэлектроники)*

М.Ю. Раитина¹, В.И. Зиновьева², Е.М. Покровская³

Томский государственный университет систем управления и
радиоэлектроники

Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 40

¹ E-mail: raitina@mail.ru

² E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

³ E-mail: pemod@yandex.ru

Авторское резюме

В настоящее время в вузовской системе актуализируется вопрос оформления безбарьерного пространства и позитивного этносоциального взаимодействия. Этническая идентичность, на взгляд авторов, может выступать как фактор построения межкультурного взаимодействия, но также содержит риски. Для изучения проблем формирования этнополитического сознания вузовской молодёжи авторами были применены методы анкетного опроса и математической статистики. В качестве инструментария выступила методика диагностики типов этнической идентичности (Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой), которая позволяет изучить отношение респондентов к собственной и другим этническим группам. Авторами выделяются шесть основных типов этнической идентичности: норма; этническая индифферентность; этнонигилизм (космополитизм); этноэгоизм; этноизоляционизм; этнофанатизм. Всего в анонимном анкетном опросе приняли участие 259 человек, студенты 1–4-го курсов бакалавриата и магистратуры всех факультетов очной формы обучения. Из них 221 человек обозначили себя как студенты – представители РФ (85,3 %), 25 человек

* Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», FEWM-2023-0013.

– как студенты – представители ближнего зарубежья (9,6 %), 13 человек (5,1 %) – как студенты – представители дальнего зарубежья. Анализ и сравнение результатов опроса по всем шкалам позволили выделить доминирующие типы в целом и во всех трех группах респондентов: представителей РФ, ближнего, дальнего зарубежья. Позитивная этническая идентичность «норма» по итогам проведенного исследования наблюдается у большинства респондентов (62,5 %) и представляет собой основу для формирования межкультурного диалога. Этническая индифферентность, (16,6 %) и этнонигилизм (соответственно 1,1 %) могут быть приравнены по сфере своего влияния к норме, т.к. эти характеристики определяют группы молодёжи как не склонные к идеологии национализма и экстремизму. К ним можно также причислить группу респондентов, не выразивших своей идентичности (13,3 %), фактически это подавляющее большинство студентов. Вместе с тем нельзя отрицать наличие угроз и рисков в форме этноэгоизма и этнофанатизма (14 %), более выраженного в группе респондентов из стран ближнего зарубежья (8 %). В условиях военной операции, антинационалистической по своему характеру, необходимо в студенческой среде и вузовской системе в целом укреплять позиции непримиримости к идеям превосходства каких бы то ни было наций, национализму во всех его формах и на этой основе развивать межэтническое сотрудничество и диалог.

Ключевые слова: этническая идентичность, студенты, образовательное пространство, межкультурное взаимодействие, позитивная этническая идентичность.

Types of ethnic identity in the student community (based on a survey at Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics)*

**Margarita Y. Raitina¹ Valentina I. Zinoviyeva²,
Elena M. Pokrovskaya³**

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
40 Lenin Street, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: raitina@mail.ru

² E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

³ E-mail: pemod@yandex.ru

* The work is part of the state task "Science", FEWM-2023-0013.

Abstract

Nowadays, the problem of a barrier-free environment and positive ethno-social interaction is urgent for the system of higher education. The authors believe that ethnic identity, though risk-bearing, can be a factor in intercultural interaction. To study the formation of the ethno-political consciousness of university youth, the authors used the methods of a questionnaire survey and mathematical statistics, namely the method of diagnosing the types of ethnic identity (Galina Soldatova and Svetlana Ryzhova), which allows studying the attitude of respondents towards themselves and other ethnic groups. The authors distinguish 6 main types of ethnic identity: ethno-nihilism (cosmopolitanism); ethnic indifference; positive ethnic identity (norm); ethnoegoism – the opposition to and preference of the ethnic community; ethno-isolationism – the ideas of the supremacy of one's own nation; ethno-fanaticism – aggressiveness, recognized supremacy of the ethnic rights of one's nation. In total, the anonymous questionnaire survey has covered 259 undergraduate and graduate full-time students of all faculties. Of them, 221 students identified themselves as representing the Russian Federation (85.3%), 25 students – as representing the “CIS countries” (9.6%), 13 students (5.1%) – as representing “far abroad” countries. The analysis and comparison of the results on all scales made it possible to identify the dominant types in general and in all three groups of respondents: representatives of the Russian Federation, CIS countries, and countries outside the former Soviet Union. The study has shown that the majority of respondents (62.5%) have a positive ethnic identity, which is the basis for the intercultural dialogue. Ethnic indifference (16.6 % of respondents) and ethno-nihilism (respectively – 1.1 %) can be treated as equal to the norm in terms of their influence, since they qualify youth groups as not prone to the ideology of nationalism and extremism. They can also include the respondents who did not express their identity – 13.3%, which makes the vast majority. However, one cannot deny the risks of ethno-egoism and ethno-fanaticism (14% of respondents), more pronounced in the group of respondents from neighboring countries (8%). In the context of the anti-nationalist military operation, it is necessary to strengthen zero-tolerance towards the ideas of supremacy of any nation and nationalism in all its forms and to develop interethnic cooperation and dialogue among students.

Keywords: ethnic identity, students, educational environment, intercultural interaction, positive ethnic identity

Образование, порождая творческие интенции, во многом способствует самореализации человека, в том числе в условиях межкультурного диалога. В настоящее время актуализируется вопрос оформления безбарьерного пространства и позитивного этносоциального взаимодействия в вузовской системе. Научная мысль провозглашает

этничность как одну из форм социальной идентичности, имеющую субъективную природу [7; 9; 10]. Этническая идентичность, на взгляд авторов, может выступать как системообразующий фактор построения гармоничного кросскультурного взаимодействия, но также может содержать риски этносоциального характера.

В социальных отношениях выражены два процесса: интеграция как стремление к объединению и дифференциация, усиление отдаления от других общностей, которые усиливают или ослабляют этническую идентичность граждан [1: 397]. Как известно, первичные представления об этнической идентичности интериоризируются в семье под влиянием традиций и обычаев [8; 11]. На школьной скамье приобретаются знания о различии культур разных этносов, рас, о войнах, процессах возвышения и падения государств, судьбах их народов. К моменту поступления в вуз обычно молодой человек уже причисляет себя к определенной национальности, но не имеет опыта применения своих взглядов. В вузе возрастает влияние значимого социального окружения индивида, состоящего из представителей разных этнических групп.

Хотя академическая университетская среда нивелирует процессы этнической идентичности и сдерживает социальную активность в данном направлении, но именно в это время активно формируются личностные смыслы и мировоззрение студентов. Этническая идентичность отражает характеристики личности в культуре и усиливает её самоактуализацию.

Тема формирования этнической идентичности в социально-культурной среде вуза, влияние этнических факторов на социальные процессы в обществе привлекают внимание исследователей. Кроме того, в работах отмечается, что в процессе социализации индивиды становятся носителями традиций, социальных и нравственных ценностей наций, к которым они принадлежат [4]. В том случае, если человек родился в многонациональном государстве, его представления о поликультурном мире шире. Так, С.В. Рыжова рассматривает этническую идентичность в качестве связующего основания, трансформируемого с современными реалиями в культуре [4]. В свою очередь, Ф. Барт считает, что это форма социальной организации культурных различий [2]. В работе И.С. Бакланова, Т.В. Душиной, О.А. Микеевой «Человек этнический: проблема этнической идентичности» выделяются позитивная и негативная, личностная (психологическая) и групповая (социальная) направленности идентичности [1]. Один из исследователей данной проблематики И.В. Кожанов анализирует особенности понимания сущности этнической и гражданской идентичностей и отмечает, что этническая идентичность

может служить ресурсом для интеграции полиэтнической страны [3]. Процесс интеграции характеризуется А.П. Садохиным как приспособление к чужой культуре, которая начинает осознаваться «как своя», что приводит к формированию интернациональной личности; в его работах выделяется семь основных типов этнической идентичности (включая амбивалентную) как результат взаимодействия психологических и социальных факторов идентификации [5].

Цель данной статьи – выявление типов этнической идентичности и потенциала вузовской молодёжи в области позитивного межкультурного взаимодействия.

Отметим, что Томск – многонациональный студенческий город, а Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) обучает свыше 2 300 иностранных студентов из 39 стран (СНГ, Африка, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка), из них очно обучаются 15,3 %. На сегодня университет располагает развитой сетью партнёрств в странах Азии и Африки (более 30 рекрутинговых партнёров и представительств), здесь действует модель институционального взаимодействия кластеров – участников межкультурной коммуникации. Благодаря тому что в ТУСУРе проводится системная работа по формированию безбарьерной полиэтнической среды, авторами накоплен как арсенал образовательных практик, так и опыт работы с иностранными студентами.

Для изучения проблем формирования этнополитического сознания вузовской молодёжи и определения их позиций были применены методы анкетного опроса и математической статистики (для обработки данных). Программа исследования развёрнута как область культурфилософской рефлексии, описывающая ситуацию межэтнического взаимодействия в социокультурном пространстве на примере технического университета.

В качестве инструментария выступила адаптированная авторами методика диагностики типов этнической идентичности (Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой), которая позволяет изучить отношение респондентов к собственной и другим этническим группам [6: 189].

Данная методика рассчитана на проведение диагностирования этнического самосознания аудитории и его трансформацию в условиях межэтнической напряжённости. Один из показателей данного процесса – рост этнической нетерпимости (интолерантности). Анкета даёт возможность определить степень толерантности/интолерантности респондента в определенных сферах: отношение к межнациональным бракам, интерес к жизни других народов, повседневное общение, идеи превосходства одних наций над другими, безразличие к национальной принадлежности и пр. Авторами предлагается 30

суждений на тему «Я – человек, который...» и на выбор 5 вариантов ответов: «согласен» (4 балла); «скорее согласен» (3 балла); «в чем-то согласен, в чем-то не согласен» (2 балла); «скорее не согласен» (1 балл); «не согласен» (0 баллов). Приведём вопросы анкеты «Типы этнической идентичности»: 1) «...предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам»; 2) «...считает, что межнациональные браки разрушают народ»; 3) «...часто ощущает превосходство людей другой национальности»; 4) «...считает, что права нации всегда выше прав человека»; 5) «...считает, что в повседневном общении национальность не имеет значения»; 6) «...предпочитает образ жизни только своего народа»; 7) «...обычно не скрывает своей национальности»; 8) «...считает, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности»; 9) «...часто испытывает стыд за людей своей национальности»; 10) «...считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа»; 11) «...не отдаёт предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную»; 12) «...нередко чувствует превосходство своего народа над другими»; 13) «...любит свой народ, но уважает язык и культуру других народов»; 14) «...считает строго необходимым сохранять чистоту нации»; 15) «...трудно уживается с людьми своей национальности»; 16) «...считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей»; 17) «...безразлично относится к своей национальной принадлежности»; 18) «...испытывает напряжение, когда слышит вокруг себя чужую речь»; 19) «...готов иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия»; 20) «...считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счёт других народов»; 21) «...часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности»; 22) «...считает свой народ более одарённым и развитым по сравнению с другими народами»; 23) «...считает, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории»; 24) «...раздражается при близком общении с людьми других национальностей»; 25) «...всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре»; 26) «...считает необходимым «очищение» культуры своего народа от влияния других культур»; 27) «...не уважает свой народ»; 28) «...считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу»; 29) «...никогда серьёзно не относился к межнациональным проблемам»; 30) «...считает, что его народ не лучше и не хуже других народов».

Далее было подсчитано количество баллов по каждому респонденту и каждому типу этнической идентичности по группам ответов,

работающих на конкретный вид, а именно: «этнонигилизм» – вопросы 3, 9, 15, 21, 27; «этническая индифферентность» – 5, 11, 17, 29, 30; «норма» (позитивная этническая идентичность) – 1, 7, 13, 19, 25; «этноэгоизм» – 6, 12, 16, 18, 24; этноизоляционизм – 2, 8, 20, 22, 26; «этнофанатизм» – 4, 10, 14, 23, 28.

В зависимости от суммы набранных баллов был сделан вывод о выраженности того или иного типа этнической идентичности. К выраженному типу авторы относят количество баллов суммарно выше 17, что соответствует высокому показателю диапазона интерпретации. Далее подсчитываются баллы по каждому респонденту и формируются группы по выраженным позициям. Для целей автоматической интерпретации в компьютерной версии были приняты условные величины: при показателе 0 тенденция отсутствует; 1–4 – низкий показатель; 5–8 – пониженный; 9–12 – средний; 13–16 – повышенный; 17–20 – высокий. Количество баллов выше 17 соответствует, таким образом, высокому показателю диапазона интерпретации. Этот подход позволяет оценить степень этнической толерантности аудитории по выраженности позиций в ответах на вопросы. Позиции, в свою очередь, формируют типы. Авторами методики выделяются шесть основных типов этнической идентичности, которых в целом придерживаются другие авторы [1; 6]:

– *норма* – позитивная этническая идентичность, сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. В полиэтническом обществе позитивная этническая идентичность имеет характер нормы и свойственна подавляющему большинству. Она задаёт такой оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать её, с одной стороны, как условие самостоятельности и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом мире;

– *этническая индифферентность* – неактуальность этничности, равнодушие, неопределенность этнической принадлежности;

– *этнонигилизм* – космополитизм, поиск социально-психологических ниш не по этническому критерию, результат осознания теми или иными индивидуумами низкого статуса своей этнической группы;

– *этноэгоизм* – противопоставление и предпочтение этнического сообщества, это может выражаться в напряжённости, раздражении в общении с представителями других этнических групп, признании за своим народом права решать проблемы за «чужой» счёт;

– *этноизоляционизм* – идеи и убеждённости в превосходстве своего народа, национальной культуры (национализм), негативное отношение к межэтническим бракам, ксенофобия и т.п.;

– *этнофанатизм* – агрессивность, признание приоритета этнических прав своего народа, оправдание любых жертв и готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов.

Всего в анонимном анкетном опросе приняли участие 259 студентов 1–4-го курсов бакалавриата и магистратуры всех факультетов очной формы обучения. Из них 221 человек обозначили себя как студенты – представители РФ (85,3 %), 25 человек – как студенты – представители ближнего зарубежья (9,6 %), 13 человек (5,1 %) – как студенты – представители дальнего зарубежья.

Этническая идентичность является системообразующим механизмом, способствующим или препятствующим проявлению экстремистских настроений и ксенофобии в обществе. Опираясь на традиции научных школ вуза, достижения в различных областях, этику корпоративной культуры, коллективизм и позитивную атмосферу во внутренней жизни университета, было выдвинуто предположение о преобладании позитивной этнической идентичности студентов и показателя «нормы» в межкультурном взаимодействии. Сравнение результатов по всем шкалам между собой позволило выделить доминирующие типы этнической идентичности в студенческом сообществе вуза.

В результате обработки данных были получены общие показатели: у 62,5 % (162 человека) фиксируется норма (позитивная этническая идентичность), у 16,6 % (43) – этническая индифферентность, у 1,1 % (3) – этнонигилизм. На другом полюсе, характеризующем этническую

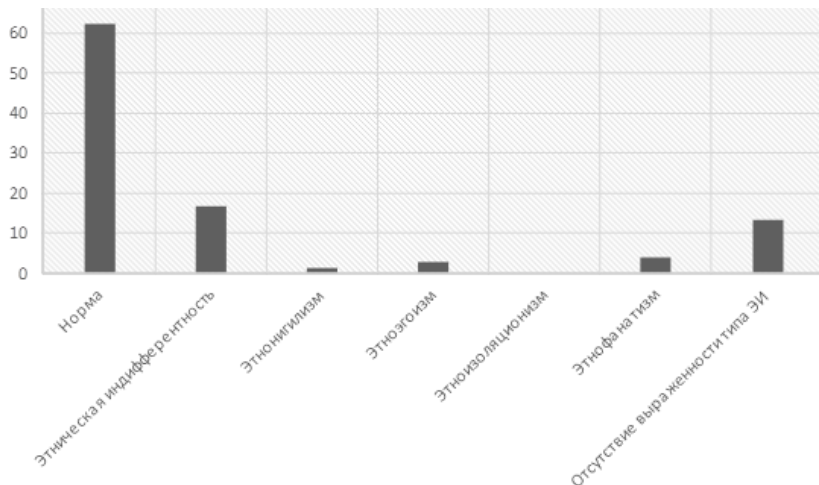

Рис. 1. Сводные показатели степени этнической идентичности

напряжённость, у 2,7 % (7 человек) выражен этноэгоизм, у 3,8 % (10) – этнофанатизм, всего в сумме 6,5 % (17 человек). Тип этнической идентичности «этноизоляционизм» оказался не выражен (рис. 1).

Далее, у 35 респондентов (13,3 %) по высокому показателю ни один тип этнической идентичности не преобладал (оказался не выражен), что указывает на различные причины: неопределённость и несформированность взглядов, стремление дать социально значимый ответ, нежелание афишировать собственную позицию и пр. Это пассивная группа респондентов, и она может быть причислена к типу этнической индифферентности, тогда численность этой группы увеличивается до 30 % (78 человек). Фактически это потенциальный объект влияния и от воздействия на них, позитивного или негативного, зависит их будущая направленность. Таким образом, в вузе должна быть усилена деятельность как в учебном процессе, так и в мероприятиях социокультурного характера по формированию у студентов идеологии равенства и равноправия народов и соответствующих стереотипов поведения в межэтническом взаимодействии.

В ходе анализа данных было выделено три группы респондентов: студенты – представители РФ, студенты – представители ближнего зарубежья, студенты – представители дальнего зарубежья. Все они в совокупности продемонстрировали, что преобладающим является такой тип этнической идентичности, как норма, которому свойственны позитивные установки в отношении собственного народа и позитивное отношение к другим культурам (см. рис. 1). Также достаточно высокие показатели обнаружены по такому типу, как этническая индифферентность (15 %), выраженному в неопределённости этнической принадлежности и неактуальности этничности.

Для респондентов РФ (85,3 %) главенствующим типом этнической идентичности выступает «норма», его показатели составили 63 % (рис. 2). Тип этнической идентичности «этническая индифферентность» составил 17 %, что подчёркивает неактуальность практики национального самоопределения. Не выразили собственной позиции в РФ 13 % респондентов, это меньше, чем в других группах. Этнонигилизм (космополитизм) составляет не более 1 %.

Этноэгоизм и этнофанатизм как выражение националистических устремлений имеют в этой группе респондентов показатель 6 %. Это показатель времени военной операции и результат роста националистических настроений на пространстве СНГ. Таким образом, в молодёжной среде актуально понимание основ национального вопроса и содержания национальной политики в стране. Это необходимо учитывать в мероприятиях, направленных на укрепление межнационального сотрудничества.

В совокупности результаты опроса вполне достаточны для неконфликтного межкультурного диалога и характеризуют отношение респондентов к группам из ближнего и дальнего зарубежья как толерантное.

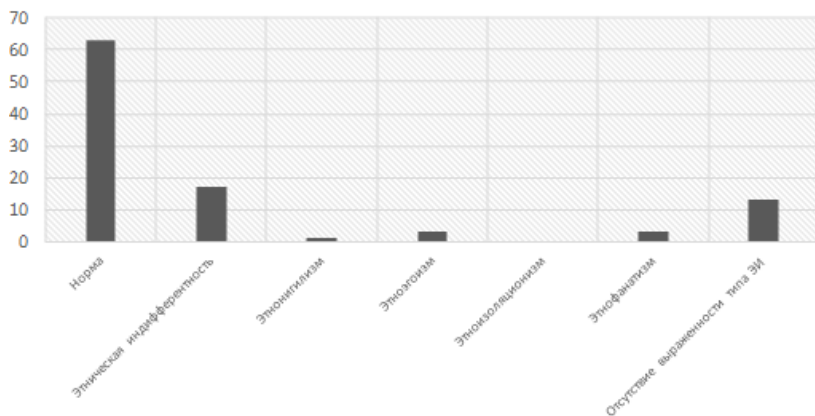

Рис. 2. Показатели выраженности этнической идентичности по студентам – представителям РФ

Для группы, включающей студентов ближнего зарубежья, характеристика «норма» составляет 64 %, а по типу «этнической индифферентности» показатель составил 8 %, т. е. практически в 2 раза меньше, чем в группах респондентов РФ и странах дальнего зарубежья (рис. 3). Этнонигилизм (космополитизм) составил 4 %. Это может быть объяснено тем, что в республиках бывшего СССР продолжают процессы политического размежевания, утверждения национальной государственности, происходит становление национальных языков как государственных, во многих предпринят перевод их графики с кириллицы на латиницу, и все это сопровождается усилением национальной идентификации и ростом национального самосознания на уровне индивидуумов. В этой группе 16 % тех, кто не выразил собственной позиции по поводу типа этнической идентичности. Возможно, это осознанный уход от вопроса. Относительно националистических воззрений в духе этноэгоизма (противопоставления своей нации другим) и этнофанатизма (переход к агрессивным действиям в интересах своей нации) суммированный показатель в этой группе достаточно высокий – 8 %, при том что по численности данная группа представлена 25 студентами (9,6 % от общей численности респондентов). Вместе с тем основы для межкультурного диалога (показатели «норма» у 64 % плюс 16 % не определившихся) также вполне достаточны.

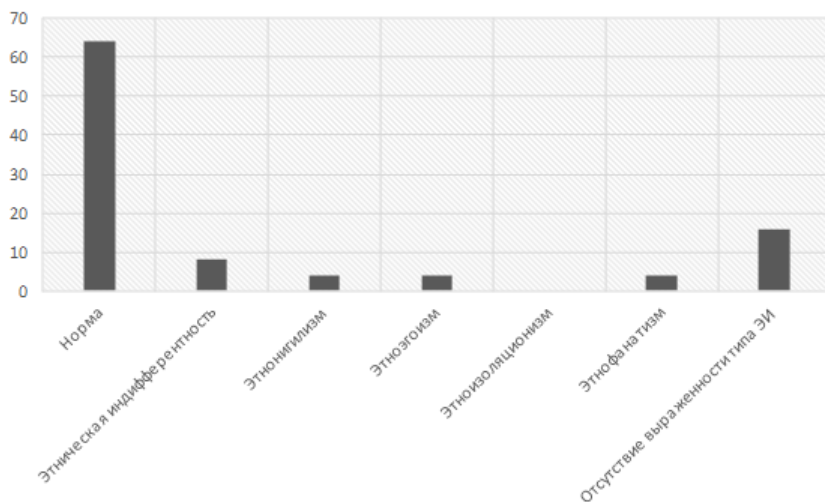

Рис. 3. Показатели выраженности этнической идентичности по студентам – представителям ближнего зарубежья

У студентов – представителей дальнего зарубежья также ярко выражен тип этнической идентичности «норма» – 62 %, в свою очередь, тип «этническая индифферентность» составляет 15 %, показатели по этнозоизму и этнофанатизму отсутствуют. В целом эти данные отражают приоритет академических интересов, установку на уваже-

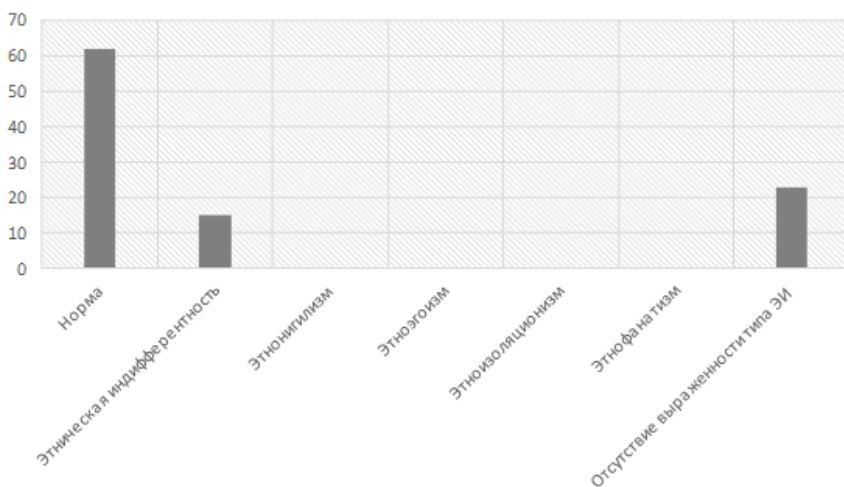

Рис. 4. Показатели выраженности этнической идентичности по студентам – представителям дальнего зарубежья

ние к принимающему сообществу, позицию признания прав других народов. Это значение в совокупности с численностью группы респондентов с невыраженными позициями (23 %) в сумме составляет 38 %, что в целом не препятствует межкультурному диалогу (рис. 4).

Позитивная этническая идентичность является системообразующим механизмом, препятствующим проявлению экстремистских настроений и ксенофобии в обществе. Этническая идентичность «норма» по итогам проведённого исследования (рис. 5) доминирует у большинства респондентов (62,5 %) и во всех трех группах (РФ, ближнее и дальнее зарубежье). Как ментальная характеристика личности, основанная на уважительном отношении к представителям разных этносов, она представляет собой основу для формирования межкультурного диалога и развития международного молодёжного обмена. Этническая индифферентность (16,6 %), этнонигилизм (1,1 %) могут быть приравнены по сфере своего влияния к норме, т. к. эти характеристики определяют группы молодёжи как не склонные к идеологии национализма и экстремизму. К ним можно также причислить группу респондентов, не выразивших своей идентичности, – 13,3 %. Фактически все они составляют подавляющее большинство студентов вуза.

Вместе с тем нельзя отрицать наличие угроз и рисков в форме этноэгоизма и этнофанатизма (14 % опрошенных), более выраженного в группе респондентов из стран ближнего зарубежья (8 %).

Рис. 5. Сводная диаграмма показателей выраженности этнической идентичности

Таким образом, в современных условиях борьбы против националистических сил, которую ведёт Россия, необходимо в студенческой среде и вузовской системе в целом формировать позиции непримиримости к идеям превосходства каких бы то ни было наций, национализму во всех его формах и на основе идеологии равенства наций и народов развивать межэтническое сотрудничество и диалог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 396–408.
2. Барт Ф. Личный взгляд на современные задачи и приоритеты в социальной и культурной антропологии // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 45–54.
3. Кожанов И.В. Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Научное обозрение. Педагогические науки. 2014. № 1. С. 157–157.
4. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
5. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М.: ИНФРА-М, 2004. 288 с.
6. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости. М.: Смысл, 1998. 389 с.
7. Солдатова Н.И. Этническая идентичность как имплицитный аспект целостной идентичности человека // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2014. № 2 (5). С. 65–73.
8. Хугаева А.А., Мозоева З.О. Теоретические подходы к определению понятий «этническая идентичность», «гражданская идентичность» и соотношения категорий «этнической» и «гражданской» идентичностей // Бюллетень Владикавказского института управления. 2019. № 57. С. 145–156.
9. Byrne J. National Identity and Migration in an Emerging Gateway Community // Social Sciences. 2018. Vol. 7, is. 5. P. 73. URL: <https://doi.org/10.3390/socsci7050073> (дата обращения: 18.08.2023).
10. Imperato C., Mancini T. Intergroup Dialogues in the Landscape of Digital Societies: How Does the Dialogical Self Affect Intercultural Relations in Online Contexts? // Societies. 2021. Vol. 11, is. 3. P. 84. DOI: 10.3390/soc11030084 (дата обращения: 18.08.2023).
11. Shamionov R.M., Sultaniyazova N.J., Bolshakova A.S. Positive and Negative Affects and Cultural Attitudes among Representatives of the Host Population and Second-Generation Migrants in Russia and Kazakhstan // Social Sciences. 2022. Vol. 11, is. 10. P. 473. DOI: 10.3390/socsci11100473 (дата обращения: 18.08.2023).

REFERENCES

1. Baklanov, I.S. Dushina, T.V. & Mikeeva, O.A. (2010) Chelovek etnicheskiy: problema etnicheskoy identichnosti [Homo ethnicus: The problem of ethnic identity]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 4. pp. 396–408.
2. Barth, F. (1995) Lichnyy vzglyad na sovremennye zadachi i priority v sotsial'noy i kul'turnoy antropologii [A personal view on modern tasks and priorities in social and cultural anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3. pp. 45–54.
3. Kozhanov, I.V. (2014) Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnosti lichnosti: problema vzaimosvyazi i vzaimozavisimosti [Civil and ethnic identity of the individual: The problem of interrelation and interdependence]. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*. 1. pp. 157.
4. Ryzhova, S.V. (2011) *Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti* [Ethnic Identity in the Context of Tolerance]. Moscow: Al'fa-M.
5. Sadokhin, A.P. (2004) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Intercultural Communication] Moscow: INFRA.
6. Soldatova, G.U. (1998) *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of Interethnic Tension]. Moscow: Smysl.
7. Soldatova, N.I. (2014) Etnicheskaya identichnost' kak implitsitnyy aspekt tselostnoy identichnosti cheloveka [Ethnic identity as an implicit aspect of a person's holistic identity]. *Vestnik molodykh uchenykh i spetsialistov Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(5). pp. 65–73.
8. Khugaeva, A.A. & Mogoeva, Z.O. (2019) Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu ponyatiy “etnicheskaya identichnost”, “grazhdanskaya identichnost” i sootnosheniya kategoriy “etnicheskoy” i “grazhdanskoy” identichnostey [Theoretical approaches to the definition of the concepts of “ethnic identity”, “civil identity” and the correlation of the categories of “ethnic” and “civil” identities]. *Byulleten' Vladikavkazskogo instituta upravleniya*. 57. pp. 145–156.
9. Byrne, J. (2018) National Identity and Migration in an Emerging Gateway Community. *Social Sciences*. 7(5). pp. 73. [Online] Available from: <https://doi.org/10.3390/socsci7050073> (Accessed: 18th August 2023).
10. Imperato, C. & Mancini, T. (2021) Intergroup Dialogues in the Landscape of Digital Societies: How Does the Dialogical Self Affect Intercultural Relations in Online Contexts? *Societies*. 11(3). pp. 84. DOI: 10.3390/soc11030084
11. Shamionov, R.M., Sultaniyazova, N.J. & Bolshakova, A.S. (2022) Positive and Negative Affects and Cultural Attitudes among Representatives of the Host Population and Second-Generation Migrants in Russia and Kazakhstan. *Social Sciences*. 11(10). pp. 473. DOI: 10.3390/socsci11100473

Раитина Маргарита Юрьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Margarita Y. Raitina – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: raitina@mail.ru

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и социальной работы, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия)

Valentina I. Zinoviyeva – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Покровская Елена Михайловна – кандидат философских наук, зав. кафедрой иностранных языков, доцент кафедры философии и социологии, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Elena M. Pokrovskaya – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: pemod@yandex.ru,

УДК 930(2);94(47);32.019.52
UDC
DOI: 10.17223/18572685/73/19

Память о военных конфликтах России в сетевом дискурсе «ВКонтакте»: структура и событийная иерархия*

Н.В. Трубникова¹, И.Е. Рогаева², А.Ю. Саркисова³

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: troub@mail.ru

² E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

³ E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

Авторское резюме

Рассматривается событийная иерархия военного нарратива. Посредством применения технологии интеллектуального анализа больших данных показана структура дискурса о войнах и степень проявления в нём конфликтов, выпавших на долю России в разные исторические эпохи. За границами настоящего исследования осознанно оставлен сюжет о Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Установлены перекрёстные связи между смысловыми элементами памяти о войнах. Показаны эмоциональные коннотации конкретных исторических событий, наполняющих военные повествования. Прослежены контексты упоминаний отдельных войн, связанных с ними исторических фактов и персоналий. На основе полученных данных сделан вывод о месте и специфике представлений о военных конфликтах в коллективной памяти пользователей социальной сети «ВКонтакте».

Ключевые слова: военный нарратив, историческая память, национальная идентичность, социальные сети, большие данные

* Результаты были получены в рамках государственного задания Минобрнауки, проект № FSWM-2023-0008 «Исторические нарративы национальной идентичности в оптике больших данных Рунета: комплексная методология исследования». Теоретико-методологическая основа применения программ автоматизированного анализа больших данных к предметному полю исторической памяти разработана в рамках программы развития Томского государственного университета «Приоритет 2030», проект № 2.3.7.22 ОНГ.

The memory of Russian military conflicts in the “VKontakte” network discourse: The structure and event hierarchy*

Natalia V. Trubnikova¹, Irina E. Rogaeva²,
Anna Yu. Sarkisova³

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: troub@mail.ru

² E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

³ E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

Abstract

The study aims at identifying the event hierarchy in the military narrative of Russian identity using a wide range of texts from users of the *VKontakte* social network. Using the big data mining technology, the authors have revealed the military discourse structure and the degree to which the conflicts that befell Russia in different historical eras manifest themselves in it, with the subject of the Great Patriotic War (1941–1945) deliberately left outside the scope of this article. The research is based on a syncretic approach that combines methods of memory research, narratology and medialogy (mass media studies). The analysis of 114,588 publications has shown that the most frequent are the stories about the events of the beginning – the first quarter of the 20th century that predetermined the further trajectory of Russia’s development: the October Revolution of 1917, the First World War, and the Civil War. Among the leaders were also the Napoleonic wars, the Tatar-Mongol yoke, the war in Afghanistan, and the Chechen wars. The article has established the cross-connections between the semantic elements of the memory of wars and shows the emotional connotations of specific historical events described in the military narratives. Having analysed the mention contexts of individual wars, historical facts, and personalities, the authors conclude about the role and specificity of ideas about military conflicts in the collective memory of users of

* The results have been obtained in the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science, Project no. FSWM-2023-0008 “Historical narratives of national identity in the optics of Runet big data: A comprehensive research methodology.” The theoretical and methodological basis for the application of automated big data analysis programmes to the subject field of historical memory has been developed within the framework of the Tomsk State University development programme “Priority 2030”, Project No. 2.3.7.22 ONG.

the *Vkontakte* social network. Though the selection of texts excluded those about the Great Patriotic War, the narratives about each of the wars mentioned above contain references to it. Thus, the memory of the Great Patriotic War is the undeniable dominant of the military narrative in the history of Russia.

Keywords: military narrative, historical memory, national identity, social networks, big data

Введение

В современном мире, переживающем состояние социополитической и культурной турбулентности, становится особенно важным понимание структурно-ценностных основ национальной идентичности, которые всегда коренятся в исторической памяти народа. Предлагаемое исследование нацелено на выявление стержневых исторических нарративов, бытующих в общественном сознании русскоязычных пользователей Интернета. Первый этап исследования был реализован в 2022 г., когда в ходе анализа государственно-центричных нарративов Рунета было выявлено ключевое значение репрезентации войн в массиве текстов сетевого дискурса россиян 2018–2021 гг. [11; 12].

На втором этапе исследования была поставлена цель провести типологизацию основных военных тропов и установить ценностную иерархию военно-исторических событий в памяти русскоязычных сообществ на основе новой коллекции данных, прицельно ориентированной на рассматриваемый тематический сегмент.

Публикации и комментарии пользователей «ВКонтакте» снова стали объектом изучения. По данным портала Mediascope, ежедневная аудитория Интернета составляет 98,3 млн человек, или 81 % жителей России, а в возрастных группах людей от 12 до 44 лет она охватывает все 100 % россиян. По показателям на первое полугодие 2023 г., доля пользователей социальных сетей, которые в среднем проводят в них более одного часа в день, уверенно держится на уровне 64–65 % населения страны.

Особой популярностью в возрастном сегменте пользователей 25–44 лет пользуется платформа «ВКонтакте»: 35–40 % всего времени в Интернете, отведённого социальным сетям, люди проводят именно здесь. Mediascope называет «ВКонтакте» самой «охватной» сетью России. Она находится на 5-й позиции в рейтинге Интернет-площадок по среднемесячному охвату и на 4-й – по среднесуточному охвату. Из прочих ресурсов Интернета социальную сеть «ВКонтакте» опережают только Whatsapp¹, YouTube, Google и Яндекс [9]. «Вкон-

такте» позиционирует себя как пространство для коммуникации посредством простых и удобных инструментов. Её пользователи генерируют 15 млрд сообщений в сутки, что также свидетельствует о высокой востребованности платформы [7].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили данные социальной сети «ВКонтакте», а именно – текстовый контент тематических сообществ, объединённых интересом к военным эпизодам отечественной истории.

Особенностью формирования исходной текстовой коллекции исследования стало сознательное исключение из рассмотрения текстов о Великой Отечественной войне как слишком мощного и нередко «заглушающего» отголоски памяти об иных войнах сюжета. Для общественного самосознания её опыт является основной доминантой коллективной памяти, выражает предельные значения национального опыта, ясно преобладает в массиве исследуемого медиатекста и потому заслуживает отдельного от всех остальных событий рассмотрения, выходящего за рамки текущего исследования. Таким образом, смысловой акцент делался на военно-исторической семантике, целенаправленно исключаяющей маркеры событий, дат и персоналий Великой Отечественной войны.

Формирование датасета² происходило в несколько этапов. На первом этапе был реализован автоматический целевой поиск сообщений, содержащих в своих названиях и / или описаниях упоминания военных конфликтов, происходивших в истории России, на основе разработанного словаря лингвистических маркеров (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Лингвистические маркеры, использованные для автоматизированного извлечения данных

Перечень лингвистических маркеров		
Иго	Емельян Пугачёв	Крым & 1853
Монголо-татары	Степан Разин	Рекрут
Орда	Иван Болотников	Рекрутчина
Чингисхан	Народный бунт	Всеобщая воинская повинность
Батый	Ермак	Первая мировая война
Мамай	Завоевание Сибири	I мировая война
Дмитрий Донской	Северная война	Гражданская война
Куликовская битва	Крымские походы	Октябрьская революция
Александр Невский	Азовские походы	1917
Ледовое побоище	Полтавская битва	Чехословакия & 1968

Невская битва	Мазепа	Венгрия & 1956
Нева & битва	Крым & Екатерина	Афганистан
Татаро-монголы	Потёмкин	Советско-афганская война
Опричина	Русско-турецкая война	Чеченская война
Завоевание Казани	Суворов	Чечня & война
Завоевание Астрахани	Наполеоновские войны	Кавказские войны
Казань & Иван Грозный	1812	Холодная война
Астрахань & Иван Грозный	Заграничный поход Александра I	Карибский кризис
Интервенция	Кутузов	Корейская война
Супостат	Военно-морской флот	Воин-интернационалист
Поляки	Флот & Пётр	Русско-японская война
Смутное время	Флот & Екатерина	Японский милитаризм
Лжедмитрий	Балканский вопрос	Война в Югославии
Скопин-Шуйский	Крымская война	Югославия & 1999
Крестьянские войны		

Поиск маркеров осуществлялся вне зависимости от словоформы и регистра. Данные были получены через открытый API «ВКонтакте» с использованием программной библиотеки методов по выгрузке и анализу данных Vkapi8, созданной Научно-исследовательской лабораторией прикладного анализа больших данных НИ ТГУ [5].

Полученная библиотека сообществ включала в себя 40 798 пабликов. На втором этапе работы при помощи ручной валидации исходный массив был очищен от групп, содержание которых не соответствовало тематике исследования (сообщества, посвящённые коммерческим объявлениям, автомобилям, кулинарии, астрологии и т.д.), пабликов с числом участников менее 50 и закрытых профилей. В результате была сформирована библиотека из 559 сетевых объединений. Контент этих групп был выгружен и составил 142 374 текста, созданных пользователями «ВКонтакте» в период с 1 января 2021 г. по 1 сентября 2023 г. Персональные данные пользователей не собирались и не обрабатывались.

Дальнейшая работа с текстовой коллекцией была проведена при помощи программы для интеллектуального анализа данных естественного языка PolyAnalyst (<https://www.megaputer.com/ru/polyanalyst/>, разработчик – Megaputer Intelligence) [3]. В ходе предобработки были осуществлены индексирование и нормализация текстов: исправлено 9 858 орфографических ошибок, удалено 27 786 записей-дубликатов, схожих на 97 % и более (рис. 1). Итоговая база релевантных для целей исследования данных составила 114 588 текстов.

В основу исследования был положен синкретический подход, соединяющий достижения современной истории памяти, наррато-

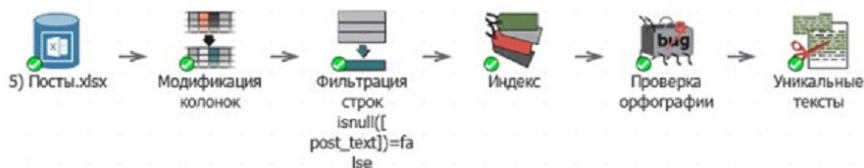

Рис. 1. Предобработка текстов в системе PolyAnalyst

логии и медиалогии (исследований массмедиа). Из истории памяти заимствуется базовое представление о параллельном развитии академической исторической науки, формирующей научные версии прошлого, и обыденного исторического сознания, которое генерирует автономные и подчас игнорирующие выводы науки представления. Задачей профессионального историка в этой связи является достижение понимания того, как именно формируются доминирующие в обществе репрезентации прошлого и как на основе научных знаний следует развивать подходы исторического образования, нацеленные на гармонизацию исторической памяти.

Из современных исследований масс-медиа заимствуется понятие медиатекста, под которым подразумевается массив текстов, объединяющий все современные цифровые платформы и средства интернет-коммуникации, который в совокупности образует «интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды... и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» [2: 323].

Медиатекст, не отменяя классических лингвистических подходов, требует новых форм интерпретации, поскольку сочетает вербальные и невербальные компоненты, создаёт принципиально новые текстуальные разновидности, находящиеся в состоянии непрерывного развития и конвергенции по мере совершенствования информационно-коммуникативных технологий. Лишь формирующийся аналитический подход к феномену медиатекста выделяет несколько его принципиальных содержательных аспектов: многосредовость, обеспечивающую разнородность и синкретизм его внутренних элементов (аудио-, видеоэффекты, гиперссылки, непосредственно тексты); нелинейность как свойство его постоянной неравномерной незамкнутости и обновляемости; диалоговость и интерактивность как возможность читателя варьировать структуру и смыслы медиатекста; фрагментацию как принцип чередования различных структурных компонентов, отражающих специфику «клипового» мышления; динамизм – мобильность информации, непрерывное становление

и изменение контента; тиражируемость – возможность мгновенного распространения, репоста, копирования информации, дающую беспрецедентную скорость коммуникации в различных цифровых средах [10: 413–414].

Выявление в массиве больших данных стержневых исторических нарративов базируется на подходе современной нарратологии. Общей чертой всех исторических повествований, в рефлексии Хейдена Уайта, является осмысление уже завершённых в прошлом историй с позиции моральных воззрений, присущих времени рассказчика, как средство социальной и групповой идентификации [14: 5–27]. Моделируя исторические нарративы в целях научного познания, мы получаем, прежде всего, возможность выявить характерные особенности восприятия исторического времени (исторические темпоральности) и ценностные ориентации в моменте «рассказывания», сделавшем возможным процесс коммуникации нарратора, его адресата коммуникации и их интертекстуальной среды.

История исторической памяти выявила достаточно высокую эффективность применения нарративного подхода: здесь под историческим нарративом понимаются устойчивые репрезентации прошлого и связанные с ними эмоциональные коннотации, которые можно редуцировать до некоторых базовых идей, обрамляющих основные исторические преемственности и социокультурные обязательства, связывающие прошлое и настоящее. Тем самым, исследуются непрояснённые зоны коллективного воображаемого, где живут «главные» рассказы о прошлом, являющиеся влиятельной частью мировоззрения современников, которые нередко обретают идеологическую поддержку или контрпозицию в политическом активизме самого разного толка [4: 128–140].

Структура военного нарратива виртуальных сообществ «ВКонтакте»

Первые самые общие наблюдения подтвердили эффективность выборки. Анализ ключевых слов показал высокую степень насыщенности медиатекста военной лексикой и установил наиболее частотное слово – «войско», которое встречается 29 610 раз в 13 тыс. текстов. Облако ключевых слов (рис. 2) составляют атрибуты строевых реалий: наименования воинских формирований, звания, оружие, награды, титулы военных лидеров и т.п. Среди плотного ряда сугубо армейских лексем на втором плане просматриваются христианские мотивы (ключевые слова: «священник», «христианин», «икона», «собор» и т.п.). При этом в перечне ключевых слов нет лексем, семантически связанных

фактологического языка описания, тяготеют к книжному стилю речи, в текстах невысок уровень нецензурной и инвективной лексики, что в целом соответствует типичному поведению подписчиков тематических пабликов [1: 8]. Авторы постов скрупулезно перечисляют имена, факты биографии, воинские звания ключевых действующих лиц боевых страниц российской истории. Среди них закономерно лидируют военные, маркированные атрибутами званий («полковник», «генерал», «капитан», «рядовой» и т. д.). Из отсылок к мирным видам деятельности в текстах заметны атрибуты «профессор», «доктор», «историк», свидетельствующие если не об интересе к профессиональному историческому знанию, то о некотором авторитете науки, к которой пользователи апеллируют для подтверждения истинности своего суждения.

По-своему примечателен сегмент атрибутов-маркеров семьи: «брат», «отец», «сын», «жена», «дочь». Казалось бы, за ними должны скрываться личные, эмоциональные истории, однако на поверку эти маркеры ведут к текстам, столь же энциклопедическим и сдержанным. Семейный статус оказывается не более чем строчкой в сухой биографии деятеля прошлого. Любопытно, что алгоритмы PolyAnalyst не фиксируют на уровне статистической значимости традиционные женские атрибуты «мать» и «сестра» – несомненно, они упоминаются в тестах, но точечно и в довольно скромном объёме. Военный нарратив в целом почти полностью предсказуемо маскулинный: 86,3 % персоналий, упоминаемых авторами постов, – мужчины.

Характерная черта сетевого дискурса о войнах – специфическое распределение частоты упоминаний отдельных стран и регионов. Помимо естественного для этого тематического сегмента сообществ фокуса на России, авторы сообщений концентрируются на государствах, с которыми страна вступала в конфронтацию в разные исторические периоды. Среди них явное лидерство у США, в более чем в два раза превосходящих по числу упоминаний Францию и Великобританию, что может быть объяснено превалирующим интересом к современности и её идеологическим баталиям. Самый грозный и разрушительный для нашей Новейшей истории соперник – Германия – оказалась на четвёртой позиции этого рейтинга, что можно объяснить целенаправленным ограничением контента о Великой Отечественной войне при формировании массива текстов. Современные союзники России – страны СНГ и Китай – находятся на дальней периферии дискурса и не являются популярными объектами обсуждения или осуждения.

Тематическая структура контента

Анализ частоты упоминаний лингвистических маркеров в медиатексте позволил выявить тематическую структуру контента (табл. 2).

Таблица 2

Лидеры рейтинга тематических блоков военной истории России в дискурсе тематических сообществ «ВКонтакте» (частота упоминания более 1 000)

№ п/п	Тематический блок	Слово или словосочетание	Количество упоминаний в текстовой коллекции независимо от словоформы и регистра	Сумма упоминаний по тематическому блоку
1	Октябрьская революция 1917 года	1917	8 929	10 052
		Октябрьская революция	1 123	
2	Первая мировая война	Первая мировая война	8 468	8 468
3	Гражданская война в России	Гражданская война	5 343	5 343
4	Наполеоновские войны	Наполеоновские войны	545	5 080
		Заграничный поход Александра I	91	
		Кутузов	724	
		Суворов	1 034	
		1812	2 686	
5	Золотоордынское иго	Александр Невский	1 089	3 798
		Иго	474	
		Дмитрий Донской	344	
		Невская битва	184	
		Батый	149	
		Ледовое побоище	132	
		Мамай	115	
		Куликовская битва	135	
		Чингисхан	92	
		Монголы	285	
		Орда	799	
6	Война в Афганистане	Афганистан	2 281	2 982
		Воин-интернационалист	47	
		Афганская война	654	
7	Чеченские войны	Чеченская война	661	1 201
		Чечня & война	540	

На вершине рейтинга находятся сюжеты, связанные с событиями начала – первой четверти XX в., предопределившими всю дальнейшую траекторию развития России: Октябрьская революция 1917 г., Первая мировая война и Гражданская война. В сумме эти три блока имеют 23 863 упоминания в контенте сообществ, что составляет более половины от упоминаний всех лингвомаркеров в массиве данных.

Показательно, что маркер «1917» более востребован, чем «Октябрьская революция». В сообщениях пользователей запечатлён образ 1917 г. как периода, «перенасыщенного» событиями. Энгграмма марша истории от Февраля к Октябрю лежит на поверхности всех текстов: усталость от Первой мировой, выступления петроградских рабочих, создание и свержение Временного правительства, отречение Николая II, апрельские тезисы Ленина, июльский кризис и т.д. 1917 г. воспринимается как, без сомнения, переломный рубеж в российской истории, после преодоления которого стал невозможен весь предыдущий уклад жизни. Вместе с тем сама дата не окружена эмоциональным ореолом, невзирая на шквал связанных с ней событий. В спокойной, рассудительной манере авторы текстов подводят итоги этого времени:

Дворян после 1917 года, считай, не осталось, во время революции их всех или расстреляли, или они сами мигрировали...

В кабинете председателя IV Государственной думы Родзянко состоялось совещание, на котором присутствовал генерал Рузский и полковник Крымов. Здесь обсуждались детали переворота, который должен был произойти в апреле 1917 года.

В том же ключе рассуждал и известный экономист Л.Н. Крицман, считавший, что в 1917 г. в действительности произошла не одна, а две революции – городская (социалистическая) и сельская (буржуазная, антифеодальная).

При этом воспоминания об отдельных событиях – особенно в процессе совершения самой Октябрьской революции – отличаются более сильным эмоциональным откликом на фоне относительно нейтральных рассуждений, подытоживающих исторические результаты социального переворота. Память о приходе к власти большевиков то и дело отзывается переживаниями, всё ещё сохраняющими свою остроту:

Как видим, действо большевиков, обозванное ими Великой Октябрьской революцией, по определению подходит к контрреволюционному путчу, организованному и проведённому про-фашистской хунтой!

Существо Октября было не в том, ВО ИМЯ ЧЕГО он действовал, а КАК он действовал, какими средствами и методами он стал тем, чем стал.

Для раскрытия структурных связей внутри нарратива о войнах был проведён анализ совместной встречаемости ключевых слов. Результаты показали, что маркеры «Революция» и «1917» наиболее часто встречаются с двумя рубежными событиями – Первой мировой войной и войной Гражданской. Так, «Революция» и «Гражданская война» упоминаются совместно в текстах 1 511 раз, «1917» и «Гражданская война» – 1 581 раз, а «1917» и «Первая мировая война» – 2 112 раза.

Интенсивное совместное припоминание размывает границы между событиями, выстраивая единую линию памяти. Такое восприятие прошлого коррелирует с трендом, востребованным частью отечественных и зарубежных историков, ориентированным на интерпретацию событий 1917–1922 гг. как единой Великой российской революции. Рассмотренный в этом ключе революционный период вбирает в себя не только мятежный 1917 г., но и гражданское противостояние, разразившееся после него. В этой логике все эпизоды национальной катастрофы рассматриваются не сами по себе, а как часть системного кризиса империи, берущего начало в Первой мировой и заканчивающегося завершением Гражданской войны [6: 7; 13].

Репрезентации Гражданской войны можно метафорично уподобить рубцующейся, некогда болезненной ране. Ядро контента составляют сообщения, подчёркивающие общий драматизм и разрушительный характер войны без явных симпатий к любой из враждующих сторон. Разумеется, среди части авторов есть те, кто отдаёт предпочтение красным или, напротив, белым. Присутствуют и такие, кто с равным энтузиазмом обличает и тех и других: припоминается «белый» и «красный» террор, зверства большевиков и их противников, голод, охвативший страну, хаос и анархия:

...Как ни тяжела была по своим переживаниям Великая война, но гражданская во много раз превосходила её, как по количеству потерь, так и по озлобленной жестокости, которую проявляли борющиеся. Общепринятых международных норм, смягчающих войну, не существовало.

Однако главенствующий посыл записей заключается даже не в изобличении правых и виноватых, а в попытке установить свободную от идеологических догм истину о братоубийственном кровопролитии. В этом сегменте довольно много упоминаний об исследовательских работах по проблеме Гражданской войны в Сибири, на Урале, Дальнем Востоке. Публикуются ссылки на свежие исследования профессиональных историков и интервью с ними. Слышны сетования о недостаточной изученности отдельных эпизодов войны, географических лакунах в работах исследователей. Авторы публикуют свои семейные хроники, фото из личных архивов (о чём говорят подписи к постам), что может косвенно свидетельствовать о процессе интериоризации коллективной травмы, связанной с гражданским противостоянием, и постепенном исцелении от неё общества.

Большевики написали историю о своей победе в Гражданской войне. До сих пор эту версию повторяют наивные люди. Которые просто не знают, чем жили воины Белой России.

1917 год и Гражданская война в России – до сих пор сложнейшая тема в истории. Чтобы обозначить поле дискуссии, нескольким российским историкам с разным академическим и политическим бэкграундом было предложено прокомментировать ряд расхожих тезисов о событиях 1917 года, их причинах и последствиях.

Объективной истории противостояния белых и красных на Северо-Востоке России до сих пор нет. Есть только отрывочные сведения о событиях 1921–1923 гг. и противоречивые сведения о «бочкарёвщине».

Побуждение к установлению «объективной исторической истины» можно наблюдать и в текстах о Первой мировой войне. Этот конфликт носит однозначный ярлык войны «несправедливой». Несправедливость видится главным образом в целях участия в ней России, которые по сей день остались непонятными для массы россиян, и в той цене, которую заплатили за неё жители страны. Пользователи публикуют посты, в которых эту войну (в дискурсе западной историографии, закрепившей за собой эпитет «Великая») называют захватнической и потому несправедливой и, следовательно, неправильной. При этом выход из конфликта именуется предательством: если бы России дали шанс довоевать, то финал пользователями соцсети предрекается, без всяких сомнений победным. Лишённая победоносного окончания войны, изначально вовлечённая в борьбу сражаться «за чужие цели»,

Россия поплатилась за участие утратой территориальной целостности, крахом империи, иностранной интервенцией, годами Гражданской войны и потерей значительной части населения, колоссальными усилиями по восстановлению мирной жизни.

В текстах о Первой мировой войне бросаются в глаза устоявшиеся клише и штампы, за которыми скрывается непрожитая эмоциональная обида за напрасные жертвы: «империалистическая война», «предательство большевиков», «глупость царского правительства» и т.д. Авторы постов почти не интересуют иные фронты мировой войны, кроме российского. Ведущий тренд этого кластера – поиск объяснения причин поражения России в войне.

В отличие от Первой мировой войны, победоносная Отечественная война 1812 г. воспринимается как война «правильная». Наполеоновские войны находятся на четвёртой позиции в рейтинге упоминания конфликтов. Победа над гением Наполеона – предмет национальной гордости россиян, а сам Наполеон – это наш наиболее уважаемый враг. Заграничный поход русской армии, взятие Парижа, храбрость партизан воспринимаются как вершина славы русского оружия и силы народного духа. Даже факты об отступлении русских войск на первом этапе столкновения, неоднозначный и крайне тяжёлый для обеих сторон исход Бородинского сражения, сожжение и оставление Москвы, слишком массовые потери не способны поколебать эту точку зрения.

Почему бы не иметь деспота, если этот деспот Наполеон? Вот кто отличал не знатность, а дарование, и поднял Францию на недостижимую высоту!

В 1812 г. Россия была едина против неприятеля, посягнувшего на её Веру и землю. Приближался день, о котором в русской истории говорится особо, – День Бородина!

Память о войне с Наполеоном не просто однородна – она имеет отчётливый музейный характер, свидетельствующий о подвигах прошлого вне связи с общественным сознанием, питаемым событиями современности. Члены виртуальных сообществ помнят лишь то, что запечатлено в батальной живописи, монументах героям, архитектурных памятниках, воздвигнутых в честь одержанных побед. Нарратив о войне словно застыл в бронзе. Примечательно и то, что, в отличие от прочих войн, здесь военный троп охватывает не только территорию России. В зону внимания авторов сообщений в той или иной степени попадают все театры военных действий нескольких

антифранцузских коалиций, где развернулись сражения с участием российской армии.

Помимо прочего, нарративу о Наполеоновских войнах присущ активный игровой компонент: пользователи «ВКонтакте» публикуют объявления о продаже коллекционных фигурок солдатиков, атрибутов армейской униформы тех времён для ролевых игр и исторических реконструкций. События, сопряжённые с русской кампанией Наполеона Бонапарта, воспринимаются участниками сетевого дискурса безэмоционально – как привычная, давно свершившаяся победа. Это довольно сильно контрастирует с позицией академического сообщества, для которого Отечественная война 1812 г. стала не только одной из самых драматичных страниц русской истории, но и провозвестником изменений социального уклада, золотого века русской культуры и спустя время – «великих реформ».

Рис. 3. Граф связей ключевого слова «игро»

Пятёрку лидеров по числу упоминаний в массиве исследуемого медиатекста замыкает кластер сюжетов о золотоордынском владычестве. Здесь следует сразу оговориться, что, при ближайшем рассмотрении в значительной части постов используются слова «орда» и «игро» в контекстах, не относящихся к периоду Древней Руси. Так, например, в 474 текстах с ключевым словом «игро» 31 раз встречается метафора «игро большевиков» (рис. 3). В записях сообществ употребляются также словосочетания «игро коммунистов», «игро немецких разбойников», «фашистское игро», «игро капитала» и т. п. В той же степени метафорически нагружено слово «орда», оно регулярно встречается в контекстах Второй мировой войны («немецкая орда») и в названии популярной видеоигры «Орда 2: Цитадель».

Тем не менее, несмотря на эту аберрацию смыслов, период ордынского господства занимает особое место в истории России, поскольку является единственным примером безоговорочного завоевания русской земли.

Центральным персонажем саги о борьбе с захватчиками в исторических репрезентациях виртуальных групп «ВКонтакте» является князь Александр Невский – лидер по частоте упоминаний в сообщениях. Князь воспринимается не только как подлинный герой борьбы с монгольским игом, но и как символ сопротивления любому внешнему врагу. Его образ стал расхожим клише непобедимого святого воина, олицетворением истинного духа земли русской, борющегося с супостатами. Это тем более любопытно, что в исторической действительности Александр Невский, давший отпор европейской экспансии на северо-западе Руси, вёл последовательную политику подчинения монголам, подолгу жил в Орде и лично умирял антиордынские выступления соотечественников.

Князь Александр Невский не проиграл ни одной битвы и вошёл в историю как величайший князь и воин Руси.

Александр Невский – русский национальный герой, которым гордится вся страна. Этот новгородский князь был разумным политиком, великим воином, стратегом и тактиком, не проигравшим ни единого сражения. Он заслужил звание истинно христианского правителя, хранителя православной веры, свободы народа.

В связи с Невским часто упоминают одноимённый фильм С.М. Эйзенштейна, снятый в 1938 г., закрепивший в массовом сознании образ князя как воина и национального героя. Эйзенштейну удалось создать эталонный образ Александра Невского, который не претерпевал существенных изменений ни в советский, ни в постсоветский период [8: 91]. Расхожим выражением стала фраза, произнесённая Невским в этом фильме: «Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет!», подразумевающая, что Россия никогда не нападёт на другие страны, но, если сама окажется под ударом, даст сокрушительный отпор.

Любопытно, что в оценках самого монгольского нашествия у пользователей «ВКонтакте», как и у профессиональных историков, нет единства мнений. Авторы записей в целом сходятся в том, что иго оказало влияние на историческое развитие Руси. Но отношение к этому разнится. В части постов отмечается пагубное влияние Орды, сломавшей традиционный уклад русских княжеств. Антитезой этому выступает мнение о том, что именно в преодолении ордынского

владычества сложилось централизованное Русское государство, что рассматривается скорее как благо:

Какой вывод? Говорить, что татарское иго было таким, как пишут в учебниках – бред. Говорить о том, что оно не повлияло на историю нашей страны колоссальным образом – ещё больший бред.

В отличие от предшественников, Узбек очень активно вмешивался в дела своих вассалов – русских князей. Термин «ордынское иго на Руси» является наиболее оправданным именно применительно к его правлению. Узбек полностью отверг древнерусский лествичный принцип престолонаследия старшим в княжеском роду и передавал великокняжеский престол тому, кому считал нужным... За время правления Узбека в его ставке было казнено не менее десяти русских князей – больше, чем всеми его предшественниками, вместе взятыми.

Страшные бедствия принесло татаро-монгольское иго на русскую землю... В то же время на Руси шёл процесс образования сильного централизованного государства путём объединения русских земель под властью Московского княжества.

Замыкают рейтинг популярных военных нарративов два конфликта, участники которых принадлежат к числу наших современников, – война в Афганистане (1979–1989 гг.) и Чеченские войны (1994–1996, 1999–2000 гг.). Несмотря на то что поколение участников и свидетелей этих войн не только здравствует, но и имеет доступ к виртуальным площадкам для обмена мнениями, статистика встречаемости маркеров «Афганская война» и «Чеченские войны» в контенте «ВКонтакте» довольно скромная: 2 982 упоминания в первом случае и 1 201 – во втором.

Оба события болезненны для коллективной памяти. Затяжной и кровавый конфликт в Афганистане оценивается как ещё одна ненужная война, которая вскрыла угасание советского режима и предвещала его неминуемый крах. Пользователи «ВКонтакте» яростно осуждают и политику США, «заманивших» СССР в ловушку Афганистана. При этом деятельность самих солдат – воинов-интернационалистов – оценивается как подвиг. Ценой своих жизней они сохраняли крохи цивилизации в стране, раздираемой вооружёнными конфликтами, их уход лишь открыл дорогу наркотрафику и международному терроризму.

...Во-вторых, что ещё важнее, Афганистан стал той лакмусовой бумажкой, оселком, показавшим всё лицемерие и фальшь постоянных разглагольствований Вашингтона о ценностях, их якобы приоритетной роли в американской политике.

Чего добивался Кремль, посылая войска в Афганистан?

Афганская война ещё ждёт объективной оценки историков, исследователей... Но важно помнить, что наши солдаты уходили из Афганистана с развёрнутыми знамёнами и высоко поднятой головой, им нечего было стыдиться, а мы по праву можем ими гордиться.

Это вспоминаю часто. И чуть не плачу, но терплю,
Когда ничтожно, сладострастно терзают душу и плюют.
Ведь мы все без кожи люди, кто прошёл АФГАНИСТАН.

Нарратив о Чеченских войнах отличается ещё большей пронзительностью, в нём читается непрожитая боль и незавершённость.

Чеченская война. Страх, постоянно гибли наши ребята. Города сидели без отопления, газа и воды. Зарплат не было, рэкет, открытая стрельба в городах. Нет пенсий, нет работы, нет ничего. Думать об улучшении жилья, ремонтах и прочее никто и не думал, рады были, что живы.

Когда началась Чеченская война и вошли войска, спасать было практически уже некого. Я видел колонны автобусов, к которым из-за смрада нельзя было подойти на сто метров, потому что они были набиты телами зарезанных русских... Нас, русских, вычистили с собственной земли, как грязь из-под ногтей.

Чеченская война явно не довоёвана...

В дискурсе о чеченских войнах редко встречаются отсылки к исследованиям историков. Посты посвящены в основном поминовению погибших бойцов, встречается повествование участников в пересказе или реже – от первого лица, истории о реалиях России в 1990-е и 2000-е гг. Проза перемежается со стихами и словами песен о событиях того времени. Немногословие пользователей «ВКонтакте» можно объяснить «тишиной выживших», когда травма памяти слишком сильна, что делает болезненным её обсуждение.

За рамками представленного рейтинга остался целый ряд конфлик-

тов – аутсайдеров по числу упоминаний. Так, маркеры давно ставшего хрестоматийным периода завоеваний Петра I, встречаются в тексте всего 830 раз, причём отдельные войны и битвы чрезвычайно редко обсуждаются пользователями социальной сети. В контексте военной политики императора наибольший интерес вызывает его флот (536 упоминаний).

Нарратив о присоединении Сибири и холодная война упоминаются примерно с одинаковой частотой – чуть больше 400 раз. Единичны упоминания кавказских войн (не считая чеченских), Русско-японской войны, восстаний Е. Пугачёва и С. Разина, И. Болотникова, военные походы и опричнина Ивана Грозного. Любопытно, что все эти сюжеты не обойдены вниманием историков и являются объектами научного осмысления и профессиональной полемики. Однако они не занимают «коллективное воображаемое» сообществ Интернета, подтверждая сделанный ранее вывод о том, что историческая память наших современников малочувствительна к ретроспективам, удалённым от XX в.

Заключение

Таким образом, следует сказать о неожиданном и вместе с тем ожидаемом наблюдении, полученном в ходе настоящего исследования. Несмотря на то что при составлении коллекции текстов в неё целенаправленно не были включены сообщества, содержащие в своём названии и / или описании отсылки к Великой Отечественной войне, нарративы о каждой из упомянутых войн (без исключения!) содержат отсылки к ней. В общей коллекции тексты, содержащие маркеры ВОВ (события, даты, персоналии) встречаются 15 258 раз. Таким образом, память о Великой Отечественной войне является неоспоримой доминантой военного нарратива в истории России. Какое бы военное столкновение прошлого не подвергалось рассмотрению, оно воскрешает в памяти аналогии, примеры, сравнения с Великой Отечественной войной, которая, оставаясь «главной» войной нашего прошлого, формирует в массовом сознания критерии и рамки восприятия всех других войн прошлого.

Итак, технологии анализа больших данных позволяют объективировать структуру и событийную иерархию военного нарратива российской идентичности, визуализировать смысловые акценты общественного исторического сознания, связывающие различные исторические эпохи.

Примечания

1. Принадлежит компании Meta (признана экстремистской и запрещена в РФ).

2. Датасет (англ. dataset) – коллекция данных, обработанный и структурированный массив данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаева С.А., Клюваев К.В. Коммуникативные практики молодёжи в социальных сетях // Цифровая социология. 2019. Т. 2, № 3. С. 4–9. DOI: 10.26425/2658-347X-2019-3-4-9

2. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика. М.: Флинта; Наука, 2012. С. 323.

3. Киселёв М.В., Слынько Ю.Н., Скорняков С.А. и др. Программа для ЭВМ «Система интеллектуального анализа данных PolyAnalyst». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2016617923, 18.07.2016. Заявка № 2016615029 от 18.05.2016.

4. Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.

5. Палкин Р.В., Сапрыкин В.О., Гойко В.Л., Сайфулин Э.Р. VKAPI8. Библиотека методов по выгрузке и анализу данных из социальной сети «ВКонтакте». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2019662001, 13.09.2019. Заявка № 2019661005 от 10.09.2019.

6. Петров Ю.А. Великая российская революция: проблемы исторической памяти // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8 (1). С. 6–9. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-7-1-6-9>

7. Соединяем людей, сервисы и компании // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/about> (дата обращения: 10.10.2023).

8. Соколов Р. Култ Александра Невского: историческая память о князе от древности до советского периода // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 41 (1). С. 74–99. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-41-1-74-99>

9. Социальные сети в первом полугодии 2023 // Mediaspe. 07.09.2023. URL: <https://mediascope.net/news/1681112/> (дата обращения: 10.10.2023).

10. Трубина Л.А., Солдаткина Я.В. Современный медиатекст: основные методологические подходы к изучению // Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации. М., 2018. С. 405–423.

11. Трубникова Н.В., Саркисова А.Ю. Герои национальных нарративов в зеркале исторической памяти Рунета (на материале больших данных социальной сети «ВКонтакте») // Русин. 2022. № 69. С. 282–305. DOI: 10.17223/18572685/69/17

12. Трубникова Н.В., Саркисова А.Ю., Рогачева И.Е. Исторические нарративы и репрезентации войны в коллективной памяти сообществ Рунета: темпоральные траектории и семантические сети // Русин. 2022. № 70. С. 276–304. DOI: 10.17223/18572685/70/16

13. Trubnikova N. World War I and the Russian Revolution of 1917: Frames and Debates in Russian Studies Historiography // Biagini A., Motta G. (ed.). *The First World War Analysis and Interpretation*. Cambridge Scholars Publishing, 2015. Vol. 1. P. 71–82.

14. White H. *The Value of Narrativity in the Representation of Reality* // *Critical Inquiry*. 1980. Vol. 7. № 1. Autumn. P. 5–27.

REFERENCES

1. Grishaeva, S.A. & Klyuvaev, K.V. (2019) Communicative practices of young people in social networks. *Tsifrovaya sotsiologiya – Digital sociology*. 2(3). pp. 4–9 (in Russian). DOI: 10.26425/2658-347X-2019-3-4-9

2. Kazak, M.Yu. (2012) Spetsifika sovremennogo mediateksta [Specificity of modern media text]. In: Solganik, G.Ya. (ed.) *Lingvistika rechi. Mediastilistika* [Linguistics of Speech. Media Stylistics]. Moscow: Flinta; Nauka.

3. Kiselev, M.V., Slynko, Yu.N., Skorniyakov, S.A., Sazonov, D.S. et al. (n.d.) *Programma dlya EVM “Sistema intellektual'nogo analiza dannykh PolyAnalyst”* [Computer programme “PolyAnalyst Intelligent Data Analysis System”]. Certificate of Registration of the computer program RU 2016617923, 07/18/2016. Application No. 2016615029 dated 05/18/2016

4. Miller, A.I., Malinova, O.Yu. & Efremenko, D.V. (2018) Politika pamyati i istoricheskaya nauka [Politics of memory and historical science]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 128–140.

5. Palkin, R.V., Saprykin, V.O., Goyko, V.L. & Sayfuli, E.R. (n.d.) *VKAPI8. Biblioteka metodov po vygruzke i analizu dannykh iz sotsial'noy seti “VKontakte”* [VKAPI8. A library of methods for uploading and analysing data from the social network VKontakte]. Certificate of registration of the computer program RU 2019662001, 09/13/2019. Application No. 2019661005 dated September 10, 2019.

6. Petrov, Yu.A. (2018) Velikaya rossiyskaya revolyutsiya: problemy istoricheskoy pamyati [The Great Russian Revolution: Problems of historical memory]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 8(1). pp. 6–9. DOI: 10.26794/2226-7867-2018-7-1-6-9

7. VKontakte. (n.d.) *Soedinyayem lyudey, servisy i kompanii* [Connecting people, services, and companies]. [Online] Available from: <https://vk.com/about> (Accessed: 10th October 2023).

8. Sokolov, R. (2023) The Cult of the Prince Alexander Nevsky: A Historical Memory from the Medieval Times to the Soviet Period. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and World-wide*. 41(1). pp. 74–99 (in Russian). DOI: 10.22394/2073-7203-2022-41-1-74-99

9. Mediaspe. (2023) *Sotsial'nye seti v pervom polugodii 2023* [Social networks in the first half of 2023]. 7th September. [Online] Available from: <https://mediaspe.net/news/1681112/> (Accessed: 10th October 2023).

10. Trubina, L.A. & Soldatkina, Ya.V. (2018) *Sovremennyy mediatekst: osnovnye metodologicheskie podkhody k izucheniyu* [Modern media text: main methodological approaches to study]. In: Abasheva, D.V. (ed.) *Tekst kak filologicheskii fenomen: aktual'nye aspekty retseptsii i interpretatsii* [Text as a philological phenomenon: Current aspects of reception and interpretation]. Moscow: Moscow Pedagogical State University.

11. Trubnikova, N.V. & Sarkisova, A.Yu. (2022) Heroes of national narratives in the Runet historical memory (based on big data from the VKontakte social network). *Rusin*. 69. pp. 282–305 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/69/17

12. Trubnikova, N.V., Sarkisova, A.Yu., Rogaeva, I.E. (2022) Historical narratives and war representations in the collective memory of Runet communities: Temporal trajectories and semantic networks. *Rusin*. 70. pp. 276–304 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/16

13. Trubnikova, N. (2015) World War I and the Russian Revolution of 1917: Frames and Debates in Russian Studies Historiography. In: Biagini, A. & Motta, G. (eds) *The First World War Analysis and Interpretation*. Vol. 1. Cambridge Scholars Publishing. pp. 71–82.

14. White, H. (1980) The Value of Narrativity in the Representation of Reality. *Critical Inquiry*. 7(1). pp. 5–27.

Трубникова Наталья Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Natalia V. Trubnikova – Tomsk State University (Russia)

E-mail: troub@mail.ru

Рогеева Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Irina E. Rogaeva – Tomsk State University (Russia)

E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

Саркисова Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Томского государственного университета (Россия).

Anna Yu. Sarkisova – Tomsk State University (Russia)

E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **Русины**

ОСНОВАН В 2003 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2023. № 73

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 320 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул. Миорица 1С, кв. 83.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusin.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 30.10.2023.

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 09/0123.

Отпечатано в типографии «Taicom».

г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2023 году международный исторический журнал
«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

